

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ
В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
ОБЩНОСТЕЙ

Монография

Тюмень
Издательство
Тюменского государственного университета
0

УДК Т51(253.3)41-3
ББК 39(571.1)''04/14''
З-300

Авторы:

*Н. П. Матвеева, А. П. Зыков, А. С. Зеленков, Е. А. Третьяков, А. Н. Багашев,
О. Е. Пошехонова, С. М. Слепченко, Е. А. Алексеева, Л. Клима, В. С. Кулешов*

Рецензенты:

Р. Д. Голдина — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии Удмуртского государственного университета

Л. А. Чиндина — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии и исторического краеведения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета

Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья : взаимодействие этнокультурных общностей : монография / Н. П. Матвеева, А. П. Зыков, А. С. Зеленков [и др.] ; [отв. ред. Н. П. Матвеева] ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2022. — 260 с., [1] л. : ил. — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-400-01661-5

В монографии российско-венгерского коллектива ученых обобщены новые результаты региональных исследований для включения их в компаративистский анализ, в общую историко-культурную картину развития с более изученными Уралом-Поволжьем и Казахстаном. Освещаются материальная и духовная культуры народов нижнеобского таежного региона, лесостепного и подтаежного Тоболо-Иртышья, лесного Зауралья, антропологический состав, социально-политические процессы в раннем Средневековье. Исследование выполнено с использованием новых материалов радиоуглеродного датирования, графических реконструкций построек, костюмов, внешнего облика людей с выделением стереотипных и оригинальных комплексов, а также с помощью установления характера внутрорегионального взаимодействия групп населения и связей с сопредельными территориями. Наряду с этим рассматриваются свидетельства миграций и влияния тюркских кочевых империй на периферийные народы.

Адресована студентам, преподавателям, историкам, археологам, этнографам, краеведам.

**УДК Т51(253.3)41-3
ББК 39(571.1)''04/14''**

Издание подготовлено при поддержке Фонда «За русский язык и культуру в Венгрии», гранта РФФИ № 19-59-23006 «Проблема трансформаций культуры мадьяр на пути обретения родины» и гранта РФФИ № 20-49-720001 «Роль миграций в историко-культурной динамике юга Западной Сибири в эпоху Средневековья»

ISBN 978-5-400-01661-5

© Тюменский государственный университет, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. Таежное Приобье в раннем Средневековье во второй половине IV — IX в.	7
ГЛАВА 2. Лесостепное Тоболо-Иртышь в раннем Средневековье	42
ГЛАВА 3. Памятники Среднего Зауралья второй половины I тыс. н. э.	132
ГЛАВА 4. Антропологический состав населения в западной части Западной Сибири в эпоху раннего Средневековья	163
ГЛАВА 5. Восточные религиозные мотивы в археологических находках, соотносимых с древними венграми	197
ГЛАВА 6. Историко-политический контекст и дальние экономические связи обществ Западной Сибири в IV–IX вв.	210
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	218
CONCLUSION	2
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	226
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	228
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	258
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	259

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха доминирования иранских народов и их культур в Западной Сибири закончилась в период Великого переселения народов. Несмотря на то что отдаленность Сибири от европейских политических событий не позволяет прямо сопоставлять смену культур на данной территории с гуннским нашествием, большинство дат, полученных типологически и радиоуглеродным методом, указывают на IV в. н. э. как рубеж культур раннего железного века и Средневековья. Значительное влияние миграций III в., знаменующих начало китайского Средневековья и связываемых с переселениями хунну, сяньби [История Сибири 2019: 287], а также с деятельностью поздних сарматов, просматривается в новациях материальной культуры, прежде всего в вооружении, утвари и сюжетах искусства сибирских памятников III в., вероятно, как опосредованные заимствования передовых достижений и престижной моды под влиянием военных успехов этих народов. Таким образом, переходный период занял около полувека — с рубежа III–IV вв. по середину IV в. [Матвеева 2012б]. Нижняя хронологическая граница раннего Средневековья определена как середина IV в. Она связана с финалом ран-

него железного века, исчезновением памятников кулайской, кашинской и саргатской культур в регионе. Верхняя хронологическая граница — IX в., обусловлена сменой археологической картины в целом в силу распространения кинтусовских, юдинских и усть-ишимских памятников.

Для лесостепного и подтаежного населения западной части региона на смену обширным историко-культурным кулайской и саргатской областям формируются петрогромско-батырская, бакальская, потчевашская культуры, карымский тип памятников. Несколько волн вторжения поздних сарматов, гуннов, протоболгар и других точно не известных по именам народов прервали автохтонное развитие, открыв дорогу тюркоязычным кочевникам к завоеваниям лесостепных территорий. В тасжской зоне плавное поступательное развитие нижнеобской культуры сохранилось, но и ее население было вовлечено в перемещения. Так установлено значительное продвижение в западном направлении тунгусских групп, карымские и зеленогорские группы мигрантов в IV–VI вв. неоднократно продвигались к югу, заселив север лесостепи и постепенно смешавшись с местным населением.

Новейшие исследования позволяют уточнить процессы формирования культур Западной Сибири, поскольку существенно обновились методологические подходы. В последние годы исследователи отходят от узкого эволюционного толкования историко-культурного процесса, уделяя большее внимание миграциям и стимулирующему влиянию международной торговли. Например, в русле «антропологии движения» развитие западносибирского севера в эпоху Средневековья рассматривают не как гомогенный и замедленный процесс, а как взаимодействие локальных и магистральных культур с возрастающим их разнообразием и изменчивостью, трактуют линии укрепленных городков как фронтиры, маркирующие линию противостояния кочевых оленеводов и оседлых охотников и рыболовов тайги, а также последних и скотоводов степной зоны [Федорова 2019: 20–21]. В лесостепной зоне историко-культурная картина также становится более дробной и динамичной.

Итогом экспансии тюрков стало вхождение западносибирского населения в периферию кочевнических государств, культурное и языковое влияние которых существенно отразилось на их исторической судьбе. На данной территории зафиксированы первые шаги мадьярского, болгарского, мансийского, хантыйского и селькупского этногенеза, сопровождаемые следами активных миграционных процессов. Однако рассматриваемые здесь культуры и типы памятников не следует понимать как этнолингвистические образования, скорее, речь идет об историко-культурных провинциях и областях, культурная преемственность в которых обусловлена характером адаптации к природной среде и ориентированностью на те или иные контакты с сопредельными странами.

В данной монографии авторы планировали обобщить все доступные археологи-

ческие, антропологические, исторические, нумизматические материалы по западной части Западной Сибири, стремились акцентировать внимание не только на отличительных чертах культур, но и на процессах взаимодействия народов. Из-за специфики отдельных видов источников и сохраняющихся лакун в них по ряду территорий коллективу не вполне удалось создать единую концепцию, в частности в отношении обь-иртышской историко-культурной общности [Зыков 2012; Федорова и др. 1991], якобы развивавшейся в границах таежной, тундровой и лесостепной Западной Сибири. Называть общностью сходство материальной культуры народов, обладавших разным типом хозяйства, особенностями мировоззрения, выразившимися в различиях погребального обряда, своей ориентацией брачных связей и отдельными языками, неверно. Тем более что позднее на территории этой, скорее, историко-культурной провинции складываются народности с далеко дифференцированными языками нескольких лингвистических групп: хантыйским, мансийским, селькупским, ненецким, кетским и др. Поэтому здесь реализован компромиссный подход к таксономии археологических культур и типов: представляется, что обширная нижнеобская культура (историко-культурная область?) охотников и рыболовов тайги окружена с севера и юга более мелкими этнокультурными образованиями мобильных народов, которые динамичнее развиваются в границах своих ландшафтных зон под воздействием ярче выраженных факторов изменения климата, международной торговли и социально-политической обстановки.

Мы полагаем, что предложенное видение историко-культурных процессов раннего Средневековья позволит в дальнейшем существенно продвинуться в характерис-

тике расселения, социально-экономического развития, взаимодействия сибирских аборигенов с народами сопредельных территорий Урала, Восточной и Южной Сибири, кочевых империй степей Евразии.

Работа подготовлена коллективом авторов: сотрудниками Тюменского государственного университета (А. С. Зеленков, В. С. Кулешов, Н. П. Матвеева, Е. А. Третьяков), ФИЦ «Тюменский научный центр РАН» (Е. А. Алексеева, А. Н. Багашев, О. Е. Пошехонова, С. М. Слепченко), Института истории и археологии Уральского отделения РАН (А. П. Зыков), Института археологии Католического университета Петера Пазманя в Будапеште, Венгрия (Клима Ласло).

Введение, заключение, раздел «Бакальская культура» главы 2, общая редакция всего текста выполнены Н. П. Матвеевой, разделы «Историография изучения», «Историко-культурная схема развития Тоболо-Иртышья» главы 2 написаны совместно с А. С. Зеленковым. Разделы «Карымский тип памятников в подтаежной зоне» и «Потчевашская культура» главы 2 выполнены А. С. Зеленковым. Автор главы 1 — А. П. Зыков. Глава 3 подготовлена Е. А. Третьяковым. Раздел главы 4, посвященный антропологическому составу населения Западной Сибири, сформирован трудами А. Н. Багашева и О. Е. Пошехоновой; раздел главы 4, рассматривающий характеристику патологий и состояния здоровья по скелетному материалу, осуществлен С. М. Слепченко; раздел главы 4 о графических и описательных реконструкциях внешнего вида людей средневековой эпохи сделан Е. А. Алексеевой. Глава 5 написана Ласло Клима, глава 6 — В. С. Кулешовым. Редактирование иллюстраций проведено Н. Ю. Раевской.

Авторы выражают признательность всем студентам и волонтерам, принимавшим участие в экспедициях 2009–2021 гг., особую благодарность доктору Аттиле Тюрку за поддержку раскопок могильников раннего Средневековья в Зауралье силами венгерских участников российско-венгерской археологической школы, специалистам, проводившим анализ почвенных и радиоуглеродных проб, — Н. Е. Рябогиной, И. Ю. Овчинникову, Е. В. Пархомчук, А. С. Якимову; А. В. Слепцовой — за половозрастные определения антропологических коллекций.

Работы осуществлялись при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-01-00329), РФФИ (проекты № 19-59-23006 «Проблема трансформаций культуры мадьяр на пути обретения родины», № 20-49-720001 «Роль миграций в историко-культурной динамике юга Западной Сибири в эпоху Средневековья», № 19-39-90009 «Хронологические аспекты культурогенеза в Западной Сибири эпохи раннего Средневековья»), Фонда «За русский язык и культуру в Венгрии», администрации Тюменской области (34-ДОН ТО от 19.02.2021 г.), а также за счет стипендии Президента РФ для обучения за рубежом.

Глава 1

ТАЕЖНОЕ ПРИОБЬЕ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IV — IX в.

Первым памятником раннего Средневековья, подвергнутым археологическим раскопкам, было городище Чувашский мыс, исследовавшееся в 1877–1880 гг. тобольским краеведом М. С. Знаменским [Зыков, Косинцев, Трепавлов 2017: 36–37]. Затем экспедиция шведского путешественника Ф. Р. Мартина раскопала яркий могильник VIII–XIV вв. Барсов городок близ г. Сургута в 1891 г., коллекция которого была обработана и опубликована археологом Т. Арне [Арне 2005; Арне 1935]. С той поры шел медленный, но неуклонный рост информации по археологии таежной зоны Западной Сибири.

Периодизация материалов Нижнего Приобья, Зауралья и Прииртышья I — начала II тыс. н. э. создана В. Н. Чернецовым, выделившим древнехантыйскую нижнеобскую культуру II–XIII вв. для всей таежной зоны Западной Сибири [Чернецов 1957: 136–245]. Главной в чернецовской концепции была идея о принципиальном единстве материальной культуры коренных народов западносибирской тайги. Основную динамику он видел в декорах лепной керамической посуды и инвентаре, что позволило ему разделить культуру на четыре последовательных этапа: ярсалинский (II–III вв.),

карымский (IV–V вв.), оронтурский (VI–IX вв.), кинтусовский (X–XIII вв.).

По мере раскопок новых памятников стало ясно, что требуется уточнение датировки оронтурского этапа, содержания кинтусовского этапа. В ходе исследований стали выделять отличные от нижнеобской археологические культуры и типы памятников по всем ее границам. Могильник Рёлка конца VI — VII в. с курганным обрядом, со всеми его тремя типами керамических сосудов, с комплексом бронзовой поясной гарнитуры «стиля псевдопряжек» позволил Л. А. Чиндиной выделить отдельную рёлкинскую культуру VI–IX вв. Томско-Нарымского Приобья [Чиндина 1977] и разместить ее преимущественно в пределах Томской области [Чиндина 1970: 191–202; 1977; 1991].

В. Ф. Генинг с соавторами, а также В. А. Могильников датировали потчевашскую культуру VI–IX вв. и разместили ее в пределах Омской, восточных районов Тюменской и западных районов Новосибирской областей [Генинг и др. 1970: 202–228; Могильников 1968: 269–291], с чем согласились позднее В. С. Елагин, В. И. Молодин, Б. А. Конилов [Елагин, Молодин 1991;

Конилов 1981; 1993]. В. Д. Викторова выделила туманский (V–VI вв.), тынский и молчановский (VI–IX вв.) типы памятников, юдинскую культуру (X–XIII вв.) в пределах Свердловской и юго-запада Тюменской областей [Викторова 1968: 240–256; 1969; 1970: 254–270; 1973: 133–168; Викторова, Морозов 1993: 173–192], что сохранилось и поныне. Настораживало, что новые границы археологических культур совпадали с административными границами существовавших тогда областей, как это отражено в обобщающей работе «Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири» В. А. Могильникова [1987: 163–235]. В ней была предпринята попытка создать целостную систему введенных дробных таксонов и нижеобской культуры, для которой из-за ее слабой изученности основные положения работ В. Н. Чернецова были сохранены [Там же: 164]. Но уже вскоре Л. П. Хлобыстин предложил выделить отдельную вожпайскую культуру IX–X вв. для Арктики, считая ее носителей самодийцами [Хлобыстин 1993: 19–27]. Вычленение из сердцевины чернецовской периодизации двух веков запустило процесс деструкции всей концепции, хотя и продержавшейся после этого еще более 20 лет.

Многолетнее изучение археологами Уральского университета двух крупнейших комплексов Барсова Гора и Сайгатино дало к началу 1990-х гг. 21 городище, 7 неукрепленных поселений, 6 могильников, 3 святилища раннего Средневековья. В результате обработки этого огромного материала Н. В. Федоровой, А. П. Зыкову, В. М. Морозову, Л. М. Тереховой удалось модернизировать периодизацию В. Н. Чернецова, при этом к раннему Средневековью были отнесены последовательные карымский (в неизменном виде), зеленогорский и кучиминский этапы. Их совместная статья заканчивалась призывом к выработке

общей концепции средневековой истории лесной и лесостепной зон Западной Сибири: «В развитии материальной культуры на различных территориях фиксируются сходные синхронные изменения, соответствующие выделенным нами этапам, что так же является свидетельством ее единства» [Федорова и др. 1991: 126–145]. В частности, было замечено, что потчевашская керамика эволюционировала в точности как нижеобская, со спецификой за счет контактов с соседними культурами.

Через 10 лет К. Г. Карачаров совместно с Ю. П. Чемякиным [Чемякин, Карачаров 1999: 42–66; 2002: 44–74] все выделенные этапы средневековой культурно-исторической общности без развернутого обоснования заменили культурами с теми же названиями [Карачаров 2006: 135–149; Перевалова, Карачаров 2006: 62–76], в периодизацию была включена еще одна культура — вожпайская, отмеченная ранее Л. П. Хлобыстиным [Борзунов, Чемякин 2012а: 157]. К. Г. Карачаров стремился преодолеть «значительную путаницу в методологии вопроса», якобы внесенную его коллегами, желавшими объединить все Средневековье в одну археологическую культуру или вообще отказаться от выделения культур [Карачаров 2006: 136–137].

Развернутую историко-культурную схему в рамках единой для всей таежной зоны Западной Сибири нижеобской культуры второй половины IV — XII в. продолжает отстаивать А. П. Зыков [2006а: 33–58; 2006б: 109–124; 2012: 11–97], сохранив в качестве главного маркера изменений орнаментацию керамики. В обоснование нижнего хронологического рубежа IV в. был положен принцип четкого разделения с предшествующей кулайской культурой раннего железного века, что более соответствует делению эпох на ранний железный век и Средневековье. Это кажется

гораздо предпочтительнее, чем чрезмерное занижение начала нижнеобской культуры до II–III вв. В. Н. Чернецовым [1957: 136–245] или завышение начала средневековой эпохи с VI в. В. А. Могильниковым [1987: 202]. Кроме того, карымский этап второй половины IV — начала VI в. В. А. Борзунов и Ю. П. Чемякин безусловно обосновали общеисторическими и социальными причинами [Борзунов, Чемякин 2012б: 217–261]. Верхняя хронологическая граница существования нижнеобской культуры, по нашему мнению, приходится на самый конец XII в., когда повсеместно на севере Западной Сибири произошло исчезновение лепной глиняной посуды из сферы быта. С этого времени все поселения и городища стали относительно «бескерамическими», керамика употреблялась лишь в очень узкой консервативной сфере — погребальном обряде.

В настоящее время развитие нижнеобского гончарства разделено нами на последовательные этапы: карымский (вторая половина IV — начало VI в.), зеленогорско-рёлкинский (VI–VII вв.), кучиминский (VIII–IX вв.) и кинтусовский (конец IX — XII в.). В двух самых продолжительных последних этапах прослеживается усложнение, в каждом из них выделяется по три последовательно существовавших типа керамики.

Технология кузнечного производства населения Западной Сибири в Средневековье изучалась А. П. Зыковым [2008; 2014: 207–221] и Н. М. Зиняковым [1976: 106–114; 1997; 2019]. Установлено, что произошел резкий рывок в технологии железообработки в период II — первой половины IV в.: от совсем еще недавнего состояния «пержиточного бронзового века» до уровня своих соседей по сопредельным территориям. Мы предположили, что учителями были кузнецы саргатской культуры, от которых поздние кулайцы смогли получить способы

производства втульчатых железных топоров с наварными стальными углеродистыми лезвиями с обязательной закалкой в холодной воде на мартенсит [Зыков 2014: 217]. Не согласимся с мнением Н. М. Зинякова о достаточно примитивной технологии, находящейся на уровне «начального освоения железа», в которой «не нашла своего развития» преднамеренная цементация [Зиняков 1997: 102–115; 2019: 37–42]. Технология конца кулайской культуры, изученная по Холмогорской коллекции конца III — первой половины IV в., была высшим достижением местного металлопроизводства [Зыков 1993: 159, рис. 4, 8, 24; Зыков, Федорова 2001: 151–159], которое позднее не смогло превзойти средневековое кузнечное ремесло населения севера Западной Сибири.

На вопросах взаимодействия в лесостепи таежных этносов и народов степного мира останавливались В. А. Борзунов, Ю. П. Чемякин, показавшие далекое проникновение на юг северных мигрантов, в результате которого образовались памятники южного варианта карымской культуры (этапа) [Борзунов, Чемякин 2015]. Кроме того, Л. А. Чиндина, а позднее и А. П. Зыков появление в эпоху Великого переселения народов желобчато-валикового декора на таежной посуде сопоставили с миграцией из Восточной Сибири тунгусских групп [Зыков 2006б: 114; Чиндина 1977: 131]. Стоит отметить фундированные работы Н. В. Федоровой, посвященные изучению художественной бронзы статусного характера, импортных предметов и путей торговли. Ею продемонстрировано, что в сравнении с ранним железным веком направление торговых связей меняется с южного степного на юго-западное, средневосточное (Иран и Согд) через государства Поволжья, а ассортимент — с украшений костюма на парадную посуду [Федорова 2002; 2018; 2019: 66, 114]. В раннем Средневековье появля-

ется специфичная группа кладов — оружейные, интерпретируемые как арсеналы, отражающие военизацию жизни [Федорова 2019: 90].

Таким образом, можно включать в нижеобскую потчевашскую, усть-ишимскую и рёлкинскую культуры в качестве ее локальных вариантов [Зыков 2012: 34–35; Зыков, Косинцев, Тrepавлов 2017: 58–64, 213, 214, рис. 24, 29, 6, 16; 35, 3–9; 99, 1–3]. Нами аргументирована необходимость рассмотрения материалов рёлкинской культуры в составе нижеобской [Зыков 2012: 40–43], поскольку они полностью вписываются в позднюю группу древностей конца VI — VII в. зеленогорского этапа [Зыков 2006а: 41–44; 2006б: 115, 116; Федорова и др. 1991: 133–135].

Здесь мы попытаемся охарактеризовать этапы развития таежного населения по основным компонентам культуры, наметив и социально-экономическую динамику.

Источники

В настоящее время открыто несколько сотен памятников, объединенных сходством домостроения, фортификационного зодчества, погребального обряда, культовой практики, прикладного искусства, морфологии и технологии изготовления оружия и орудий труда.

Ареал. Граница территории, занятой памятниками нижеобской культуры, достаточно стабильной была только на юго-западе по течению рек Лозьвы, Сосьвы и Тавды, где она соседствовала с расположенными западнее, в лесном Среднем Зауралье, памятниками устойчивой средневековой батырской культуры IV–IX вв. со шнуровой орнаментацией керамики. Юго-восточнее располагались носители андрюшинской

традиции, которых можно считать результатом локального обособления периферийного населения нижеобской культуры. Они были полностью поглощены в ходе южной миграции носителей юдинской культуры X–XIII вв. из лесов Среднего Зауралья в северные лесостепи бассейна р. Исети. Эти северные лесные мигранты быстро освоили оседлое скотоводство и расселились узкой полосой по кромке лесов и лесостепей на запад от Исети через Уральские горы до Нижней Камы.

Западная, северная и восточная границы нижеобского ареала определены весьма условно, что вызвано в первую очередь слабостью археологической изученности окраин Западной Сибири. Ее западная граница, вероятно, проходила по Уральским горам. Западную Сибирь с юга маркируют погребение конца VI — начала VIII в. в Усть-Вагранском гроте в верховьях р. Сосьвы [Югорск... 1997: 31], комплексы находок Канинской и Урынской пещер на западных склонах Уральских гор в верховьях р. Печоры [Канивец 1964: рис. 44, 45]. Из всех них были получены коллекции с керамикой и вещами, характерными для зеленогорско-рёлкинского этапа нижеобской культуры. Далее на север в пределах таежной зоны европейского северо-востока следуют нередкие места находок зеленогорской керамики совместно с керамикой приуральских культур: ванвиздинской на р. Вычегде и бичевницкой на р. Печоре [Королев 1989: 8–9, 13, 14, рис. 3, 4; Мурыгин 1992: 142–143]. Контакты с Приуральем маркированы также находками раннесредневековой бичевницкой керамики на городищах Няксимволь в верховьях р. Северной Сосьвы и Усть-Полуй в низовьях р. Оби [Мошинская 1953б: 107, 111, табл. I; Мурыгин 1989: 87; Стародумов 2012: 147, ил. 14]. Полагаем, что это было добрососедство двух разноэтничных миров — финно-пермского в Северном

Приуралье и финно-угорского в Западной Сибири, обусловленное недостаточной развитостью в социально-экономическом плане, малой населенностью огромных лесных территорий.

Северная граница проходила приблизительно по пограничью ландшафтных зон лесотундры и арктической тундры, она еще менее археологически изучена, чем западная. Тундровые местонахождения конца V — начала VI в. с керамикой тиутейсалинского типа как бы окаймляют с севера ареал нижнеобской культуры таежной зоны. Керамические толстостенные сосуды поселений Тиутей-Сале-I и -II имеют слабообразованную горшковидную форму с сильно утолщенным венчиком, употреблялись низкие налепные поддоны-подставки, они очень сильно отличаются от керамики ранних этапов нижнеобской культуры. Но в орнаментации тиутейсалинской керамической посуды и наборе фигурных штампов чувствуется сильное влияние керамики карымского, зеленогорско-рёлкинского этапов более развитой нижнеобской культуры [Ушедшие в холмы... 1998: 36–37, 66, рис. 20].

Восточная граница нижнеобской культуры условно проведена по водоразделу Таза и верховьям правых притоков Оби: Ваха, Тыма, Кети, среднему течению Чулыма и Томи с левыми притоками Енисея. Есть одно исключение — это вожпайское поселение Дюна-III в южной части тундры, в верховьях р. Пясины, изученное Л. П. Хлобыстиным [1993: 19–27; 1998: 138–147, рис. 143–158]. Глубокий восточный прорыв в инородную среду отдельного отряда западносибирских охотников до Таймырского полуострова свидетельствует о высокой мобильности носителей нижнеобской культуры.

Южная граница ареала нижнеобской культуры была всегда самой подвижной

и неустойчивой. Полагаем, что освободившееся лесостепное пространство Среднего Прииртышья и северной Барабы вследствие миграции части саргатского населения на запад было занято во II–III вв. населением кулайской культуры. А когда в III–V вв. зона лесостепей стала заселяться новыми кочевниками [Зыков 2002: 47–48], кулайское население вынуждено было вернуться в лесную полосу бассейна р. Тары. Затем север лесостепи заняло карымское население.

К концу V — середине VI в. произошло ослабление и распад остатков гуннского объединения кочевых племен степей юга Западной Сибири и Казахстана [Боталов, Гуцалов 2000: 183–192], чем воспользовались обитатели тайги, уже носители зеленогорского этапа нижнеобской культуры. Они стремительно заселили снова опустевшие лесостепи Барабы и Среднего Прииртышья, а самые активные из них продвинулись до северных степей Павлодарского Прииртышья.

В будущем предстоит вычленить в Томско-Нарымском Приобье локальные культурные образования, сопоставимые как с начальными этапами нижнеобской культуры, так и с последующими кучиминским и кинтусовским, а также более точно определить юго-восточную границу с одиновской и верхнеобской раннесредневековыми культурами Верхней Оби.

Карымский этап

Карымский этап нижнеобской культуры стартовал с явного регресса. Вместо позднекулайских компактных городищ с мощными башенно-бастионными срубными оборонительными фортификационными стенами, с глубокими и широкими рвами перед ними, за которыми проживала элита из семей военных вождей-жрецов с дру-

жинниками и их челядью, окруженных большим количеством неукрепленных поселений рядовых зависимых от них общинников, раннекарымское общество как будто было отброшено назад (рис. 1).

Большая часть населения, например Барсов городок-II/6 в урочище Барсова Гора, проживала на поселении уличной планировки, состоящем из жилищ с внешней грунтовой подсыпкой стен, с коридорообразными выходами — тамбурами, выстроенными в два ряда навстречу друг другу. Фортификация в виде забутованной грунтом срубной стены выстраивалась вокруг жилищ в виде неровного вытянутого четырехугольника с мелким нешироким ровиком с напольной стороны, больше напоминавшем дренажную канавку (см. рис. 2, 2). По особенностям своей конструкции крепости напоминают городища белоярской, калинкинской и начала кулайской культуры раннего железного века Сургутского Приобья, т. е. никак не сопоставимые по оборонительным возможностям с позднекулайскими бастионными крепостями (см. рис. 2, 3).

Уже в рамках карымского этапа стали складываться типичные средневековые принципы застройки городищ как единых жилищно-фортификационных комплексов (см. рис. 2, 1, 2). Отныне они возводились по заранее обдуманному плану, строились одновременно и защитная линия, и пристраивавшиеся к ней полужемляночные каркасно-столбовые жилища, и прочие постройки так, что одна или две стороны в них совпадали со срубной оборонительной стеной. Общий абрис планируемого городища был заранее размечен по контуру в том, который полностью прокапывался вместе со строительством фортификационной стены, грунт из рва шел в забутовку ее нижней части.

Внедрение новых принципов строительства простейших крепостей позволило

населению севера Западной Сибири получить компактные укрепления, легко защищаемые небольшим количеством проживавших в них людей. Эти крепости имели один существенный недостаток — их очень сложно было ремонтировать, а уж тем более перестраивать, из чего был найден предельно простой выход. По мере достаточно быстрого обветшания дерево-земляной крепости рядом в той же местности начиналась постройка нового такого же жилищно-оборонительного комплекса тем же небольшим коллективом. Такой системой строительства объясняется плотность расположения городищ нижеобской культуры раннего Средневековья. Для каждого из этапов от карымского до кучиминского на Барсовой Горе приходится по 3–5 городищ (см. рис. 2, 1–3; 3, 1–4). Лишь в самом конце существования культуры, на ее кинтусовском этапе конца IX — XII в., местное население научилось ремонтировать и перестраивать свои крепости, сохраняя их в одном месте на протяжении столетий.

Жилища начала карымского этапа, стоявшие отдельно от оборонительных стен, могли быть каркасно-столбовой конструкции или с вертикальными либо же с наклонными стенами, близкими к этнографическим образцам XIX — первой половины XX в. (см. рис. 2, 4–8). Это касается жилищ на городищах Барсов городок-II/6, Сартым-Урий-18, Соровское-XVII и др. [Борзунов, Чемякин 2012а: ил. 2, 3, 4; 3, 2]. Принципы застройки раннекарымских городищ полностью наследуют предшествующие традиции кулайской культуры, что прослеживается на примере карымских городищ Соровское-V и Соровское-XXXV [Борзунов 2014: 405; Борзунов, Чемякин 2012: 168, ил. 3, 3; Чемякин, Карачаров 1999: 42, рис. 14, б], на которых находки карымской керамики сочетались с выступами — бастионами в оборонительных системах — явным наследием

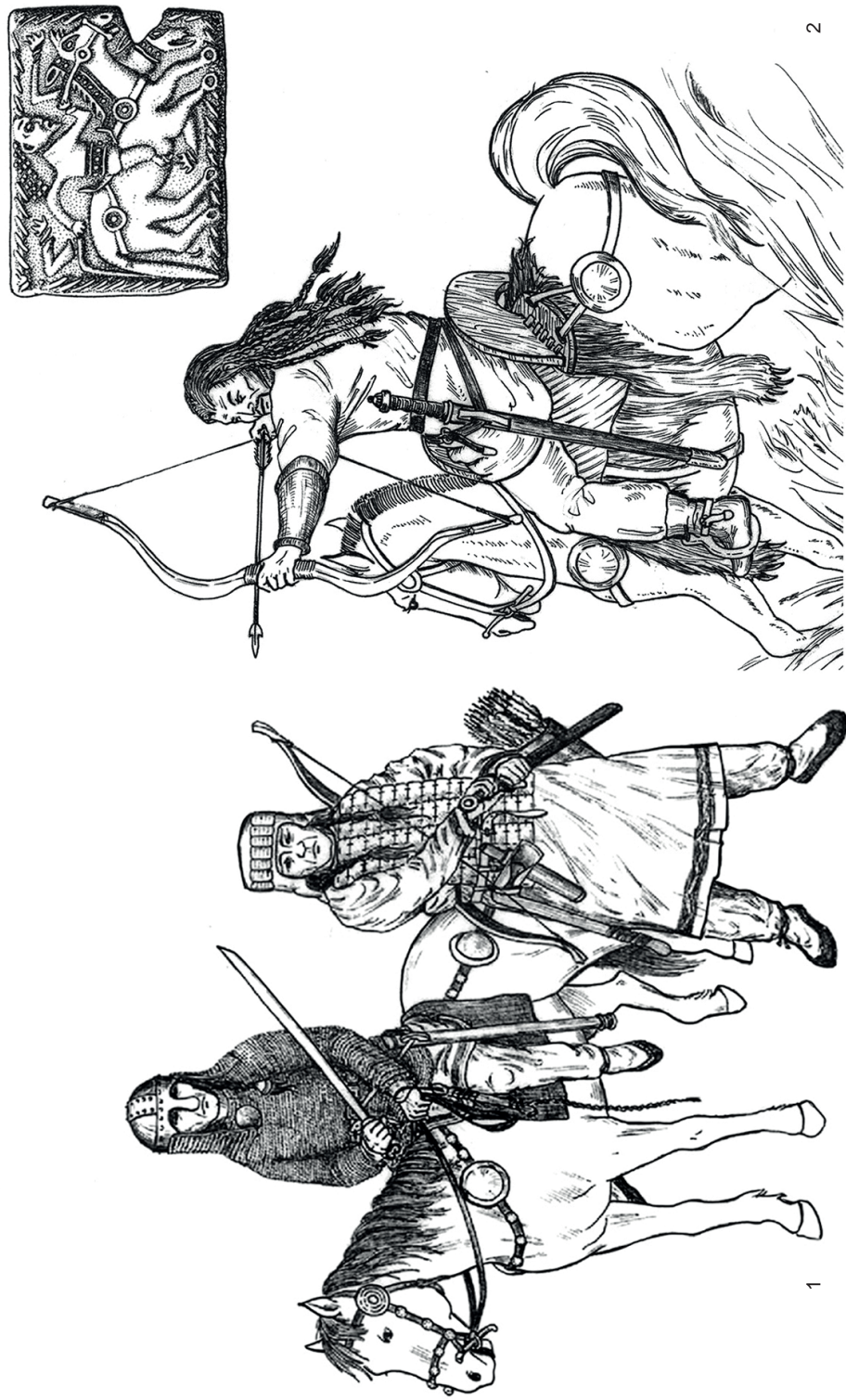

Рис. 1. Воины начала раннего Средневековья Западной Сибири:

1 — тяжеловооруженные воины севера Западной Сибири конца III — первой половины IV в. (реконструкция А. П. Зыкова по материалам Холмогорского клада). Именно с таким вооружением они вступили в эпоху Средних веков;
 2 — конный гуннский воин конца IV — V в. лесостепей юга Западной Сибири (реконструкция А. П. Зыкова по материалам погр. 688 могильника Сопка-2 и изображению на бронзовой пластинке IV в. из села Ягкедж на р. Вычегде)

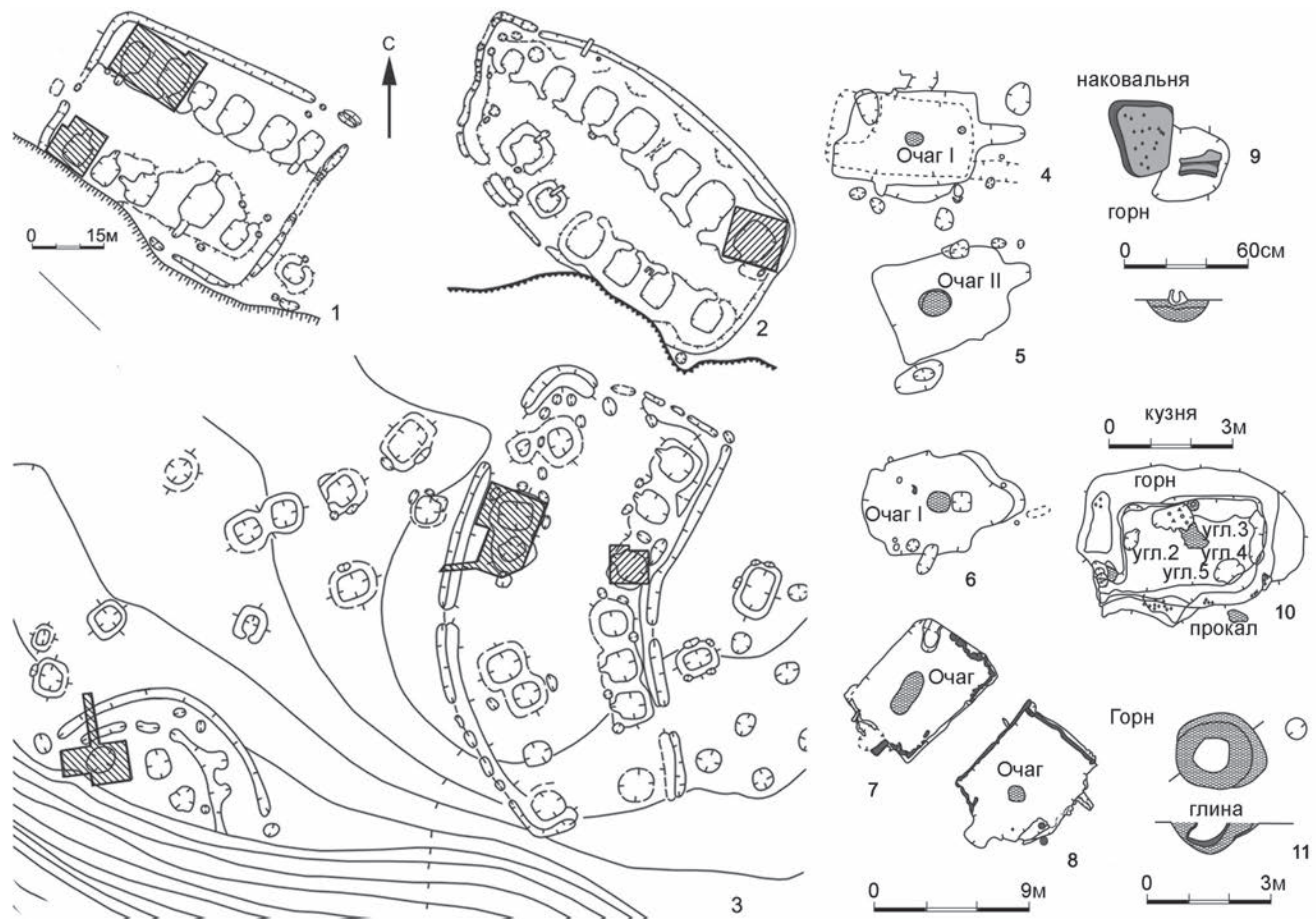

Рис. 2. Планы городищ и построек карымского этапа второй половины IV — начала VI в. нижнеобской культуры на Барсовой Горе (1–8) и в бассейне р. Большой Юган (9–11 [по: Борзунов, Чемякин 2013]):

- 1 — Барсов городок-II/10; 2 — Барсов городок-II/9; 3 — Барсов городок-II/6 с окружающими его жилищами неукрепленного селища той же эпохи; 4 — Барсов городок-II/6, жилище 2; 5 — Барсов городок-II/6, жилище 3; 6 — Барсов городок-II/7, жилище 1; 7 — Барсов городок-II/10, жилище 6; 8 — Барсов городок-II/10, жилище 7; 9 — Сартым-Урий-18, наковальня в кузнечной печи; 10 — Сартым-Урий-17, постройка 10; 11 — Сартым-Урий-16, остатки кузнечной печи в постройке 17

кулайской культуры. В раннем Средневековье господствовали жилища каркасно-столбовой конструкции. В них строго вертикальные наборные стены изнутри и снаружи фиксировали врытыми в грунт столбами. На столбах в центре жилищ держалась рама, служившая опорой кровли.

Карымским населением уровень технического развития, которого достигли обитатели севера Западной Сибири в конце кулайской культуры, был сохранен. Собственная черная металлургия и кузнечное производство полностью обеспечивали потребности местного населения в орудиях труда, оружии и военном снаряжении. Основным универсальным рубящим деревообрабатывающим орудием были железные втульчатые топоры-тесла, выполнявшие различные функции в зависимости от способа насада на деревянное топорщице. Этот же вид топоров был основным видом древкового рубящего оружия. До второй половины IX в. проушные боевые и рабочие топоры на севере Западной Сибири были неизвестны. Остальные виды орудий труда из железа вполне обычны для эпохи раннего Средневековья: универсальные хозяйственные ножи, иглы, шилья, скобели, втульчатые долота, втульчатые землеройные мотыгообразные орудия, рыболовные крючки, кузнечные клещи, напильники. Из них особо примечательны втульчатые кузнечные молотки [Беликова, Плетнева 1983: 92, рис. 75, 2; Борзунов, Чемякин 2012а: 196, ил. 12, 4, 11, 16–20; Зыков 2012: 58, рис. 3, 2–5, 9; Плетнева 1984: 77, 78, 80, рис. 1, 1, 2; 3, 8, 11; 4, 1; 5, 1, 5, 8, 9; 7, 2; 8, 5, 8, 9; 10, 3, 10, 11; 11; Федорова и др. 1991: рис. 2, 6, 13–16; Чиндина 1977: 25–27, рис. 3, 27–29; 4, 5; 5, 15, 20, 21; 6, 4, 7, 9; 7, 18; 8, 1, 2; 13, 6, 8; 15, 2, 17; 16, 5; 19, 19, 20; 24, 1–5; 26, 1; 31, 2].

Становление своей черной металлургии завершилось еще во II — первой половине

IV в., когда были освоены две передовые конструкционные схемы стальных наварных лезвий: с последующей закалкой, поверхностной цементацией с последующей закалкой. Однако стресс, вызванный двумя волнами Великого переселения народов, отбросил западносибирское производство назад.

Основой любой кузнечной технологии древности и Средневековья были приемы пластической обработки: горячая и холодная кузнечная ковка, усадка, вытяжка, прошивка отверстий и т. п. Западносибирское таежное кузнечное производство имело одну особенность, выявленную при массовом металлографическом исследовании и сравнении с крупными сериями изделий Южного Урала, Северного Приуралья и Южной Сибири, — это высокая степень загрязненности северных образцов неметаллическими шлаковыми включениями, что было следствием глубоко укоренившейся на севере недостаточно энергичной горячейковки исходного сырья, плохо освобождавшего его от имевшихся в крицах шлаковых включений. Этим же объясняется та легкость, с которой при проведении металлографических исследований вычлняются импортные образцы, и не только по сложным сварным высокотехнологическим схемам, не известным в местном производстве, а прежде всего по высокому качеству металла, хорошо освобожденного от шлаковых включений, по мелкозернистости структур и чистоте сварочных швов. Эти привозные образцы свидетельствовали о гораздо более высокой культуре проведения горячейковки, недоступной местным северным кузнецам.

Поверхностная цементация была ведущей упрочняющей операцией, ее применение фиксируется на 6,2–22,4% изделий в различных средневековых коллекциях. В большей части цементированных образцов фиксируются признаки видманштеттовой структуры, говорящие о том,

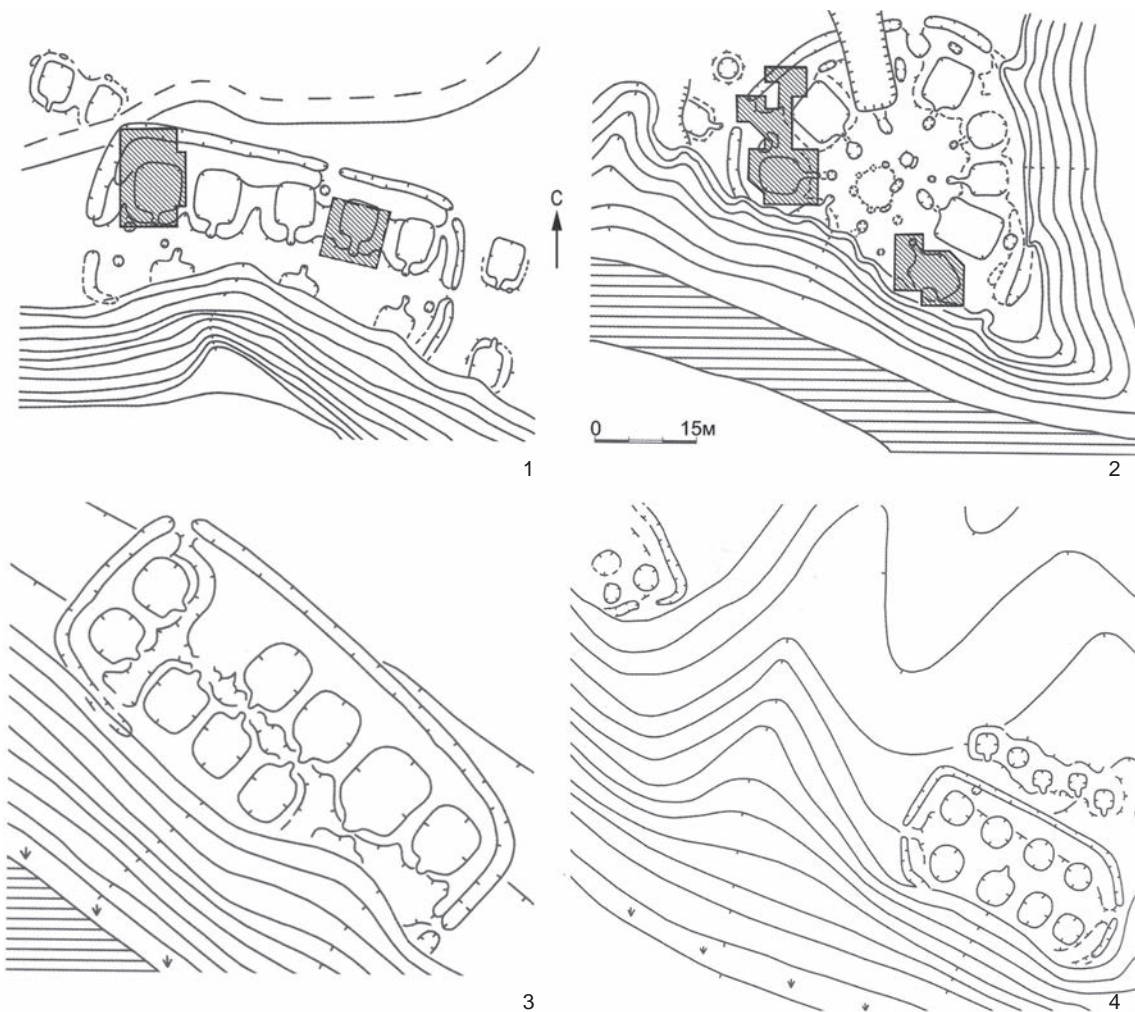

Рис. 3. Планы городищ зеленогорского этапа VI в. нижеобской культуры с окружающими их одновременными жилищами Сургутского Приобья:

1 — Барсов городок-II/12; 2 — Сургутское-I; 3 — Барсов городок-II/8;
4 — Барсов городок-II/1

что цементация была завершающей операцией обработки. В этом и состоит одна из важных особенностей местной железообработки: при достаточно высокой роли поверхностной цементации она почти никогда не сопровождалась последующей закалкой. На севере Западной Сибири автору известно только 9 цементированных и закаленных образцов раннего железного века и Средневековья (1,7% выборки!).

Для местных категорий средневековых изделий степень применения термической обработки колеблется от 0 до 15%, но никогда не превышала 20–25% поковок, способных ее воспринять. Предпочтение явно отдавалось жесткой закалке в холодной воде, мягкая закалка и закалка с последующим отпускком встречаются очень редко. Возможно, это объясняется отсутствием в регионе твердых пород камня, годных

для изготовления абразивов для заточки закаленных изделий.

Нижнеобская культура раннего Средневековья была эпохой расцвета местного западносибирского бронзолитейного производства. Медь и бронза поступали по каналам торгово-обменных связей из Северного Приуралья, Среднего Урала, Алтая и Минусинской котловины. Еще в конце существования кулайской культуры бронзолитейное дело сосредоточилось на изготовлении изделий малых форм: украшений прически, костюма, рукоятей, наперший и ножен оружия, наперший кресал, гребней, весел, посохов, назатыльников плетей, культовых предметов, в том числе, бронзовой художественной пластики (см. рис. 6, 8, 11). В этот период она отличается особой реалистичностью всех своих сюжетов — зооморфных, орнитоморфных, антропоморфных и многих других [Зыков и др. 1994: 35–41; Зыков, Федорова 2001: 31–47]. В связи с этим изменилась и лигатура бронз. 4/5 раннесредневековых отливок изготавливались из сплавов меди с повышенным содержанием от 10 до 30–50% олова или олова и свинца. Литейщики стремились получить прежде всего изделия с благородным серебристым оттенком поверхности, хорошо поддающиеся полировке [Кузьминых 2001: 146–150]. Поэтому уже в начале карымского этапа появились керамические тигли рюмковидной формы для плавки и разлива по литейным формам малых объемов расплавленной бронзы, отличавшиеся от блюдцевидных тиглей раннего железного века. Они господствуют до XII в., и лишь с конца XI — XII в. начали заменяться стакановидными керамическими тиглями для расплава металла таких же малых объемов [Зыков и др. 1994: 46, 100, 145].

Наступательное и защитное вооружение населения севера Западной Сибири раннего Средневековья сначала непосред-

ственно продолжало развивать традиции поздней кулайской культуры III — первой половины IV в., хорошо известные по находкам могильника Арнъёган-I, Холмогорской, Парабельской и Ишимской коллекций (см. рис. 1, 6). Основным видом оружия на севере всегда были большие луки с тяжелыми крупными наконечниками стрел. Еще недавно на вопрос о том, почему в позднекулайское время произошел быстрый переход от бронзовых литых трехлопастных втульчатых наконечников стрел к кованым из железа трехлопастным и двухлопастным черешковым, можно было ответить только предположительно. Но после обнаружения более ранней по сравнению с вышеперечисленными Пойковской коллекции все прояснилось. В составе ее было 16 наконечников стрел: 2 бронзовых трехлопастных втульчатых, 12 железных черешковых трехлопастных и двухлопастных и 2 так называемых «переходных» втульчатых — один с железным трехлопастным кованым пером и литой бронзовой втулкой и один цельный железный кованый двухлопастной с низко опущенными длинными шипами и с железной же свернутой длинной втулкой [Яковлев 2018: 59–62, 264–267, кат. № 98, 99]. Именно эти два уникальных пойковских образца иллюстрируют механизм перехода III в. от бронзовых втульчатых к черешковым железным на севере Западной Сибири. В постройке 5 карымского этапа селища Сартым-Урий-16 при раскопках был найден железный двухлопастной втульчатый наконечник стрелы [Борзунов, Чемякин 2012а: 196, ил. 12, 1; Чемякин, Борзунов 2012: 295, 334–335, ил. 32, 12].

Произошло это под степным «гуннским» влиянием на формирование всего облика западносибирских крупных железных черешковых наконечников стрел III–V вв. Северные трехлопастные железные наконечники стрел, как и южные гуннские, либо не имели

упоров для древка на черешках, либо он был своеобразным — в виде трехлопастной шейки под основанием пера [Зыков, Федорова 2001: 122–123, 142–143, рис. 29, 30]. В материалах севера Западной Сибири упор на трехлопастных наконечниках был сделан не ранее V–VI вв. [Беликова, Плетнева 1983: 19, рис. 14, 7].

В III–V вв. среди железных черешковых наконечников весьма значительную долю составляли двухлопастные плоские без всяких упоров для древков, среди них было много типичных шипастых, препятствующих извлечению стрел из ран [Зыков, Федорова 2001: 121–123, 143]. В раннем Средневековье эти простые типы железных наконечников начинают вытеснять трехлопастные. Уже на карымском этапе нижнеобской культуры среди этих плоских черешковых наконечников появляются различные типы срезней для нанесения широких неглубоких ран жертве [Борзунов, Чемякин 2012а: 196, ил. 12, 2, 3; Зыков 2012: рис. 33, 6, 7]. Гуннским влиянием объясняем появление в III–V вв. на севере Западной Сибири крупных черешковых бронебойных наконечников с выделенными боевыми головками трехгранного, четырехгранного или круглого сечения, предназначенных для поражения противников, защищенных доспехами [Зыков, Федорова 2001: 124–125, 143, 144].

Рубильные ножи, которые можно считать укороченной модификацией длинных палашей специально для пешего боя, появились в Южной Маньчжурии во II–III вв. [Бобров, Худяков 2005: 120, рис. 6, 9–11]. На север Западной Сибири они попали при посредничестве гуннов уже в III–IV вв. [Зыков, Федорова 2001: 119, 120, 140–141, кат. № 53, 54]. Здесь рубильные ножи стали неперменным видом оружия всех северных народов Западной Сибири вплоть до Нового времени [Зыков и др. 1994: 58, 104, 148, кат. № 221–223]. Два древнейших образца длинных однолез-

вийных железных боевых ножей Западной Сибири происходят из гуннского погребения III–V вв. Черноозерского-I могильника в Среднем Прииртышье [Зыков 2002: 47–50, рис. 1, 1] и позднего слоя стоянки Коптяки-6 на Среднем Урале [Берс 1959: 24; Зыков, Федорова 2001: 140, рис. 28, 3]. Коптяковский образец имел цельное кованое железное простое волютное навершие, подобное навершию холмогорского рубильного ножа конца III — IV в. После IV в. боевые ножи полностью вытесняют на севере Западной Сибири прежде самый распространенный вид клинкового оружия — двулезвийные кинжалы.

Гуннское культурное влияние III–V вв. на обитателей севера сказалось и на другом клинковом оружии ближнего боя, заставив их принять однолезвийные длинные прямые палаши или слегка изогнутые короткие сабли, рубильные ножи с длиной широких клинков до 50 см, боевые ножи с длиной узких клинков 20–50 см [Зыков, Федорова 2001: 115, 116, 119, 121, 139–142, кат. № 46–48, 53, 54]. В эпоху развитого Средневековья этот набор колюще-рубящего клинкового оружия ближнего боя вообще больше принципиально не менялся.

Древнейшими железными шлемами можно считать два образца из Истяцкого клада I–II вв. (см. рис. 10, 1; 14, 7), которые имеют форму высокого конического колпака, собранного заклепками из двух горизонтальных сварных лент и цельной кованой конической вершины со слегка приплюснутым верхом. У одного шлема сохранились приваренный длинный железный наносник и надбровья. Вся внешняя поверхность этого образца плакирована золотой фольгой. На втором шлеме снаружи золотой фольгой нанесены два ряда орнаментов и по нижней части тульи — изображения фантастических крылатых драконов [Чернецов 1953: 162–164, рис. 1, 2; Чер-

нецов, Мошинская 1954: 181, 183]. Очевидно, что эти роскошные кавалерийские шлемы были изготовлены в оружейной мастерской Кушанской империи или одного из государств Средней Азии [Щит и меч отчизны... 2008: 71, 73], попали на вооружение саргатских катафрактариев, а затем стали военными трофеями кулайских воинов и вошли в снаряжение в позднем периоде кулайской культуры, что великолепно документируется их изображениями на бронзовых плакетках и личинах [Зыков, Федорова 2001: 127–128, рис. 20, 1, 2]. В начале раннего Средневековья во второй половине IV — начале VI в. шлемы истяцкого типа становятся ниже, приобретая ярко выраженную высокую горшковидную форму с выделенным плоским завершением купола (см. рис. 11, 1). Именно такой вид имеет шлем на бронзовой антропоморфной плакетке из карымского жилища 1 Ендырского-VII поселения [Кокшаров и др. 2012: 342, рис. 13]. Более поздние изображения оголовья с плоской вершиной и наносником (см. рис. 11, 2) имеются также на бронзовых плакетках VIII–IX вв. из Долговского-I городища [Адамов 2000: 49, рис. 20, 2] и второй половины IX в. из городища Барсов городок-II/4 [Федорова и др. 1991: 137, рис. 2, B, 13].

Еще один тип шлемов, появившийся на севере Западной Сибири в позднекулайское время и доживший до XVI–XVII вв. почти без всяких изменений, был полусферический. Его изображения с ярко выраженным наносником имеются на бронзовой пластике Холмогорской, Арньёганской, Ишимской и Елыкаевской коллекций. Возникли такие боевые оголовья с ровным нижним рантом тульи во второй половине III в. в Сасанидской империи. Образец иранского шлема с цельнокованой полусферической железной тульей с приклепанным к ней ободом с наносником, с кольчужной бармицей известен из погребения начала V в. Тураевского могиль-

ника [Генинг 1976: 76, рис. 18; 31, 1; Зыков, Федорова 2001: 102, 106, 127–131, рис. 21, 2, кат. № 15, 21]. Реальная находка на севере Западной Сибири цельнокованого железного полусферического шлема с гладким верхом тульи без плюмажной втулки сделана в погребении X–XI вв. Сайгатинского-VI могильника кинтусовского этапа нижнеобской культуры. Но в раннем Средневековье изображения полусферических шлемов известны в большом количестве на бронзовых личинах и ростовых фигурках — как с гладкой тульей, так и (что еще чаще) с плюмажной втулкой или шпилем.

Защитные доспехи из железа набраны из длинных железных прямоугольных пластин, расположенных горизонтально и скрепленных друг с другом и подкладкой из кожи или ткани железными проволочными кольцами. Так собирались и отдельные нагрудники и полные доспехи из нагрудников и наспинников. Полный доспех обнаружен в Прикамье в погр. 1685 Тарасовского могильника IV — начала V в., а отдельных находок пластинчатых нагрудников и их фрагментов уже довольно много в Среднем и Верхнем Приобье [Соловьев 1987: табл. X, 1–3], Западном и Восточном Алтае, Киргизии. В составе Холмогорского клада конца III — первой половины IV в. содержатся четыре бронзовые антропоморфные отливки с изображениями деталей панцирей из горизонтальных пластин [Зыков, Федорова 2001: 102–105, 132–134, рис. 23, 2, 3, кат. № 15, 16, 19, 20]. Находки расположены по границам огромного казахстанско-южносибирского степного массива, в котором во II — первой половине VI в. находилась азиатская часть Гуннской орды, поэтому можно назвать тип доспеха с горизонтальным набором пластин гуннским, а распространение его на север Западной Сибири считать проявлением гуннского импульса эпохи Великого переселения народов.

Ведущим видом доспеха была кольчуга. Самая ранняя находка крупного фрагмента кольчужного плетения была сделана при раскопках позднекулайского культового комплекса III в. Обские Плёсы-II в Верхнем Приобье. Вполне реалистичные изображения воинов в кольчужных рубахах с подолом до бедер и длинными рукавами до запястий известны на бронзовых отливках из трех позднекулайских памятников: на прямоугольной плакетке Холмогорского комплекса (см. рис. 13, 1), на вершии Парабельской коллекции и на верхнем фризе ножен из могильника Татарские Могилки. Кольчужный доспех именно такого покроя известен в Сасанидском Иране по крайней мере с III в. и мог быть занесен на север Западной Сибири [Зыков и др. 1994: 81, 132, кат. № 58; Зыков, Федорова 2001: 107, 108, 131, 132, кат. № 23, рис. 23, 1]. Отдельные кольчужные кольца встречены на селище Сартым-Урий-17 второй половины IV — начала VI в. [Борзунов, Чемякин 2012а: 198, ил. 12, 12; Чемякин 2008: рис. 99, 18].

На карымском этапе нижеобской культуры распространилось типично гуннское снаряжение верхового коня и всадника: жесткое седло с передней и задней высокими вертикальными луками, с костяными стременами и уздой с двумя парами фаларов, с удилами с железными грызлами и костяными псалиями, с плетью. Подтверждения видим в материалах раскопок М. С. Знаменского и В. Ф. Генинга на Потчевашском городище (см. рис. 12), бронзовой накладке Холмогорского клада, сборах с городища Няксимволь и у села Ягкедж на р. Вычегде [Адамов 2000: рис. 19, 15, 17, 18, 21; Зыков, Федорова 2001: 102–103, 107, 108, 134–139, рис. 25, 1, 2; 26, 16; 27, 1–3, кат. № 15, 23; Могильников 1987: 189, табл. LXXVI, 47; LXXVIII, 29; Мошинская 1953а: 210–211, 216, табл. XII, 1–5; XVI, 8; Ширин 2014: 44–48, ил. 17–19]. Комплекс

новшеств от населения лесостепей и степей юга Западной Сибири укрепил военный потенциал таежных отрядов самого начала раннего Средневековья.

Начало нижеобской культуры связываем с Великим переселением народов, прокатившимся по Северной Евразии. Этот процесс остановил поступательное развитие таежных северных обществ. В. А. Борзунов отмечает, что охотники и рыболовы севера Западной Сибири уровня сложения предгосударственных общественных структур достигли в период кулайской культуры, с IV–III вв. до н. э. Произошла четкая социальная стратификация с выделением правящего слоя военных вождей-жрецов и их дружинников, проживающих с семьями и челядью, в том числе рабами, в небольших городищах с бастионно-башенными фортификациями, и многочисленной массы рядовых зависимых общинников, которые жили в неукрепленных поселках. Все это возникло на базе присваивающего хозяйства. Расслоение связано с процессом включения севера в сеть мировой экономики со становлением во II–I вв. до н. э. Великого шелкового пути и его северных «пушных» ответвлений [Борзунов 2014: 380–415; Клад кулайской культуры... 2016].

Кулайские мигранты продвигались на юг, осваивая зону лесостепей в Верхнем Приобье, Среднем Прииртышье, в Барабе и Кулунде Обь-Иртышского междуречья. Но южная гуннская кочевая волна выдвинула их из лесостепей Барабы и Прииртышья обратно в таежную зону, оказав на север огромное культурное влияние. Северная волна Великого переселения народов проходила одновременно с южной: из Восточной Сибири стали проникать тунгусоязычные (?) коллективы охотников и рыболовов, носителей толстостенной желобчато-валиковой керамики. Их нашествие приходится на начало карымского этапа — вторая по-

ловина IV — начало VI в. Этот восточный миграционный импульс ощущался на протяжении трех первых этапов нижнеобской культуры, т. е. не менее 400 лет. Наиболее многочисленны сосуды этого типа в Томско-Нарымском и Сургутском Приобье [Зыков 2012: 55–58, 67, рис. 10, 1–4; 11, 1–7; 15, 7, 8; 29, 3, 4, 6, 11; Чиндина 1977: 64–66, рис. 38, 1–6]. Но встречаются они и в гораздо более западных памятниках: городище Потчеваш в Тобольском Прииртышье [Мошинская 1953а: 203, табл. VIII], городище Евра-25 в верховьях р. Конда [Каменский, Жирных 2006: 171, ил. 1, 2, 4], бронзолитейном комплексе зеленогорско-рёлкинского этапа VI в. у поселка Зеленый Яр на р. Полуй [Зеленый Яр... 2005: 245, 259]. В комплексе кучиминского VIII–IX вв. и кинтусовского конца IX — XII в. этапов подобная желобчатая керамика уже не встречается.

Население постоянно жило на своих городищах, рассчитанных на оборону от внезапных нападений вследствие непрекращающихся внутренних войн между приблизительно равными по своей силе соседними общинами. Об ожесточенности этих раннесредневековых межобщинных войн, принимавших форму «охоты за головами», хорошо известно по самодийскому и обско-угорскому фольклору и этнографии, более поздним могильникам в соседних урочищах Барсовой Горы и Сайгатино: погребения с обезглавленными телами, коллекции отрубленных голов, иногда со следами преднамеренного скальпирования, в качестве трофеев помещенные в могилы удачливых воинов [Карачаров, Ражев 2008: 139, рис. 1, 2; Ражев 2002: 175, 176; Семенова 2001: 21; Чемякин, Карачаров 2002: рис. 18, 17].

Разорительные войны, ведшиеся населением западносибирской тайги, привели к упрощению социальной организации. Лишь на исходе существования нижнеобской культуры в конце кинтусовского эта-

па в XI–XII вв. опять стали созреть условия для сложения социально-политических структур — «княжеств» охотников и рыбаков севера Западной Сибири.

Зеленогорско-рёлкинский этап

Предлагая разделить зеленогорский этап на два подэтапа: собственно зеленогорский середины VI в. и рёлкинский конца VI — VII в., мы объединяем данные В. Н. Чернецова и Л. А. Чиндиной [Зыков 2012: 68–77, рис. 30–35]. Когда выдвигалась эта идея, в распоряжении автора были всего три городища, могильник с Барсовой Горы и местонахождение в бассейне р. Аган с находками керамики и вещей конца VI — VII в. [Зыков 2012: 68–69], но уже вскоре появились публикации поминального комплекса № 1 конца VI — VII в. у поселка Зеленый Яр на р. Полуй [Зеленый Яр... 2005: 66–69], селища Кучиминское-XXXIX в урочище Сайгатино [Чемякин, Носкова 2010: 298–311], материалов разведочных сборов с поселения Усть-Харампур-17 [Зыков, Пошехонова 2014: 97–107]. Они позволили рассматривать рёлкинские материалы в качестве составной части нашей схемы раннего Средневековья, распространяемой на весь север Западной Сибири, и включить все рёлкинские памятники Томско-Нарымского Приобья в состав нижнеобской культуры.

На зеленогорско-рёлкинском этапе VI–VII вв. произошли некоторые изменения в архитектуре поселений и орнаментике, наборах металлического инвентаря. В Сургутском Приобье городища зеленогорско-рёлкинского времени VI в. были прямоугольными, развернутыми одной из длинных стен к краю береговых террас, что позволяло существенно сократить обороняемый периметр (см. рис. 3, 1, 3, 4).

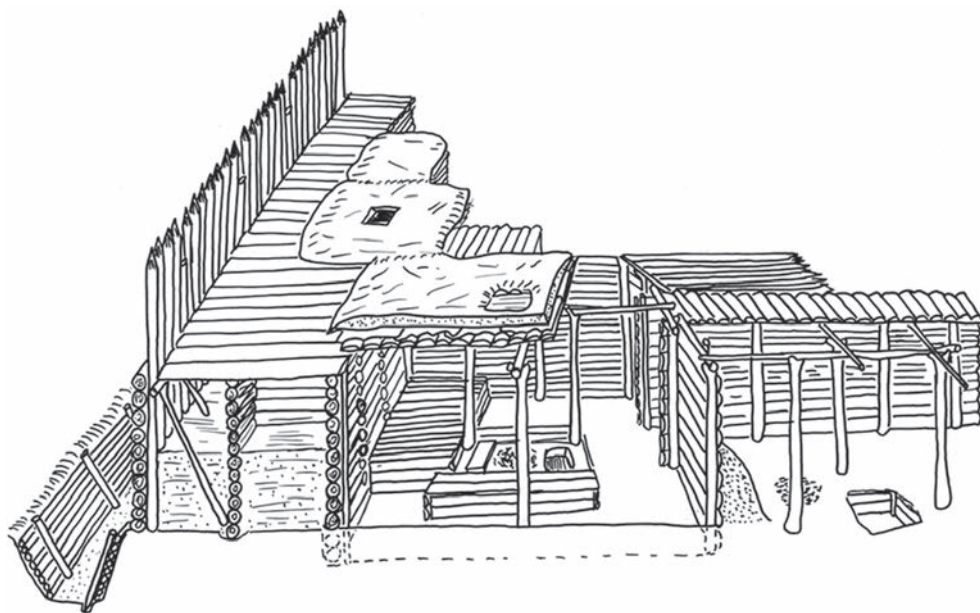
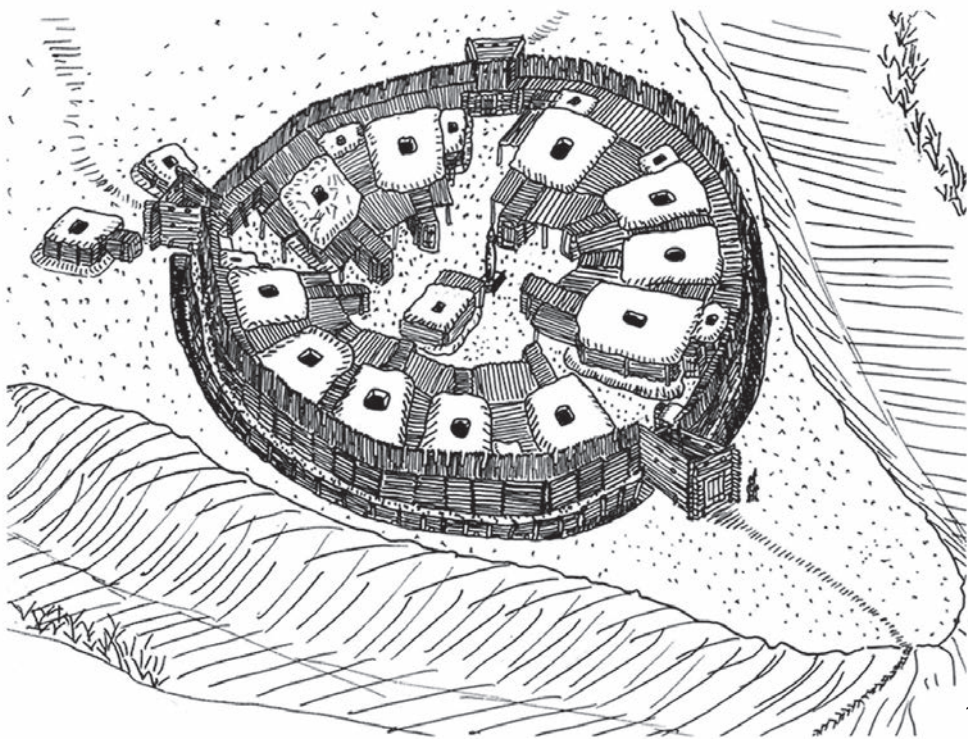

Рис. 4. Археологические комплексы зеленогорско-рёлкинского этапа нижнеобской культуры
(графические реконструкции А. П. Зыкова):

1 — Сургутское-I; 2 — Сургутское-I, жилище 2

Но в конце периода произошел переход к округлым в плане городищам (см. рис. 3, 2; 4, 1), более сложным при строительстве. Так, при раскопках зеленогорского городища Сургутское-I обнаружилась ошибка в одном участке уже вырытого рва, который в этом месте пришлось строителям засыпать, а новый вырыть на 2 м в сторону napольной части строящегося городища [Зыков 2012: 63]. Там же помимо внутри-

жилищного очага были зафиксированы остатки «летних кухонь», прикрытых навесами (рис. 4, 1, 2). На поселениях исследован целый ряд хозяйственных построек: амбары, кузнечные мастерские, специальные для временного пребывания людей, например для женщин в период их «ритуальной нечистоты», привратные караульные помещения [Зыков 2012: 65, рис. 18; 20, 1, 2].

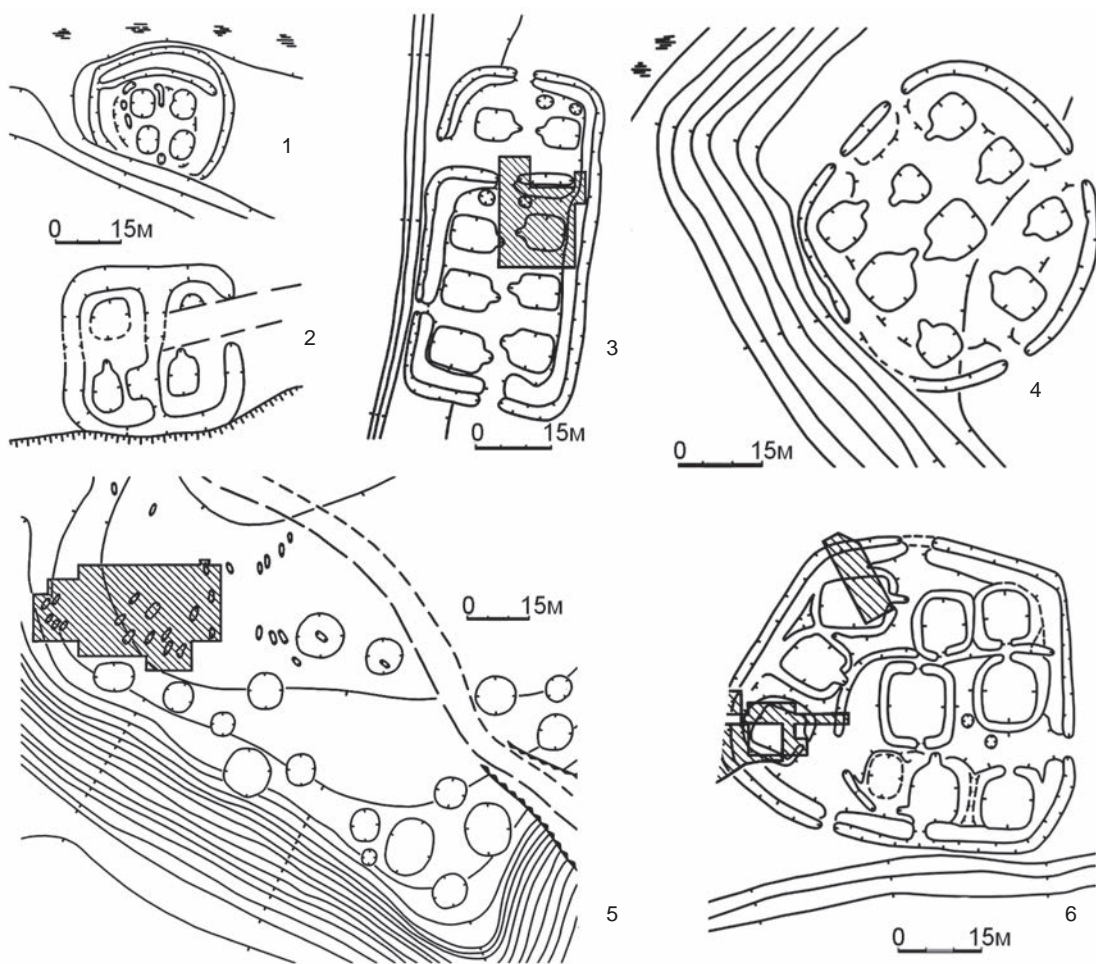

Рис. 5. Планы памятников рёлкинского времени конца VI — VII в. (5, 6) и кучиминского VII—IX вв. (1—4) этапа нижнеобской культуры Сургутского Приобья:

- 1 — Барсов городок-II/14; 2 — Барсов городок-I/25; 3 — Кучиминское-XI;
4 — Барсовский-V (впадины — селище Барсова Гора-II/25 эпохи неолита-энеолита);
5 — Барсов городок-II/11; 6 — Барсов городок-II/15

Жилища раннего Средневековья были удивительно стандартными: прямоугольной формы с полуземляночными котлованами 0,2–0,4 м глубиной, площадью от 28–47 до 70–80 кв. м, с наклонным коридорообразным входом длиной от 0,3 до 5 м в одной из торцовых стен котлованов. В очень редких случаях постройки были наземными, по краям прослеживалась обваловка от грунтовой утепляющей подсыпки стен. В центре их располагался очаг в виде открытого кострища, иногда — на приподнятой над полом грунтовой подушке, обшитой по краям деревянной рамой.

Городища рёлкинского времени конца VI — VII в. Сургутского Приобья имели универсальную для размещения на местности округлую форму (см. рис. 5, 5, 6). В планировке двух рёлкинских городищ Барсов городок-II/11 и Барсов городок-II/15 присутствовали приметы намечавшейся социальной стратификации — в центре их располагались самые крупные жилища, окруженные более мелкими. Вероятно, это дома предводителей общины, ее военных вождей (см. рис. 6, 1), вроде того, что был захоронен в могиле 7 кургана 1 могильника Рёлка [Чиндина 1977: 11, 12, рис. 6]. К сожалению, оба этих жилища так и не были исследованы раскопками. Городище Барсов городок-II/15 примечательно еще тем, что оно полностью было уничтожено тотальным пожаром, возможно, вследствие междоусобной войны [Зыков 2012: 71].

С карымского этапа поступательное развитие черной металлургии и железообработки сменилось долгим на 1100 лет периодом остановки в развитии технологии. Пользовались приемами самыми простыми, доходя до примитивизации когда-то освоенных схем, поэтому модель западносибирского средневекового кузнечного производства автор считает стагнационной или застойной [Зыков 2008: 17;

2014: 219]. Но даже в застойной форме местные черная металлургия и железообработка обеспечивали население необходимым объемом железного оружия, орудий труда и утвари.

Происходило совершенствование вооружения. Весьма необычный вид крупных бронебойных наконечников стрел, появившихся ранее, здесь сохраняется, приобретающая долотовидные острия боевых головок и до 2–4 типичных шипов на шейках, без упоров для древка [Зыков и др. 1994: 103, 146, кат. № 202, 203]. Копья не были распространенным видом оружия ближнего боя, что объясняется преобладанием дистанционной борьбы с использованием луков и стрел, их применяли очень ограниченно: конный ближний бой, оборона крепостных стен, охота на крупных животных и т. п., причем вся известная номенклатура раннесредневековых втульчатых наконечников копий имеет аналогии за пределами севера Западной Сибири. Например, втульчатый наконечник из поселения Усть-Харампур-17 рёлкинского времени конца VI — VII в. нижнеобской культуры имел точные типологические и технологические аналогии с изделиями степей Южной Сибири [Зыков, Пошехонова 2014: 101–103, рис. 5]. А вот боевые рубящие топоры, напротив, были весьма популярным видом древкового оружия ближнего боя — ношение их за поясом или в наспинном чехле оставляло свободными обе руки для стрельбы из лука.

Набор колюще-рубящего клинкового оружия ближнего боя с конца VI — VII в., с рёлкинского времени, дополнялся слабоизогнутыми саблями с односторонними скошенными остриями и прямыми деревянными рукоятями [Ожередов 1987: 114–116, рис. 1, 1, 2; Соловьев 1987: 73–76, рис. 15, 5–9; 17, 1–6; Чиндина 1977: 29, рис. 3, 17; 24, 14], предназначенными для нанесения преимущественно рубящих ударов и еще не рассчитанными на укол.

Результатом эволюции шлемов стало появление сфероконических форм с плюмажной втулкой или шпилем. Ранний образец этого типа известен из насыпи кургана 2 конца VI — VII в. могильника Рёлка. Он склепан из 8 вертикальных железных пластин и увенчан наклепанным железным воронковидным шпилем с петлей для крепления плюмажа. К нижнему краю тульи приклепан бронзовый пластинчатый обод с крупными выпуклинами шляпок бронзовых заклепок. Судя по ряду сквозных отверстий, кольчужная бармица крепилась к нижнему ранту шлема, не закрывая лицо его владельца [Чиндина 1977: 32–33, рис. 10, 8]. Бронзовые и деревянные личины и ростовые фигурки имеют изображения сфероконических шлемов с плюмажными втулками и шпилями, с приваренными наносниками и надбровными дугами, а иногда и с лицевыми полумасками, которые широко были распространены на севере Западной Сибири в раннем Средневековье, а в виде раритетов использовались коренными народами в их культовой практике позднее. Вариантом шлема полусферического типа был более высокий с полуяйцевидной тульей без плюмажной втулки. Самым ранним образцом этого варианта следует считать экспонат Колпашевского краеведческого музея VII–X вв. с полуяйцевидной цельнокованой железной тульей с вварным в нее нижним железным ободом с заклепками, фиксировавшими по всей окружности шлема кольчужную бармицу [Ожередов 1987: 116–119, рис. 2, 1–3]. Аналогию находим в роскошном шлеме этого варианта IV — начала V в. из Тарасовского могильника Среднего Прикамья. Его цельнокованая железная тулья снаружи была покрыта серебряной фольгой и обложена двумя перекрещивающимися через вершину тульи до краев нижнего ранта лентами золотой фольги, удерживаемыми частыми

крупными шляпками заклепок. Кольчужная бармица тарасовского экземпляра крепилась к кожаному подшлемнику [Голдина 2003: табл. 668; 2004: 272; Зыков, Федорова 2001: рис. 22].

С VI–VII вв. господствует тюркский тип доспехов с вертикальным набором железных более коротких пластин, скреплявшихся друг с другом шнурами или тонкими сыромятными ремнями. Ламеллярный панцирный доспех был распространен очень широко по всей Евразии с начала VI — VII в. по XIV–XV вв. и допускал множество вариантов покроя, наличие оплечий и набедренников (см. рис. 6, 1). На севере Западной Сибири доспех документируется находками отдельных железных пластин и их скоплений в погребениях, на поселениях и городищах, святилищах, а также хорошо читается на некоторых бронзовых ростовых фигурках [Бауло 2011: 71, 73, 74, 76, 79, 82–84, 87–91, 94, 97, 98, 105, 106, кат. № 86, 89–91, 94–95, 99, 103–107, 112–119, 122, 126, 128, 138–139; Зыков и др. 1994: 82, 133, кат. № 64, 64а; Соловьев 1987: 50–51, рис. 7, 1, 7; табл. X, 4–6; XI, 1–5; Чиндина 1991: 56–57, рис. 30, 5, 7].

Обрывки кольчуги найдены в кургане 5 могильника Рёлка конца VI — VII в. [Чиндина 1977: 16, рис. 15, 18; 31, 9]. В кургане 10 того же могильника была обнаружена антропоморфная бронзовая подвеска с изображением воина в кольчужной рубахе с подолом чуть ниже пояса и короткими до локтей рукавами [Соловьев 1987: рис. 7, 5; Чиндина 1977: 22, 42, рис. 28, 5; 34, 3; 44, 3; 1991: рис. 30, 2]. Небольшое число находок фрагментов кольчужного плетения на памятниках не должно удивлять, в этот период население севера Западной Сибири еще очень бережно относилось к явно редким ценным привозным кольчужным оборонительным доспехам. Это отношение изменяется лишь на пике югорской

пушной торговли с Золотой Ордой в конце XIII — первой половине XIV в., когда в 56 исследованных погребениях поздней

группы Сайгатинского-III могильника оказалось 5 полных кольчужных рубах [Зыков и др. 1994: 50, 103, 147, кат. № 217].

Рис. 6. Комплексы рёлкинского этапа конца VI — VII в. нижнеобской культуры:

1 — тяжеловооруженный воин (реконструкция А. П. Зыкова по материалам могильника Рёлка Нарымского Приобья); 2 — фрагменты кожаного пояса с серебряными позолоченными накладками геральдического стиля из поминального комплекса № 1 конца VI — VII в. из могильника Зеленый Яр в Нижнем Приобье (по Н. В. Федоровой); 3 — бронзовые поясные накладки геральдического стиля с псевдопряжками из археологического памятника конца VI — VII в. в Юганском Приобье (по О. В. Кардашу); 4 — находки бронзовых изделий из раскопок памятников конца VI — VII в. Барсовой Горы: могильника Барсовский-V и городища Барсов городок-II/15

В керамическом производстве появляются новации в VII в., которые можно определить как рёлкинский тип керамики. Во время войн Первого Тюркского каганата в степях в VI в. таежные переселенцы заняли опустевшую зону лесостепи Среднего Прииртышья и Барабы и продержались до IX в. Сложилось очень своеобразное культурное образование лесостепной зоны Западной Сибири. Оно, с одной стороны, было явно связано с огромным регионом северной тайги и развивалось по тому же пути, что и эта «материнская территория исхода». Керамическое производство сходно с зеленогорско-рёлкинским и кучинским, близки домостроение, городища, погребальные обряды, бронзолитейное и железообрабатывающее кузнечное производство и т. п.

С другой стороны, зеленогорские группы, существуя на протяжении трех столетий в окружении лесостепных культур (верхнеобской с востока, караякуповской и бакальской с запада, степной тюркской с юга), неизбежно испытывали мощные инокультурные влияния (в орнаментации керамики, в погребальных обрядах и т. п.). И, оказавшись в благоприятных условиях лесостепи, коллективы северных мигрантов стали переходить на более высокую ступень экономики, быстро осваивая производящую отрасль — скотоводство. Они оставили памятники потчевашского типа, которые следует считать локальным вариантом нижнеобской культуры раннего Средневековья [Зыков 2012: 34–35]. Аналогичным процессом было переселение восточногерманских племен (готов, вандалов и др.) из лесов Прибалтики в степь и лесостепь Северного Причерноморья, приведшее к сложению здесь провинциально-римской культуры [Щукин 2005]. Почти 300 лет просуществовать в лесостепи вряд ли удалось бы без эффективной конницы.

Железные удила с псалиями, железные стремена являлись массовым видом находок раннего Средневековья [Арне 2005: 41, 42, рис. 134; Беликова, Плетнева 1983: рис. 39, 4; 40, 12; 49, 1; Могильников 1987: 189, 198, 224–225, табл. LXVIII, 1, 2; LXXXI, 18a, 29–31, 33, 34; XC, 17; CLVI, 23, 32, 34; CI, 14, 19; Плетнева 1984: 65, 79, рис. 1, 11; Чиндина 1977: рис. 3, 30; 5, 18; 6, 14; 19, 10–12; 1991: рис. 28, 9–12], хотя и в эту эпоху встречаются вырезанные из кости псалии, подпружные пряжки [Беликова, Плетнева 1983: рис. 22, 16; Могильников 1987: табл. XCVI, рис. 24–29; Плетнева 1984: 65, 79, рис. 1, 11; Чиндина 1977: рис. 5, 3, 4, 6–8; 19, 13; 1991: рис. 28, 5–8, 13].

В восстановленной мировой торговле в раннем Средневековье север Западной Сибири стал приобретать все большее значение как край, откуда в огромных количествах поставлялась ценная пушнина. В обмен на нее через посредничество финно-пермского населения Верхнего Прикамья — носителей ломоватовской и поломской археологических культур IV–IX вв.; племенного объединения *Magna Hungaria* протомадьяр лесостепи Южного Приуралья VI — первой половины IX в., государств Первого и Второго Тюркских каганатов, Хазарии поступали товары, в том числе оружие: шлемы, кольчатые и пластинчатые доспехи, палаши, сабли, проушные боевые и рабочие топоры, наконечники копий и стрел [Щит и меч отчизны... 2008: 97–107]. Но не меньшее значение имели предметы роскоши: ювелирные изделия, серебряная и бронзовая высокохудожественная посуда, сделанная торевтами в специализированных городских мастерских далеких цивилизованных стран раннего Средневековья (см. рис. 13, 5–8): Западной Европы, Византийской империи, Сасанидского Ирана, Арабского халифата и многих других держав той эпохи [История Ханты-Мансийского автономного округа... 2000: 68, 72].

Включение севера Западной Сибири в систему мировой торговли в раннем Средневековье стало толчком для начала формирования военно-политических предгосударственных структур (так называемых остяко-вогульских и самодийских «княжеств») в обществах с преимущественно присваивающим хозяйством [Зыков, Кокшаров 2000: 39–44; История Ханты-Мансийского автономного округа... 2000: 70–72, 76–77, 84–94; Нягань... 1995: 35–50].

Возможно, что здесь есть связь с деятельностью кочевых империй раннего Средневековья, поскольку в VI–VII вв. в ареале расширившейся нижнеобской культуры происходит распространение тюркских видов оружия (шлемов, пластинчатых и кольчатых доспехов, палашей и сабель, трехлопастных и трехгранно-трехлопастных наконечников стрел), конского снаряжения (седел тюркского типа с прямой передней и наклонной задней лукой, железных и костяных арочных стремян) и типичного тюркского «имперского» поясного набора с геральдической бронзовой и серебряной с позолотой гарнитурой (см. рис. 6, 2).

Кучиминский этап

Кучиминский этап нижнеобской культуры довольно разнообразно представлен материалами Сургутского Приобья: городищами, поселениями, могильниками, святилищами, отдельными ритуальными захоронениями поминальных кукол-иттерма, что дало возможность выйти на реконструкцию событийной истории на примере двух изученных урочищ: Барсовой Горы и Сайгатино.

В первой половине VIII в. планировка городищ вновь стала прямоугольной, они располагались на краю береговой террасы или были вписаны в мысовидный

ее выступ. Ранние городища этого периода Барсов городок-I/25, Барсов городок-II/14 и Кучиминское-XI одинаковы (см. рис. 5, 1–3): по четыре жилища выходами навстречу друг другу с узкой улицей, керамический материал представлен ранней хронологической группой [Зыков 2012: 81, 82, рис. 49, 1–8]. Затем городище Кучиминское-XI (см. рис. 5, 3) потребовалось увеличить до 6 жилищ. Ранее это достигалось постройкой нового укрепленного поселка, теперь провели перестройку: один боковой участок рва засыпали, оборонительную стену разобрали, построили два добавочных жилища, обнесли их продолжением срубной оборонительной стены с новыми рвом и проходом — тамбуром на месте перемычки в разрывах рва. Позднее потребовалось построить еще два жилища, при этом строители сохранили весь поселок, засыпали только небольшие участки в северной части рва, поверх них возвели оборонительную стену с пристроенными к ней домами, ров был так же продолжен. В результате получилось длинное вытянутое двухплощадочное прямоугольное городище [Зыков 2012: 79, рис. 37, 5–7; 38].

В дальнейшем был сделан следующий шаг совершенствования оборонительных возможностей городищ кучиминского этапа: появились укрепления с двойной линией фортификационных систем (см. рис. 7, 6). Они одновременно появились во второй половине VIII — первой половине IX в. в Сайгатино (городища Кучиминские-V и -XIV) и на Барсовой Горе (городище Барсов городок-II/5). Это были компактные жилые площадки, застроенные 6–8 полуземлянками в два ряда с коридорообразными выходами, направленными навстречу друг другу. Жилые площадки были обнесены срубной стеной с внутренней грунтовой забутовкой, к которой и пристраивались жилища по обычной схеме жилищно-оборонительного комплекса. Перед оборонительной сте-

ной и ровом без какого бы то ни было разрыва располагалась еще одна внешняя линия фортификаций: двуслойная забутованная грунтом срубная стена и внешний ров. Особенность вышеописанных поселений — ориентировка улицей перпендикулярно к краю береговых террас. К сожалению, раскопками исследован, хотя и достаточно полно (более 70% внутренней жилой площадки), лишь один такой памятник — Кучиминское-V [Зыков 2012: 80, рис. 39, 1, 2]. Городища с двойными линиями фортификаций кучиминского этапа встречаются в Сургутском [Чемякин, Карачаров 2002: 51, рис. 16, 20] и Нижнем Приобье [Могильников 1987: 203, табл. LXXXV, 2; Чернецов 1957: рис. 14]. Примыкание линий друг к другу не создавало достаточно эшелонированной обороны ни в глубину, ни в высоту, хотя они увеличивали потенциал этих таежных крепостей VIII–IX вв., но строительство их было слишком затратно. Этот эксперимент не имел прямого продолжения, его результат не похож на более совершенные по фортификации городища с двумя-тремя линиями оборонительных сооружений, разнесенными не только в глубину, но и в высоту, сайгатинской культуры XIII–XVI вв. севера Западной Сибири.

Самые поздние укрепления кучиминского этапа на городище Барсов городок-II/3-4 существовали приблизительно во второй половине IX в. [Зыков 2012: 79, 80, рис. 37, 3, 4]. Очень близко с развалинами уже заброшенного городища Барсов городок-II/5 (см. рис. 7, 1, 2) было построено прямоугольное городище с 6 жилищами уличной планировки, разве что ров был сделан шире и глубже. Когда понадобилось построить еще два жилища, жители, как и на Кучиминском-XI городище, торцевую стену крепости разобрали, ров перед ней засыпали, поверх него поставили дома, удлинившие улицу, построили новую стену, выкопали новый участок рва. Позднее потребовалось вдвое сократить по-

селок, был оставлен блок в северо-западной части из 4 жилищ, а остальные с прилегающей стеной разобраны. Новый ров вырыт поперек городища, он прорезал и засыпал выбросом остатки старых построек, отстроили поперечную стену. В результате городище приобрело квадратную форму, при этом старые рвы не засыпаны, поэтому остатки поселения выглядят как двухплощадочное городище, хотя его юго-восточная площадка после последней перестройки уже никак не использовалась (рис. 7, 3, 4).

Очевидно, что время VIII–IX вв. для общин, живущих в двух соседних урочищах Барсова Гора и Сайгатино, прошло в состоянии постоянной мобилизации в ожидании очень близкой и неотвратимой опасности. В Сайгатино известно только одно неукрепленное поселение кучиминского этапа из двух жилищ, а на Барсовой Горе нет ни одного. В предшествующий период основная масса населения также проживала на городищах, но какая-то безопасно обитала в неукрепленных поселениях. Полагаем, что и барсовогорская, и сайгатинская общины постоянно ждали набегов врагов, от которых можно было отсидеться в своих городках. Ни один из них не имел внутренних источников воды и, значит, был не способен выдержать сколько-нибудь длительной осады, видимо, защищались от первого неожиданного натиска неприятеля. Вероятно, хорошо знакомый враг — это соседняя община, барсовогорцы для сайгатинцев и наоборот. И на кучиминском этапе VIII–IX вв. эти межобщинные войны обострились.

Обратим внимание на меняющуюся численность населения этих двух общин. Сначала в течение первой половины VIII в. вдвое выросла численность жителей городища Кучиминское-XI в Сайгатино с 4 до 8 жилищ, что не могло быть вызвано естественным приростом. В тот же период последовательно существовали два городища

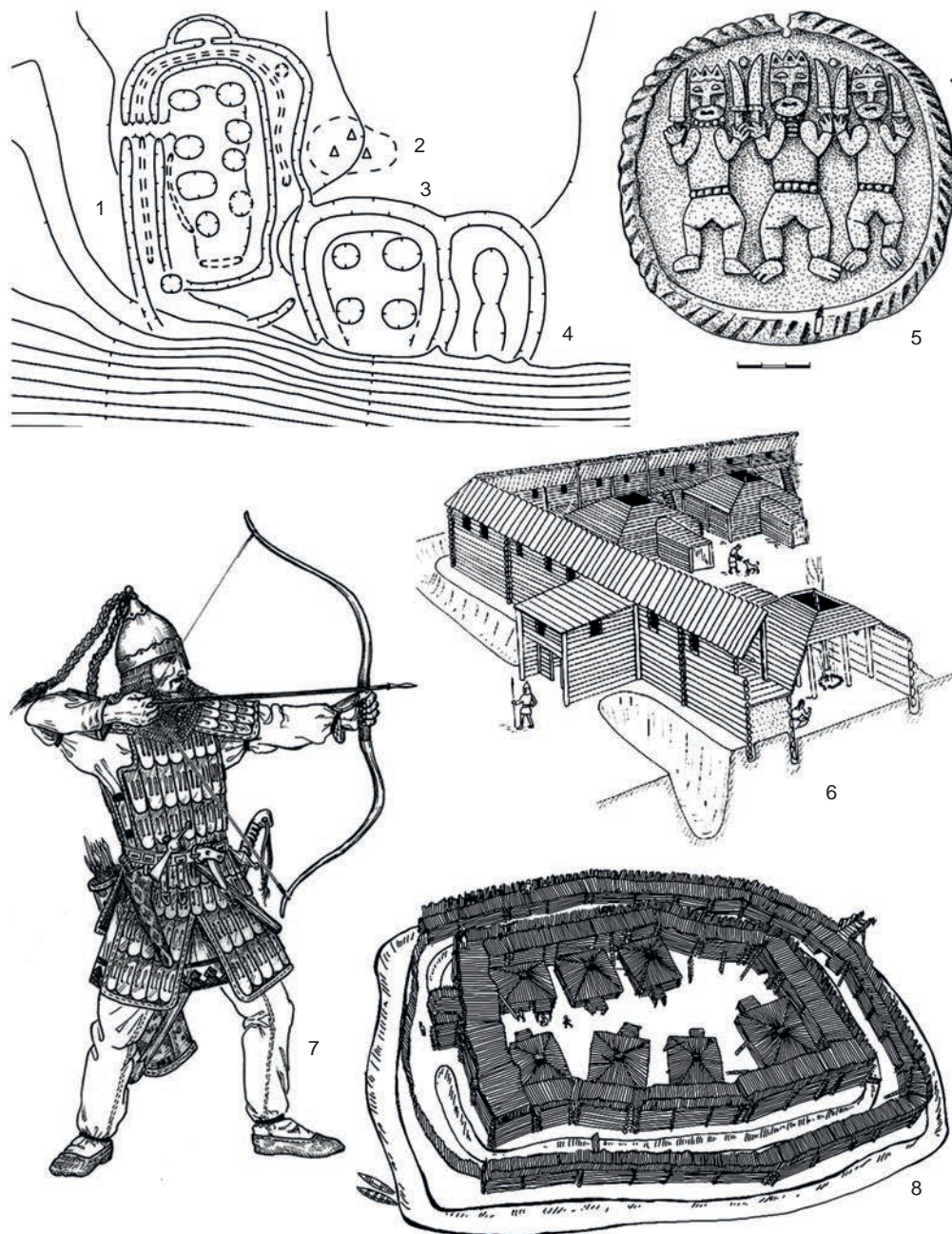

Рис. 7. Археологические комплексы кучиминского этапа VIII–IX вв. нижнеобской культуры Сургутского Приобья:

- 1 — Барсов городок-II/5; 2 — Барсова гора-II/2; 3 — Барсов городок-II/4; 4 — Барсов городок-II/3;
 5 — серебряная литая бляха IX–X вв. с Шаманского Мыса (Тобольский музей-заповедник);
 6 — Кучиминское-XI первой половины VIII в. (вариант реконструкции А. П. Зыкова);
 7 — тяжеловооруженный воин конца IX в. (реконструкция А. П. Зыкова по материалам погр. 73 Сайгатинского-I); 8 — Кучиминское-V (реконструкция А. П. Зыкова)

Барсовой Горы с 4 жилищами в каждом, т. е. численность сайгатинской общины стала вдвое превышать барсовогорскую. Но во второй половине VIII — первой половине IX в. барсовогорская община обрела 8-жилищное городище Барсов городок-II/5 с двойной линией фортификаций, вдвое увеличив свою численность. Перестройки городища второй половины IX в. Барсов городок-II/3-4 от 6-жилищного к 8-жилищному завершились резким сокращением до 4-жилищного укрепления. В сайгатинской общине ему точно соответствовали такие же по конструкции фортификаций 6-жилищное городище Кучиминское-XIV и два жилища расположенного рядом с ним неукрепленного поселения, а также чуть более позднее 7-жилищное городище Кучиминское-V.

Обзор крепостного строительства на кучиминском этапе VII–IX вв. в соседних урочищах позволяет заключить, что общины могли легко как быстро нарастить вдвое свой демографический и военный потенциал, так и потерять его от эпидемий или военного разгрома. Если первое предположение является чисто умозрительным, то военный разгром конца IX в. вполне очевиден: в двухвековом противостоянии барсовогорской и сайгатинской общин первые потерпели временное поражение.

Эти реалии хорошо прослежены по погребальной обрядности населения кучиминского этапа VIII–IX вв. Мы имеем группы погребений этого времени: могильники Барсов городок (Барсовский-I), Сайгатинские-I и -III, Усть-Балык и могильник Зеленый Яр. Для всех регионов северной тайги были характерны захоронения в неглубоких грунтовых ямах по обряду вытянутого на спине труположения в сопровождении инвентаря. Большинство погребений одиночные, но встречаются парные и коллективные (от 3 до 7 костяков

в одной могиле), они сгруппированы в устойчивые ряды. В принципе подобный тип погребального обряда сложился еще в кулайской культуре раннего железного века и сохранился на карымском, зеленогорско-рёлкинском этапах нижнеобской культуры.

Среди погребений кучиминского этапа (см. рис. 8) выделяем несколько таких, которые смело можно соотнести с захоронениями военных вождей: погребение 99 Сайгатинского-III могильника, погребение 119 могильника Барсов городок (Барсовского-I), погребение 73 Сайгатинского-I могильника [Зыков 2012: 71, рис. 43, 47]. Вокруг двух первых могил были зафиксированы остатки поминальных даров: воткнутые в грунт железные наконечники стрел, боевые и универсальные хозяйственные ножи (см. рис. 8, 3). А над третьей уже вскоре после совершения захоронения заслуженного воина было построено поминальное сооружение, которое стало основой святилища, функционировавшего не менее 600 лет [Там же: 96–97, рис. 40, 41]. Возможно, воин, захороненный с почетом на развалинах Кучиминского-V городища в погр. 73, открывавшем новый Сайгатинский-I могильник, был военным вождем, разгромившим своих врагов-барсовогорцев в конце IX в. (рис. 7, 7).

Военизированность населения Западной Сибири проявляется и в боевых ранениях на скелетах из могильников раннего Средневековья. Их доля, по Д. И. Ражеву, достигает до 12%, включая такие следы насилия, как попадание стрелы в глаз, разрушение лица и отсечение головы [Ражев 2013: 58]. Интересно, что в барсовогорской популяции пострадавших в два раза больше, среди них оказались и мужчины, и женщины, тогда как в сайгатинской выборке — только мужчины. Встречены и случаи скальпирования голов. Велика доля ранений, нанесенных секущими ударами оружия ближнего боя, впоследствии

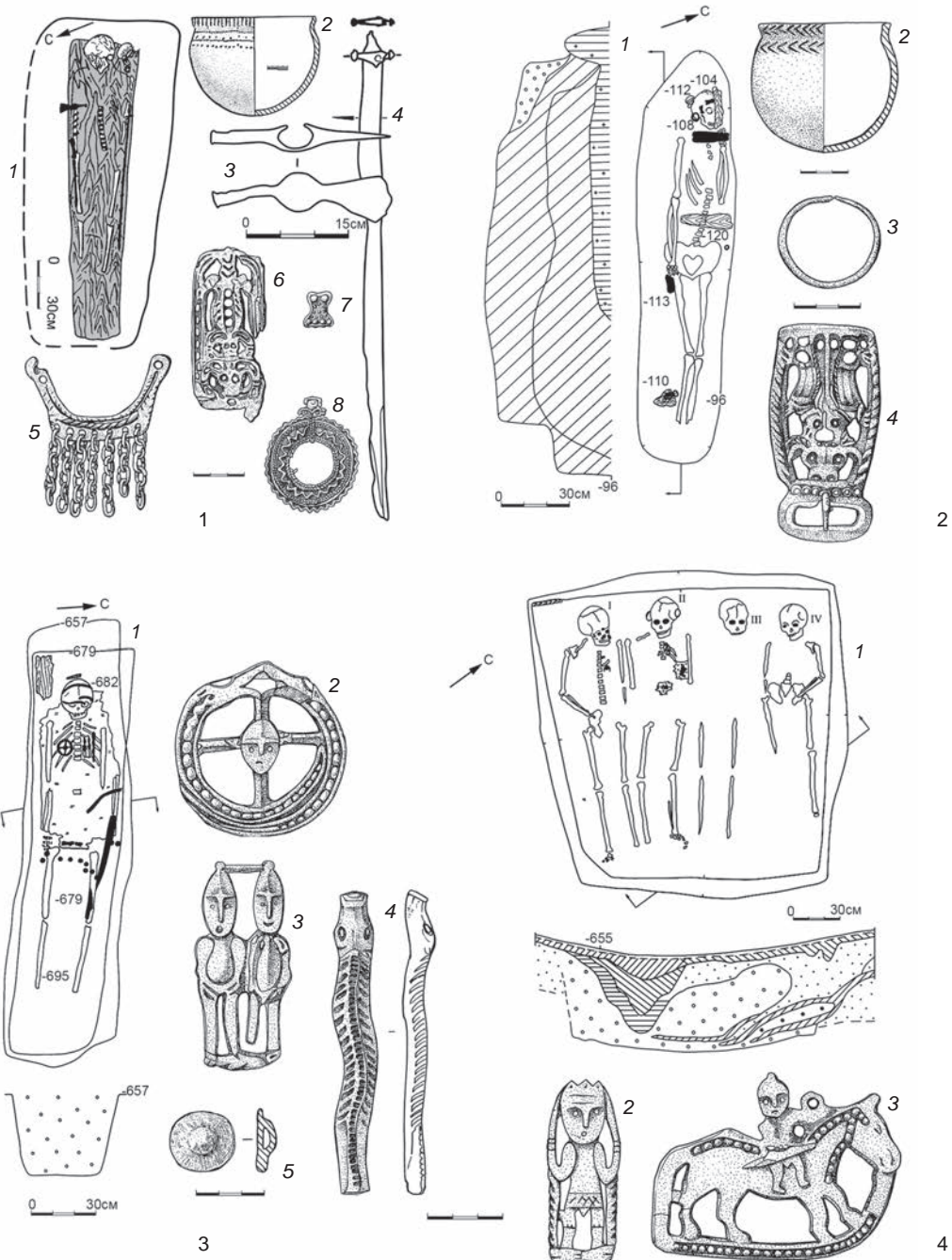

Рис. 8. Погребальный обряд кучиминского этапа VIII–IX вв. Сургутского Приобья:

1 — Сайгатинский-I, погр. 73 (1 — план; 2–8 — инвентарь: 2 — керамика;

3, 4 — железо; 5, 6, 8 — бронза; 7 — серебро); 2 — Сайгатинский-I, погр. 72

(1 — план и профиль; 2–4 — инвентарь: 2 — керамика; 3, 4 — бронза);

3 — Барсов городок (Барсовский-I), погр. 119 (1 — план и профиль; 2–5 — бронзовый инвентарь);

4 — Барсов городок (Барсовский-I), погр. 118 (1 — план и профиль; 2, 3 — бронзовый инвентарь)

заживленных, следов ударов дубинкой и шестопером, оставлявшим бороздовые следы на черепах, имеются и не заживленные травмы, вызванные щелевидными и дырчатыми проломами черепов саблями,

копьями с целью убийства человека. Последние многочисленны в сайгатинской общине и не характерны для барсовогорской выборки, имеющей в целом большее число ранений [Ражев 2013: 61, 63, 65].

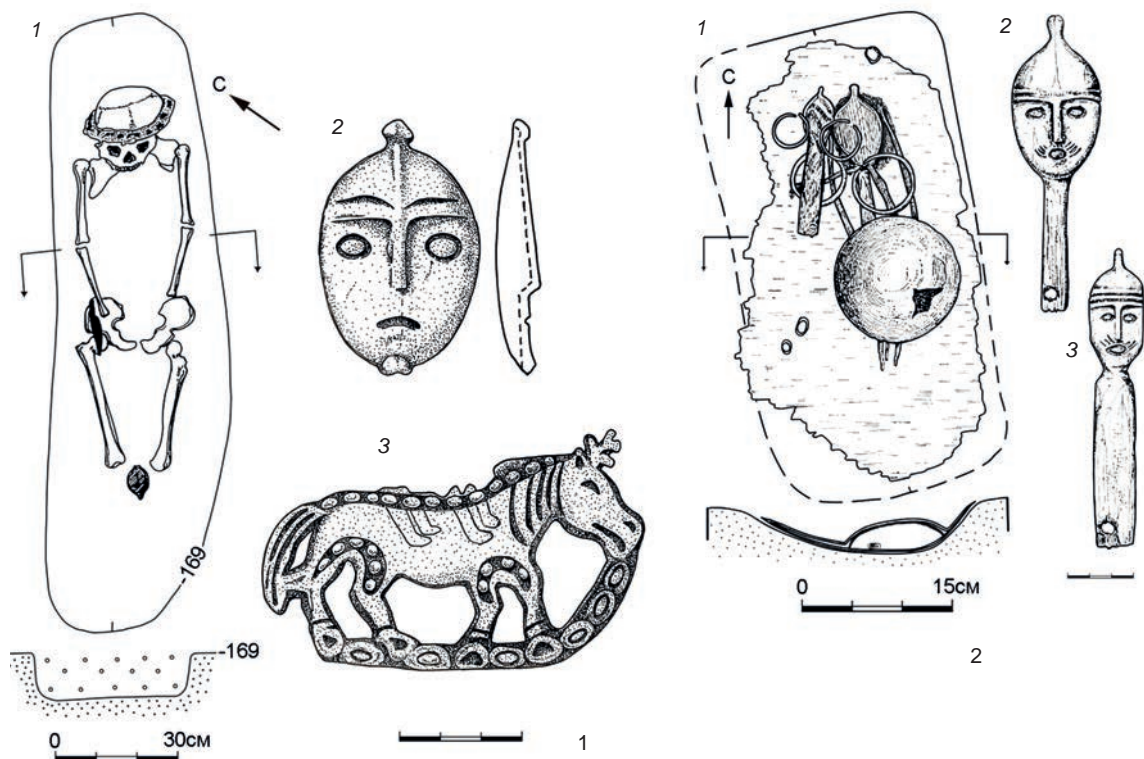

Рис. 9. Вотивные погребения кукол-иттерма кучиминского этапа VIII–IX вв. Сургутского Приобья:

1 — Барсов городок (Барсовский-I), погр. 130 с остатками положенной в него куклы-иттерма (1 — план и профиль; 2, 3 — бронзовый инвентарь); 2 — вотивное погребение пары кукол-иттерма VIII–IX вв. на поселении раннего железного века Остяцкий Живец-IV (1 — план и профиль; 2, 3 — деревянные личины кукол)

Рассматривая погребальную обрядность VIII–IX вв., следует коснуться очень важной ее стороны — вотивные погребения кукол с антропоморфными личинами, изображавших одну из душ умершего человека. Сложные представления хантов и манси о реинкарнации души умершего в новорожденного младенца, для чего и требовались такие куклы — временные

вместилища души умершего до ее возрождения, хорошо описаны в современных этнографических трудах [Кулемзин 1994: 375–378], они известны с раннего железного века до XV–XVI вв. [Зыков, Федорова 2001: 60–63]. Но наиболее полно этот обряд (см. рис. 14, 1) проявился в серии из 13 преднамеренных захоронений кукол из органических материалов с карка-

сом из древесных прутиков, с деревянными или бронзовыми личинами на кучиминском этапе VIII–IX вв. в Сургутском Приобье [Карачаров 2002: 26–52; Терехова, Карачаров 1994: 281].

Южные кочевнические тюркские традиции продолжали оказывать определяющее влияние на северные народы. Быстро сменяющаяся мода на украшения прически и костюма, а особенно на геометрическую с прорезями металлическую garnитуру наборных поясов VIII–IX вв., усваивалась северянами и благодаря большому количеству исследованных раскопками кучиминских погребений служила надежной опорой хронологии кучиминского этапа [Карачаров 1993: 110–118].

Трехлопастные черешковые наконечники применялись до конца раннего Средневековья, с VIII–IX вв. дополняясь более совершенными универсальными бронзобойными трехгранно-трехлопастными формами. Втульчатые железные топоры производились здесь вплоть до XVI–XVII вв., напрямую продолжая традиции кулайских кельтов раннего железного века. Первые же образцы слабоизогнутых сабель с колющими остриями и скошенными к лезвию черенками рукоятей появились на севере Западной Сибири лишь в IX в. [Зыков 2012: 86, рис. 47, 4; Чемякин, Карачаров 2002: рис. 16, 17; 17, 18]. Образцы сабель попадали на север по путям торгово-обменных связей с тюркскими степными кочевниками и не могли пока потеснить абсолютного господства палашей, сохранившегося до кинтусовского этапа, т. е. до конца IX — XII в.

Однолезвийные колюще-режущие боевые ножи являлись самым массовым видом оружия ближнего боя [Зыков и др. 1994: 54, 104, 148, № 225–227]. Таежные лучники, получившие носимый на поясе или за спиной комплекс клинкового (палаша, сабли, рубильные и боевые ножи) и древкового (втульчатые и проушные боевые рубящие

топоры) оружия, могли уверенно переходить от дистанционного стрелкового к ближнему бою.

Оборонительное вооружение развивалось под воздействием внешних сил, и почти все шлемы и доспехи поступали сюда в обмен на местные товары, прежде всего пушнину. Простейший тип защитного прикрытия головы в виде «бронированного венца» с плоским верхом известен по бронзовым личинам раннего железного века — раннего Средневековья и реальным археологическим находкам X–XI вв. [Зыков, Федорова 2001: 102–103, 126–127, кат. № 16], такие оголовья изготавливались на месте. Широко распространенные на севере Западной Сибири антропоморфные бронзовые изображения доказывают, что развитие шлемов шло от высоких колпаков истяцкого типа к низким горшковидным с плоской вершиной тульи [Бауло 2011: 79, 80, 116, кат. № 98, 99, 101, 157]. Точно такая же эволюция шлемов истяцкого типа (рис. 10) от высоких конических колпаков к низким горшковидным оголовьям с плоским или слегка выпуклым верхом и выделенным длинным наносником хорошо прослеживается по бронзовым личинам, обнаруженным и в таежном Приобье (см. рис. 11), и в лесостепном и степном Зауралье: в святилищном комплексе у села Нечунаево [Боталов, Лукиных 2016: 436–441, рис. 6, 1, 2, 4–8; 7, 9–11, 15, 16], находках на городище Святой Бор-V и у поселка Варна [Боталов 2016: рис. 3, 17, 43; Матвеева, Бахарева 2004]. Аналогии подобной же эволюции, конечно же, есть, вполне совпадающие по датировкам, но слишком далекие географически — Восточный Китай, Корея и Япония [Горелик 1993: 161, 163, 174, рис. 3, 8, 17; 9, 13].

Местное кузнечное производство оставалось глубоко консервативным. В большинстве изделий кузнечная сварка, соединявшая

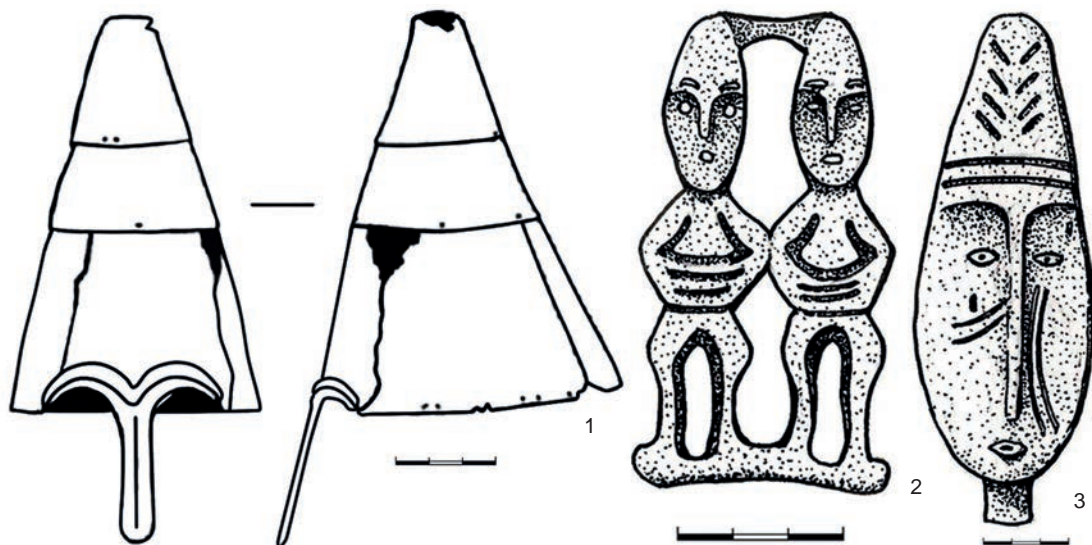

Рис. 10. Шлемы истяцкого типа:

- 1 — железный позолоченный шлем из Истяцкого клада (Тобольский музей-заповедник);
 2 — бронзовое парное антропоморфное изображение воинов в шлемах истяцкого типа из сборов в Сургутском районе ХМАО–Югры (Сургутский краеведческий музей);
 3 — бронзовая личина из Парабельской коллекции в шлеме истяцкого типа (Колпашевский краеведческий музей)

в одной неразъемной детали несколько различных листов металла, применена в виде приема многослойного пакета. Среди ножей кучиминского и кинтусовского этапов VIII–XII вв. такие образцы составляют от 40 до 95%. Северным кузнецам были знакомы способы производства железных втульчатых топоров с наварными стальными лезвиями с обязательной резкой закалкой. Но в раннем Средневековье ее перестали применять, судя по изученным втульчатым топорам и теслам, рубильному ножу и черешковым наконечникам копий и стрел с наварными стальными лезвиями, лопастями или шипами, так же не закаленными. Это уже свидетельство упрощения технологии вплоть до деградации, связанной с утратой когда-то приобретенных навыков. С VIII–IX вв. начался приток железной продукции на север из государств Южной Сибири и Восточной Европы. Однако импорт готового

высококачественного железного оружия, орудий труда, утвари не сопровождался освоением технологии, он лишь породил изготовление на севере изделий, внешне копирующих морфологию привозных образцов, но откованных по местным, гораздо более примитивным производственным схемам [Зыков 2014: 220]. Это и лежало в основе будущего крушения местной черной металлургии и металлообработки в XVII — первой половине XVIII в. [Там же: 220].

На кучиминском этапе VIII–IX вв. нижеобская культура таежного севера Западной Сибири представляла собой множество мелких общин, постоянно враждовавших друг с другом. Вместе с тем оно было спаяно удивительным единством синхронно изменявшихся на протяжении столетий лепной керамики, домостроения, фортификационного зодчества, сложных деталей погребальных обрядов и т. п., что и составляло

фиксируемый археологией мир археологической культуры. Этот слабо организованный массив населения смог сохранить свое культурное единство со второй половины IV до конца IX в. лишь в условиях отсутствия сильного внешнего враждебного воздействия на него в этот период.

На карымском этапе население севера Западной Сибири пережило масштабную миграцию носителей желобчато-валиковой керамики из Восточной Сибири. Насколько мощным был поток восточносибирских пришельцев от верховий р. Ваха на севере до р. Томи на юге в IV–V вв. доказывает то, что сосуды с желобчато-валиковой

орнаментацией появились даже на крайнем западе ареала — на городище Евра-25 в верховьях р. Конды [Каменский, Жирных 2006: 171, ил. 1, 2, 4]. Мигранты были ассоциированы и ассимилированы, так как на карымском, зеленогорско-рёлкинском этапах желобчато-валиковая керамика еще представлена отдельными типами в коллекциях памятников. Позднее сохранился только слабый след в виде новых декоров — неизменных желобков и наlepных валиков в общих орнаментальных композициях сосудов кучиминского и кинтусовского этапов. То есть таежная зона сдержала и остановила мощную волну мигрантов.

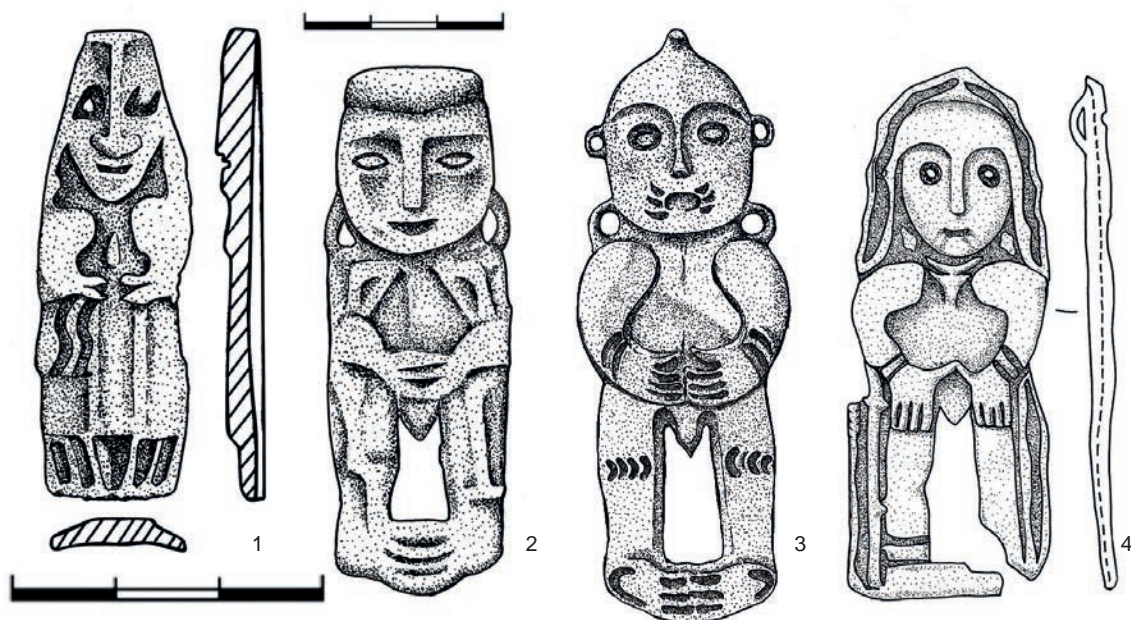

Рис. 11. Бронзовые ростовые фигуры воинов в шлемах:

- 1 — антропоморфное изображение в более низком варианте шлема истяцкого типа с приплюснутым куполом тульи из жилища 1 Ендырского-VII поселения карымского этапа второй половины IV — начала VI в. (Няганский городской краеведческий музей); 2 — антропоморфное изображение воина-кузнеца в позднейшем варианте истяцкого шлема в виде низкого горшковидного оголовья с плоским верхом и наносником VIII–IX вв. из Долговского-I (по А. А. Адамову); 3 — антропоморфное изображение воина в сфероконическом шлеме из сборов на р. Северной Сосьве Барезовского района ХМАО–Югры (частная коллекция); 4 — антропоморфное изображение воина в сфероконическом шлеме с бармицей и плюмажем из двух кос, прикрепленных к шпилью оголовья, с луком, стрелой и саблей (палашом) в ножнах VIII–IX вв. из Сайгатинского-III

Рис. 12. Конское снаряжение раннего Средневековья:

- 1 — керамическая фигурка всадника в седле, Потчеваш;
 2 — фрагмент костяного псалия с завершением в виде конской головы, Потчеваш;
 3 — фрагмент костяного стремена из лопатки животного, Потчеваш;
 4 — тяжеловооруженный протомадьярский конник VIII–IX вв. караякуповской культуры лесостепного Приуралья (реконструкция А. П. Зыкова по материалам Лагеревских курганов и изображению на серебряной чаше IX в. (5) (ГЭ)); 6 — железные удила с S-видными псалиями IX–X вв. из погр. 68 могильника Барсов городок (по Т. Й. Арне);
 7 — бронзовая фигурка всадника IX–X вв. из погр. 28 могильника Большая Умыгья-28

Рис. 13. Бронзовый декор костюма (1–4) и образцы серебряной посуды раннего Средневековья, обнаруженные на севере Западной Сибири (5–8):

1, 2 — плакетки из Холмогорского клада (Сургутский художественный музей); 3 — бляхонакладка из сборов в ХМАО–Югре (ИАЭТ СО РАН); 4 — навершие полый рукояти железного ножа из сборов в ХМАО–Югре (Музей природы и человека, г. Ханты-Мансийск); 5 — иранское блюдо с изображением шахиншаха Ездигерда I (399–421 гг.) и арабской надписью курсивом «чаша из серебра» IX в. на обороте, р. Сыня Шурышкарского района ЯНАО (по А. В. Бауло); 6 — блюдо-дискос: ангелы по сторонам креста, византийская Сирия VI в. (Березово до 1868 г., ГЭ); 7 — ковш из Хазарского каганата IX в. с гравированными изображениями (до 1909 г. в Коцком городке, ГЭ);

8 — блюдо урало-венгерского центра IX–X вв. из могильника Хето-се, Ямал (Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского)

Пережив на карымском этапе стресс от вторжения, на следующем, зеленогорско-рёлкинском, этапе носители нижнеобской культуры продвинулись в лесостепную зону Среднего Прииртышья и Барабы. Происходят проникновения нижнеобского населения на северо-запад, в бассейны рек Печоры и Вычегды. Причины переселений неясны, но то, что они произошли в VI–VII вв., является неоспоримым фактом.

Южнотаежные образования были родственными, наследниками кулайской культуры конца раннего железного века. Но в раннем Средневековье пути их заметно разошлись. Верхнеобская культура существовала до VIII в. под мощным воздействием кочевых народов степи. Всегда подвергавшаяся очень сильному тюркскому влиянию, она трансформировалась в сросткинскую культуру предков кыпчаков. В VIII–IX вв. остававшееся в лесостепи Омского Прииртышья потчевашское население также оказалось под давлением тюркских кочевников с юга и полукочевников сросткинской культуры с юго-востока, оттеснявших их к зоне лесов Тарского Прииртышья. Нижнеобская же культура продолжала существовать без существенных прямых воздействий степного кочевого мира и плавно развиваться непосредственно от всех традиций кулайской культуры в широком археологически фиксируемом спектре: производстве и орнаментации лепной керамической посуды, черной металлургии и металлообработке, бронзолитейном производстве, оружии, военном деле и фортификации, домостроении, верованиях и пр.

В начале эпохи раннего Средневековья одновременно с миграцией носителей зеленогорских традиций нижнеобской культуры в лесное Приуралье происходит и расселение оседлых тундровых коллективов охотников на диких северных оленей, носителей керамики тиутей-салин-

ского типа из Западной Сибири на запад в Большеземельскую и частично в Мало-земельскую тундры вплоть до Тиманского кряжа. Здесь им пришлось контактировать с местным приуральским населением бичевницкой культуры, свидетельством чего стало большое количество тундровых памятников с находками керамики бичевницкого и тиутей-салинского типов [Мурыгин 1984: 23–26; 1992: 152–167]. В лесостепной зоне зеленогорским северным мигрантам удалось продержаться со второй половины VI по IX в.

Западнее нараставшее тюркское кочевое давление заставило население ранне-средневековых бакальской, каракуповской культур IV–IX вв. постепенно переселяться из лесостепей Нижнего Притоболья, Среднего Приишимья и Приисетья еще западнее в лесостепи между Уральскими горами и междуречьем рек Волга и Белая. Именно из Приуралья в 20-е гг. IX в. вышли мадьяры в поход «для обретения новой родины», которую в конце IX в. они нашли в Дунайской Венгрии. А опустевшая после ухода на запад носителей бакальской культуры лесостепная долина р. Исети была занята северными мигрантами — носителями юдинской культуры со специфичной для них керамической посудой со шнуровой орнаментацией. Здесь, в лесостепях Зауралья, их угрозязычные потомки проживали до XIV–XV вв. [Шорин, Шорина, Зыков 2019: 63–70].

Угрозязычная стена на долгие столетия разделила два этнокультурных мира: лесных финно-пермян Приуралья и кочевых тюрок лесостепей и степей Южного Урала. Е. П. Казаков и Г. Н. Гарустович назвали этот узкий лесостепной массив чияликской культурой IX–XIV вв. [Гарустович 1998; 2015: 181–198; Казаков 2003: 79–87; 2007]. Именно этих носителей чияликской (юдинской) культуры у восточных границ

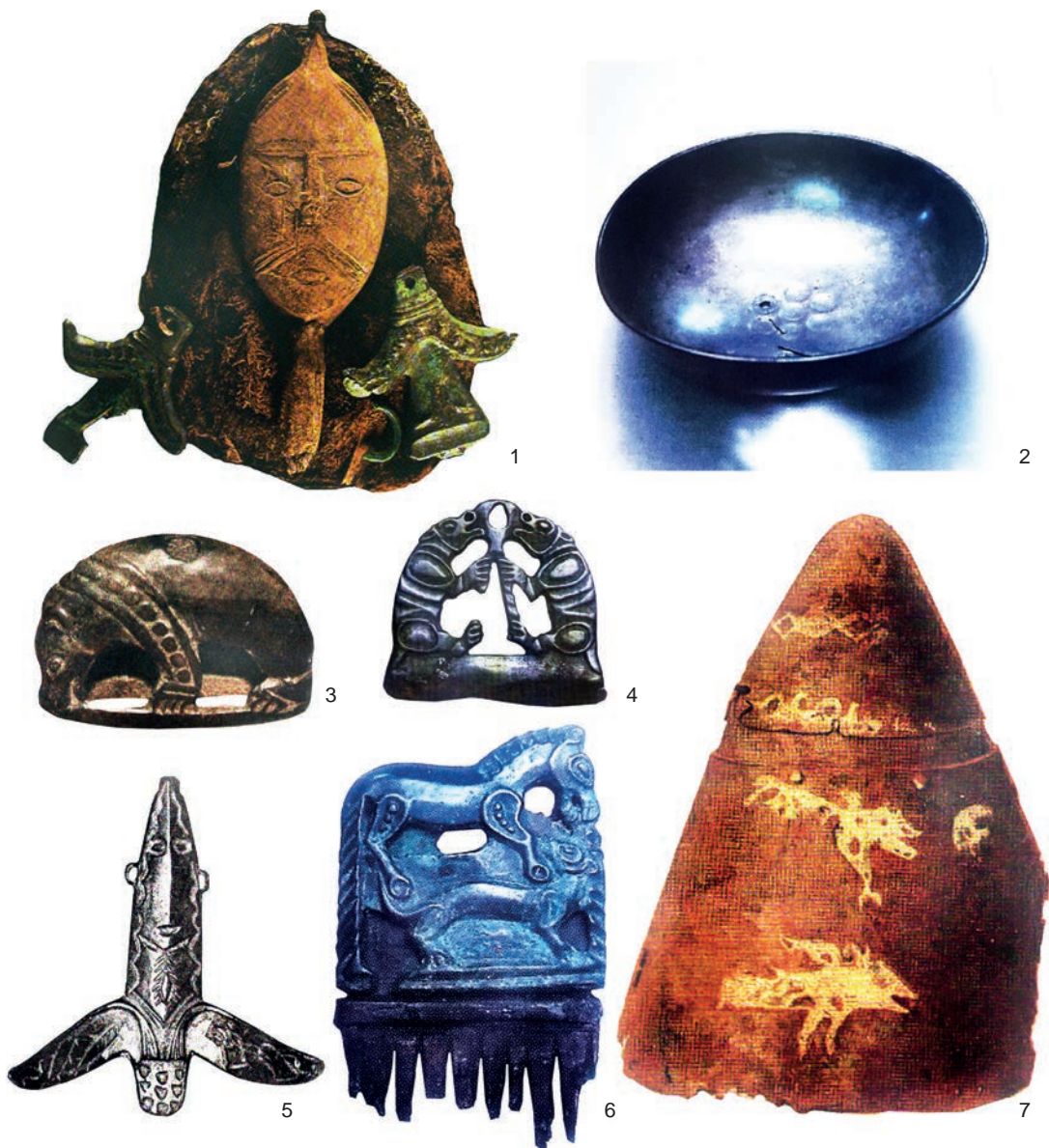

Рис. 14. Престижное вооружение, образцы бронзового литья раннего Средневековья и утварь: 1 — остатки куклы-иттерма с деревянной личиной, двумя подвесками VIII–IX вв. из погребения во рву Барсова городка-1/20 раннего железного века (по В. А. Борзунову); 2 — чаша иранская с шестилепестковым украшением на дне из вотивного комплекса VIII–IX вв. на поселении Остяцкий Живец-IV; 3 — полая пронизка в виде фигуры медведя VII–IX вв., р. Сыня Шурышкарского района ЯНАО (Овгортский краеведческий музей им. Е. И. Тыликовой); 4 — зооморфное навершие железного кресала из Сайгатинского-III могильника VIII–IX вв. (Музей природы и человека, г. Ханты-Мансийск); 5 — птицевидное изображение середины I тыс. из сборов на р. Сыня; 6 — зооморфное навершие деревянного гребня из Сайгатинского-III могильника VIII–IX вв. (Музей природы и человека, г. Ханты-Мансийск); 7 — железный шлем с золотыми аппликациями тульи и выломанной лицевой частью из Истяцкого клада (Тобольский музей-заповедник)

Волжской Булгарии в 1236 г. во время своего путешествия в поисках следов легендарной Великой Венгрии в двух днях пути от «большого города той области» (т. е. одного из городов государства Волжская Булгария) и встретил доминиканский монах брат Юлиан, венгр по национальности, и оставил бесценные свидетельства: «...язык у них совершенно венгерский: и они его понимали и он их. Они — язычники, не имеют никакого понятия о боге, но не почитают и идолов, а живут как звери. Земли не возделывают, едят мясо конское, волчье и тому подобное, пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах. По преданиям древних они знают, что те венгры произошли от них, но не знали, где они...» [Аннинский 1940: 81, 82].

Это единственная бесценная информация о том, что носители чияликской культуры XIII в., распространенной в том районе, с керамикой, орнаментированной отпечатками шнура, аналогичной юдинской культуре лесостепного и лесного Зауралья, были угрозязычными воинственными коневодами-язычниками [Шорин, Шорина, Зыков 2019: 63–70]. Поэтому можно усомниться в свидетельствах арабских, персидских и западноевропейских авторов IX–XIV вв., относивших всех восточных и южных соседей болгар к тюркоязычным бажгуртам или паскатирам [Гарустович 2015: 192–193]. По-видимому, предки вышеописанных родственников венгров проживали в лесах Западной Сибири севернее лесостепных мадьяр (носителей бакальской, караякуповской культур) до переселения их в Приуралье. И заняли лесостепную зону Зауралья лишь после ухода мадьяр в Приуралье.

В заключение скажем, что нижнеобская культура второй половины IV — XII в. занимала огромный таежный ареал Западной

Сибири. Во всем этом огромном пространстве на протяжении примерно 850 лет ее существования господствовала очень сходная круглодонная лепная керамическая посуда с ведущей среди нее группой сосудов, украшенных оттисками фигурных штампов. Ареал нижнеобской культуры приблизительно совпадает с зоной удивительно сходного облика материальной культуры разных по языковой принадлежности народов (манси, ханты, лесные ненцы, энцы, селькупы), населявших тайгу Западной Сибири XVIII — начала XXI в., наблюдаемой историками и этнографами. Почти вдоль всех границ огромной нижнеобской культуры существовали родственные археологические культуры раннего Средневековья, связанные с ней общностью происхождения от предшествующей кулайской культуры и/или культурно-исторической общности раннего железного века. Все они имели близкую нижнеобской, но отличающуюся по форме и орнаментации керамическую посуду. Причем временем существования нижнеобской культуры эпоха сходства материальной культуры таежных народов не исчерпывается, она продолжается в позднем Средневековье и Новом времени.

Степень изученности антропологического материала из могильников позволяет утверждать, что представители раннесредневековых социумов регулярно участвовали в боевых действиях как в качестве нападающих, так и в качестве жертв агрессии. Существенные различия в структуре боевых ранений в разных локальных группах говорят о расхождениях в правилах социального поведения, вероятно, культивировании вражды с соседними коллективами.

Глава 2

ЛЕСОСТЕПНОЕ ТОБОЛО-ИРТЫШЬЕ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Историография изучения

Поскольку история исследования и историография изучения лесостепного Тоболо-Иртышья обстоятельно рассмотрены в специальных работах Т. Н. Рафиковой [2007: 76–98] и Б. А. Коникова [2007: 11–41], то остановимся только на концептуальных вопросах и новейших работах.

После длительного периода накопления материалов в XVIII — начале XX в. [Матющенко 2001: 10–104] и развертывания краеведческой работы первый значительный вклад в реконструкцию средневековой истории был сделан К. В. Сальниковым и В. Н. Чернецовым в 1950-х гг., когда после раскопок Большого Бакальского городища, Андриюшина городка, Козловского могильника, городища и могильника Потчеваш, городища Большой Лог были подняты вопросы о специфике развития в конкретных природных зонах, о самостоятельных культурах бакальской в лесостепи и нижеобской в тайге, ареал которой занимал южную тайгу и достигал лесостепи [Сальников 1956: 211–214; Чернецов 1957: 137]. Первоначально В. И. Мошин-

ская отнесла потчевашские комплексы к раннему железному веку [Мошинская 1953а: 204], что оказалось ошибочным. После раскопок В. Ф. Генинга и его учеников других памятников в лесостепи, ставших опорными (Малое Бакальское, Кучум-Гора, Старо-Лыбаевское [Генинг, Бушуева 1961; Генинг, Овчинникова 1969: 128–137; Голдина 1969; Зданович 1967; Потемкина 1964], Большой Лог [Генинг, Голдина 1967: 145–148], Логиновское, Горносталевское городища [Генинг, Евдокимов 1969: 102–127], Лихачевский могильник [Генинг, Зданович 1987: 119–133]), возникла новая историко-культурная схема, в которой был обоснован статус потчевашской культуры как подразделения раннего Средневековья с двумя этапами: 1) III–VI вв. — сперановский; 2) VI–VIII вв. — горносталевский [Генинг и др. 1970: 215–224]. В 1970-е гг. к изучению средневековой эпохи Прииртышья присоединились В. А. Могильников, Б. А. Коники и А. С. Чагаева, принявшие датировки уральских исследователей и существенно продвинувшиеся в характеристике домостроительства как традиции возведения двускатных полуземлянок и наземных построек малой площади,

хозяйства как охотничье-рыболовческого со значительной долей скотоводства, а также выявившие тюркское влияние на местное население уже с VI в. [Конилов 1978; Могильников, Конилов 1983; Чагаева 1970: 229–237; 1973: 103–119; 1976: 166–193]. В. А. Могильниковым первоначально выделялась среднеиртышская культура¹ [Могильников 1970: 183–185], на которой он позднее не настаивал. В дальнейшем эта же схема развития потчевашской культуры со значительным понижением хронологических границ в ранний железный век реализована в коллективной работе по Барабе, поскольку было установлено сходство с кулайскими памятниками по всем их характеристикам [Молодин и др. 1988: 166], что обострило дискуссию вокруг потчевашской культуры.

Вместе с тем в 1960–70-е гг. появились обобщающие работы В. Д. Викторовой по сопредельной с лесостепью территории лесного Зауралья [Викторова 1968: 240–256; 1969: 12–18], развитие которой было представлено последовательностью местных прыговского, туманского и пришлого батырского типов памятников, смененных в VI–IX вв. молчановским и тынским. В настоящее время прыговский рассматривается как керамический тип в составе артефактов кашинской культуры раннего железного века, туманский — как карымский, батырский — как культура [Зыков 2012: 35]. Молчановский ныне обсуждается под названием «андрюшинский», по предложению М. Ф. Косарева [1991: 26], оставаясь все еще дискуссионным.

Тогда господствовал эволюционный подход к изучению прошлого, выраженный в выделении этапов поступательного развития коренного населения. Использовались

¹ Рассматривается как саровский этап кулайской историко-культурной области.

стилистический и историко-культурный методы, на которых основана схема культурогенеза в долине р. Оби В. Н. Чернецова с делением на четыре этапа, распространением и на южную зону ее притоков [Чернецов 1957: 137, 138]. Позднее эта схема детализирована Н. В. Федоровой, В. М. Морозовым, Л. Н. Тереховой [Федорова и др. 1991: 129–143], а затем — А. П. Зыковым [Зыков 2012: 42–45; Зыков, Федорова 2001: 20–21] по наблюдениям за развитием орнаментации и форм посуды, жилищ и фортификаций. Ими выделены этапы с другими названиями: саровский, карымский, зеленгорский, кучиминский, кинтусовский, сайгатинский нижеобской историко-культурной области. Спустя время приверженность идее медленной эволюции проявили К. Г. Карачаров в работах по таежной зоне и Т. Н. Рафикова по лесостепи [Карачаров 2010: 251; Рафикова 2011: 14–15].

Ревизия сальниковской бакальской культуры была предложена Б. Б. Овчинниковой, сделавшей попытку включить ее в состав урало-сибирской сылвенской общности вместе с неволинской и родановской, в которых она видела развитие материальной сферы жизни родственных угорских народов с расширением хронологического диапазона этого единства до XV в. [Овчинникова 1988]. Данный тезис был встречен скептически как не учитывающий всю специфику локализации памятников, форм и технологии гончарства в Приуралье и Зауралье [Могильников 1987: 179–183], а потом и вовсе отвергнут [Морозов 2003: 166; Пастушенко 2002: 183].

Несколько иной взгляд на последовательность и факторы смены культур представлен в обобщениях конца 1980-х гг. В. А. Могильникова [1987: 163–164; 1990: 1]. Разделяя мнение своего учителя В. Н. Чернецова на Средневековье Западной Сибири как последний этап этногенеза коренных

народов, причиной смены археологических этапов в рамках VI–XIV вв. он считал политико-экономическое влияние на местную культуру тюркских государств степной зоны. Отметим, что бакальские памятники В. А. Могильниковым, а также рядом последовавших за ним исследователей были помещены в развитое Средневековье из-за недооценки фактора компрессии культурных слоев краткосрочных периодов обитания [Викторова, Морозов 1993: 178; Морозов 2003: 166] и из-за предубеждения о позднем начале тюркизации местного населения, связанном с завоеваниями кыпчаков, — не ранее IX–XI вв. [Могильников 1987: 183; Потемкина, Матвеева 1997]. Компромиссные высказывания о том, что, оставаясь южной периферией Обь-Иртышской общности, территория лесостепи вошла в зону влияния Тюркских каганатов, принадлежат Б. А. Коникову [2007: 252, 261].

В 1990-е гг. и по настоящее время изучение средневекового материала Западной Сибири претерпевает существенные изменения. Потчевашская культура начинает рассматриваться как образование на базе богочановского, саровского и саргатского субстратов, а также позднего тюркского суперстрата [Молодин 1995: 18–20]. Разработка проблем микрохронологии комплексов позволила установить многочисленные факты одновременного залегания бакальской, карымской, кушнаренковской, молчановской, петрогромской, потчевашской керамики в погребениях [Боталов и др. 2008; Данченко 2008; Кайдалов и др. 2011; Матвеева 2007] и поселенческих комплексах. С появлением серийных радиоуглеродных дат с лесостепных многослойных поселенческих памятников [Епимахов 2008; Матвеева, Орлова, Рафикова 2009] и после комплексного изучения некрополей Козлов Мыс-2 и Устюг-1 [Матвеева 2012б; 2016а] обсуждение проблемы культуругенеза в регионе

приобрело острый характер. Исследование памятников с доминированием карымского материала (могильники Усть-Тара-VII, Красноярский-IV, Красноярское городище) поставило вопрос о взаимовлиянии бакальских и карымских групп населения и динамике их ареалов и выдвинуло задачу уточнения разных компонентов в сложении потчевашской культуры [Данченко 2005; 2008; Скандаков, Данченко 1999].

Полагаем, что содержание понятия культуругенеза в том виде, которое установилось в предыдущие десятилетия в отечественной археологии, необходимо модернизировать с учетом того, что остатки материальной культуры не имеют свойства саморазвития и не могут быть представлены эволюционной линией по примеру биологической таксономии [Клейн 2015; Tschauner 1994]. Логичнее понимать культуругенез как процесс изменения состава разного уровня археологических таксонов в динамике времени, тогда удастся отразить специфику методов и источника археологии и уйти от излишней линейности при решении проблемы смены археологических комплексов в разные эпохи [Клейн 2015: 179].

Наряду с «типом памятников» в региональную исследовательскую практику введены понятия «историко-культурная область», «тип артефактов», «историко-культурный горизонт» [Боталов 2016]. В частности, С. Г. Боталов считает, что последнее способно заменить археологическую культуру «...как не достаточно широкое и универсальное понятие, чтобы отразить историко-культурное синкретическое многообразие облика населения лесостепных районов» [Там же: 468]. С этим мы не согласны, поскольку термин «хронологический горизонт» устойчиво употребляется в другом контексте: как «...набор черт, которые связывают многие археологические культуры через широкое пространство в короткое

время» или как «...пространственная непрерывность типов, природа и условия нахождения которых предполагают их быстрое географическое распространение» [Классификация в археологии 2013: 67]. Полагаем, что как результат применения историко-сравнительного и типологического методов археологические культуры и типы памятников представляют собой скелет таксономической системы локально-хронологического деления древностей и отказываться от них нет оснований. Е. М. Данченко обратил внимание на сложность членения средневекового периода и на то, что пространственно-временные границы таксонов могут быть как резко выражены, так и достаточно расплывчаты и далеко заходить в ареалы соседних культур, а показательные признаки передаваться преемникам [Данченко 2001: 148].

Высказаны сомнения в прямой связи этнографической и археологической информации, упраздняются этнизирующие определения археологической культуры [История Сибири 2019: 9]. Уделяется внимание миграционным процессам как существенному фактору культурогенеза, доказано, что за счет различного баланса субстратных и суперстратных компонентов в локальной среде идет формирование новых оригинальных культур [Матвеева 2015в: 157; Молодин, Соболев, Соловьев 1990: 195].

С пополнением источниковой базы пересмотру подверглись ареалы и датировка культурных образований. Так, по предложению В. Д. Викторовой и В. М. Морозова, бакальская культура возвращена в хронологические рамки раннего Средневековья на основе доказательства преемственности с саргатской [Викторова, Морозов 1993: 178–180; Могильников 1994: 61–68]. А. П. Зыков и Н. В. Федорова считают потчевашскую культуру лесостепным локальным вариантом VI–VIII вв. памятников зеленогорского и кучиминского типов,

возникшим после переселения их носителей из тайги на юг [Зыков, Федорова 2001: 20–21], а предшествующий период в лесостепи А. П. Зыков связывает с кочевниками гуннского и постгуннского времени [Зыков 2002: 48]. В противовес этой точке зрения Е. М. Данченко видит корни потчевашской культуры в саргатской, кашинской и богочановской культурах при участии мигрантов из ареала кулайской на фоне взаимодействия с бакальским населением лесостепи [Данченко 1992: 80–83; 2005: 149–152], а хронологическую лауну между саровскими и потчевашскими древностями заполняет карымскими материалами IV–VI вв. после исследований ряда ярких памятников в южнотаежном Прииртышье, в частности могильника Усть-Тара-VII [Скандаков 1994; Скандаков, Данченко 1999], Красноярского городища [Данченко 2005: 149–152; Данченко, Колесникова 2000: 154–172].

Поскольку установлено значительное различие потчевашской, зеленогорской керамики и кучиминской [Михалев 2007: 217–255], не говоря уже о производящем хозяйстве и курганном обряде, отличающими первую от нижеобских комплексов, считаем необходимым сохранять данный таксон в системе древностей раннего Средневековья. Потчевашские комплексы обнаружены на Тоболе и Исети [Матвеева, Третьяков, Зеленков 2021], установлено, что карымская культура далеко заходит в лесостепь [Борзунов, Чемякин 2015], как и могильники собственно тюркских кочевников, проникавших из степи [Зыков 1990: 3–11; Маслюженко 2008; Матвеева 2016а: 224–225].

Почти всеми исследователями отмечался гетерогенный характер памятников лесостепи и подтаежной зоны. По мнению С. Г. Боталова и Н. П. Матвеевой, культурогенез проходил в контактных зонах под воз-

действием разнообразных природно-климатических, миграционных и социальных факторов [Боталов 2013; Матвеева 2016а].

Сделаны попытки комплексного изучения эпохи с учетом конкретной обстановки меняющейся природной среды. По палинологическим и почвенным данным показаны неоднократные волны потепления и похолодания с общим трендом к увлажнению [Рябогина, Иванов 2009; Якимов и др. 2012]. Геоморфология памятников изучалась как фактор структуры землепользования [Костомаров, Третьяков 2018]. Рацион питания по данным нагаров на посуде исследовали Н. П. Матвеева, Н. С. Ларина и Т. Н. Рафикова [2007]. Сравнительное рассмотрение бакальского хозяйства и других средневековых культур провели Т. Н. Рафикова и И. Ю. Чикунова [2012], а также Е. А. Третьяков и А. С. Зеленков, на разных группах материалов. Они согласованно обосновали тезис о скотоводческой направленности бакальской экономики и о промысловой направленности других [Третьяков, Зеленков 2019: 105]. Палеоэкономическое моделирование по одному из опорных памятников, Коловскому городищу, предприняли Н. П. Матвеева и Е. А. Третьяков, высказав идею о сословных различиях в образе жизни бакальского населения: полукошевого — у знати, полуседлого — у рядового [Матвеева, Третьяков 2020]. Однако пока очень слабо изучены неукрепленные поселения, хозяйственные постройки, мало уделяется внимания архитектурным реконструкциям, не достаёт данных о социальной иерархии, что могло бы дополнить наши представления об образе жизни населения лесостепи Зауралья в данный период.

Анализом керамики занимались Е. А. Ульянова, А. В. Пименова и А. С. Зеленков, выявившие основные приемы бакальских гончаров, функции различных форм посуды и обосновавшие низкую прочность

и небрежный характер декора как специфику бакальского гончарства [Зеленков 2019; Матвеева, Ульянова 2011; Пименова 2016; 2017]. В этой связи встал вопрос о причинах появления керамики высокого качества кушнаренковского типа, распространенной по обе стороны Урала. Своеобразие ее технологии и форм трактовалось как новация, принесенная в Приуралье с востока кочевыми группами прамадьяр или таинственных сабиров [Генинг 1972: 271, 272; Мажитов 1977: 60–75; Матвеева Г. И. 1968: 113–121; 2007: 75], из-за явных западносибирских параллелей в орнаментации [Иванов 1999: 66–68]. Первоначально авторы разделяли данную позицию, основываясь на более ранних датах зауральских материалов, но в последних работах при сопоставлении большего круга источников склонились к среднеазиатскому влиянию на местное гончарство [Зеленков 2019; Матвеева 2007: 74; 2016а: 153; 2019: 50–51; 2021: 90].

Значительную роль в активизации исследований взаимодействия западносибирских средневековых этнокультурных образований между собой в последние десятилетия сыграла деятельность международного коллектива, объединенного периодически собирающимся Мадыарским симпозиумом. Не вдаваясь в обсуждение огромной историографии темы *Magna Hungaria*, по которой опубликованы фундированные обобщения [Напольских 1997; Иванов 1999; Овчинникова, Дьёни 2008; Хайду 1985], отметим, что удалось значительно продвинуться вперед в определении места и времени формирования мадыарского союза племен Хетумогер в русле концепции урало-западносибирской прародины.

Идея отнесения мадыарского этногенеза ко времени Великого переселения народов в Западной Сибири, когда осуществлялись массовые миграции, в том числе, в широтном направлении [Могильников 1972;

Халикова 1976; Чернецов 1953], связывающая его с распадом саргатской культуры в начале IV в., получила серьезную критику: как за счет новых данных о полиэтничности и иранских корнях материальной и духовной культуры элиты лесостепного населения [Матвеева 2000], так и за счет доказательств преэместности саргатской и бакальской культур [Овчинникова 1988], а также незначительности саргатского влияния на культуры, располагающиеся западнее Урала. Это не отменяет возможности нахождения прамадьярских групп в саргатской среде, однако не позволяет решать проблему западносибирской прародины столь прямолинейно, хотя миграционные выплески на запад в раннем железном веке имели место. Например, доказано, что зауральские группы находились в составе сарматов [Краева 2010; Матвеева 1993; 2018; Мошкова 1974] и только как один из компонентов могли участвовать в средневековом приуральском культурогенезе.

Урало-западносибирская гипотеза прародины венгров получила более веские аргументы благодаря аналитической работе В. А. Иванова [1999: 57–60], обосновавшего зону формирования мадьяр в ареале кушнареновско-караякуповской, поломоской, ломоватовской, неволинской археологических культур [Белавин, Иванов, Крыласова 2009], т. е. становление их из компонентов, возникших на разных территориях [Иванов 2015: 201]. Однако тезис В. А. Иванова о едином этнокультурном ареале, составленном из территорий вышеназванных, а также культур Зауралья и Западной Сибири, нам кажется чрезмерной генерализацией, возникшей из слишком общих показателей устройства могильных ям и наличия/отсутствия общераспространенных категорий инвентаря. Кроме того, успехи генетики продемонстрировали частичное сходство в ДНК погребенных из ломоватовских

и караякуповских памятников, указывающее на наличие общих предков с венграми времен обретения родины [Szifert et al. 2018: 202–222].

Новая волна интереса к обоснованию западносибирской прародины возникла во многом благодаря кропотливой работе А. В. Комара по сравнению археологических и исторических данных. Ему удалось локализовать Леведию и Этелькёз, предложить комплекс археологических признаков (Субботцевский горизонт) для поисков среды истоков мадьярской культуры, показать достаточно динамичный характер мадьярского этногенеза в раннем Средневековье, с разными соседями и направлениями культурных контактов, с менявшимися военно-политическими приоритетами в заимствованиях. В связи с этим А. В. Комар и А. Тюрк считают, что в поисках надо опираться на специфические этнокультурные маркеры памятников мадьяр: бескурганый погребальный обряд с размещением шкуры лошади в могиле; западная ориентировка покойных; поясные наборы с растительным «узелковым» декором; серьги с многобусинными привесками; сумочки-ташки на поясе; подвески в виде всадников; металлические лицевые покрытия, отраженные в источниках на завершающей стадии переселения [Комар 2018: 98–99; Türk 2012: 3, 4].

Существенным является вклад в прамадьярскую проблематику исследователей комплексов «венгерской» торевтики, выделивших в ней сасанидские, «танские» растительные мотивы, интерпретируемые как отражение прочных центральноазиатских связей с участием огузов и кимаков восточнее Волги в VIII — начале IX в. [Тюрк 2013: 236; Klima 2018]. Дополнительные типологические аргументы к поиску исходной территории миграции мадьяр предложил А. В. Комар: приуральские (агафоновские)

формы поясных наборов, сrostкинские элементы костюма и конского снаряжения [Комар 2018: 251, 254], что позволило ему предполагать расселение группы кочевых мадьяр, родственных караякуповскому населению, восточнее челябинского Зауралья с контактами в Приаралье, Приишимье и Прииртышье до начала IX в. и затронуть вопрос о связи с этим кругом бакальской археологической культуры.

На возможное влияние населения потчевашской культуры на раннесредневековый культурогенез на Урале и в Зауралье и на его контакты с кочевниками Казахстана уже обращали внимание В. Ф. Генинг [1959; 1972], А. Х. Арсланова [1980], В. А. Могильников [1987], в настоящее время данную точку зрения развивают А. С. Зеленков, Н. П. Матвеева и Е. А. Третьяков [Зеленков 2018а: 41; Матвеева, Третьяков, Зеленков 2021]. Особенное значение имеют эти контакты в связи с аргументом лингвистических самодийско-угорских связей [Хелимский 1982: 123–125], которые не могли осуществляться в Европе, поскольку прасамодийцы находились в стороне от иранской и финской языковой среды [Напольских 1997: 149].

Таким образом, значительно пополнились источниковая база и круг интерпретаций в археологических исследованиях раннего Средневековья по западной части Западной Сибири. Поиск причинно-следственных связей между появлением и распространением культурных признаков и историческими событиями, происходившими в лесостепном и подтаежном Тоболо-Иртышье, мы предлагаем рассматривать через дробную хронологическую шкалу, допуская синхронность и взаимовлияние разных традиций, т. е. кросскультурный подход. Появилась возможность наполнить более конкретным содержанием понятия «археологическая культура», «археологический тип» применительно к гетерогенным материалам

Средневековья. Это позволит выделить в материалах Тоболо-Иртышья комплексы вещей, погребений и поселений, определяющие типичные и особенные черты в развитии, обозначить хронологические интервалы и характер культурной динамики на протяжении IV–IX вв., выявить влияние соседних народов и характер их взаимодействия.

Бакальская культура

Ареал. Памятники бакальской культуры, которых сейчас известно около 120, полностью занимают лесостепную долину Тобола с его левыми притоками Исетью и Миассом, располагаясь здесь довольно плотно, через каждые 10–12 км, что говорит об их разновременности (см. рис. 15). В подтаежную зону бакальское население проникало вплоть до устья Тобола с его притоками Пышмой, Турой, Иской и Тавдой, но на последних памятники единичны, как и в долине р. Вагай, которая почти не исследована. В Приишимье бакальские комплексы обнаружены на правом и левом берегах, но их носители редко выходили в междуречье Ишима и Иртыша, в основной ареал потчевашской культуры.

Природные условия. Опыт междисциплинарных исследований археологических памятников позволяет утвердительно ответить на вопрос о влиянии природных условий и климатической динамики на историко-культурный облик Западной Сибири в Средневековье. Наиболее детально картина природных условий железного века охарактеризована для территорий Тоболо-Ишимья, где проходил процесс смягчения аридности, шедший в эпоху Великого переселения народов [Матвеева 2016а: 196–202; Рябогина 2008: 56]. В период II — начала IV в. [Матвеева, Рябогина 2003: 33]

зафиксирована сухость, распространение остепненных лугов. Палинокомплекс Устюга-1 IV в. показал преобладание травянистых с большой долей бобовых и мезофитного разнотравья [Рябогина, Иванов 2013: 136], что указывает на медленные изменения климатических условий и облика растительности. Судя по данным Ревды-2.1 и Ревды-5, со второй половины IV в. увеличение доли сосны говорит об изменении ландшафтов в сторону развития лесных сообществ [Рябогина, Иванов, Афонин 2015: 175], позднее наступает гумидный умеренно прохладный период. К началу VII в. снижается увлажнение при относительном потеплении, намечается общий аридный тренд [Якимов и др. 2012: 141, 142]. С VIII в. смешанные леса уже определяли облик ландшафтов. Подтаежная растительность формируется на фоне уменьшения континентальности климата, вследствие изменения баланса температур и осадков [Рябогина, Иванов, Афонин 2015] на рубеже раннего и развитого Средневековья. Аналогичные сдвиги температурно-влажностного режима наблюдаются в лесостепной зоне Барабинской низменности [Волкова, Бахарева, Левина 1989: 90–95], Южном Приуралье [Кривошеев, Борисов 2019: 54–55].

Немногочисленные данные характеризуют климат Приишимья по памятникам Ласточкино Гнездо и Борки-1, а также по разрезам торфяников, например Гладилловский, Станичный и Калининский ярмы. По данным Н. Е. Рябогиной, стадии смены климата и растительности и подвижки природных зон запаздывают относительно Притоболья на одно-два столетия [Рябогина 2004]. Более сухой климат и разнообразие луговой растительности говорят в пользу степного ландшафта Приишимского района в период IV–VIII вв. Вместе с тем отмечаемое палинологами определенное остепнение локальных пространств, приуроченных

к археологическим памятникам, возможно, указывает на периоды наибольшей активности освоения территории населением, вызвавшим деградацию луговых сообществ.

В целом ландшафтный облик региона в раннем Средневековье отличался тем, что границы природных зон располагались севернее, чем современные, примерно на 80–100 км. Учитывая, что на территории Казахстана произошло существенное похолодание, особенно в первые века нашей эры, сказавшееся неблагоприятным образом на условиях зимовок скота [Аубекуров, Нигматова 2015: 41], а в дальнейшем наметилась тенденция к увлажнению при сохранении холодных зим, что не создавало достаточных пастбищных условий для кочевников, то урало-аральский регион превратился в коридор для миграций народов, а лесостепные земли стали зоной хозяйствования кочевников. Причем максимум влажности и холода для большей части Казахстана приходится на древнетюркский период [Там же], следовательно, активность номадов в лесостепи в период раннего Средневековья постоянно возрастала.

Поселения и жилища. Городища занимали мысовидные участки террас, огороженные фортификациями в виде треугольника, овала, круга, трапеции и полукруга площадью до 10 тыс. кв. м, например Усть-Терсюк-1, Красноярское, Красногорское (см. рис. 16). Поскольку установлено, что они приурочены к наиболее высоким гипсометрическим отметкам вдоль рек через 30–40 км, обеспечивают военный контроль и возможность подачи светодымовых сигналов [Третьяков 2017: 76], то считаем, что территория вокруг них в радиусе 10–15 км являлась зоной эксплуатации ресурсов. Защитных линий, состоящих из рва и вала, насчитывается от одной до трех, например на Усть-Терсюк-1, Коловском, Красноярском и Уповском.

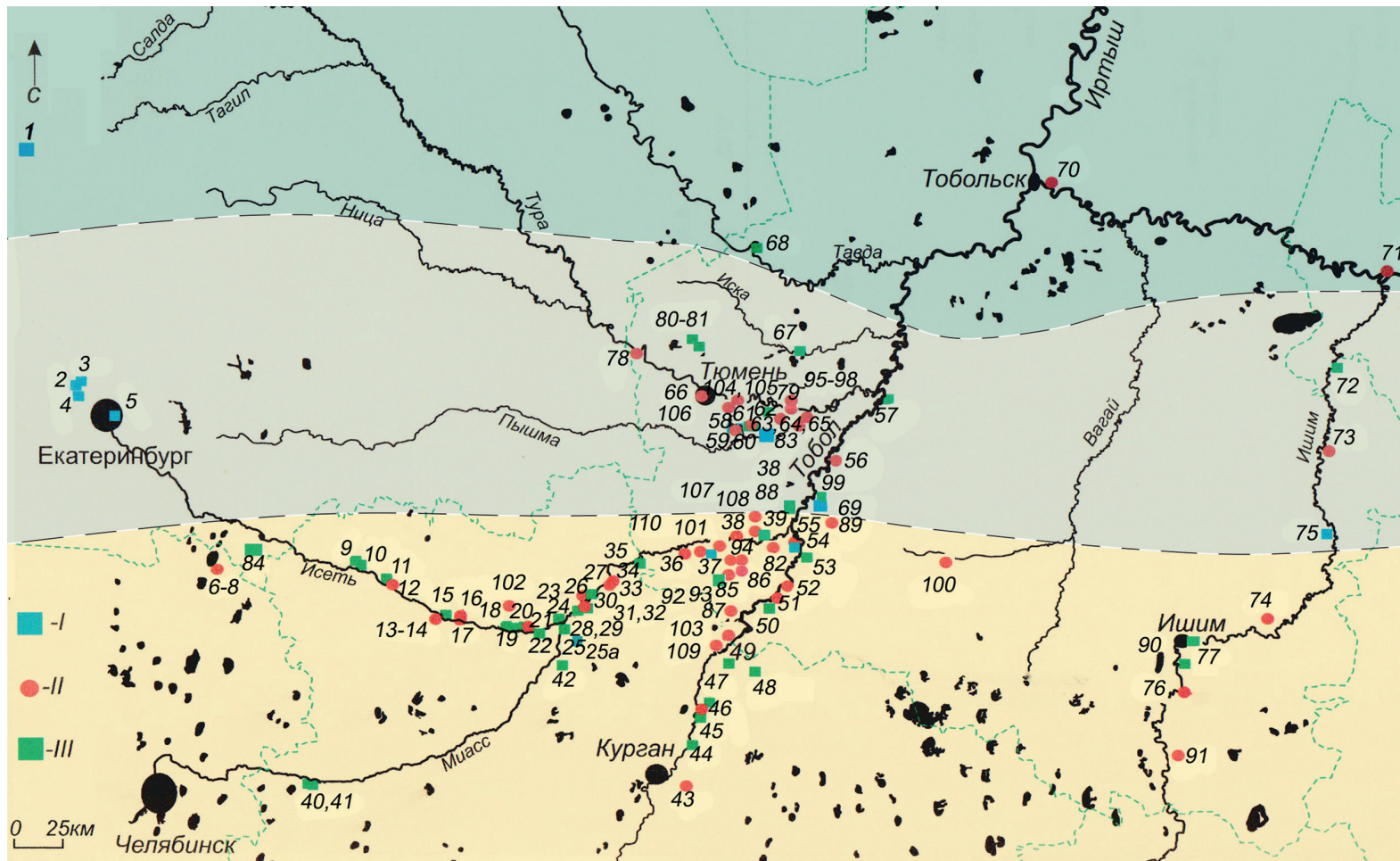

Рис. 15. Ареал бакальской культуры лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья:

1 — Голый Камень; 2 — Петрогром; 3 — Вершина-V; 4 — Чертово городище; 5 — Шарташские палатки; 6 — Зотинское-1; 7 — Зотинское-3; 8 — Зотинское-4; 9 — Гусиное-4; 10 — Верхний Яр-4; 11 — Нижнеярское-3; 12 — Суварышское; 13 — Большое Мыльниково; 14 — Малое Мыльниково; 15 — Тюриковское; 16 — Полевское; 17 — Большое Бакальское; 18 — Ильинское; 19 — Кокоринское; 20 — Прыговское-3; 21 — Прыговское; 22 — Нечунаево-2; 23 — Бабарыкина-1; 24 — Бабарыкина-2; 25 — Воденниково-3; 25а — Воденниково-1; 26 — Павлиново; 27 — Коршуново-1; 28 — Мурзинское-1; 29 — Мурзинское-2; 30 — Папское; 31 — Мурзинское; 32 — Грачево-1; 33 — Барино-3; 34 — Усть-Терсток-1; 35 — Бархатово-4; 36 — Красногорское; 37 — Коловское; 38 — Дуванское-2б; 39 — Слободо-Бешкильское; 40 — Кузнецово-1; 41 — Кузнецово-3; 42 — у поселка Дачного; 43 — Усть-Утяк-1; 44 — Борки-1; 45 — Нижне-Тобольное-1; 46 — Боровое-2; 47 — Боровое; 48 — Суерь-1; 49 — Гладунино-3; 50 — Поспелово-2; 51 — Скородумское; 52 — Упоровское; 53 — Дачное-2; 54 — Устюг-1; 55 — Старо-Лыбаевское-1; 56 — Ревда-2.1; 57 — Юртобор-3; 58 — Перейминский; 59 — Жилье; 60 — Козлов Мыс-2; 61 — Дуванское-30; 62 — Придуванское; 63 — Дуванское-22; 64 — Дуванское-1г; 65 — Дуванское-18; 66 — Царево; 67 — Малый Байрык-1; 68 — Шарьянка-4; 69 — Ревда-5; 70 — Ивановское; 71 — Красноярское; 72 — Резаново-1; 73 — Борковское; 74 — Логиновское; 75 — Абатский-3; 76 — Пахомовское; 77 — Кучум-Гора; 78 — Коняшино-2; 79 — Антоново; 80 — Аракчино-1; 81 — Аракчино-4; 82 — Бузан-2; 83 — Буторлыга-9; 84 — Ильинская-1; 85 — Исетское-2; 86 — Исетское-3; 87 — Искра-2; 88 — Калачик; 89 — Криволюжское-8; 90 — Ласточкино Гнездо; 91 — Логиновское; 92 — Луговое-1; 93 — Луговое-2; 94 — Онуфриевский Борок-15; 95 — Перейминское-1; 96 — Перейминское-10; 97 — Перейминское-7; 98 — Подверчино-4; 99 — Ревда-4; 100 — Русаковское; 101 — Сосенка-24; 102 — Суварышское-2; 103 — Савин-2; 104 — ЮАО-6; 105 — ЮАО-7; 106 — Юрты-2; 107 — Яр-9; 108 — Яр-8; 109 — Усть-Суерское-1; 110 — Гилевский-2

Условные обозначения: голубой — могильники и святилища; красный — поселения; зеленый — городища. Пунктиром разделены природные зоны тайги, лесостепи, степи (с севера на юг)

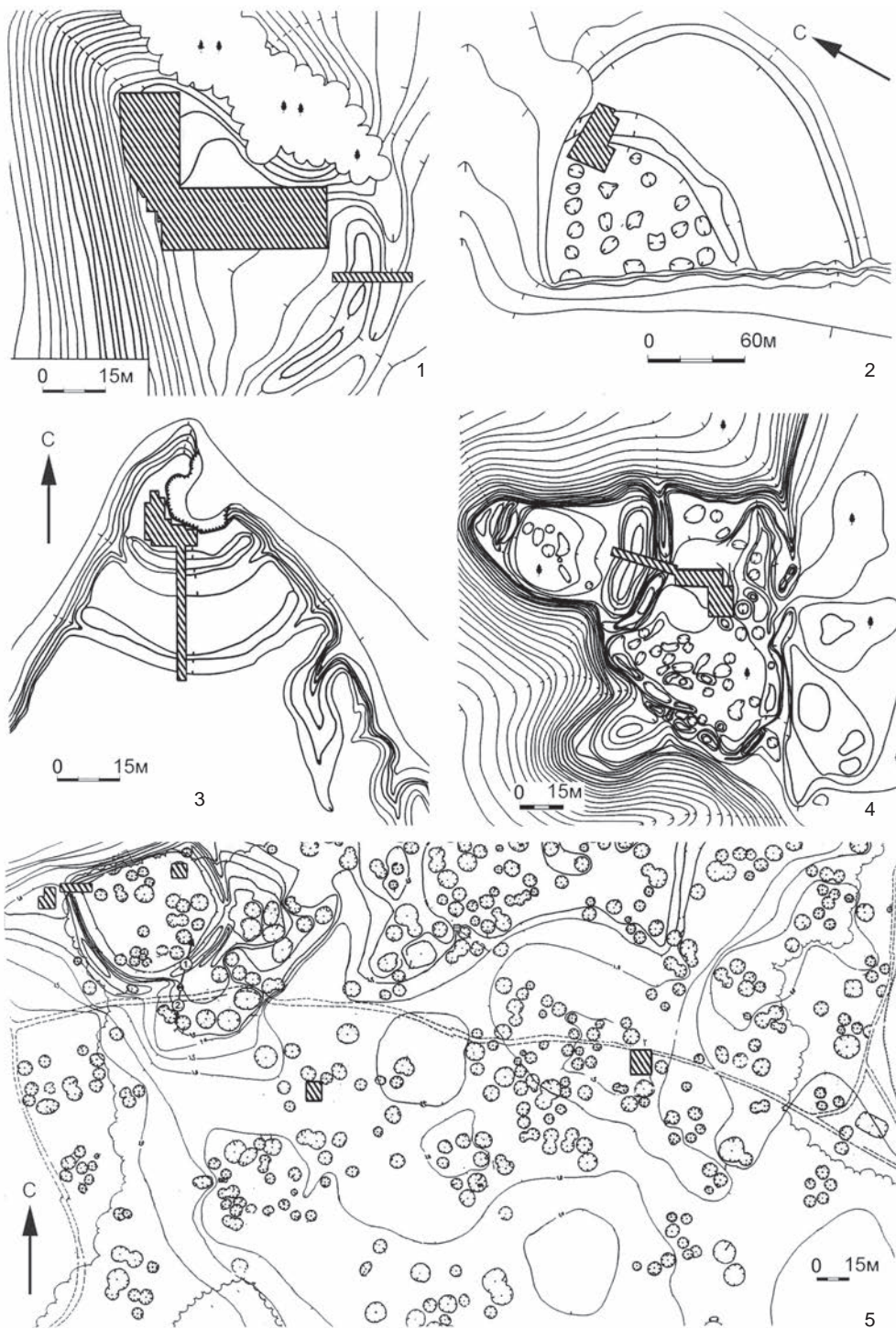

Рис. 16. Городища и поселения бакальской культуры:

1 — Красногорское; 2 — Борки-1; 3 — Большое Бакальское; 4 — Усть-Терсюк-1;
5 — Старо-Лыбаевское-1а городище и селище-16

В поймах городища строили у стариц на незатопляемых останцах округлой или овальной формы площадью от 0,6 до 8 тыс. кв. м (Старо-Лыбаевское-1а, Прыговское, Дуванское-1, Ревда-2.1).

Данных об оборонительном зодчестве пока еще недостаточно, так как только реконструировочно изучены фортификации 9 городищ. При этом получена информация об использовании тарасов как основы стен, деревянных одежд вала, эскарпов и частоколов для защиты мысовых участков со стороны воды, о конструкциях проездных ворот, бастионов [Берлина, Костомаров, Попов 2013; Матвеева 2016б: 60; Рафикова, Берлина 2014; Рафикова и др. 2013]. Основу фортификаций на бакальских поселениях составляли тарасы: две параллельные бревенчатые стены в технике заплота, соединенные поперечинами шириной от 1,5 до 4,5 м. На Коловском и Красногорском городищах, Большом Бакальском и Усть-Терсюк-1 ширина вала, состоявшего из тарасов, обложенных дерном, составляла 4,5–4,7 м (см. рис. 18). Внутри образовавшихся клеток засыпали землю с площадки мыса, обычно — культурный слой предшествующего периода обитания. Деревянные ворота на мощных столбах закрывали проезд, сооруженный в виде надвратной башни и деревянного мостика через ров. Рвы имели глубину от 1 до 3 м, ширину от 3,5 до 15 м, облицовка их деревом не зафиксирована.

Например, на Старо-Лыбаевском-1а в период IV–V вв. поселок был обнесен земляной стеной. Склон останца длиной около 6 м играл роль природной бермы. Объем строительных работ оказался примерно в два раза большим, чем в саргатское время. Насельники создали минимальный защитный рубеж в 5,5–6 м высотой, считая перепад высот со дна рва до вершины вала, поэтому предполагаем обстановку обострения социальных и территориальных конфлик-

тов в это время и стремление предупредить их защитой от нападения. В VII–IX вв. поселенцы снова воспользовались отработанными приемами и насыпали земляную стену, уже почти в два раза большей ширины, чем прежде, из культурного слоя предшествующего периода обитания на площадке, отказавшись от перемещения вверх грунта из рва. Бревенчатые конструкции были несколько выше роста человека² [Матвеева 2016б: 59], вместе с земляными образуя преграду около 6 м высотой. На сохранение обстановки военной опасности указывают находки предметов вооружения в бакальских жилищах. То есть имело место возрастание трудовых затрат на оборонительные конструкции в период раннего Средневековья, выразившееся в увеличении размеров заградительных сооружений и развитии эшелонированной обороны. На соседних территориях Прииртышья и Приобья сложность оборонительных сооружений также увеличивается [Очерки культурогенеза... 1994: 380, 394, 403].

Селища по расположению различаются, они могут находиться с напольной стороны укреплений (Старо-Лыбаевское-1б) или быть сезонными стоянками на озерах и междуречьях (Исетское-2 и Исетское-3), их площадь достигала 100 тыс. кв. м (Луговое-2, Старо-Лыбаевское-1б).

Жилища изучены пока недостаточно, их известно около 30 единиц. Они подразделяются на наземные и полуземляночные с каркасно-столбовой или срубной конструкциями (см. рис. 17). Для бакальского населения характерным было использование легких каркасных построек наподобие юрт (Усть-Утяк-1, Старо-Лыбаевское-1а, Старо-Лыбаевское-1б, Коловское, Исетское-2) размерами от 4 × 6 до 5 × 7,5 м, наземных срубных жилищ площадью 20–30 кв. м с земляным

² Из-за неустойчивости конструкций к зимнему пучению грунтов.

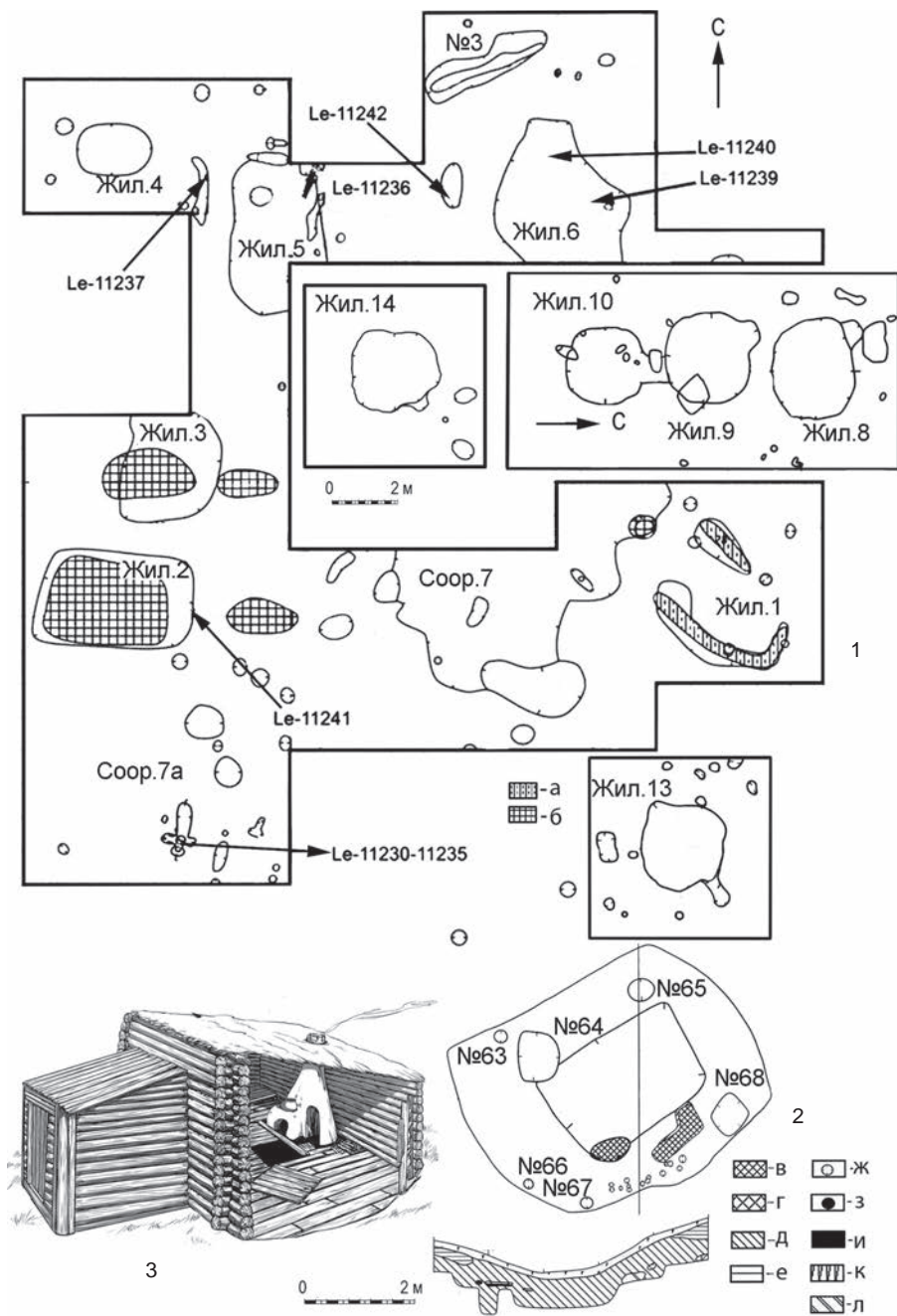

Рис. 17. Жилища бакальской культуры:

1 — планы раскопок на Исетском-2; 2 — план и разрез постройки на Усть-Терсюк-1;

3 — реконструкция жилища (Н. П. Матвеева, Н. Ю. Раевская)

Условные обозначения: а — коричневая супесь; б — черная супесь с углем;

в — темно-коричневый проквал; г — ярко-оранжевая прокаленная глина; д — черная супесь;

е — темно-коричневая супесь с глиной; ж — ямки от столбов; з — отпечатки от жердей чувала;

и — уголь; к — коричневая супесь; л — глиняная обмазка

полом и погребом в центре (Усть-Терсюк-1), полуземлянок с погребом и хозяйственными пристройками к одной из стен (Царево). Зона очага оборудовалась по центру жилища как огражденное кострище (Ревда-2.1, Коловское, Усть-Утяк-1). Встречаются специальные печи-чувалы, устанавливаемые у противоположной входу стены жилища (Усть-Терсюк-1, Царево), представлявшие собой пристенные камины из вертикально установленных полукругом жердей, обмазанных глиной, с дымоходом, ведущим под кровлю. Остатки обмазки таких чувалов с отпечатками жердей зафиксированы на Большом Бакальском, Малом Бакальском, Папском, Усть-Терсюк-1 городищах. Остатки жилища, раскопанного на последнем Т. Н. Рафиковой, хотя и имеют поздние нарушения, но позволяют реконструировать строение как двухчастное, состоящее из наземной срубной конструкции жилой части и сеней на угловых столбах в технике заплота (рис. 17, 3). Углубленная часть, занимающая всю середину постройки, была перекрыта деревянным полом с люком, ведущим в подполье. Вдоль двух стен по сторонам от входа, вероятно, были сделаны нары около метра шириной. Г-образный провал, на наш взгляд, указывает на наличие двух соседних топочных камер, объединенных общим сводом и трубой, одна — топка пристенного камина, другая — топка кухонной печи с отверстием под кухонную утварь, в трубе камина могла быть распорка, к которой подвешивался за крюк котел. Полную аналогию находим в традиционном жилище башкир [Шитова 1984: 152–153, рис. 45].

Отметим, что на ранних памятниках преобладает каркасная техника возведения домов, на поздних — больше срубных построек с подпольями [Рафикова, Берлина 2011: 95–101]. Относительно малая площадь строений сравнительно с предшествующей саргатской культурой гово-

рит о значительных изменениях в образе жизни в сторону возросшей подвижности коллективов и ведении хозяйства малыми семьями, распространение срубной техники — о росте оснащенности строительства инструментами, глинобитных печей-чувалов — о заимствованиях из Средней Азии.

Образ жизни и хозяйство. Рассмотрим длительность обитания на поселениях. На памятниках, изучавшихся стационарными раскопками, установлено неоднократное заселение и оставление площадок городищ [Кайдалов и др. 2011; Матвеева, Берлина, Рафикова 2008]. Наряду с легкими постройками и слабо насыщенным находками культурным слоем этот факт свидетельствует в пользу подвижного образа жизни. Например, на Коловском городище зафиксированы два этапа существования стены на цитадели, один маркирован относительно тонкими бревнами в заплот, другой — более толстыми в составе тарасов. Радиоуглеродный анализ древесины от оборонительной конструкции Коловского городища позволил получить значительную серию дат, дающих отрезки IV–VI вв. и VI–VII вв. (см. табл. 1, рис. 18, 3). На Красногорском оборонительная линия также содержит следы перестроек [Матвеева 1997: 247–249]. Проживание бакальского населения там относится к V–VII вв., более поздний интервал (см. табл. 1) — VIII–X вв. — не может быть уверенно соотнесен с бакальским периодом только по рекогносцировке вала. На Усть-Утяк-1 получены даты в диапазоне III–VI вв., в котором имела место перестройка с подсыпкой вала [Якимов и др. 2012]. На Большом Бакальском установлены два эпизода обитания в раннем Средневековье: III–IV вв. и V–VI вв. На Усть-Терсюк-1 один интервал указывает на IV–V вв., другой — на VI–VII вв. Из-за отсутствия последних годовых колец в истлевшей древесине правильнее ориентироваться на более молодые даты вычисленных интервалов.

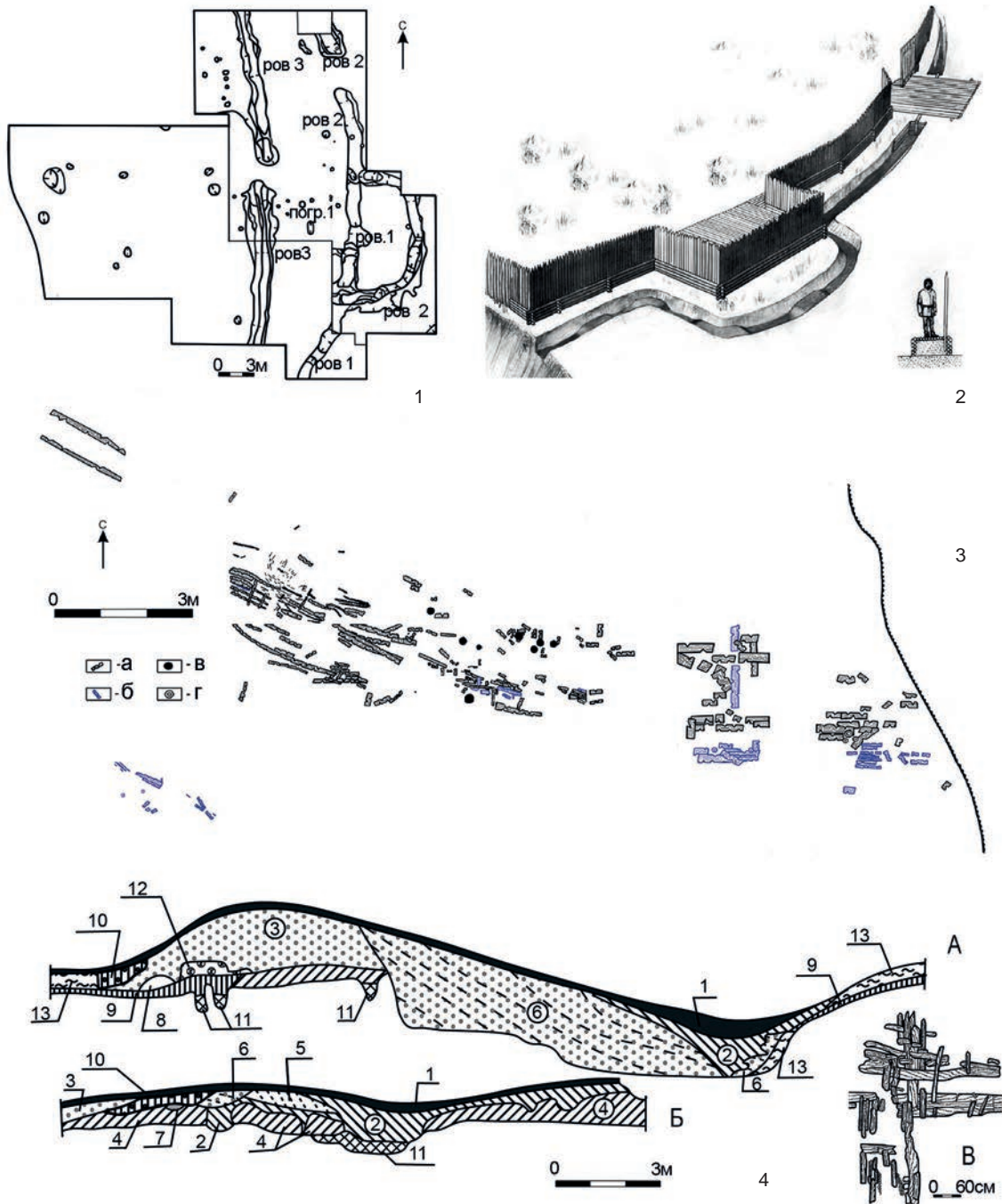

Рис. 18. Фортификации на городищах бакальской культуры:

- 1, 2 — план и реконструкция оборонительной линии на городище Ласточкино Гнездо (по Т. Н. Рафиковой, С. В. Берлиной); 3 — развал тарасов на Коловском городище (цветом разделены разновременные остатки); 4А, 4Б — разрезы оборонительных линий на Большом Бакальском; 4В — фрагмент тарасов

Условные обозначения: а — продольное бревно поздней стены; б — продольное бревно ранней стены; в — ямы от столбов; г — бревно в поперечном разрезе.

Обозначения слоев: 1 — дерново-гумусный; 2 — темно-серая супесь; 3 — выброс глины; 4 — погребенная почва; 5 — глина с вкраплениями чернозема и угля; 6 — суглинок с вкраплениями солей; 7 — нора; 8 — коричневая супесь; 9 — прокал; 10 — мешаный слой; 11 — черная супесь; 12 — древесина; 13 — гумусированные накопления

Таблица 1

Калибровка дат, полученных по углю и древесине из поселенческих памятников бакальской культуры. Программа OxCal, версия 4.4 (КГ — Коловское городище, КрГ — Красногорское городище, ХрМ — Хрипуновский могильник, УУ — Усть-Утяк-1, ББ — Большое Бакальское, УТ — Усть-Терсюк-1)³

№	Код	Объект	Значение	Иное, AD	Вероятность 95,4% AD
1	2	3	4	5	6
1	СОАН-4601	КГ бревно стены вала	1275±35	661–778 — 83,1%	661–870
2	СОАН-4810	КГ бревно стены вала	1465±25		567–646
3	СОАН-4811	КГ бревно стены вала	1475±30		554–645
4	СОАН-6012	КГ бревно на вершине вала цитадели	1605±25		417–540
5	СОАН-6013	КГ бревно на вершине вала цитадели	1645±65	314–565 — 86,6%	251–565
6	СОАН-6014	КГ бревно на вершине вала	1605±45		379–570
7	СОАН-6016	КГ бревно на вершине вала	1635±35	361–543 — 94,6%	266–543
8	СОАН-6019	КГ бревно заплота, вершина вала	1570±45		416–590
9	СОАН-6494	КГ обугленная древесина	1625±45	350–552 — 94,2%	265–552
10	СОАН-6495	КГ обугленная древесина	1580±25		423–550
11	СОАН-6496	КГ обугленная древесина	1520±75		410–665
12	СОАН-6497	КГ обугленная древесина	1430±30		584–658
13	СОАН-6498	КГ обугленная древесина	1500±65		431–651
14	СОАН-6499	КГ обугленная древесина	1630±35		364–545
15	СОАН-6500	КГ обугленная древесина	1630±35		364–545
16	СОАН-6501	КГ обугленная древесина	1525±75		407–655
17	СОАН-6502	КГ обугленная древесина	1540±40		428–601
18	СОАН-5680	КрГ древесина от столба	1070±30	944–1026 — 71,8%	893–1026
19	СОАН-5681	КрГ жерди	1465±65		433–667
0	УРi-756	КрГ межжилищное пространство	1137±38	821–995 — 89,9%	772–995
21	УРi-761	КрГ вторичное заполнение жилища б	1070±79		773–1158
2	СОАН-6269	ХрМ колода могилы 60	1380±80	538–779 — 89,3%	538–877
23	СОАН-6965	УУ разрез вала	1590±65	346–604 — 94,2%	263–604
24	СОАН-7055	УУ разрез вала	1695±45	242–435 — 92,9%	242–530

³ Поскольку почти на всех поселениях есть слои раннего железного века и юдинской культуры развитого Средневековья, то даты до IV в. и позднее X в. исключены из нашей сводки опубликованных результатов. Обоснование начала бакальской культуры как середины IV в. см. в статье Н. П. Матвеевой [2012б]. Датировки Царева городища не рассматриваются (XI–XIV вв.), так как керамика его поздняя, близкая материалам Сибирского ханства, но вопрос о трансформации бакальской традиции специально не изучался.

1	2	3	4	5	6
25	СОАН-7058	УУ разрез вала	1720±75	203–540 — 94,4%	168–540
26	СОАН-7059	ББ площадка	1550±40		426–596
27	СОАН-7060	ББ площадка	1690±70		235–542
28	СОАН-7061	ББ площадка	1610±45		365–568
29	СОАН-7064	ББ заполнение печи	1725±45		241–416
30	Ле-8216	УТ тело вала	1495±20	547–607 — 91,5%	547–636
31	Ле-8217	УТ тело вала	1650±25	349–440 — 71,8%	263–535
32	Ле-8219	УТ тело вала	1490±25		547–640
33	Ле-8220	УТ тело вала	1400±20		605–662
34	СОАН-7598	УТ жердь жилища	1240±45		671–886
35	СОАН-9724	Папское древесина с вала	1715±85	157–545 — 94,6%	131–545
36	Ле-11230	Исетское-2, сооружение 7а	980±60	904–912 — 0,8%	904–1216
37	Ле-11232	Исетское-2, сооружение 7а	1160±30	773–810 — 11,6%	773–978
38	Ле-11232	Исетское-2, сооружение 7а	1100±30	1005–1017 — 3,2%	887–1017
39	Ле-11233	Исетское-2, сооружение 7а	1120±30	774–846 — 3,2%	774–995
40	Ле-11235	Исетское-2, сооружение 7а	1030±40	949–1051 — 72,3%	895–1154
41	Ле-11236	Исетское-2, сооружение 7а, жилище 5	1740±35	307–413 — 66,8%	248–413
42	Ле-11237	Исетское-2, сооружение 7а, жилище 5	1600±55	361–590 — 95%	267–590
43	Ле-11239	Исетское-2, сооружение 7а, жилище 6	1435±25		587–655
44	Ле-11240	Исетское-2, сооружение 7а, жилище 6	1070±50	876–1046 — 91,3%	774–1046
45	Ле-11241	Исетское-2, сооружение 7а, жилище 2	1130±20		882–991
46	Ле-11242	Исетское-2, сооружение 7а, жилище 6	1580±25		423–550

На Папском городище сооружения бакальского периода являются разновременными, отражая два эпизода обитания. Появление построек гнездовой планировки и деревянной стены на валу отнесено нами к IV–V вв.; керамический материал в них — измельченный с примесью кушнареновского типа посуды, что характерно для памятников данного периода. Другой эпизод представлен постройками в линию поперек мыса и подсыпкой вала, при этом воздвигаются стены вдоль склона в лог. Слой содержит бакальскую керамику в крупных развалах и с учетом пробы СОАН-9724 датирован V–VII вв.

Кратковременность обитания демонстрирует и Исетское-2 поселение, находящееся в окрестностях Красногорского городища [Берлина и др. 2017: 37]. Несмотря на то

что жилища не перекрывают друг друга (см. рис. 17, 1), они оказались разновременными. Анализ проб из них дал даты для жилища 5 в диапазоне 361–413 AD, для жилища 6 — 587–655 AD; для сооружения 7а — 887–978 AD⁴. Полагаем, что здесь зафиксированы следы регулярной эксплуатации местности

⁴ Интервалы выбраны по совпадению части хронологических отрезков дат табл. 1. Для жилища 2 определен диапазон 882–991 AD, заполнения сооружения 7а — 949–1051 AD, что указывает еще на один эпизод функционирования поселка, вероятно, вне бакальского периода. На более поздний характер построек 1, 2, 3 сравнительно с остальными указывают более сохранные прямоугольные очертания и черное углистое заполнение их остатков вследствие одновременного горения.

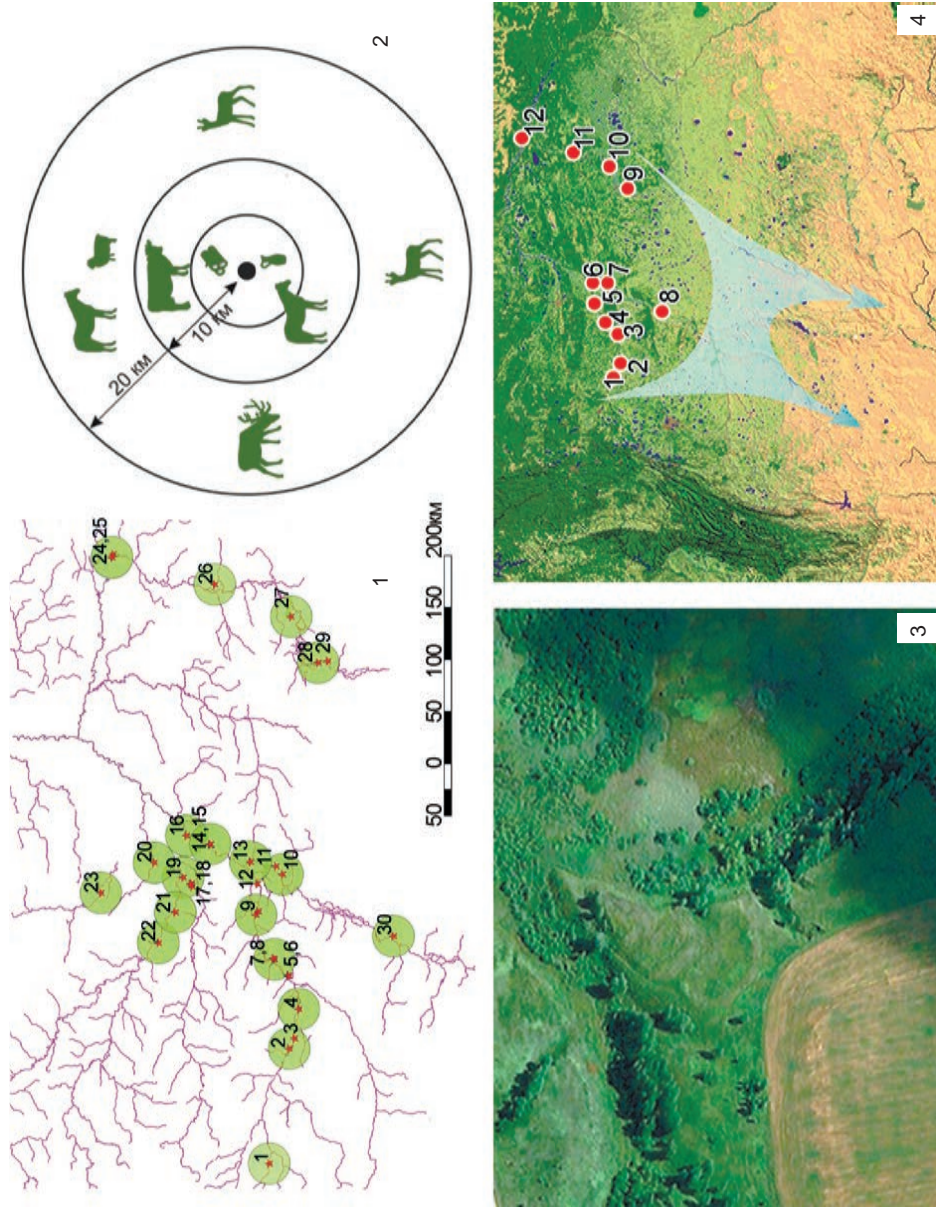

Рис. 19. Экономические ареалы бакальских городищ (1), схема землепользования населения Коловского городища (2), вид на памятник (3), гипотетический ареал кочевания бакальских групп в Зуралье (4):

- 1: 1 — Зотинское-1; 2 — Большое Мыльниково; 3 — Большое Бакальское; 4 — Прыговское; 5 — Мурзинское-1; 6 — Папское; 7 — Барино-3; 8 — Усть-Герсюк-1; 9 — Коловское; 10 — Скордун-1; 11 — Упоровское; 12 — Луговое-1; 13 — Старо-Лыбаевское-1а; 14 — Ревда-2.1; 15 — Ревда-3; 16 — Калачик; 17 — Дуванское-26; 18 — Дуванское-1; 19 — Антоново-1; 20 — Святой Бор-1; 21 — Царев; 22 — Коняшино-2; 23 — Шарянка-4; 24 — Новоникольское-IV; 25 — Красноярьское; 26 — Борки-1; 27 — Логиновское; 28 — Ласточкино Гнездо; 29 — Кучум-Гора; 30 — Усть-Утяк-1

одной или двумя родственными семьями (домохозяйствами?), ставившими новые легкие постройки рядом с заброшенными строениями, отчего площадь селища первоначально представлялась значительно большей за счет объединения разновременных участков обитания. Такой же характер образования обширной застроенной площади на месте сезонного размещения одного домохозяйства зафиксирован нами на поселении Остяцкий Живец-II, где установлено, что из 15 наземных жилищ, расположенных четырьмя группами, все функционировали в разное время [Матвеева 2015а: 56].

Экономика. Согласно сводке Т. Н. Рафиковой и И. Ю. Чикуновой, бакальские памятники отличаются доминированием в отбросах костей лошади, мелкого и крупного рогатого скота, бедны на остатки дикой фауны, включая рыб, что говорит о производящей направленности хозяйства у притобольского населения с преобладанием скотоводства, отмеченной еще В. А. Могильниковым [Кайдалов, Сечко, Боталов 2016: 183; Могильников 1987: 191; Рафикова, Чикунова 2012: 88]. Имеются свидетельства пушной охоты, охоты на мясных копытных и боровую и водоплавающую дичь, запорного и сетевого рыболовства, развитого собирательства.

Однако реальная картина прошлого могла быть более разнообразной и динамичной. Так, существенная доля крупного рогатого скота (15–30%) в остеологических коллекциях поселений, разведение которого требует защиты от холода, контрастирует с малой площадью и недолговременностью жилищных построек, ставит вопрос о специфике хозяйства населения бакальской культуры. В совместной работе с Е. А. Третьяковым [Матвеева, Третьяков 2020] эта проблема была рассмотрена нами на примере Коловского микрорайона с построением моделей эксплуатации территории средневековыми

группами поселенцев [Матвеева, Берлина, Рафикова 2008]. Аналогичными ядрами освоения (см. рис. 19, 1) являлись и другие городища с функциями охраны и надзора за землями, управления хозяйством и обеспечения внешней и внутренней торговли.

Если рассмотреть Коловское городище как центр, на периферии которого находятся Красногорское городище, селища Исетское-2 и Исетское-3, Онуфриевский Борок-15, Сосенка-24 [Берлина и др. 2016: 49–66; Берлина и др. 2017: 29–40], то диаметр территории в 30–40 км обусловлен возможностью для всадника достичь любого места этой хозяйственной зоны и вернуться домой за один световой день. Он тратил только на переезды около 5 часов, плюс время на отдых, поение и выпас. Для экономии трудозатрат на перегонах животных на границах ареалов начинают появляться сезонные убежища и неукрепленные поселки, связанные с отгонным выпасом скота, охотой, рыбной ловлей и другими видами промыслов.

Для реконструкции хозяйства необходимо знать его компоненты. По мнению R. Wilk и W. Rathje [1982], это количество обитателей на поселениях, формы поселений и жилищ, производство и потребление, отражающее стратегию поведения внутри ареала проживания, уровень мобильности общества [Khazanov 1994]. Для определения численности общины в упомянутой статье был сделан расчет по площади городища, количеству жилищ в раскопах, их площади, этнографическим данным по площади жилья на одного человека. В итоге отмечено проживание 8–9 домохозяйств или 45–50 человек, что привело к выводу о расселении другой части общины на неукрепленных поселках в обширной пойме. Аналогично видим у полукучевых казахов, аул которых состоял из 5–15 домохозяйств численностью около 50 человек [Курылев 1978: 134, 136].

Химический анализ пищевых пригоров на посуде [Матвеева, Ларина, Рафикова 2007] по материалам с Коловского городища, дополненный литературными и экспериментальными данными, показал значительные различия в составе микро- и макроэлементов проб, объясняющиеся разнообразием меню средневековых насельников. В кухонных горшках содержались вареное мясо и субпродукты, уха, густые похлебки на мясном бульоне с добавлением растений, каши на молоке. По морфологическим исследованиям образцов с городища Усть-Утяк-1 Л. Л. Гайдученко установил преобладание в меню мяса, субпродуктов и молока, которые сочетали с зёрнами и растительными добавками [Кайдалов, Гайдученко, Сечко 2006: 26–27]. Палеозоологические определения добавляют в этот список рыбу, мясо дичи в копченном, вяленом или замороженном виде, этнографические сведения — ягоды и травы, употреблявшиеся в свежем, сушеном вариантах. При анализе на состав компонентов содержимого посуды в кувшинах из погребений Устюг-1 оказались небольшие порции супов на мясном бульоне, кисломолочные продукты, в баночках — вода [Ларина, Матвеева, Швецова 2011].

Установив, что мясо в чистом виде употреблялось не постоянно, а в сочетании

с молочными и растительными продуктами, взяв показатель 0,4 кг в день на человека, мы получили, что общине Коловского городища в количестве 50 человек на день требовалось 20 кг мясной пищи, а на год — 7300 кг. Затем на основе поправок к пропорциям животных в пищевых отбросах на их вес, возраст зрелости мы совместно с Е. А. Третьяковым определили забойную долю в стаде, долю на воспроизводство и как результат — часть стада для прокорма населения, а также для получения кожевенного сырья, шерсти, конского волоса и т. д., всего 93 особи [Матвеева, Третьяков 2020]. При опоре на этнографические данные по расходам одной семьи на обрядовые действия [Фиельструп 2002: 34, 54, 146, 149, 228] рассчитаны затраты для общины Коловского городища, которые могли составлять в год 30 лошадей, 16 коров, 117 баранов. Редкие находки бус, металлических украшений, парадной посуды, ограбленность большинства могил пока не дают возможности объективно оценить торгово-обменные связи населения, поэтому взят минимум 100 голов в год, в итоге — 392 единицы⁵ (табл. 2).

Исходя из потребности в корме разных животных стада и средней урожайности трав, мы вывели площадь выпасных угодий для 392 голов скота как 2,8 кв. км.

Таблица 2

Примерный состав стада Коловского городища с учетом всех отраслей жизнедеятельности

<i>Вид</i>	<i>Стадо с учетом молодняка и молочного скота</i>	<i>Скот на семейные обряды</i>	<i>На общинные обряды</i>	<i>Верховой и тягловый скот</i>	<i>Обмен и торговля</i>	<i>Всего</i>
Лошадь	36	18	12	36	30	152
Корова	45	9	7	0	0	81
Овца (коза)	12	80	37	0	50	179
Итого	93	107	56	36	100	392

⁵ Детальные расчеты см. в статье Н. П. Матвеевой, Е. А. Третьякова [2020].

Однако в коловском ареале открыты другое городище и три селища с аналогичной Коловскому материальной культурой, поэтому мы считаем, что там проживали 190–200 человек, со скотом в 1500–1600 голов, содержавшимся преимущественно на пойме. Увеличив в четыре раза выпасную площадь, получили 11,2 кв. км. Поскольку 1/3 лесостепи занята болотами, лесами и реками, то в коловской экономической зоне примерная площадь пастбищ насчитывает 20,9 кв. км. Вышеопределенная кормовая зона в 11,2 кв. км составляет несколько более половины земельных ресурсов, оставляя резерв для накопления богатств, содержания кавалерии для войны и на случай природных кризисов и др. [Матвеева, Третьяков 2020]. Соответственно, уголья вокруг центра в 10 км радиусом были интерпретированы как предназначенные для животноводства, а поскольку из-за конкуренции за пастбища происходит вытеснение дикой фауны за границы обитания домашних животных, то зона в 20 км радиусом использовалась для охоты, рыболовства, собирательства, выгона табуна и отары (см. рис. 19, 2).

Не ясен характер зимнего содержания крупного рогатого скота, поскольку свидетельств в пользу заготовки на зиму сена нет, как и сараев, загонов. Пастухи могли выпасать его в защищенных от ветра и наста местах поймы, в перелесках и небольших сосновых борах, как это принято в северных казахских аулах, при этом должен был иметь место большой падеж скота от холода и бескормицы.

В соответствии с гипотезой значительных сословных различий в бакальском обществе на поселениях в зимний период должны были оставаться рядовые люди с частью лошадей и овец, способных тебеневать, а кочевая элита с большей частью стада откочевывала на зиму на более южные территории, весной же возвращалась назад в ле-

состепной регион (см. рис. 19, 4). Обычно при данной модели обеспечением частичной оседлости рядового населения было земледелие [Марков 1976: 46], но находки инвентаря не показывают земледельческих занятий, вероятно, им было традиционное для Западной Сибири рыболовство.

Другой вопрос, который вытекает из признания экономики лесостепного Зауралья в раннем Средневековье сочетанием полукошевого и полуоседлого укладов, — это какие причины обусловили строительство и поддержание массивных оборонительных сооружений на городищах [Матвеева 2016б; Рафикова и др. 2013]. Кроме того, важно знать, для чего населению, присутствующему в лесостепном регионе полгода, осуществлять трудовозатраты на строительство значительных линий обороны? Почему оно не строило более обширных и долговечных жилых построек, а продолжало жить в «юртах», но при этом в надежных крепостях? Приведенная модель бакальского скотоводства для понимания жизненного уклада общества недостаточна в силу неизбежно усредненных показателей. Конечно, она лишь показывает лакуны в наших знаниях, позволяет наметить перспективы для их заполнения с привлечением данных по военному делу, торговле, социальной дифференциации.

Ремесла. Наличие тиглей, льячек, следов ошлаковки на стенках сосудов, капли бронзы и разнообразие инструментов в памятниках (см. рис. 22) указывают на металлообработку и переплавку цветных металлов. В число изделий входят пуговицы, пинцеты, серьги, поясные пряжки и накладки, литые зооморфные и антропоморфные подвески, пронизи, гривны, браслеты (см. рис. 24), обломки котелков, клепанных из полос, соединенных швом «в зубец», вотивное копые, зажимы и мелкие бляшки для уздечки, кольца для упряжи из бронзы, шилья.

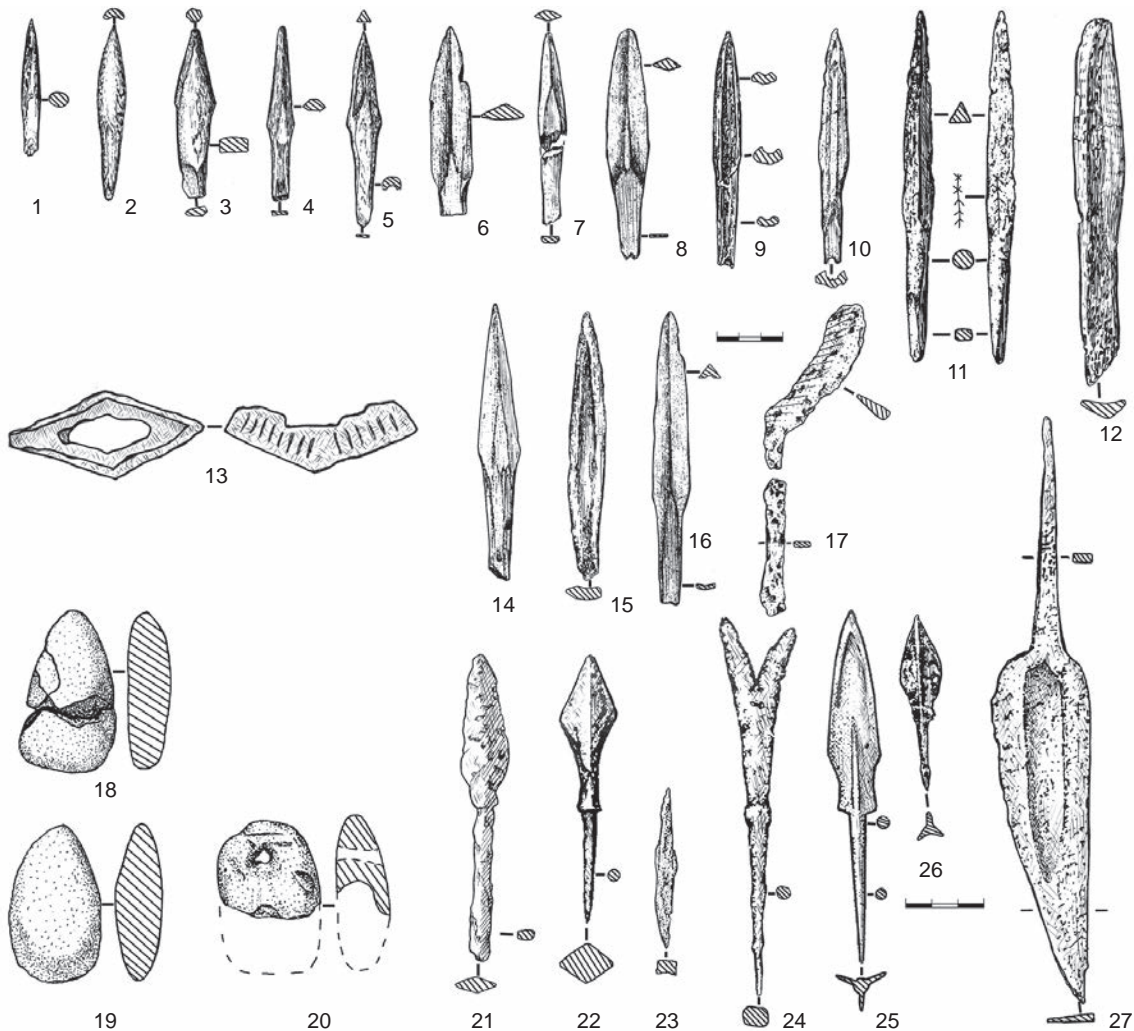

Рис. 20. Бакальское вооружение и охотничье-рыболовческий инвентарь:

1, 6, 7, 14, 16 — Усть-Терсюк-1; 2-5 — Красногорское; 8-10, 12, 15, 20, 23, 24 — Коловское; 11, 17-19 — Усть-Утяк-1; 21 — Царево; 22 — Зотинское-4; 13, 26 — Старо-Лыбаевское; 25, 27 — Большое Бакальское. 1-16 — кость; 17, 21-28 — железо; 18-20 — камень; 11 — прорисовка пиктограммы

Изучение технологии производства и состава металла вещей не производилось, поэтому на основании точных аналогий в степных и прикамских культурах по форме и размерам большую часть украшений считаем предметами импорта. Обнаружение сопел, кусков шлака, кусочков железа, прокаленных площадок от разрушенных печей указывает на самостоятельное произ-

водство черного металла местным населением. Ассортимент изделий представлен короткими бытовыми ножичками (см. рис. 22, 1-7), длинными засапожными ножами, топорами (рис. 22, 33), удилами и псалиями, теслами с несомкнутой втулкой (см. рис. 22, 34, 37), серпами (рис. 20, 17), разнообразными наконечниками стрел (рис. 20, 1-16, 22-26), панцирными пластинками, облом-

ком перекрестия меча или сабли (см. рис. 20, 13), поясными и седельными пряжками. Озадачивает почти полное отсутствие клинкового оружия в памятниках (единственный кинжал — из Ипкуля). Для шлифовки и заточки готовых предметов использовали разнообразные по формам и размерам абразивы и оселки.

Существовали косторезное ремесло, представленное такими изделиями, как привески, пуговицы, седельные пряжки, шилья, кочедыки, наконечники стрел разных типов, рыбные ножи, лопатки, гончарные шпатели (см. рис. 22, 9, 10), ложки и др., деревообрабатывающее производство, документированное остатками бревенчатых конструкций, досок, луков, древков стрел, рукоятей ножей, гробовищ и долбленых колод, берестяными туесами, колчанами (рис. 21), покрышками юрт и подстилками в могилах. Домашнее прядение и ткачество подтверждают находки пряслиц, относительно многочисленные на поселениях (см. рис. 22, 19–25), кожевенное производство — проколки (см. рис. 22, 29–32), керамические скребки для мездрения шкур и волососгонки (см. рис. 22, 26–28), фрагменты сумочек или фляжек, поясных ремней и шнурков в отверстиях металлических изделий из погребений, относящихся к сбруе, одежде, обуви и покрывалам, попонам [Матвеева 2016а: 60, 124]. Находка берестяного туеска с обрезками хорошо выделанной кожи в бакальском жилище Царева городища говорит об использовании аппликации, декоративных изделий, набранных из кусочков разных материалов, бисер в погребениях — о вышивке одежды и головных уборов.

Существовали и прочие занятия: валяние войлока, плетение циновок, возможно, разведение ловчих птиц, дальняя торговля, сопровождение караванов, документированные единичными находками костей

верблюдов, импортной посуды, например салтово-маяцкой на городище Усть-Утяк-1, металлической утвари в случайных сборах, фрагментами вышеназванных органических материалов и стеклянными и металлическими украшениями в могильниках.

Рис. 21. Остатки колчана из погр. 60 Хрипуновского могильника и его реконструкция. Береста

Гончарство представлено образцами бакальского, потчевашского, карымского и кушнаренковского керамических типов — общих для лесостепного и подтаежного региона Тоболо-Иртышья. Имеются многочисленные подтверждения их одновременного залегания в слоях поселений и в погребениях могильников. Приводим общие характеристики для каждого из типов.

Бакальский тип керамики доминирует в коллекциях поселенческих памятников Притоболья, в могильниках составляет одну из групп, численно преобладающую над карымским и кушнаренковским типами (см. рис. 23).

Посуда делится на столовую: миски (см. рис. 25, 14), кружки, кувшины (см. рис. 25, 3, 4, 9, 10), мелкие горшочки (см. рис. 25, 2, 8, 12, 16), чаши; кухонную: круглодонные горшки объемом 2–10 л, котлы (см. рис. 25, 17, 18), сковороды (рис. 25, 6, 20); тарную: горшки диаметром 38–45 см по венчику. Сосуды имеют низкую шейку, прямо срезанную по венчику или глубоко насеченную, что дает волнистый край бортика. В качестве сырья брали ожелезненную глину, реже — илестую, в нее добавляли шамот, навоз, выжимки из него, песок. Бакальскую посуду можно признать запесоченной с композициями теста: «глина + песок» или «глина + песок + шамот». Лепили сосуды ленточно-лоскутным способом: верхнюю часть — с использованием лент, нижнюю — из лоскутов. По наблюдению Л. С. Кобелевой, конструирование было четырехэтапным: сначала тулово, потом к нему прилепляли днище, затем горловину — к тулову, венчик — на горловину в завершение. Горловину прикладывали к тулову с внутренней стороны, из-за чего на шейке есть «шов» или небольшой уступчик. Поверхность заглаживали деревянным или костяным ножом, пальцами, редко ложили шкуркой [Матвеева 2016а: 139]. Обжиг производился в основном в окислительно-восстановительной среде при непродолжительном воздействии температур каления. Керамика отличается низкой прочностью, сильно фрагментирована, расслаивается и не поддается склейке в целые формы, что обусловлено крупноразмерным шамотом, слишком быстрой сушкой на открытом воздухе, костровым обжигом при невысокой температуре, недостатке хорошего топлива или перепаде температур.

А. С. Зеленков изучил бакальскую керамическую выборку с точки зрения навыков формообразования, изменение которых у ремесленников происходит при смене этнокультурного окружения. Емкостные ча-

сти, по его данным, в бакальской выборке занимают 50–60% от высоты сосуда, при этом радиус кривизны пропорционален высоте. Сосуды средних пропорций из некрополя Устюг-1 второй половины III — начала IV в. имеют формы, сохранившиеся с саргатского периода. Их трансформация отражена в появлении сосудов низких-средних пропорций (подражаний инокультурной керамике) в период функционирования Козлова Мыса-2 конца IV — начала V в. Смену представлений о морфологии у бакальских гончаров А. С. Зеленков объясняет контактами западносибирского населения с крымским и приуральским населением [Зеленков 2017а: 103].

По сравнению с ранним железным веком разнообразие форм сосудов становится значительным. Выросла доля большеобъемной тарной и кухонной посуды, появились сковороды и открытые миски, указывающие на новые блюда в обиходе, требовавшие тушения и жарки.

Примитивный орнамент нанесен только в верхней трети тулова рядами ямок или жемчужин, грубых нарезок, наколов палочкой, уголков, ногтевых вдавлений, защипов, гребенки, часты «елочка», нарезная решетка (см. рис. 25, 18). Преемственность с саргатской керамикой проявляется только в технологии, части форм и орнаментов, что уже отмечено Б. Б. Овчинниковой [1988] и Л. С. Кобелевой [Матвеева, Кобелева 2013: 76], однако выявлена тенденция к усложнению ассортимента изделий, обеднению декоров, снижению качества продукции под влиянием более подвижного образа жизни и заимствований, привнесенных мигрантами. По совокупности основных характеристик бакальская гончарная традиция является оригинальной. Сходство по формам и декору проявляется только с отдельными приуральскими памятниками, в формировании которых могло участвовать бакальское население.

Рис. 22. Бакальский ремесленный инвентарь:

1–8 — железные ножи; 9–11 — костяные ножи; 12–14, 16 — льячки; 15, 34 — тесла;
 17, 18 — тигли; 19–25 — пряслица; 26–28 — скребки; 29–32 — проколки; 33 — клин;
 35 — сопло; 36 — каменный абразив.
 1, 2, 4, 21, 25–28 — Коловское; 3, 8, 10, 12, 16, 20, 23, 30 — Усть-Терсюк-1;
 5, 11, 19 — Усть-Утяк-1; 6, 31–34, 36 — Царево; 7 — Папское; 9, 22, 24 — Ласточкино Гнездо;
 13, 14, 17, 18 — Красногорское; 15 — Большое Бакальское; 29 — Зотинское;
 35 — Старо-Лыбаевское

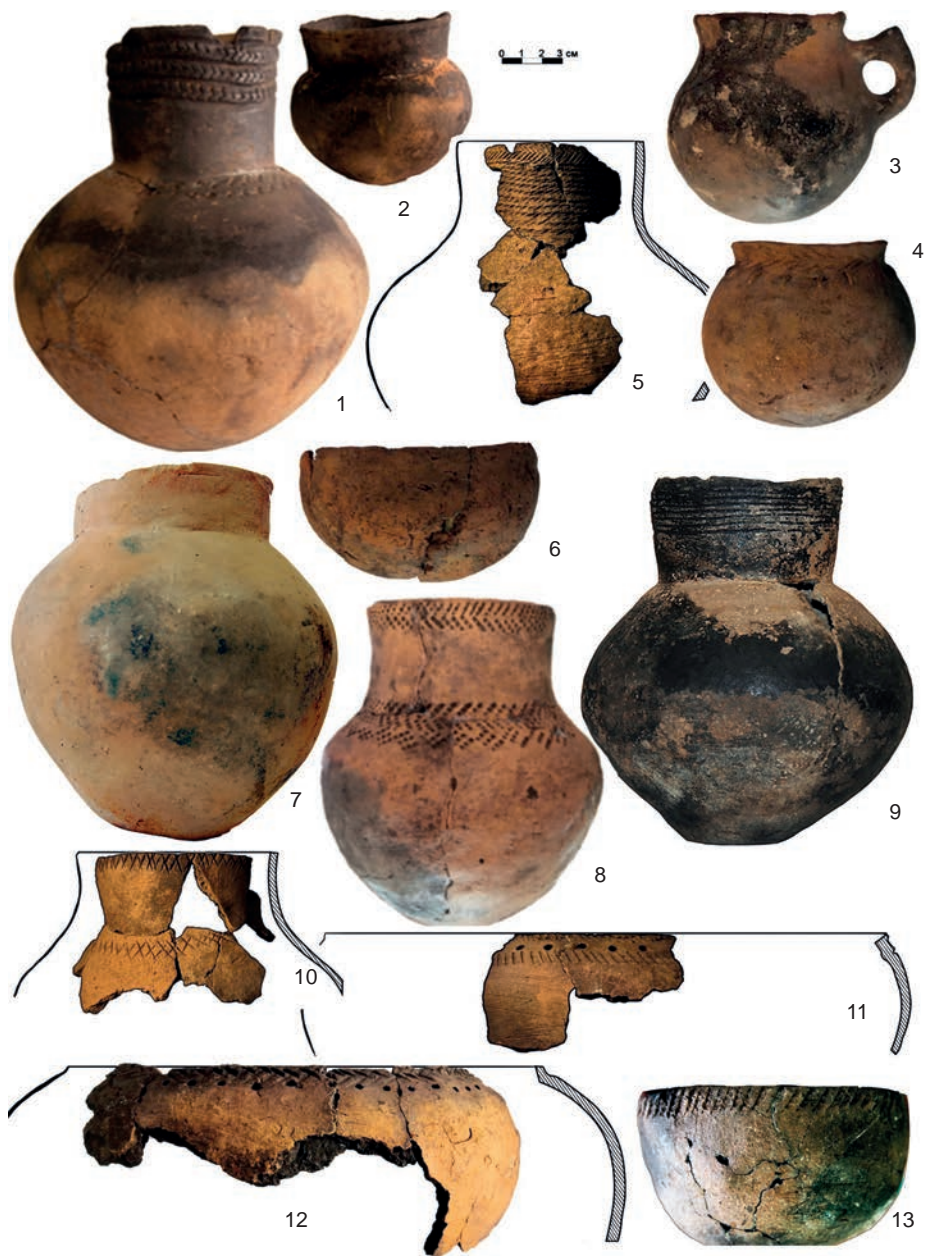

Рис. 23. Керамика бакальской культуры:
 1–4, 6, 7 — Устюг-1; 5, 8, 10–13 — Воденниково-1; 9 — Ревда-5

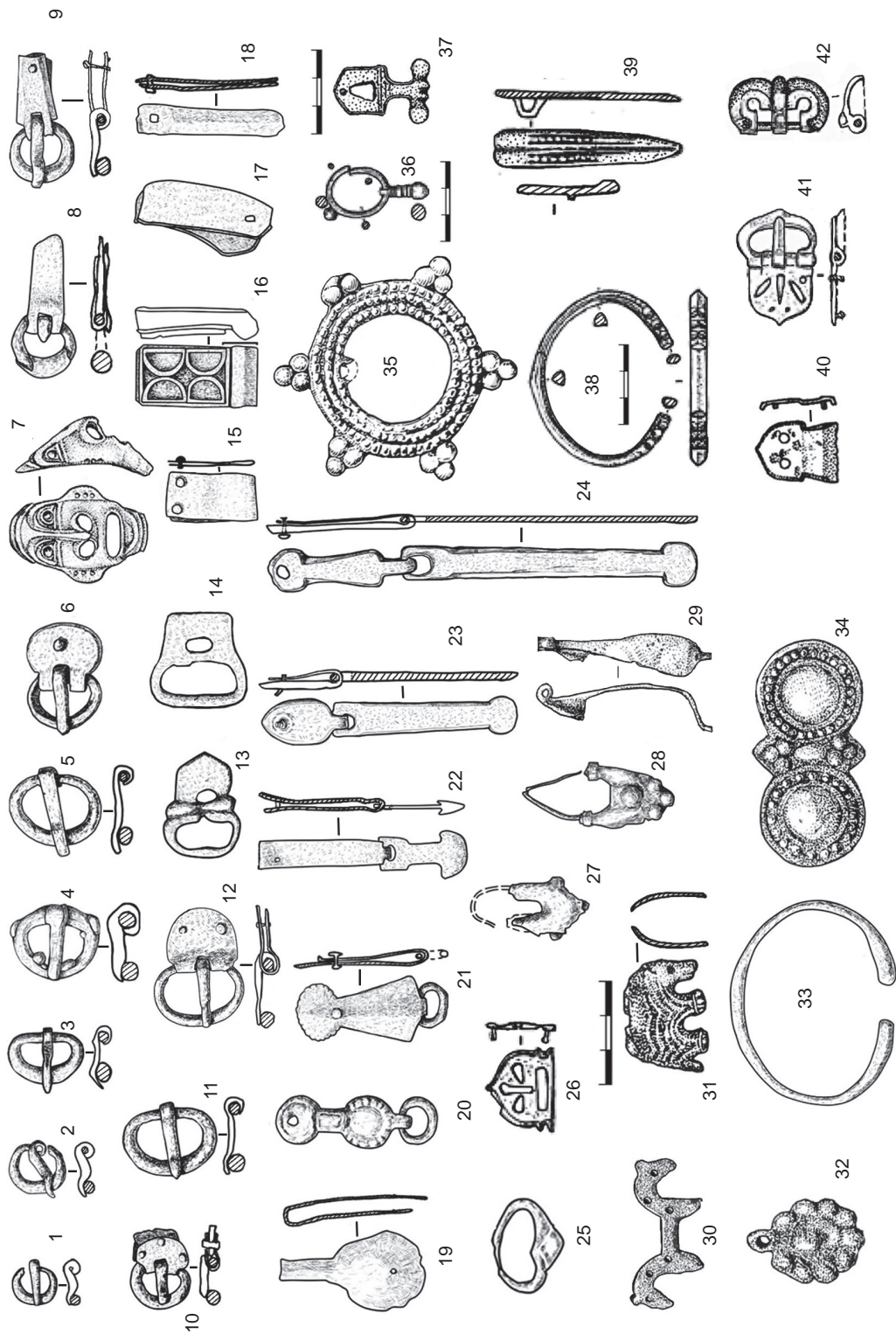

Рис. 24. Украшения из памятников бакальской культуры:

1-5 — Козлов Мыс-2; 6, 7 — Большое Бакальское; 8-13 — Хрипуновский; 14, 25, 30, 32-35 — Перейминский; 15, 16, 23, 24 — Иркульский; 17, 18, 22, 27-29, 31 — Устюг-1; 19-21 — Ревда-5; 26, 36, 38, 39, 41, 42 — Ингала; 37, 40 — Усть-Терсюк-1

Так, некоторую близость видим с караякуповской посудой Ново-Турбаслинского селища, ранней неволинской на Елкинском городище [Пастушенко, Макаров 2008: 63–75], Верх-Саинском-1, Лобач, Бартымском-1, Морозковском-4 [Голдина, Пастушенко, Черных 2011: 44, табл. 29, 3, 8, 10,

13; 30, 2, 4, 7–14; Голдина [и др.] 2012: 45, табл. 41–45], однако способы изготовления последней резко отличны: толченая раковина, сухая глина, рубленая растительность, поскольку приуральское гончарство развивалось на местной основе [Васильева 1993: 46] со своими рецептами.

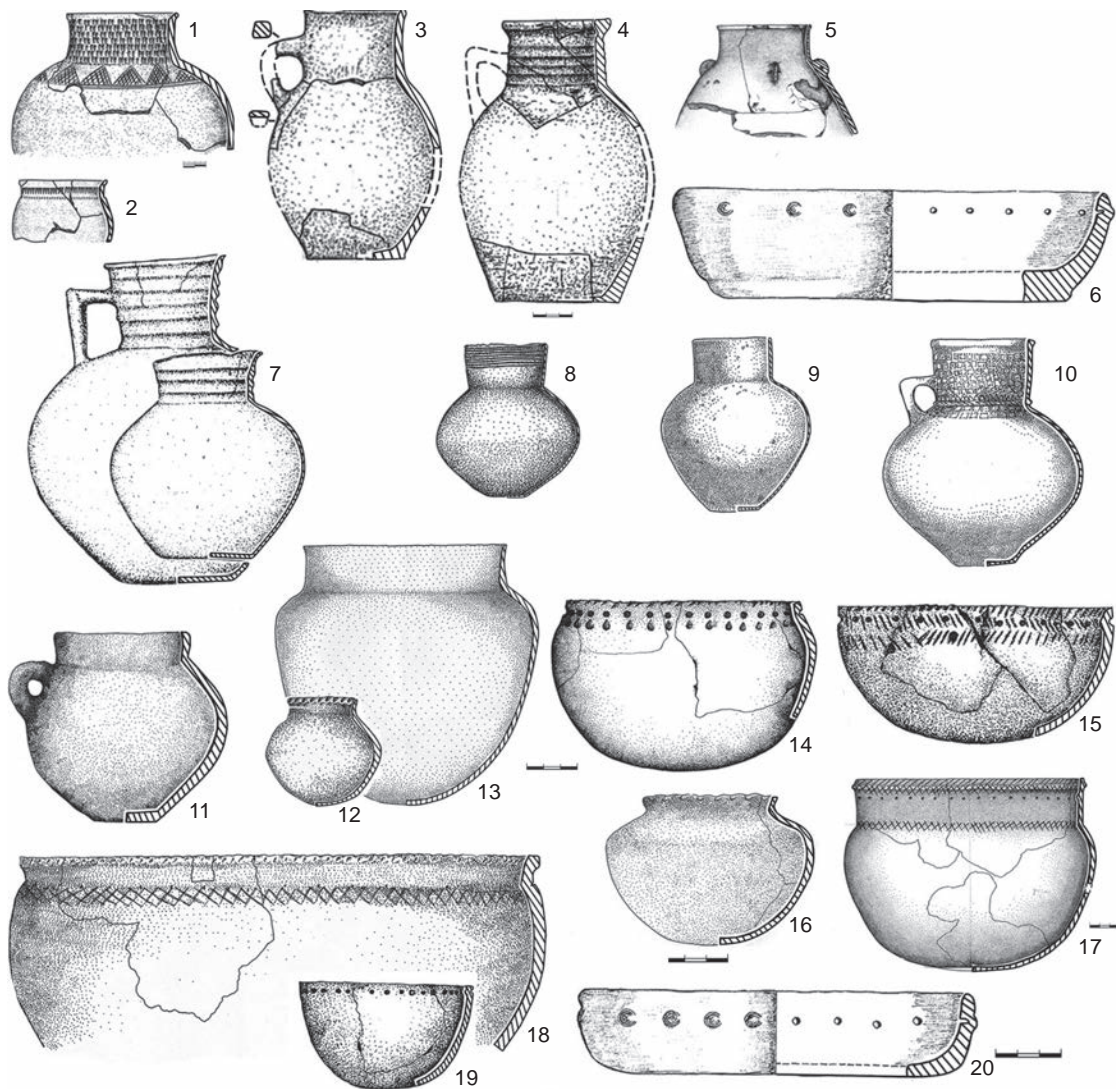

Рис. 25. Керамика. Импорты (1–7, 20), подражания (8–11), типичные формы (12–19) в памятниках бакальской культуры

Импорты: 1, 2 — Коловское; 3, 4, 6, 20 — Усть-Терсюк-1; 5 — Усть-Утяк-1; 7 — Карасье-9.

Подражания: 8 — Ревда; 9–11 — Устюг-1.

Типичные формы: 12, 16, 18 — Устюг-1; 13 — Ревда; 14, 15, 19 — Коловское; 17 — Перейминский

Карымский тип керамики⁶ представлен тонкостенными сосудами низких-средних пропорций из теста с разнокалиберным песком. Преобладающая форма — миски с низким, наклонным вовнутрь венчиком, иногда карнизиком, украшенные плотными рядами или треугольниками из отпечатков ромбического или крестового штампа. Залегает совместно с бакальскими сосудами, а в некрополях Козлов Мыс-2, Усть-Тара-VII составляет основу коллекции. Прямые аналогии данному типу керамики имеются в памятниках таежного Приобья, где она является характерной для отложений IV–VI вв. [Борзунов, Чемякин 2015] и документирует проникновение таежного населения в лесостепь.

Кушнарниковский тип керамики не составляет значительных серий, встречается с бакальским и в меньшей мере с карымским. На одновременность бытования кушнарниковской и бакальской посуды указывает как совместное ее размещение в большинстве могил всех рассматриваемых памятников, так и синкретичные экземпляры, сочетающие черты тех и других типов. Например, котловидная емкость из кургана 2 Перейминского-1 могильника, декорированная в бакальской манере, снабжена валиком по краю венчика, как это характерно для кушнарниковской посуды, но там находится, как правило, на переходе от шейки к плечу, либо имеется несколько рядов валиков [Матвеева 2016а: рис. 77].

Тип составляет посуда специфических средних-высоких и высоких пропорций [Зеленков 2019: 35] чужеродного для бакальских комплексов вида: кувшины (2/3 комплексов), плоскодонные горшки, кружки с ручками и без них, декорированные металлическими орнаментами и фигурными штампами, желобками, шнуром (см. рис. 26, 1, 4, 8, 10). Это коричневая, красно- и черноглиняная

лощенная тонкостенная посуда с мелким просеянным песком в тесте, горнового обжига, формовка ее производилась по формам-моделям, в том числе кожаным, выбивкой заготовки из лоскутов, с тщательным заглаживанием и лошением, ангобированием для финишного выравнивания поверхности [Васильева 1993: 46].

Как и на всех поселениях и могильниках Приуралья, где кушнарниковская керамика залегала совместно с турбаслинской, бахмутинской, неволинской или караякуповской и не коррелировала с каким-либо типом погребений [Генинг 1972: 266, 268; Иванов 2012: табл. 1; Казаков 1981: 133; Казанцева, Ютина 1986: 122; Мажитов 1977: 62, 72], в Зауралье она также малочисленна. В комплексах ее доля от 1 до 16% (табл. 3), давно установлено, что эта посуда столовая [Иванов 1999: 50; Мажитов 1981б: 27, 28; Останина 2002: 42]. Вернувшись к данной теме, В. А. Иванов проделал тщательную работу — сравнение с помощью математической статистики на поселенческих материалах и выборках из погребений отдельно, в результате чего он утвердился в выводе, что кушнарниковская керамика более высоких пропорций, меньших размеров, а караякуповская — более крупная, низких пропорций с приплюснутым реповидным туловом, что дало ему основание настаивать на их разнокультурности и связывать с разными географическими ареалами, хотя из таблиц этой работы следует, что на большинстве памятников они встречаются совместно [Иванов 2009: 189, 190].

В целом увлечение этническими интерпретациями показалось недостаточным для выделения на этой основе этнокультурного типа или культуры мигрантов. Ныне кушнарниковская керамика обнаружена в более чем 120 объектах Приуралья, в 25 памятниках Зауралья, в степных курганах «с усами» [Грудочко 2018: рис. 7; Краева, Матюшко 2018: рис. 11, 15], на сезонных стоянках

⁶ Рассматривается в разделе «Карымский тип памятников в подтаежной зоне» данной главы.

Распределение кушнаренковской керамики по погребальным и поселенческим комплексам Приуралья и Зауралья

<i>Памятник</i>	<i>Кол-во сосудов / доля</i>	<i>Источник</i>	<i>Памятник</i>	<i>Кол-во сосудов / доля</i>	<i>Источник</i>
Верх-Саинское городище	16/0,69	[Пастушенко 2008]	Новобиккинский	1/?	[Мажитов 1977]
Верх-Саинский могильник	1/0,84	[Там же]	Булгарский	1/?	[Там же]
Бартымское-1 селище	2/0,18	[Там же]	Уфимский	1/?	[Там же]
Морозковское-4 селище	1/0,07	[Там же]	Муракаевский	1/?	[Там же]
Антоновское городище	1/1,41	[Там же]	Стерлитамакский	2/?	[Там же]
Халиловский	1/?	[Мажитов 1977]	Каранаевский	3/?	[Там же]
Манянский	21/?	[Там же]	Хусаиновский	3/?	[Там же]
Красногорский	1/?	[Там же]	Ишимбай	1/?	[Там же]
Кушнаренковский	2/8,69	[Васюткин 1968]	Старокалмашевское городище	56/?	[Там же]
Бахмутинский	2/?	[Мажитов 1977]	Бирский	18/15,4	[Султанова 2000]
Шареевский	2/?	[Там же]	Ново-Турбаслинское селище	18/?	[Мажитов 1977]
Староянгизитовский	2/?	[Там же]	Бирское городище	10/?	[Там же]
Бекешевский	10/?	[Там же]	Романовское-2 селище	9/?	[Там же]
Сынташевский	2/?	[Там же]	Турбаслинское городище	4/?	[Там же]
Лагереvский	16/?	[Там же]	Уфа-2	252/15,2	[Иванов 2012]
Ново-Турбаслинский могильник	1/?	[Там же]	Усть-Утяк-1	37/12,8	[Боталов и др. 2013]
Колоvское городище	40/7,47	[Матвеева, Берлина, Рафикова 2008]	Кузубаевское городище	201/16,19	[Останина 2002]
Папское городище	7/10,4	[Матвеева и др. 2020]	Большое Бакальское городище	21/11,1	[Боталов и др. 2013]

на Волге [Сташенков 2018: 258–259], что подкрепляет версию престижного характера данного типа посуды.

Поскольку первоначальное мнение о предшествовании кушнаренковских захоронений караякуповским не доказано как статистически достоверное, то привился термин «кушнаренковско-караякуповская культура» [Боталов и др. 2008: 22–27; Гру-

дочко, Боталов 2013; Иванов 2015: 201, 209], что тоже не верно. Например, В. А. Иванов пишет, что на городищах Кузубаевское, Благодарское-1 и Уфа-2, где кушнаренковская керамика представительна, «никакой стратиграфии, позволяющей проследить хотя бы относительную хронологию кушнаренковской керамики, просто не существует» [Иванов 2009: 182]. Кстати, И. Н. Васильева показала

различие формовочных масс, отражающих особенности субстратных гончарных навыков у групп производителей керамики этих типов: ожелезненная пластичная глина с примесью навоза и шамота в кушнаренковской традиции, ожелезненная запесоченная глина иногда со слюдой — в караякуповской [Васильева 1993: 44–45]. Столь обширный ареал распространения и связь с богатыми захоронениями [Казаков 1981: 115] позволяют предположить в данном типе керамики импорт, тем более, что статистической анализ погребальных памятников Зауралья показал, что могилы с кушнаренковскими сосудами не группируются в отдельный кластер, а распределяются среди бакальских и потчевашских захоронений [Зеленков 20176].

В зауральских памятниках кушнаренковская керамика встречается в памятниках только IV–VII вв. Для проверки предположений о наличии/отсутствии кушнаренковского горизонта обитания на поселениях А. С. Зеленковым были построены схемы распределения керамики разных типов раннего Средневековья в слоях на городищах Усть-Терсюк-1 и Коловское. На них кушнаренковская посуда не образует отдельного уровня залегания и вписывается в культурные отложения: бакальские на первом и саргатские на втором [Зеленков 2019: 32]. Специфичность залегания на Коловском объясняется тем, что средневековые жилища только наземные, а основная толща слоя представлена несколькими периодами обитания в саргатских полуземлянках, бакальские погребения тоже впущены в саргатские жилища [Матвеева, Берлина, Рафикова 2008: 158].

Установлено заимствование форм кубков, кружек, кувшинов с ручками, котлов с южных территорий (Приаралья и Семиречья) в виде изготовления сосудов-подражаний⁷, а также использование привоз-

ной посуды с совершенно оригинальными керамическими массами, например с примесью жженой кости [Матвеева, Кобелева 2013: 76]. Редкие в комплексах бакальской культуры формы, происхождение которых ранее не получало объяснения, а именно высокогорлые красноглиняные кувшины с рифленным горлом, в том числе с зооморфными ручками, лощеные мисочки, кружки с ручками (см. рис. 25, 4, 7, 10), находят полные аналогии в Приаралье. В целом зауральская посуда подражает формам периода Джетыясар-I, верхняя дата которого, по определению Л. М. Левиной, — IV в. [Левина 1971: рис. 15, 17]. В джетыясарских памятниках найдена и собственно бакальская посуда, указывающая на пребывание части населения в регионе вследствие брачных и торговых связей [Матвеева 2021: 88].

Специфический декор штампами: треугольники, ромбы, скобки, «гусенички» — связывается с заимствованиями у карымских мигрантов в лесостепь [Зеленков 2015: 198]. В погребениях Приуралья и Зауралья также значительна группа высокогорлых кувшинов с резным и желобчатым узором либо с фигурно-штампованным. Узкогорлые вытянутые сосуды находят аналогии среди маслобеков из Алтыназара-4, декор из прочерченных линий с заключенным между ними многорядным зигзагом также присущ керамике с памятников IV–VII вв. Нижней Сырдарьи [Левина 1971: 72, рис. 15]. Пропорции горловин с резко отогнутым венчиком у прикамской посуды ближе всего к кувшинным формам периода Джетыясар-II, изготовленным вручную на поворотной подставке [Там же: 73]. По памятникам Варнинский, Тольенский, Верх-Саинский, Лобач, Кузубаевский, Благодатский складывается впечатление, что характер кушнаренковских узоров заим-

⁷ Посуда более грубая, толстостенная, ее поверхность обрабатывалась зубчатым

инструментом, до конца не заглаживалась и не лощилась, декорирована небрежно, отмечены частые несовпадения раппорта.

ствован из той локальной среды, для которой предназначалась продукция, со временем возобладали шаровидные и митровидные формы, декор стал более разреженным, как на местной керамике [Иванов 2008: 156, 158], т. е. поставщик приспособлялся к потребителю.

Полагаем, что кушнаренковская посуда была продуктом деятельности гончаров-ремесленников, работавших еще без гончарного круга, примерно в духе горшечников Сакмарского городища в степном левобережном Поволжье. И. Н. Васильевой показано, что керамика с этого памятника не относится к кругу приуральских культур, она изготовлена на месте в традициях джеты-асарской культуры какой-то группой населения, продвинувшейся с территории Казахстана на северо-запад [Васильева 1993: 86].

Как видим, разнообразие состава керамики объясняется сложными брачными контактами с подтаежными группами населения, тесными торгово-экономическими связями с номадами южной лесостепи и степи Средней Азии, а также подражаниями металлической и станковой посуде.

Погребения. Источниками для изучения погребальной практики населения Тоболо-Ишимья послужили материалы могильников Козлов Мыс-2, Ревда-5, Устюг-1, Ипкульский, Перейминский, Воденниково-1, отдельные погребения — абатское, коловское, дуванское, черноозерское и др., всего около 150 объектов. Могильники расположены на мысах рек и озер, на опушках и под покровом леса. В качестве тенденции для бакальской культуры выявлено сочетание нескольких погребений под насыпью малых курганов (два и более), имеющих характерные черты: северная и северо-западная ориентировки погребенных, положение умерших вытянуто на спине, искусственная деформация голов, неглубокие (0,3–0,9 м), узкие или средней ширины ямы овальной

в песчаных грунтах или прямоугольной форм в суглинках с отвесными стенками и покатым к ногам дном. Присутствуют кости от шкуры (голова и ноги) или туши лошади рядом с могилами, а также сосуды в изголовье могильных ям (см. рис. 27). В качестве отклонения от базовой традиции ингумации в кургане выявлены грунтовые могилы на поселениях и вторичные подкурганые захоронения.

В течение IV–VIII вв. происходит значительное изменение погребальных традиций, видимо, вследствие заимствования некоторых ритуалов мигрантов, но погребения бакальского типа в изученных могильниках преобладают. В памятниках IV–V вв. Козлов Мыс-2, Ревда-5 и Устюг-1 соседние захоронения образуют широтные ряды, а курганы над ними — сомкнутые цепочки, между ними могут находиться могилы, незначительные насыпи которых расплылись. Способы обращения с умершими различны: помещение в гробовище, берестяные покрывки, кошму, кожу, камышовую циновку или войлочный ковер, причем тела подвергались тугому пеленанию или связыванию. В зимнее время их хранили в мешках или коврах-килимах, в каких-то наземных постройках, где они оказывались доступны хищникам, о чем говорят погрызы на костях и позы людей ничком, а также вторичные погребения с кучным положением костей скелета, но не смещенным инвентарем [Чикунова 2013: 221]. Существовали обычаи снимать пояс с умершего и направлять его, класть культовые предметы в коробочках у плеча, сохранять выпавшие зубы и помещать их с владельцем при захоронении, как культ черепа рассматриваем случаи обнаружения костей от голов других людей в могилах с умершими [Матвеева 2016а: 126].

На дневной поверхности около могил имеются следы тризны в виде раздавленных

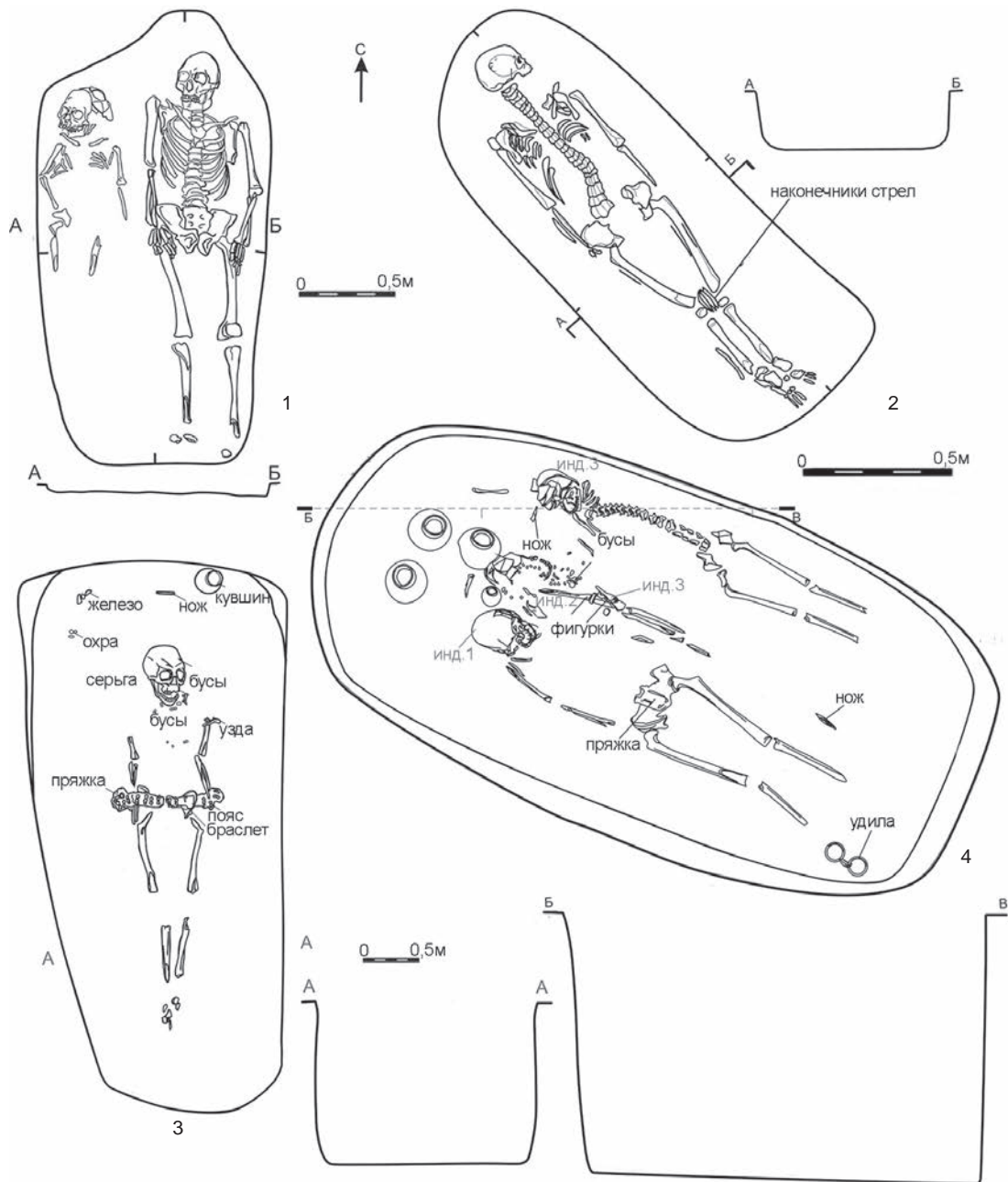

Рис. 26. Бакальские погребения:

1 — Устюг-1, погр. 1 кург. 1; 2 — Устюг-1, погр. 1 кург. 14; 3 — Ревда-5, погр. 10 кург. 6;
4 — Устюг-1, погр. 2 кург. 25

крупных и сохранившихся целыми малых сосудов, костей от ног и голов лошади, части туш нередко помещались на перекрытие. Кроме того, на площади могильников Козлов

Мыс-2 и Ревда-5 изучены специальные площадки для коллективного поминовения всех умерших, содержавшие остатки столбов, кости животных и керамический бой.

Комплекс вещей состоит из остатков пояса, железного ножа, сосудов, костяных наконечников стрел и бус, сосудов, размещенных в изголовье (см. рис. 24, 25). Керамика из могил представлена горшками и чашами с обедненным декором в виде накололов, зашипов, резной решетки, ямок вдоль бортика, а также включает единичные изделия карымского и кушнаренковского типов. Вся она находит аналогии в комплексах

городищ с отложениями эпохи Великого переселения народов Старо-Лыбаевском-1а и селище-1б [Матвеева, Зеленков 2016б; Овчинникова 1988], Коловском, Усть-Терсюк-1, Большом Бакальском, Красноярском [Данченко 2008: 56–57; Потемкина, Матвеева 1997; Рафикова, Матвеева, Берлина 2008: рис. 15–17], а также на сезонных селищах. Захоронения демонстрируют преемственность с предшествующими

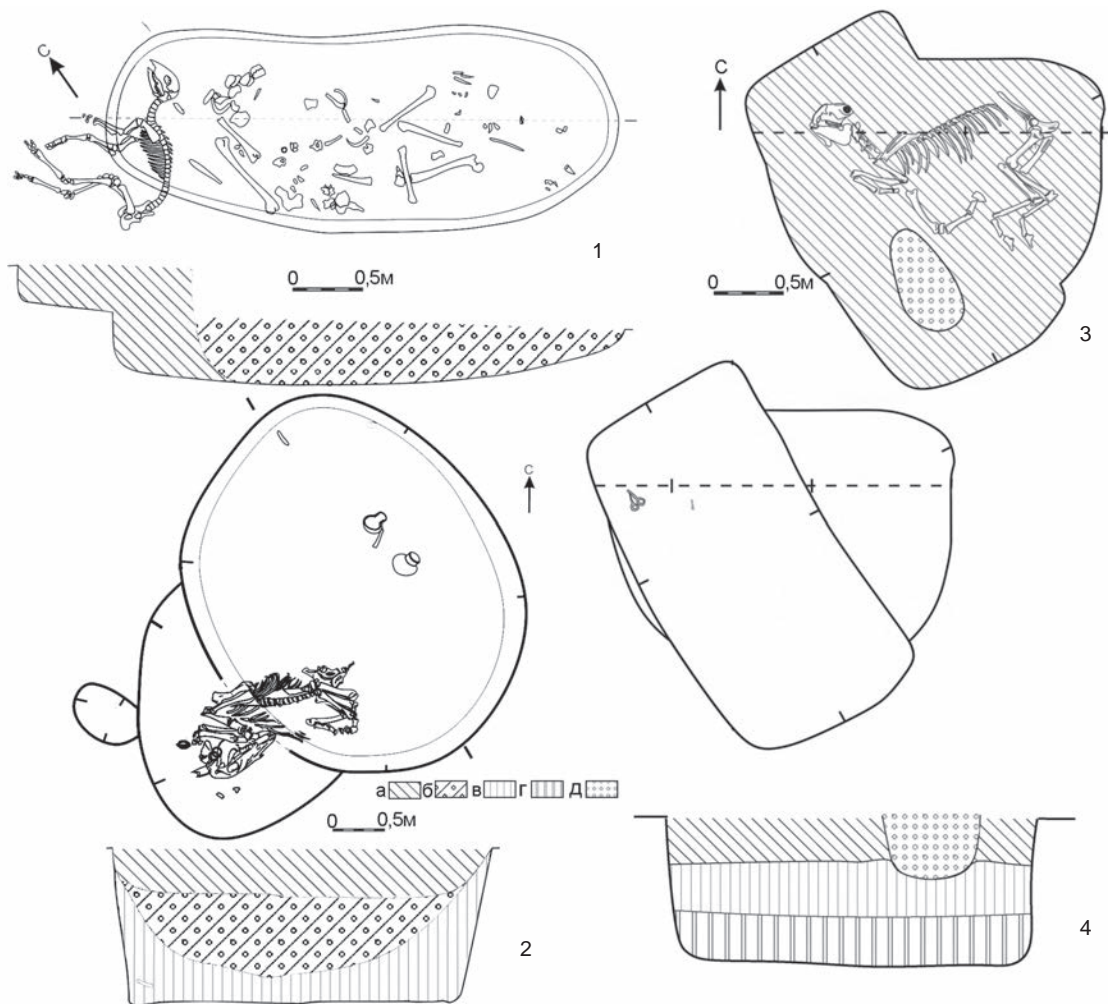

Рис. 27. Погребения с захоронениями коней в могильнике Устюг-1:

1 — кург. 26; 2 — кург. 34; 3 — планы могильной ямы на уровне древней поверхности и матрица в кург. 36; 4 — разрез центральной ямы кург. 36

Условные обозначения: а — темно-серая супесь; б — темно-серый мешаный песок; в — коричневый песок; г — светло-коричневый песок; д — желтый песок

местными культурами — саргатской и кашинской в курганном обряде и северных ориентировках скелетов, мелких ровиках вокруг курганов (Козлов Мыс-2), использовании лошади в тризне, в резной орнаментации базовых горшковидных и котловидных форм сосудов.

Новациями этого периода можно считать размещение туши коня на перекрытии над могилой (см. рис. 27, 1, 2), сооружение курганов только для захоронения лошади, например курган 36 Устюга-1 (см. рис. 27, 3), вторичные захоронения, тугое пеленание тел, обертывание в ковровые изделия, в чем видится явный кочевнический импульс.

Захоронений коня известно 4 случая (см. рис. 27), при этом конь, в отличие от раннетюркских традиций, помещен не в одной могиле с всадником, а над нею. С раннеболгарскими погребальными традициями, отмеченными в памятниках новинкинских типа, бакальские сближают наличие черепов лошади в насыпях, расположение могил рядами, пеленание покойников, размещение коней над могилой в выше, чем ингумация человека, устроенной яме [Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998: 50, 53, 61]. Реализованный в Устюге-1 способ размещения коня около человека — в яме у торцевой стенки могилы человека, так что длинные оси их захоронений перпендикулярны друг другу, встречен в Нетайловском и Красногоровском могильниках, относимых к болгарским некрополям [Аксенов 1995: 11].

Погребения периода VI–VII вв. мало изучены, это Усть-Суерка-1, Хрипуновское № 60, видимо, Коловское. Захоронения курганные на дневной поверхности или впускные в ранние насыпи, проводились в гробах, меняется ориентировка могил на западную и юго-западную, появляется правило класть кинжал и колчан со стрелами, возникли вариации в установке сосудов, их размещали как в изголовье, так и вне могил. Инвентарь характеризуется поясными гарнитурами степного облика. Полагаем, что в этой груп-

пе погребений также проявляется влияние кочевников, но уже другого круга. Городища и поселения, функционировавшие в VI–VII вв., также имеют комплексы вооружения, коррелирующие с тюркскими наборами, и преобладающий бакальский керамический комплекс, например Коловское, Усть-Утяк-1, Усть-Терсюк-1, Папское, Антоново-1 [Зах и др. 2014: рис. 8]. Местная продукция сочетается с явным импортом из Средней Азии и Хазарии [Боталов и др. 2013].

Погребения VIII–IX вв. представлены Перейминским и Воденниково-1 могильниками, в это время зафиксировано обитание на Коловском, Усть-Терсюк-1 и Красногорском городищах. Их материалы и разнородные черты погребального обряда говорят о взаимодействии местного и пришлого населения. Вероятно, их можно называть памятниками перейминского типа. В Перейминском захоронения содержались в неглубоких (0,2–0,9 м) ямах, ориентированы на север, умершие помещены вытянуто на спине, сосуды не ставили [Чернецов 1957: 171]. В нем относительно много коллективных захоронений, в инвентаре представлены только украшения прикамского круга и поясная гарнитура. Около могил были кострища с сосудами и костями животных. Половина посуды — кувшины кушнарниковского типа, другую половину составляют бакальские горшки, миска, котловидная емкость, чаша и экземпляр со шнуровым узором [Матвеева 2016а: рис. 77]. Разнокультурные элементы сочетаются на одном сосуде, например на бакальский котелок с узором решеткой прилеплен валик, как у кушнарниковской посуды. Разнообразие форм при сходстве технологии изготовления указывает на то, что покойников сопровождала посуда разного функционального назначения, использовавшаяся в быту.

Недавно открытый могильник Воденниково-1 изучался нами совместно с Е. А. Третьяковым, он дал 24 раннесредневековых одиночных и коллективных захоронения в малых

курганах (см. рис. 28). Большинство совершены по обряду ингумации в прямоугольных ямах с северо-западной ориентировкой, размещением керамики в них с резной и накольчатой орнаментацией и тризнами у изголовья могил, что является характерным для бакальской культуры. Вместе с тем встречаются впускные погребения, а также захоронения в колоде и гробовищах из досок с перекрытием из жердей и бересты, западная ориентировка умерших и установка сосудов рядом с могильными ямами (см. рис. 29, 9). Новации являются элементами потчевашской культуры Ишимо-Иртышья, известной по Окуневскому-III, Лихачевскому, Викуловскому кладбищам. Совместно залегают керамика потчевашского и бакальского типов в одних комплексах (см. рис. 30, 5–7), отмечено появление синкретичных кувшинных форм с мелкогребенчатой и желобчатой орнаментацией. Например, интересна керамика в остатках тризн с костями лошади на площадке кургана 33 Воденниково-1, вся она сделана по одной технологии, но отличны формы и узоры. Два бакальских сосуда соотносятся с погребением 13 (см. рис. 30, 18), один — с погребением 16 (см. рис. 30, 6). Десять сосудов связаны с центральным погребением 17, в числе которых были группа из трех разбитых кувшинов (см. рис. 30, 11, 12, 14), группа из трех бакальских горшочков и чаши (см. рис. 30, 5, 19, 20), группа из трех потчевашских кувшинчиков (см. рис. 30, 8, 16, 17), под юго-восточной полкой найдена раздавленная миска, под северо-западной на 15–20 см глубже, чем вышеописанные развалы, были обнаружены фрагменты горловин и стенок сосудов с гребенчатыми узорами, а также кости животных. Вероятно, они были помещены после поминок в ямки, ныне не читающиеся.

Тот факт, что часть сосудов представлена в виде боя, а часть — в виде целых форм, говорит о одновременности поминальных

действий возле могил. Восемь сосудов с подкурганной площадки — это круглодонные горшки и банки с полоской ямок под венчиком, отпечатками гребенки или насечками в виде решетки и елочки. Декор разреженный, тесто с примесью шамота. Широкие аналогии данная посуда находит как в погребальных, так и поселенческих комплексах бакальской культуры IV–VIII вв. Тоболо-Ишимья [Боталов и др. 2008: рис. 4–7; Матвеева, Берлина, Рафикова 2008: рис. 113–118; Рафикова, Матвеева, Берлина 2008: рис. 14–17]. Шесть других синкретичного вида: кувшины с узким и высоким вертикальным горлом и шаровидным туловом, тонкостенные, с узорами прочерчиванием, тонкой гребенкой в виде ромбов и елочки, сдвоенного зигзага, сходны с так называемыми «кушнаренковскими» сосудами Перейминского могильника VII–VIII вв. Один кувшин (см. рис. 30, 17) по орнаментальной схеме может быть отнесен к потчевашской традиции [Илюшина 2009: рис. 3, 4; 4, 8].

Инвентарь могильника Воденниково-1: витая гривна, браслет со вздутыми, поясные пряжки, накладки и окончания ремней, стеклянные бусы, полубубенчик (см. рис. 31, 2–8, 12–18, 21–23, 26–30) — находит ближайшие аналогии в поломских, неволинских, караякуповских древностях, а в Западной Сибири — в потчевашских конца VII — VIII в. Некоторые вещи имеют более раннее бытование: золотой колт с треугольниками зерни (см. рис. 31, 1) — в комплексе VII в. могильника Кудыргэ на Восточном Алтае [Гаврилова 1965: табл. IX, 3, 4], подобные украшения известны и в памятниках VII в. Кавказа и Карпатской Котловины [Balogh 2016]. Бронзовый распределитель ремней с прямоугольной петлей и двумя сердцевидными лопастями (см. рис. 31, 11) точные аналогии имеет в Кушнаренковском могильнике VI–VII вв. на Южном Урале [Гавритухин 1996: рис. 4, 79].

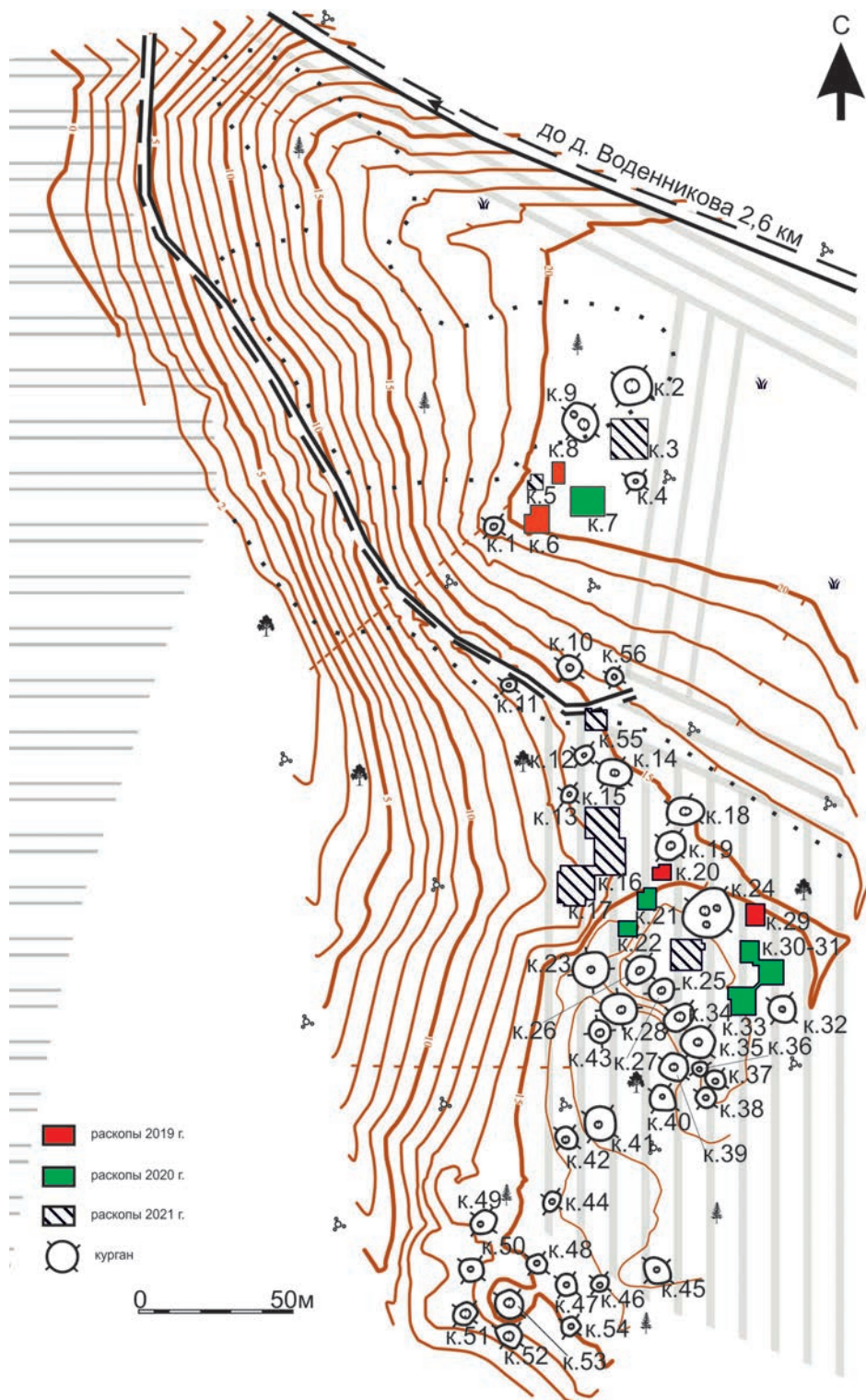

Рис. 28. План расположения курганов могильника Воденниково-1

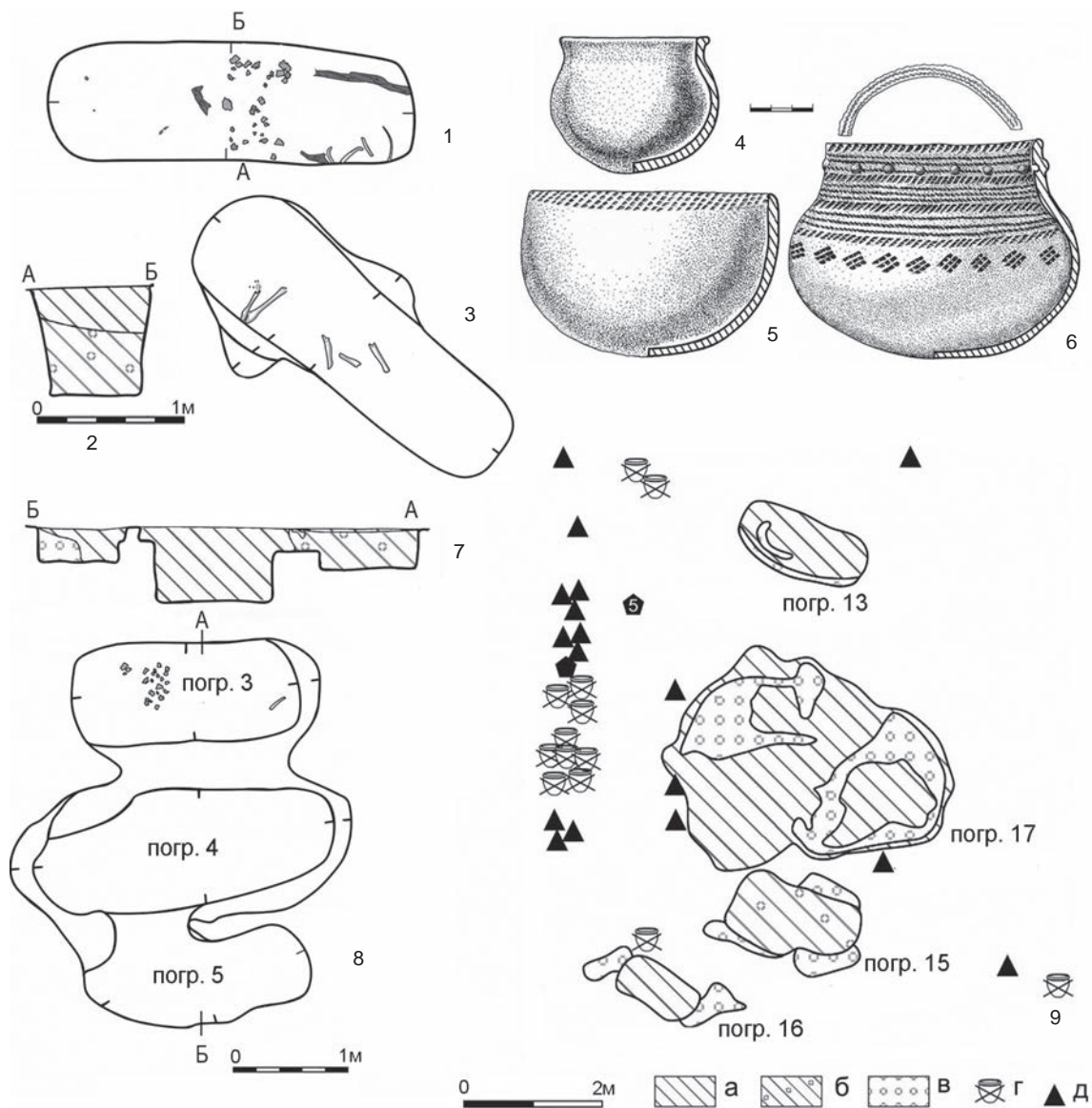

Рис. 29. Погребальные сооружения и керамика могильника Воденниково-1:

1, 2 — план и разрез погр. 20; 3 — погр. 18; 4, 5 — погр. 2; 6 — погр. 3;
 7, 8 — план и разрез погр. 3–5; 9 — план могил, сосудов и костей животных на площадке кург. 33
 Условные обозначения: а — темно-серый суглинок; б — мешаный слой; в — глинистый выброс;
 г — сосуды; д — кости животных

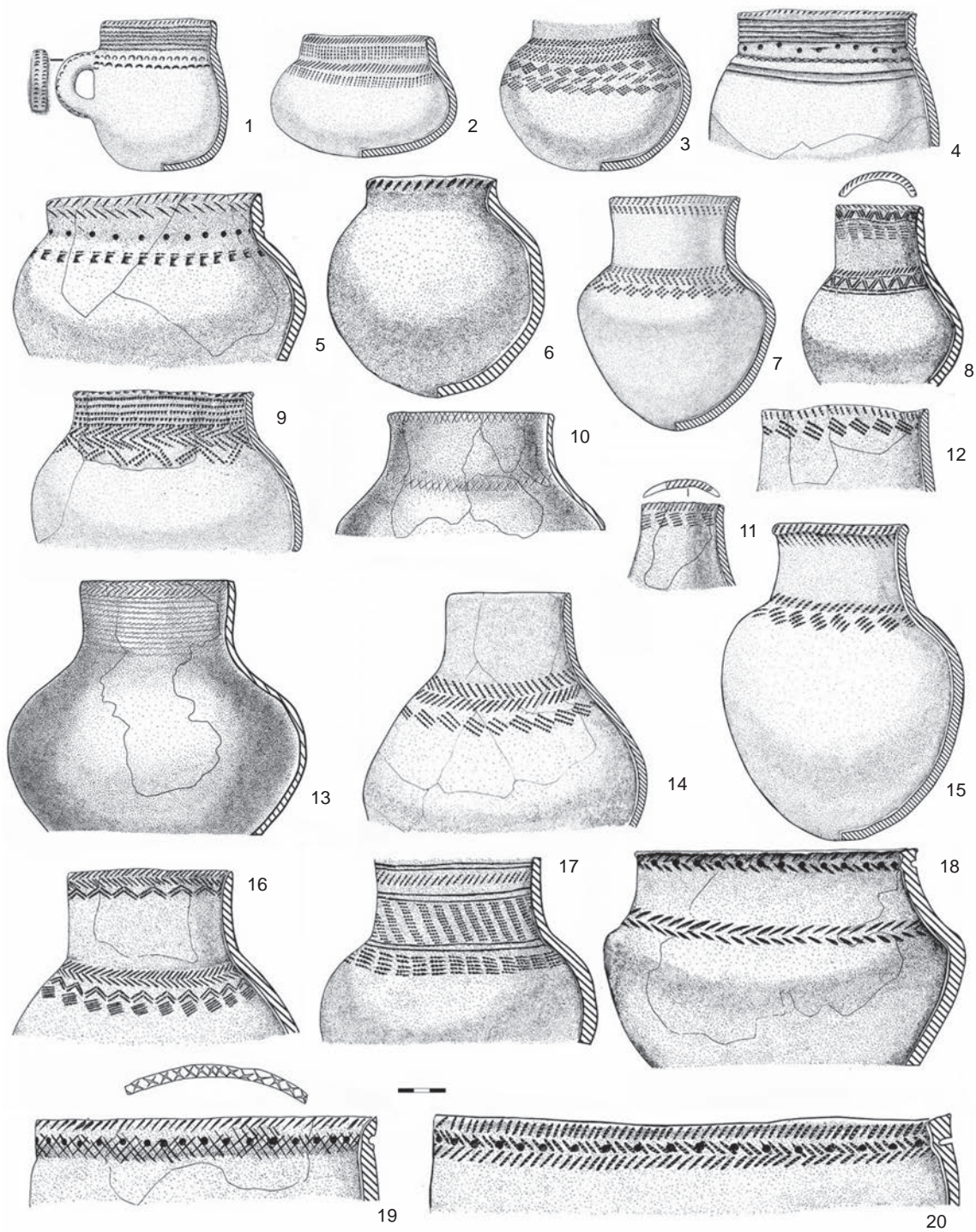

Рис. 30. Керамика могильника Воденниково-1:
 1-4, 7 — кург. 31; 5, 6, 8, 9, 11, 12, 14-20 — кург. 33; 10, 13 — кург. 29

На сегодня могильник Воденниково-1 является самым западным памятником, содержащим материалы потчевашской культуры, позволяющим говорить о переселении части южнотаежного населения Ишимо-Иртышья на Урал.

Хронология. Если позиция бакальских комплексов относительно предшествующих саргатских и последующих юдинских давно утвердилась, то проблема абсолютной датировки культуры не может считаться решенной. В настоящее время Н. П. Матвеевой обоснована верхняя дата саргатской культуры как рубеж III и IV вв., а первую половину IV в. предложено считать временем сложения бакальской культуры [Матвеева 2012б: 82]. Выводы сделаны как по типологическим особенностям инвентарных наборов погребений, так и в первую очередь по серийным данным радиоуглеродной хронологии 22 памятников, объединенных в сводку из 118 единиц [Матвеева 2017: 17]. По вопросу верхней даты саргатской культуры состоялась длительная дискуссия, в которой точка зрения о постепенном сужении ареала как с востока на запад, так и с юга на север и длительном сохранении саргатских традиций на севере лесостепи выразили сначала Л. Н. Корякова, В. М. Морозов, Л. Ю. Суханова, опираясь на смешанные комплексы поселения Ипкуль-15 [Корякова, Морозов, Суханова 1988: 126], затем Н. П. Матвеева, базируясь на относительно поздних датах городищ Коловского и Рафайловского. Мнение о резком распаде саргатской культуры к III в. под влиянием распространения гуннов и вторжения их в лесостепь высказывали А. А. Ковригин, А. П. Зыков, С. Г. Боталов [Боталов, Гуцалов 2000; Зыков, Федорова 2001]. Первоначально исследователями предлагался интервал III–IV вв. по инвентарю могильников Калачевка [Могильников 1972: 68], Абатский-3 [Матвеева 1994; Матвеева, Берлина, Рафикова 2008]. Совместное залегание резной саргатской, гребенчатой кашинской, ярсалинской

и карымской с фигурными и гребенчатыми штампами на поселении Ипкуль-15 давало диапазон III–V вв. [Корякова, Морозов, Суханова 1988: 126]. Мнение об уходе саргатцев из Барабы в первые века нашей эры высказывала Н. В. Полосьмак [1987: 96], однако по прошествии значительного времени появились захоронения первых веков в могильниках Венгерovo-6, Погорелка не в пользу данного предположения. А. А. Ковригин настаивает на сужении датировки Абатского-3 могильника до II–III вв. [Ковригин 2007: 198] только по виду вооружения и воинского снаряжения, но не берет во внимание достаточно поздний диапазон бытования ряда украшений, например поперечно-полосатых стрелковидных бус первой половины IV в. [Алексеева 1978: 43, табл. 27, 72], игнорируя поздние вещи. Идея завершить существование саргатской культуры II или III в., возникла под влиянием идеи С. Г. Боталова и С. Ю. Гуцалова о размещении на азиатско-европейском пограничье Гуннии уже во II–III вв., поддержанной А. П. Зыковым и Н. В. Федоровой из-за многочисленных импортов изделий хуннского круга в таежной зоне [Зыков, Федорова 2001: 25], посчитавшими, что хозяевами лесостепи становятся кочевники Гуннской орды. Однако нельзя не принимать во внимание радиоуглеродное датирование древесины и угля от построек, как правило, дающее несколько удревненные результаты в силу отсутствия разрушившихся верхних колец бревен, т. е., рассматривая их, нам следует понимать, что реальные даты должны быть моложе на 10–15 лет. Так, курган 3 Тютринского некрополя попал в интервал 240–325 гг., интервалом 138–389 AD определены курган 2 и курган 8 могильника Усть-Терсюк-2. Комбинированные даты по поздним периодам обитания на Коловском и Рафайловском городищах показывают, что к диапазону III–IV вв. относятся сооружение 1 и заплот на первой площадке крепости Рафайловского городища, причем важно,

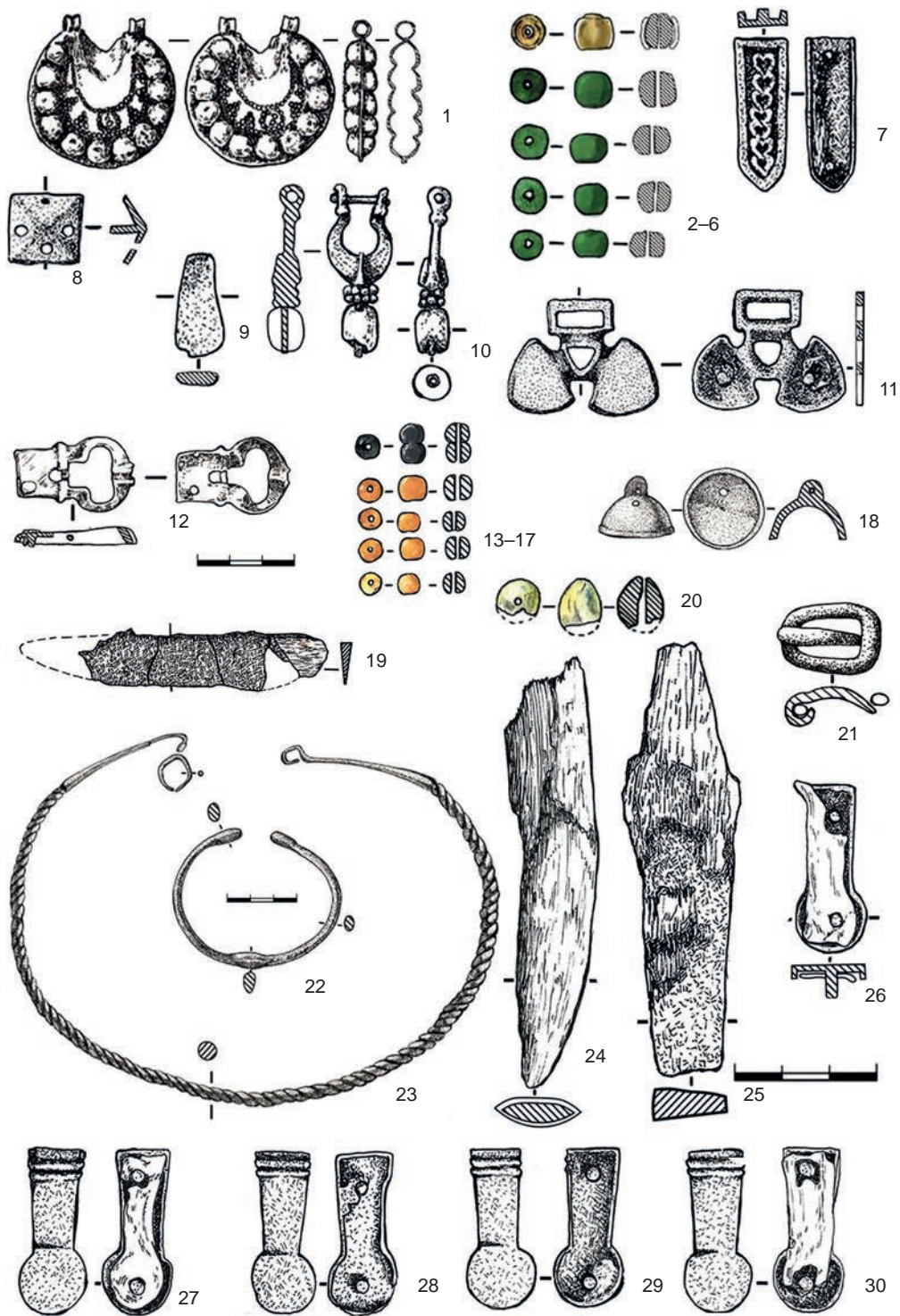

Рис. 31. Инвентарь могильника Воденниково-1:

1 — золото; 2-6, 13-17 — стекло; 19, 24, 25 — железо; остальное — бронза

что никаких средневековых материалов на данном памятнике нет. Основание оборонительной стены, нижние венцы тарасов на валу первой и третьей площадок цитадели Коловского городища указывают на прекращение существования его во II в. [Матвеева 2017]. Степень изученности памятников Прииртышья и Барабы значительно ниже, поэтому недостаток надежных датировок поселенческих объектов не может являться основанием для суждений об отсутствии позднесаргатского населения в этих районах.

Из всей совокупности погребальных памятников бакальской культуры самыми ранними считаем Ипкульский и Ревду-5. Несколько позднее происходило формирование некрополя Устюг-1, около рубежа III–IV вв. и в течение всего IV в. В поясной гарнитуре этих некрополей встречены позднесарматские пряжки с овальными рамками равномерной ширины, язычок которых слегка прогнут, не доходит либо немного выступает за пределы кольца, круглорамчатые пряжки с утолщением спереди, с щитком прямоугольной формы, прикрепленным к рамке перегибом пластины конца II — середины III в. [Малашев 2000: 209], а также с утолщенным передним концом, коротким равномерной толщины язычком, небольшим уступом у его основания, овальным щитком конца III — начала IV в. [Амброз 1971: 10]. Ременные двусоставные накладки из Ипкульского могильника с подпрямоугольными подвесками с сегментированным концом являются продолжением развития накладок с округлыми или овальными подвесками, характерных для второй половины III — начала IV в. [Малашев 2000: 210, 226, рис. 7, B1–3]. Бронзовые накладки-скобы восьмерковидной формы аналогичны тарасовским I–V вв. [Голдина 2003: табл. 2, 12–14; 4, 5, 6; 370], пряжка круглорамчатая с сегменто-

видным щитком имеет диапазон бытования конец III — первая треть IV в. [Воронин, Малашев 2006: 56]. Бронзовые подвески полые литые в виде стоящих медведей или росомых с рельефным литым узором шнурами и желобками широко распространены на Урале и в Сибири в III–V вв., например в могильниках Абатский-3 и Красноярский [Казанцева 1988: рис. 3, 35; Матвеева 1994: рис. 69, 2, 5]. Примером вещей раннего возраста в Ревде-5 и Устюге-1 являются веретенovidные, в виде параллелепипедов и пирамидальные темно-коричневые бусы, пронизки янтарные грибовидные III–IV вв. [Алексеева 1978: 24–25, табл. 24, 9, 17], бусы красные удлинённые цилиндрической формы и бочковидные, трехчастная из мелких бочковидных сегментов красного цвета из наборов позднеперимского времени. Раннюю датировку дает набор удлинённо-цилиндрического бисера из черного стекла — II–III вв., как и одноцветные, золоченые [Там же: табл. 33, 71]. Для определения датировки ранних бакальских материалов информативны фибула с узкой плоской асимметричной спинкой удлинённо ромбовидной формы, с декором из сочетаний насечек и выпуклин, завитком на конце приемника конца III — начала IV в. и серьга бронзовая литая плоская калачиковидная, аналогичная гуннским. Таким образом, видим, что предметы позднесарматского круга объединяют формы конца III — начала IV в.

При калибровке результатов анализов органики из могил методом C¹⁴ дат СОАН-8605, СОАН-8606 [Чикунова 2013], Ле-10837 в программе OxCal, версия 4.2 с вероятностью 92,4% получаем интервалы 80–250 AD и 322–573 AD. Именно в переходное время от раннего железного века к позднему появляется традиция захоронений со шкурой коня и самим конем поверх погребальной камеры (Устюг-1, Черно-

озерье). Интересно отметить, что посуда из могил включает как доминирующую бакальскую, так и довольно представительную карымскую и малочисленную кушнаренковскую серии, в качестве единичных форм присутствуют саргатские и кашинские сосуды наряду с вышеперечисленными.

Верхняя дата на сегодня дискуссионна из-за малочисленности поздних погребений. Это могильники Усть-Суерка-1, Хрипуновское погребение, Перейминский и Воденниково-1. Они отличаются вещами геральдического стиля середины VII — начала VIII в.: лировидные рифленные бесщитковые пряжки, пластинчатые штампованные наконечники ремней, декорированные цепочкой ромбов, сердцевидных фигур, квадратные, пятиугольные, Т-образные штампованные рельефные с геометрическим узором накладки на пояс «среднеаварского» периода [Гавритухин 2014: 138; Эрдели 1986: рис. 132]. Бронзовый распределитель ремней (см. рис. 31, 11) с прямоугольной петлей и двумя сердцевидными лопастями точные аналогии имеет в Кушнаренковском могильнике VI–VII вв. [Гавритухин 1996: рис. 4, 79]. Бесщитковая трапецевидная пряжка с подвижным язычком, не заходящим за край, совпадения находит в могильниках Старо-Халиловском IX–X вв. и Каранаевском IX–XI вв. [Мажитов 1981а: 102, рис. 55, 16; 115, рис. 61, 3], Верх-Саинском VI–IX вв. [Голдина Р. Д., Перевозчикова, Голдина Е. В. 2018: табл. 146, 10; 179, 2]. Бронзовые прутковые браслеты (см. рис. 31, 22) с напльвами на концах и по центру VII в. [Голдина 2012: табл. 172, 16] сходны с личачевскими [Генинг, Зданович 1987: рис. 3, 11] и окуневскими [Могильников, Конилов 1983: рис. 9, 10]. Бронзовая витая гривна с конусовидными окончаниями (см. рис. 31, 23) близка вещам из инвентарных комплексов Неволинского могильника VIII в.

[Голдина 2012: табл. 212, 13]. Бусины яйцевидные светло-коричневые полупрозрачные, бочковидные черные, золоченые, зеленые находят аналогии в могильниках Неволинском, Сухой Лог [Голдина Е. В. 2010: 29, 30, 57] и определены концом VII — VIII в. В Перейминском VII–VIII вв. появляется набор совершенно новых вещей: перстни с круглым и ромбическим щитком, с тремя выпуклостями на щитке, «предгеральдические» пряжки, коньковые подвески, колесовидные фибулы, двухдисковые бляхи с крупной зернью, височные гроздевидные подвески (рис. 24, 30, 32, 34, 35), — с аналогиями, уводящими не только в Приуралье [Голдина 2004: рис. 102, 15], но и в низовья Сырдарьи [Левина 1996: рис. 142], средневековый Согд [Распопова 1980: рис. 77, 18]. Хрустальные бусы и сердолик получают дату VII–VIII вв. по аналогиям в неволинской культуре [Голдина Е. В. 2010: табл. 32, 36] и на Северном Кавказе [Деопик 1963: рис. 5, 2, 23].

Вопрос о понижении верхней границы бакальской культуры был поставлен В. М. Морозовым, отметившим смену культурных традиций к VII в. в связи с продвижением по долинам рек новой волны таежного населения на юг [Морозов 2003: 167]. Поскольку он ориентировался на типологические наблюдения по материалам 1980-х гг., то аргументация его была не вполне убедительной. С учетом новых источников появились основания вернуться к обсуждению этого вопроса.

Датировки радиоуглеродным методом угля из поселенческих слоев немногочисленны (см. рис. 32), но дают более разнообразные интервалы, из которых треть заходят в VIII–IX вв. Новейшие радиоуглеродные датировки с калибровкой в программе OxCal, версия 4.4 из Воденниково-1 раскопок 2019–2020 гг., в частности, указывают на существование этого памятника в VI–IX вв.

Древесина гроба в кургане 2 датирована по образцу СОАН-9806⁸ диапазоном 641–880 гг. при вероятности 94,5% [Матвеева, Третьяков, Зеленков 2021], по кости из заупокойной пищи погребения 12 кургана 31 получена дата GV-3160 в диапазоне 376–580 гг. также с вероятностью 94,5%; при вероятности 77,45% по кости копытного из поминального комплекса в кургане 33 (проба GV-31601) получен отрезок 527–650 гг.⁹ Диапазон 530–880 гг. дал Хрипуновский могильник, погребение 60. Пока вероятной верхней датой бакальской культуры представляется VIII — середина IX в.

Сводка Е. А. Третьякова по типологическим и радиоуглеродным датировкам средневековых памятников из западной части западносибирской лесостепи показывает, что основная часть бакальских памятников датируется в диапазоне IV–IX вв., причем на ряде поздних объектов имеется слой юдинской или усть-ишимской культуры. Добавив к ней недавние результаты датирования Папского городища [Матвеева и др. 2020: 45; Матвеева, Третьяков, Зеленков 2020: 51], получаем тот же период существования (см. рис. 32).

Возникает вопрос о комплексах X–XIV вв., длительное время также относившихся исследователями к бакальской культуре, интерпретацию которых сейчас предложить трудно. В большинстве своем поздние материалы происходят с городищ Малое Бакальское, Красноярское, Царево, связываемых с формированием культуры Тюменского ханства. Однако обобщение материалов и выделение культурно-отличительных признаков этого периода

остаются делом будущего. Недавно опубликованные результаты раскопок Искера не дают такой возможности, поскольку они фрагментарны и не содержат стратиграфических наблюдений. Поэтому остаются открытыми вопросы: произошла ли смена бакальской культуры комплексами переходного типа повсеместно, а затем в связи с миграцией переходных групп на запад, юдинской культурой в IX в.? Или ареал бакальской культуры сократился в середине IX в. до территории подтаежной зоны Тоболо-Ишимья, лесостепную зону заняли носители юдинской культуры, а бакальская традиция продолжала существовать позднее, при этом ее носители составили субстрат тюменских татар?

На северо-западе бакальского ареала на тесные контакты бакальского и карымского населения обратили внимание В. Д. Викторова и В. М. Морозов, указав, что на памятниках южнотаежной зоны Притоболья бакальская керамика составляет до четверти керамических коллекций, об одновременности обращения этих типов говорят совместное залегание находок и «гибридные» экземпляры [Викторова, Морозов 1993: 178, 184]. Они также относили к раннесредневековому времени продвижение зауральского населения в бассейн Сылвы, датируя его IV–V вв. и связывая с небольшой группой носителей бакальских традиций [Там же: 180]. На западе, в горно-лесных областях Урала, взаимодействие с лесостепным населением проявляется во включении ряда бакальских узоров (резная решетка, зигзаги, уголки вдавнения) в декоры петрогромско-батырских форм посуды. Кроме того, памятники Палатки-I, Большие Шарташские палатки, Зотинское-4 могут свидетельствовать о перемещении бакальских групп в горно-лесную часть Урала либо о проведении ими военных и торговых экспедиций в металлургические центры.

⁸ Выполнен И. Ю. Овчинниковым в Институте геологии и минералогии им. В. С. Соболева СО РАН (Новосибирск).

⁹ Анализ проведен Е. В. Пархомчук в лаборатории изотопных методов Института катализа СО РАН (Новосибирск).

Памятник	Слой	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Коловское	бак. юд.				1	1	1	1	1	1
Большое Бакальское	бак. юд.			1	1	1	1	1	1	1
Усть-Утяк	бак.			1	1	1	1	1	1	1
Калачик-1	бак.		1	1	1	1	1	1	1	1
Ласточкино Гнездо	бак.		1	1	1	1	1	1	1	1
Хрипуновский погр. № 60	бак.						1	1	1	1
Гилево-2	бак.						1	1	1	1
Старо-Лыбаевское-1	бак.				1	1	1	1	1	1
Зотинское-4	бак.							1	1	1
Пламя Сибири-7	бак. юд.							1	1	1
Борки-1	бак.				1	1	1	1	1	1
Красноярское	бак. у-и.					1	1	1	1	1
Царево (Чинги-Тура)	бак. татары				1	1	1	1	1	1
Исетское-2	бак.			1	1	1	1	1	1	1
Усть-Терсюк	бак. юд.				1	1	1	1	1	1
Красногорское	бак. юд.					1	1	1	1	1
Коняшино-2	бак. юд.				1	1	1	1	1	1
Палское	бак. юд.				1	1	1	1	1	1

1 2

Рис. 32. Датировка опорных памятников бакальской культуры:

1 — по данным радиоуглеродного анализа; 2 — по типологическим данным инвентаря (примечание: бак. — бакальская культура, юд. — юдинская культура; у-и. — усть-ишимская культура)

Погребальный обряд бакальской культуры от сочетания грунтовых могил рядами и курганных захоронений с северной ориентировкой позднее трансформировался, так как захоронения VII–VIII вв. дают западное и юго-западное направление могил и показывают установку сосудов за пределами могильных ям. Но изначально фиксировавшееся разнообразие в остатках жертвоприношения лошади сохранилось (и полная туша взнузданного коня на перекрытии, и шкура рядом с могилой).

Если обратиться к археологическим материалам VII–VIII вв. из лесостепи Зауралья,

то мы должны указать на их смешанный характер. Автохтонный бакальский компонент (включивший в период своего формирования таежные и степные группы) сопровождается карымским влиянием на севере лесостепной зоны, а также потчевашскими проникновениями из Ишимо-Иртышья на Tobol и в степь, под общим воздействием ранних тюрков, отразившемся в вооружении и поясных наборах. Интересно отметить, что карымская керамика в перейминской группе могильников уже исчезла, а совместное бытование бакальской и кушнареновского типа посуды сохранилось.

Рис. 33. Инвентарь бакальских погребений:

1, 6 — Ревда-5, погр. 1 кург. 6; 2, 3 — Ревда-5, погр. 11 кург. 9; 4, 7 — Устюг-1, погр. 2 кург. 28; 5, 8-10 — Устюг-1, погр. 2 кург. 14; 11 — Устюг-1, погр. 3 кург. 29; 12 — Ревда-5, погр. 10; 13 — Устюг-1, погр. 4 кург. 35; 14 — Устюг-1, погр. 1 кург. 34; 15 — Устюг-1, погр. 3 кург. 35

Можно констатировать, что наконец удалось получить более надежные аргументы влияния потчевашского населения на культурогенез на Урале и в Зауралье и на его контакты с кочевниками Казахстана (рис. 34). Они дополняют те, что приводили В. Ф. Генинг [1959; 1972], А. Х. Арсланова [1980], В. А. Могильников [1987]. В дальнейшем они были несколько развиты [Зеленков 2018: 41; Матвеева, Дьёни, Зеленков 2021]. Обнадёживает обнаружение этих контактов как лингвистических аргументов самодийско-мадьярских связей, а также как один из указателей сибирской прародины венгров, поскольку ближайшие самодийцы расселились только в Сибири.

О внедрении групп зауральского населения далеко на запад говорят находки бакальской керамики на Пролетарском городище как в комплексах с вещами IV–V вв., так и периода VII–IX вв. в Самарском Поволжье, на сезонной стоянке, связываемой с кочевьями мадьяр [Сташенков 2018: рис. 1; 2020: 12, 19–23, 26]. Кроме того, новации в погребальном обряде и керамике неволинской культуры бродовской стадии (курганный обряд, лошадь в тризне, резные узоры) также указывают на бакальские их истоки. Является актуальным и изучение бакальско-караякуповского взаимодействия.

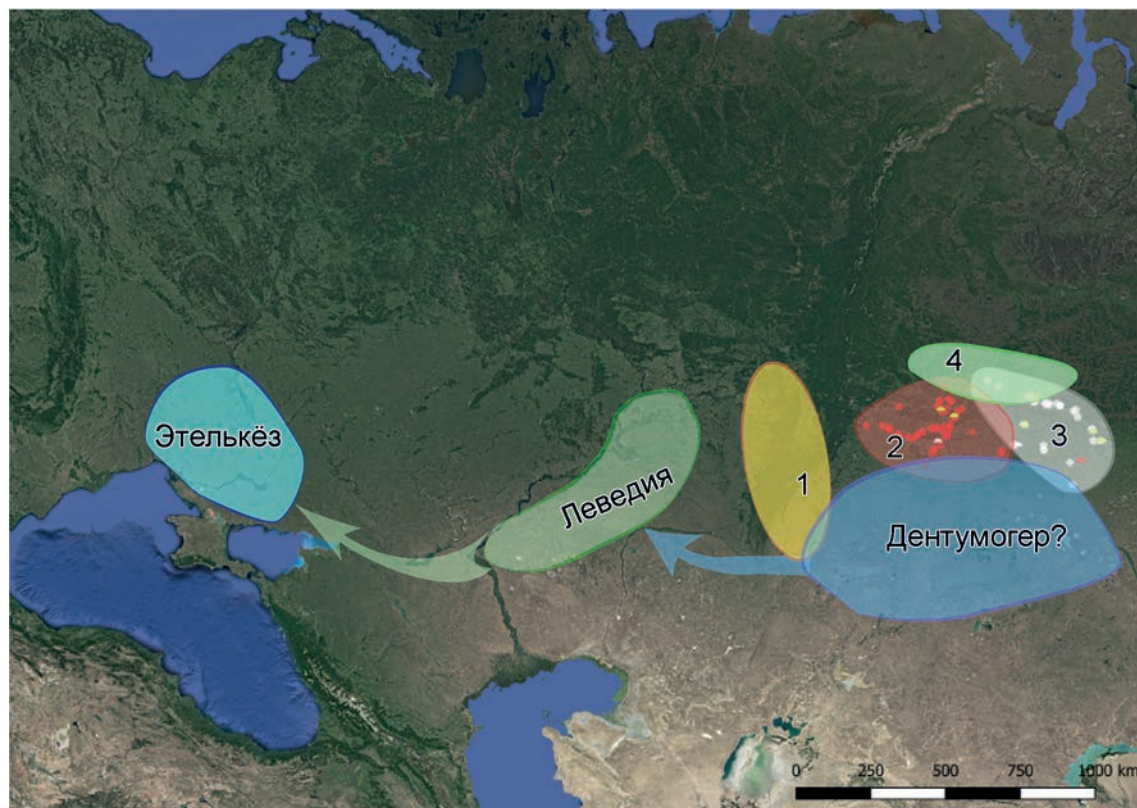

Рис. 34. Предполагаемые зоны пребывания прамадьяр [по: Комар 2018] и ареалы раннесредневековых культур Зауралья и Западной Сибири (нанесено автором):

1 — караякуповская; 2 — бакальская; 3 — потчевашская; 4 — южный вариант карымской культуры

На исчезновение бакальской культуры прямое влияние оказали перемещения уральских групп носителей гребенчато-шнуровой орнаментальной керамической традиции, а также вторжения кочевников не только в лесостепь, но и в южную тайгу, о чем свидетельствуют полиобрядовые могильники Ликийский и Пылаевский [Викторова 1973; 2008б: 17]. Особенно выразительны захоронения с тушей коня, а также со шкурой, представленной скоплением из конечностей и головы лошади, в могильнике Медный борок [Матвеева и др. 2017]. Аргументация продвижения в лесостепи Зауралья группы кыпчаков в VIII в. опирается на несколько источников, в том числе на сведения Рашид ад-Дина [Кумекон 1972: 57; Маслюженко 2008: 65] и указание, что печенеги граничили с кыпчаками на севере, для чего те должны были подойти к юго-восточной части Южного Зауралья. Вместе с тем было зафиксировано появление кочевников, родственных кимакам во второй половине IX в. и, вероятно, сдвинувших «оставшихся» зауральских кочевников юга лесостепи на степной Южный Урал [Комар 2018: 254], что опирается на данные о существенном влиянии сроткинской культуры на все население Западной Сибири [Кляшторный, Савинов 2005: 289].

Кроме того, открыты памятники в степи Западного Казахстана: Артасор-1, Карасор-3, где зафиксирована бакальская керамика [Боталов 2016: рис. 13]. Как выше отмечено, найдена она и в джетыясарских погребениях. Осуществлялись торговые контакты бакальского населения с кангарами (печенегами), проживавшими в Приаралье [Кумекон 1972: 57], судя по заимствованию ряда керамических форм и поступлению предметов роскоши, однако неизученность цветного металла пока оставляет открытым вопрос о степени интенсивности этого взаимодействия.

Несмотря на существенное культурное влияние степных народов на северную пе-

риферию среднеазиатских тюркских государств, ярких доказательств прямого проникновения сколько-нибудь существенных массивов кочевников не имеется из-за все еще малой изученности могильников. Единичным памятником остается Усть-Суерка-1, находки кладочислителями геральдических поясных наборов из Ингалы пока не могут быть интерпретированы.

Потчевашская культура продолжает оставаться не исследованной с позиций антропологических особенностей ее населения, но, судя по значительной монголоидности населения преемственной с ней усть-ишимской культуры, европеоидный состав популяций раннего железного века был утрачен. Крайнологические исследования скелетного материала погребений и серия реконструкций лица по черепу явно подкрепляют тезис о регулярном притоке населения из тайги в Тоболо-Иртышье и брачных связях с ним¹⁰, не подтверждая включения из восточных и южных регионов, сопредельных нашему, в состав бакальской популяции. Поэтому можно предполагать, что демографическое влияние контактов со степью было не существенным, местное население, скорее, выступало реципиентом новых технологий и социальных новшеств, возможно, даже находилось в зависимости от господствующих в степи групп кочевников.

Итак, получены новые важные материалы, показывающие вовлеченность лесостепного тоболо-иртышского населения в политико-экономические контакты Урало-Казахстанского региона и решающую роль событий VIII–IX вв. в смене культур на этой территории, однако весьма вероятная связь их с формированием мадьяр в данном регионе все еще нуждается в более детальном изучении.

¹⁰ См. главу 4 «Антропологический состав населения в западной части Западной Сибири в эпоху раннего Средневековья» в данном издании.

Карымский тип памятников в подтаежной зоне

Ареал. Памятники карымского типа нижнеобской культуры (см. рис. 35) рассредоточены на обширной территории тайги и севера лесостепи Западной Сибири, где преемственно сформировались на основе позднекулайских раннего железного века. Всего к сегодняшнему дню их насчитывается около 128 единиц (см. рис. 35), из которых к могильникам относится 7 единиц, к поселениям — 121. Основная зона их распространения — это район среднего и нижнего течения Оби.

Источники. Появление карымских памятников отмечено в южной тайге и лесостепи всей Западной Сибири, но расположены они более спорадически, чем в тайге и тундре. В том числе они имеются в Тоболо-Иртышье (21 ед.), где представлены в основном некрополями, локализованными по кромке южнотаежной полосы. Именно эти памятники представляют источниковую базу нашего исследования. Фрагментарно карымская керамика зафиксирована на 15 поселениях бакальской и потчевашской культур, но из-за смешанного характера материала и его слабой репрезентативности выделение специфических для данного археологического таксона жилищ или хозяйственных сооружений к сегодняшнему дню является невыполнимой задачей. Однако говорить именно о расселении носителей карымских традиций южнее своего основного таежного ареала позволяют могильники с погребениями, сочетающими обряды кремации и ингумации умерших.

Поселения. На севере Западной Сибири карымские укрепленные поселения приурочены в основном к террасам, реже встречаются на высоких поймах. Они, как правило, с одной жилой площадкой, площадью от 550

до 4000 кв. м [Борзунов, Чемякин 2013: 46]. Их фортификации представлены замкнутыми оборонительными линиями из вала и рва [Зыков 2012: 51], защищающими прямоугольную, реже кольцевую площадку. Валы невелики, их высота и ширина — около 1 м, рвы шириной до 1,4 м и глубиной до 0,5 м [Борзунов, Чемякин 2013: 45]. При этом поселки располагались группами по два-три объекта на расстоянии 1–2 км друг от друга. По мнению А. П. Зыкова, это связано с быстрым износом и сложным ремонтом деревянных укреплений: его жители после нескольких десятилетий функционирования ветхое поселение забрасывали, а рядом устанавливали новое, но в период строительства оба могли действовать в пределах одного урочища, обеспечивая более надежную защиту от внешних угроз [Зыков 2012: 52].

На фоне северных поселений памятники Тоболо-Иртышья с карымскими материалами отличаются большей площадью и массивностью оборонительных сооружений, снабженных бастиями, например Ласточкино Гнездо, Борки-1, глубокими рвами и высокими валами. Их размеры от 1500 до 8000 кв. м, встречаются по две-три жилые площадки, например Большое Бакальское, Коловское, Красноярское. Гетерогенный характер материала не позволяет определенно связывать именно с карымским населением усложнение поселенческих структур. Жилища, исследованные на первых двух памятниках, интерпретированы как бакальские, а на Красноярском зафиксированы следы хозяйственной деятельности только в виде ям.

Допускаем, что появление карымских обитателей на поселениях, приуроченных к долине р. Тобол, в которую входят Коловское, Усть-Утяк-1 и Большое Бакальское городища, могло быть сезонным, о чем говорит малочисленность материала таежно-

го облика. При этом другая группа поселений, располагающаяся в междуречье рек Ишима и Иртыша, с насыщенными слоями карымской керамикой (Ласточкино Гнездо, Борки-1, Красноярское, Усть-Тара-43) могли быть стационарными, выполняющими функции форпостов на территории бакальской культуры.

Интересно отметить, что приведенные выше морфологические особенности карымских поселков находят аналогии в группе малых укрепленных поселений более поздней потчевашской культуры южнотаежной части Прииртышья. Они также группируются по два-три объекта на компактной территории, часть из которых имеет замкнутую систему оборонительных сооружений и уличную застройку. Можно предположить генетическую связь между ними в навыках оборонительного строительства.

Для карымского населения севера Западной Сибири установлена доминирующая роль охоты и рыболовства по скоплениям чешуи и костей рыб, а также костей оленя, лисицы, зайца, белки, соболя, что может говорить о специализации на добыче пушного зверя [Борзунов, Чемякин 2012б: 218]. Однако в южнотаежной и лесостепной зонах, вероятно, специфика охоты могла измениться вследствие местных природных условий, а именно в сторону мясной охоты на копытных животных, что требует специального изучения.

Керамика. На современном этапе исследований благодаря работам уральских ученых установлены четыре основных типа в составе карымской керамики, преимущественно по репрезентативным материалам таежного Приобья [Зыков 2006а; Каменский, Жирных 2006; Морозов, Пархимович, Шашков 1995; Федорова и др. 1991]. Данная типология основана на группировке керамического материала по специфике декора сосудов. Так, к первому типу были отнесены

емкости, украшенные в гребенчатой технике, ко второму — фигурно-штампованной, третьему — желобчатой, четвертому — ямочно-насечковой и ямочно-жемчужной, включая неорнаментированные сосуды [Борзунов, Чемякин 2015: 56].

Наша выборка состоит из материалов могильников Красноярский-IV, Козловский, Усть-Тара-VII (34 ед.) и укрепленного поселения Борки-1 (130 ед.), опубликованного коллективом авторов под руководством В. А. Заха [Зах и др. 2015].

Обращаясь к количественным и качественным характеристикам орнамента и морфологии, карымскую посуду можно описать следующим образом. Выделено две морфологические группы: горшки (85,3%) и чаши (14,7%). У более чем половины сосудов венчик отогнут внутрь (69,9%), реже встречаются плоские (14,1%), округлые (6,7%), отогнутые наружу (3%) и заостренные (4,2%). Погребальная посуда (см. рис. 36) по высотному указателю распределилась на низкие — 87,9%¹¹ (29 ед.), средние — 9,1% (3 ед.) и высокие — 3% (1 ед.). Их горловины — низкие — 75,8% (25 ед.), средние — 21,2% (7 ед.), очень высокие — 3% (1 ед.), а также могут быть определены как широкие — 93,9%. При этом шейка чаще наклонена вовнутрь (84,8% — 28 ед.), реже слабопрофилированная (9,1% — 3 ед.) и сильнопрофилированная (3% — 1 ед.). По высотному указателю плечики карымских сосудов чаще высокие (48,5% — 16 ед.) и очень высокие (36,4% — 12 ед.), реже средние (12,1% — 4 ед.) и низкие (3% — 1 ед.). Они в основном слабовыпуклые (66,7% — 22 ед.), но встречаются средневypуклые (15,2% — 5 ед.) и очень слабовыпуклые (12,1% — 4 ед.). Тулово чаще приплюснутое (72,7% — 24 ед.), реже сильно приплюснутое (21,2% — 7 ед.)

¹¹ % от 34 сосудов.

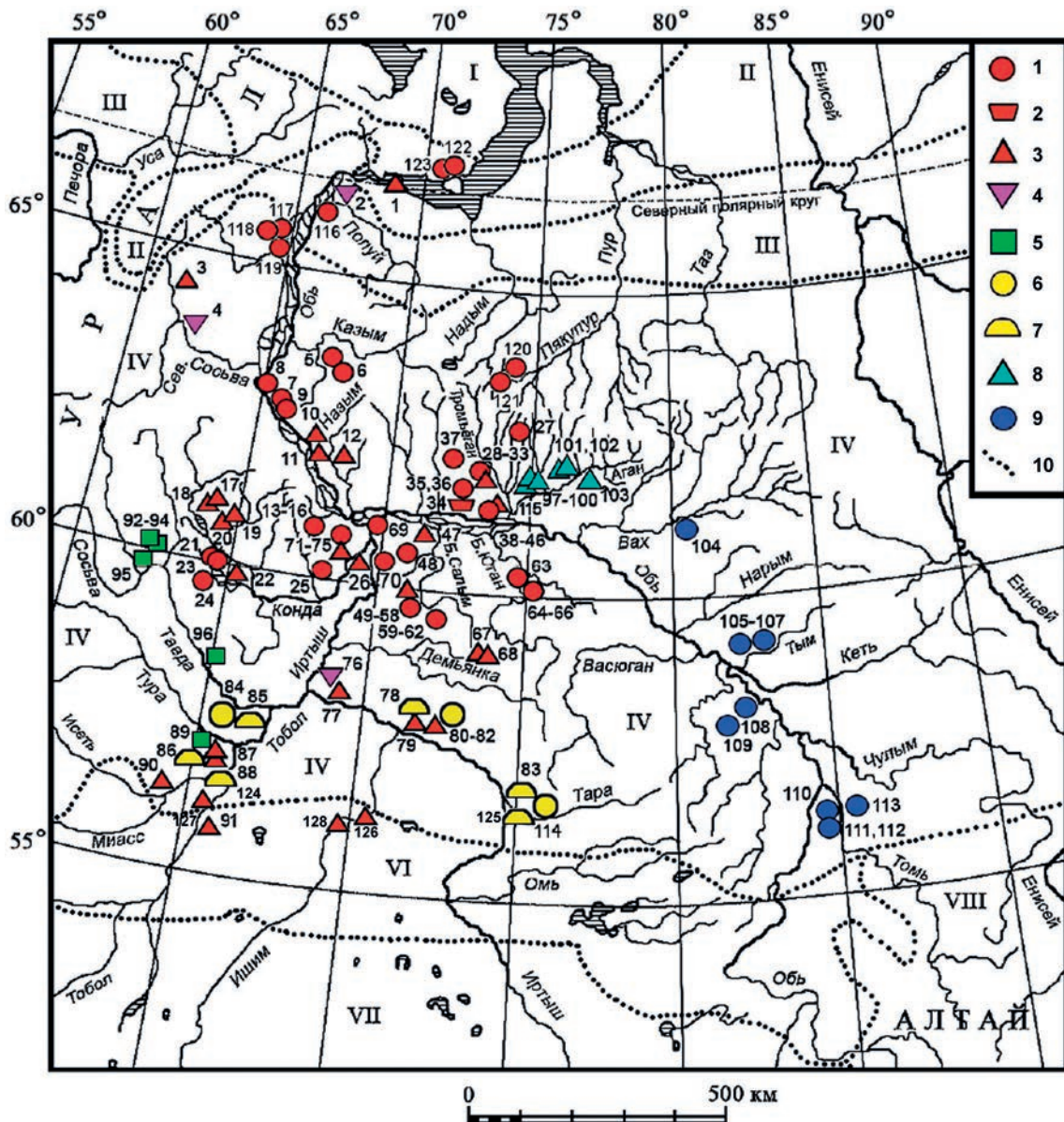

Рис. 35. Памятники карымского типа нижнеобской историко-культурной области (№ 1–123 [по: Борзунов, Чемякин 2013]):

Памятники: 1 — Солемала-I (Салемал-1); 2 — у Салехарда; 3 — Мань-Нясан-Тур (Чэс-Тый-Яг; Вуграсян-Вад); 4 — на Северной Сосьве; 5 — Каксинская Гора-IV; 6 — Кислор-III; 7 — Нангакорка; 8 — Перегребное-IV; 9 — Низямы-3; 10 — Большеатлымское-I (Большой Атлым); 11 — Большие Леуши; 12 — УстьеВюган; 13 — Ендырское-IV; 14 — Ендырское-VII; 15 — Хора-I; 16 — Хора-II; 17 — Большая Умыгтя-I (Шаманская Горка); 18 — Большая Умыгтя-II; 19 — Малая Умыгтя-II; 20 — Неушья-1 (Неушья-1.2); 21 — Евра-25; 22 — Высокая Гора (Учинья-I); 23 — Ирия-II (Ирья-2); 24 — Полуостров Дальний-1; 25 — Ус-Толт (Карым-I); 26 — Вербилский мыс; 27 — Айка-Еган-III; 28 — Ермаково-VIII; 29 — Путчи-Урий-III; 30 — Рускинский Урий-I; 31 — Рускинский Урий-II; 32 — Рускинский Урий-V;

33 — Рускинский Урий-ХIII; 34 — Сайгатинский-VI; 35 — Кучиминское-I; 36 — Кучиминское-XXII; 37 — Быстрый Кульёган-66; 38 — Барсов городок-II/6; 39 — Барсов городок-II/7; 40 — Барсов городок-II/9; 41 — Барсов городок-II/10; 42 — Барсова Гора-II/3; 43 — Барсова Гора-II/3; 44 — Барсова Гора-II/4; 45 — Барсова Гора-II/5; 46 — Барсова Гора-II/9г; 47 — устье Большая Салыма; 48 — Усть-Камчинское-2; 49 — Кинтусовское-1.1; 50 — Кинтусовское-2; 51 — Кинтусовское-3.1; 52 — Кинтусовское-3.2; 53 — Кинтусовское-3.3; 54 — Кинтусовское-3.5; 55 — Кинтусовское-3.6; 56 — Кинтусовское-3.7; 57 — Кинтусовское-4.1; 58 — Кинтусовское-9.1 и Кинтусовское-9.2; 59 — Соровское-V; 60 — Соровское-X; 61 — Соровское-XVII; 62 — Соровское-XXXV; 63 — Сухая-1; 64 — Сартым-Урий-16; 65 — Сартым-Урий-17; 66 — Сартым-Урий-18; 67 — оз. Чагыр; 68 — Чагыр-IV; 69 — Горное-II; 70 — Гришкино-I; 71 — Согомское-14; 72 — Согомское-23; 73 — Танце-Мига; 74 — Чебачье; 75 — Стариков Мыс; 76 — д. Тюково; 77 — Потчеваш; 78 — Красноярский-IV; 79 — Красноярское; 80–82 — Красноярский археологический комплекс (жилище, погребение, местонахождение); 83 — Усть-Тара-VII; 84 — Ипкуль-15; 85 — Ипкульский; 86 — Козлов Мыс-2; 87 — Слоцовское; 88 — Андрушин городок; 89 — северный берег Андреевского озера (СБАО); 90 — Павлиново; 91 — Усть-Утяк-1; 92 — Туманское-I; 93 — Старая Кама; 94 — Исток-II; 95 — Мишинское; 96 — Городокское; 97 — Нёх-Урий-1; 98 — Егур-ях-4; 99 — Вор-Сап-2; 100 — Вор-Сап-4; 101 — Сардыковы; 102 — Варьёган-15; 103 — Усть-Ваньёган-2; 104 — Большой Ларьяк; 105 — Нёготский; 106 — Кондрашкино-I; 107 — Кондрашкино-VI; 108 — Малгет; 109 — Круглое Озеро-II; 110 — Кисловка-II; 111 — Тимирязевское-I; 112 — Тимирязевское-III; 113 — Басандайка-IV; 114 — Усть-Тара-43; 115 — Мохтикьёган-22; 116 — Питлярское; 117 — Несьёган-I; 118 — Юган-горт-I; 119 — Елисеевский; 120 — Пяку-то-I; 121 — Сугмутен-ягун-Va; 122 — Хаудымка-II; 123 — Нгарка-Едыгтаяха-I; 124 — Ревда-5; 125 — Алексеевка-51; 126 — Борки-1; 127 — Коловское; 128 — Ласточкино Гнездо-1

Условные обозначения: 1 — карымское поселение (городище, селище); 2 — карымский грунтовый могильник; 3 — места единичных находок карымской керамики; 4 — места единичных находок предполагаемых предметов карымского культового литья; 5 — памятники с туманской керамикой; 6 — южнотаежные поселения с карымской и ярсалинско-карымской керамикой; 7 — южнотаежные карымские и саргатские курганные могильники с карымской и ярсалинско-карымской керамикой; 8 — памятники с керамикой аганского типа; 9 — рёлкинские памятники с находками валиковой и желобчатой керамики; 10 — границы современных природно-климатических зон

и округлое (3% — 1 ед.). По индексу пропорциональности карымская посуда из могильников Тоболо-Иртышья распределяется следующим образом: низкие — 15,2% (5 ед.), низкие-средние — 60,6% (20 ед.), средние — 18,2% (6 ед.), средние-высокие — 3% (1 ед.), высокие — 3% (1 ед.). Исходя из среднего значения показателей, сосуды карымского типа в целом низких-средних пропорций с низкой и широкой горловиной, наклоненной вовнутрь, с высокими слабо-выпуклыми плечиками и приплюснутым туловом. Как для поселенческой, так и погребальной посуды определены две основные техники орнаментации — гребенчатая (69,9%) и фигурная (61,3%), существенно

меньше сосудов, представляющих прочерченную (11,6%) и резную (6,7%). Среди элементов, образующих орнамент, выделяются округлые ямки (85,28%), оттиски гребенки (67,48%), ромбический штамп (55,2%), псевдошнур (22,7%), выполненный горизонтально поставленными оттисками гребенки. Вспомогательными выглядят следующие элементы: желобки (11,7%), жемчужины (10,4%), нарезы (6,7%), наклы (1,8%) и фигурные штампы в виде уголков (1,2%) и «змейки» (4,9%). Карымские сосуды плотно покрыты орнаментом от верхнего края шейки до середины тулова, реже дна.

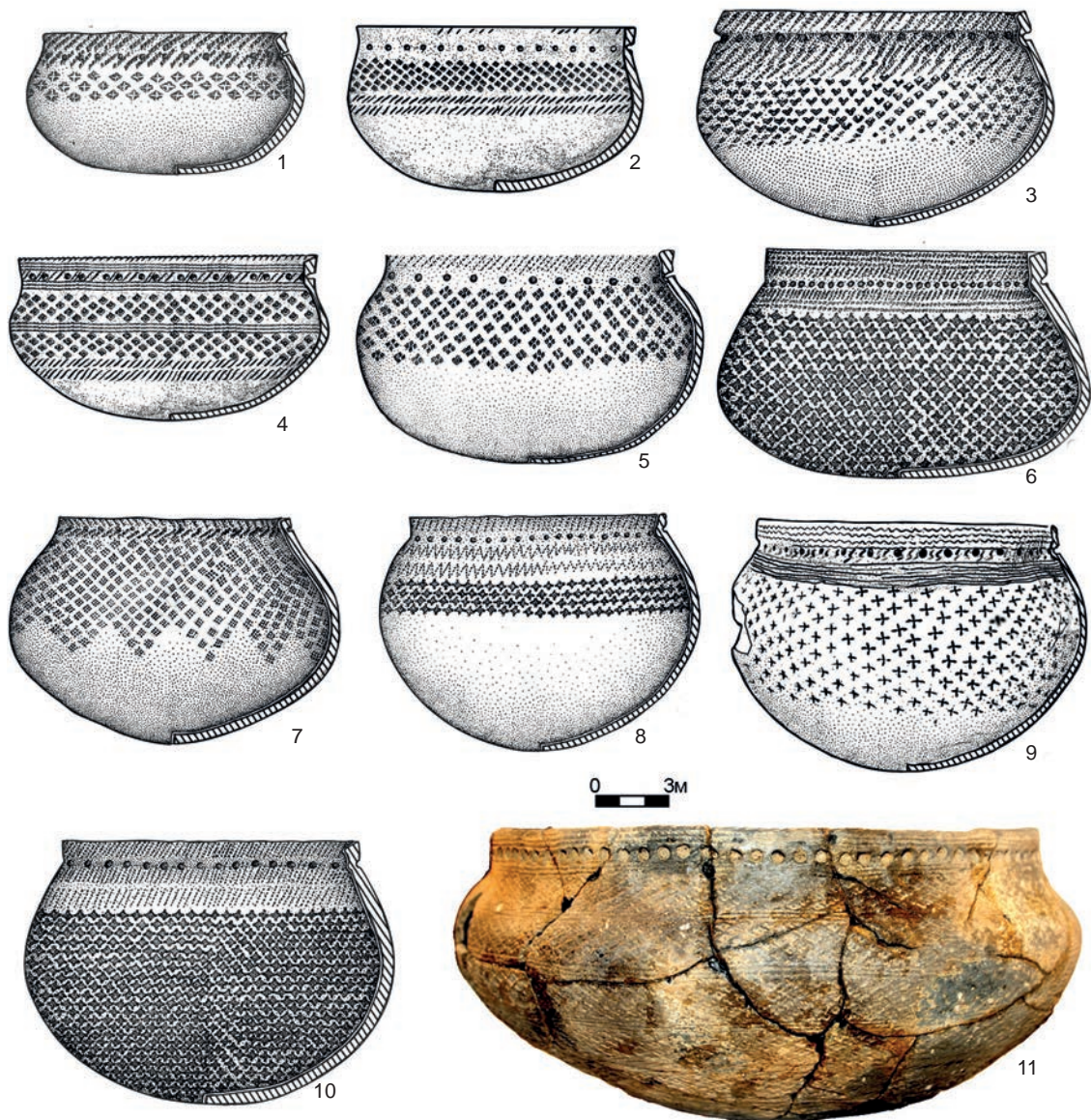

Рис. 36. Сосуды из карымских могильников:

1, 3, 5-8, 10 — Козлов Мыс-2; 2, 4 — Усть-Тара-VII; 9 — Ипкульский; 11 — Красноярский-IV

В целом по вышеизложенным характеристикам рассматриваемая выборка соответствует второму типу карымской керамики, при выделении которого типобразующим признаком оказался ромбический штамп (рис. 36). Именно данная деталь декора является опознавательным знаком карымской посуды как в материалах могильников, так

и поселений лесостепного и южнотаежного Тоболо-Иртышья. При этом нередко дополняют декор карымских сосудов вертикальные и наклонные отиски мелкой гребенки, горизонтальные ряды ямок, нанесенные обычно по верхней части шейки. Очень редки случаи декорирования для рассматриваемой выборки сосудов с же-

лобчатым орнаментом. На данный момент к таковым относятся отдельные образцы из Ипкульского могильника (рис. 36, 9), а также имитирующие желобчатую орнаментацию гребенкой сосуда из Усть-Тары-VII и Красноярского-IV некрополей (рис. 37, 4, 5).

Учитывая сочетание переходных низких-средних и низких форм, можно предположить, что на ранних этапах карымские гончары в лесостепи придерживались низких пропорций при формообразовании сосудов, что в целом характерно для тяжелой керамики конца раннего железного века (саровский этап). Вероятно, в эпоху Великого переселения народов могла

произойти ломка традиции вследствие контактов с населением бакальской культуры, что объясняет появление традиционных для лесостепи средних форм. Керамические материалы Козлова Мыса-2 показали примеры использования бакальскими гончарами в орнаментации фигурного ромбического штампа [Матвеева 2012а: 174, рис. 57, 15, 19, 33], синкретичная посуда встречается в слоях поселений, например на Папском [Матвеева и др. 2020: 38, рис. 6, 6–8, 13], Борки-1 [Зах и др. 2015: 127, рис. 1], Красноярском [Данченко 2008: 54, рис. 6, 3, 6, 11] и Усть-Утяк-1 [Кайдалов, Сечко, Колмогоров 2010: 71, рис. 2, 16, 17] городищах.

Рис. 37. Кушнаренковские формы керамики с карымским орнаментом:
1, 3 — Устюг-1; 2 — Красноярское; 4, 5 — Усть-Тара-VII

В целом мы разделяем точку зрения коллектива уральских исследователей о позднекулайской основе формирования карымской гончарной традиции [Федорова и др. 1991: 60], в пользу которой имеется несколько аргументов. Это сочетание в орнаментации мелкой гребенки, фигурных штампов и ямочного декора, изготовление сосудов низких и низких-средних пропорций. При этом видим и влияние лесостепных бакальских групп населения Тоболо-Иртышья, от которых были заимствованы средние формы сосудов.

Интересны примеры кушнаренковской посуды с ромбическим штампом (см. рис. 37, 1–5). Как уже отмечал Н. А. Мажитов [1977: 69], данные кувшиновидные емкости представляют собой примеры подражаний металлической и гончарной посуде степного населения Южного Урала и Средней Азии. В коллекции кушнаренковских экземпляров выделяются сосуды из могильника Усть-Тара-VII (см. рис. 37, 4, 5), которые украшены тонкими желобками, разделяющими ряды ромбического штампа или формирующими узор в виде зигзага. Желобчатая орнаментация также не нова в Западной Сибири, она характерна для III типа карымской посуды Сургутского и Нижнего Приобья [Борзунов, Чемякин 2015: 59], позднее, в VI–IX вв., распространяется более широко в среде гончаров потчевашской культуры Ишимо-Иртышья, рёлкинской культуры Томско-Нарымского Приобья [Беликова, Плетнева 1983: 118–123; Чиндина 1977: 130–131] и на Южном Урале [Иванов 1999; 2009]. На сегодня высказаны две версии происхождения данной традиции у карымского населения. По первой появление желобчатой керамики связывается с переселениями восточносибирского населения Забайкалья в широтном направлении внутри таежной зоны под воздействием кочевников тюркского про-

исхождения. По второй версии, предложенной А. П. Зыковым и Н. В. Федоровой, данная орнаментика связана с подражаниями узорам с гуннских бронзовых котлов [Зыков, Федорова 2001: 26–30], с которыми карымское население познакомилось через торгово-обменные связи с народами Средней Азии. Учитывая и то, что вещевые комплексы карымских могильников в значительной мере состоят из восточноевропейского и центральноазиатского импортов, полагаем, что последняя версия наиболее убедительна.

Характеристика погребений. Характеристики карымских погребений позволяют рассматривать их в рамках специфической группы, демонстрирующей отличие от бакальских и потчевашских могил. Суммарно мы располагаем 93 погребениями из шести могильников: Ревда-5 (6 ед.), Алексеевка-50 (2 ед.), Алексеевка-51 (4 ед.), Усть-Тара-VII (8 ед.), Красноярский-IV (12 ед.), Козлов Мыс-2 (59 ед.).

Карымское население хоронило умерших в грунтовых (47%) или подкурганых (49%) одиночных (84%) неглубоких (до 1 м) (68%), относительно длинных (более 1,8 м) могилах. Ямы их узкие (до 1 м), овальной, реже подпрямоугольной форм. Покойных укладывали головой преимущественно на север (37%), реже — на северо-запад (9%) в позе вытянуто на спине с руками вдоль туловища, в редких случаях умерший лежал на правом боку с согнутыми ногами или в позе «всадника».

Факты скопления углей в могилах (28%) и за их пределами (14%) в отсутствие костей скелета указывают на практику обряда трупосожжения у карымского населения. При этом вещи размещались таким образом, как если бы их носили при жизни (см. рис. 39), а также на них не имелось следов термического воздействия. В головном

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОГРЕБЕНИЙ КАРЫМСКОЙ ТРАДИЦИИ

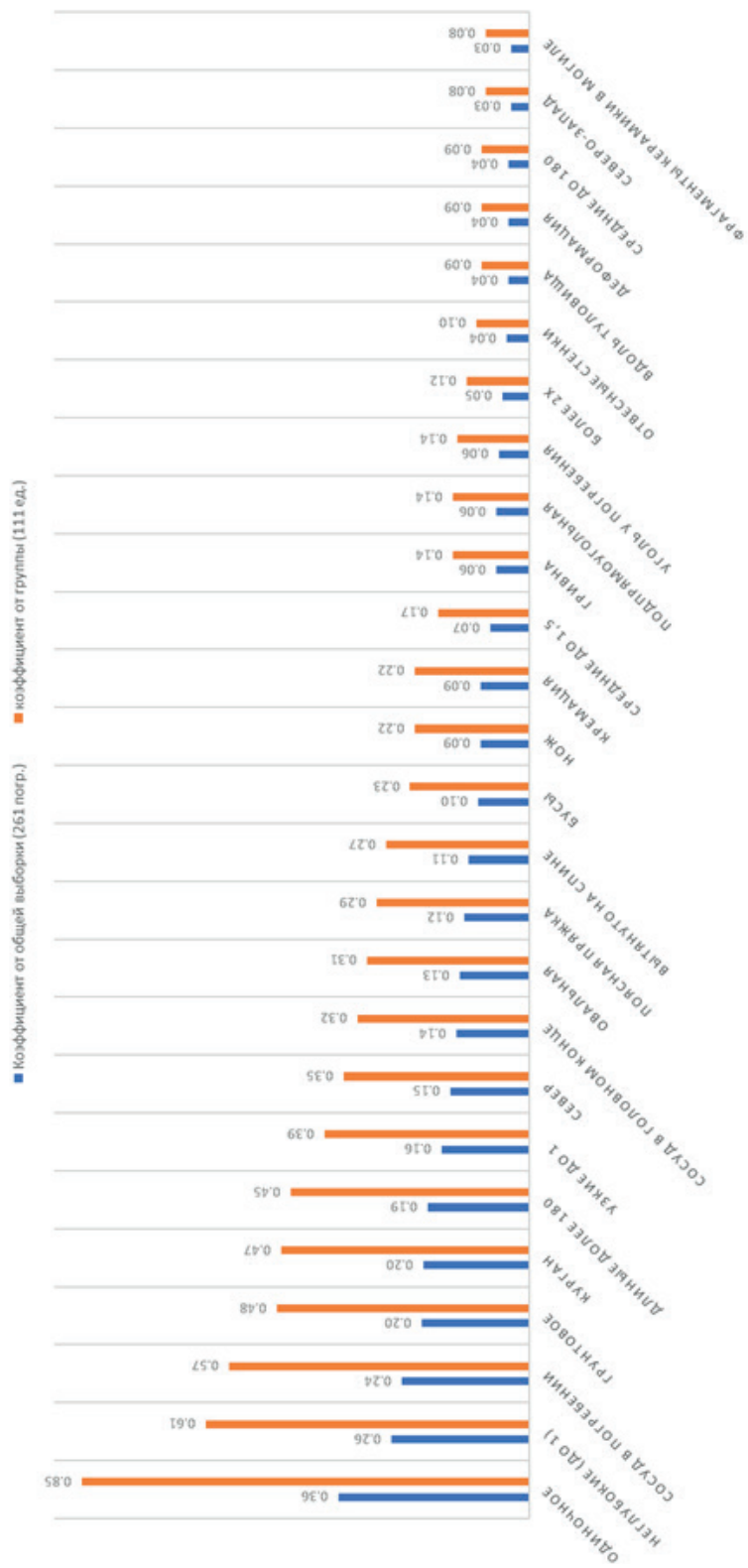

Рис. 38. Гистограмма основных признаков погребений карымского типа из Тоболо-Иртышья

конце обычно ставился сосуд (30%), очень редко — в ногах (2 случая). В шейном отделе скелета часто встречаются гривны (13%) или бусы (23%), в пояском отделе — ремень (по признаку «пряжка» — 26%), рядом с ним клали нож, иногда в ножнах (20%). Из бытового инвентаря в одном случае зафиксировано тесло.

Совершение захоронений под малыми курганными насыпями также входило в погребальную практику рассматриваемого населения Тоболо-Иртышья в III–IV вв., пришедшего на смену саргатской культуре. Распространение обряда кремации в конце эпохи раннего железа и Средневековье, по мнению Т. Н. Троицкой, связано с по-

гребальной традицией позднекулайской общности [Троицкая 1994: 182–183], с чем следует согласиться. Характерно для этого времени массовое распространение кольцевой деформации черепа. В раннем железном веке традиция бинтования головы у детей существовала в саргатской среде на протяжении всего периода бытования культуры, причем ее доля среди населения возросла в поздний период [Ражев 2009: 147–164]. В эпоху Великого переселения народов обычай кольцевой деформации черепа становится весьма распространенным [Слепцова 2016], что характеризует общие культурные тенденции лесостепи и южной тайги Тоболо-Иртышья данной эпохи.

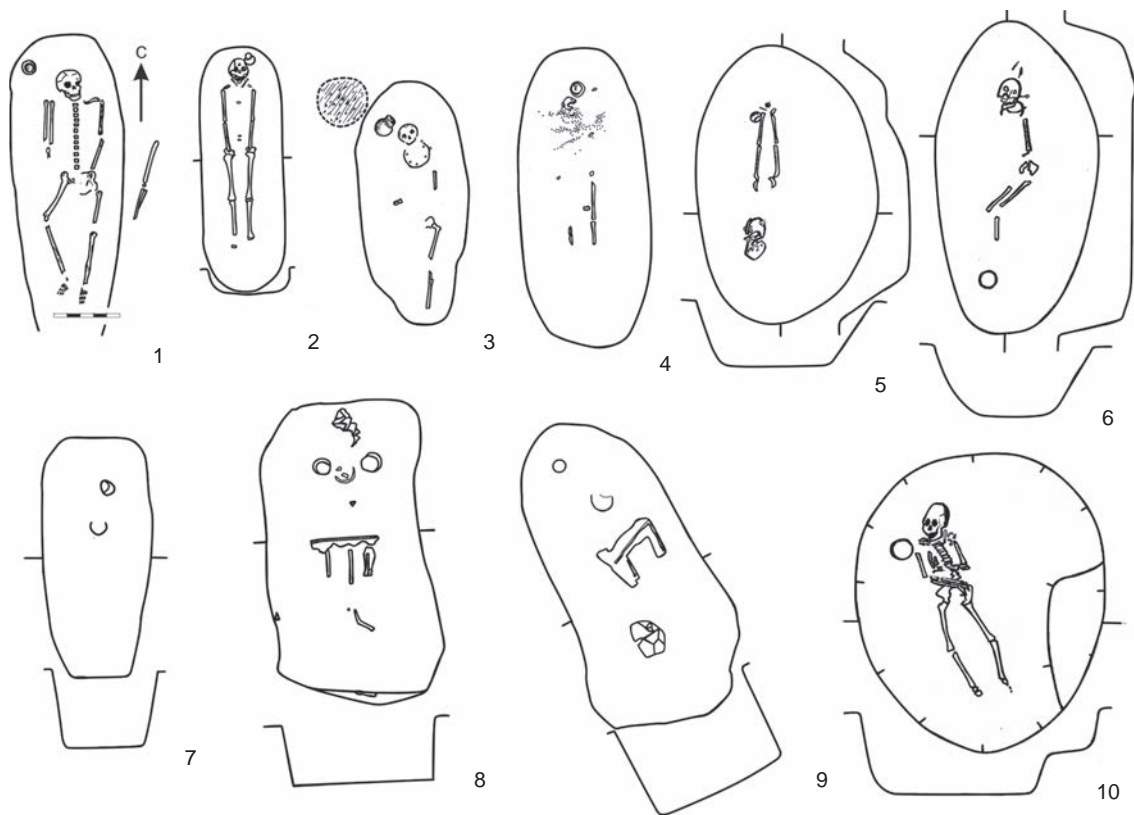

Рис. 39. Планы и разрезы карымских погребений:
1–4 — Козлов Мыс-2; 5, 6 — Усть-Тара-VII; 7–10 — Красноярский-IV

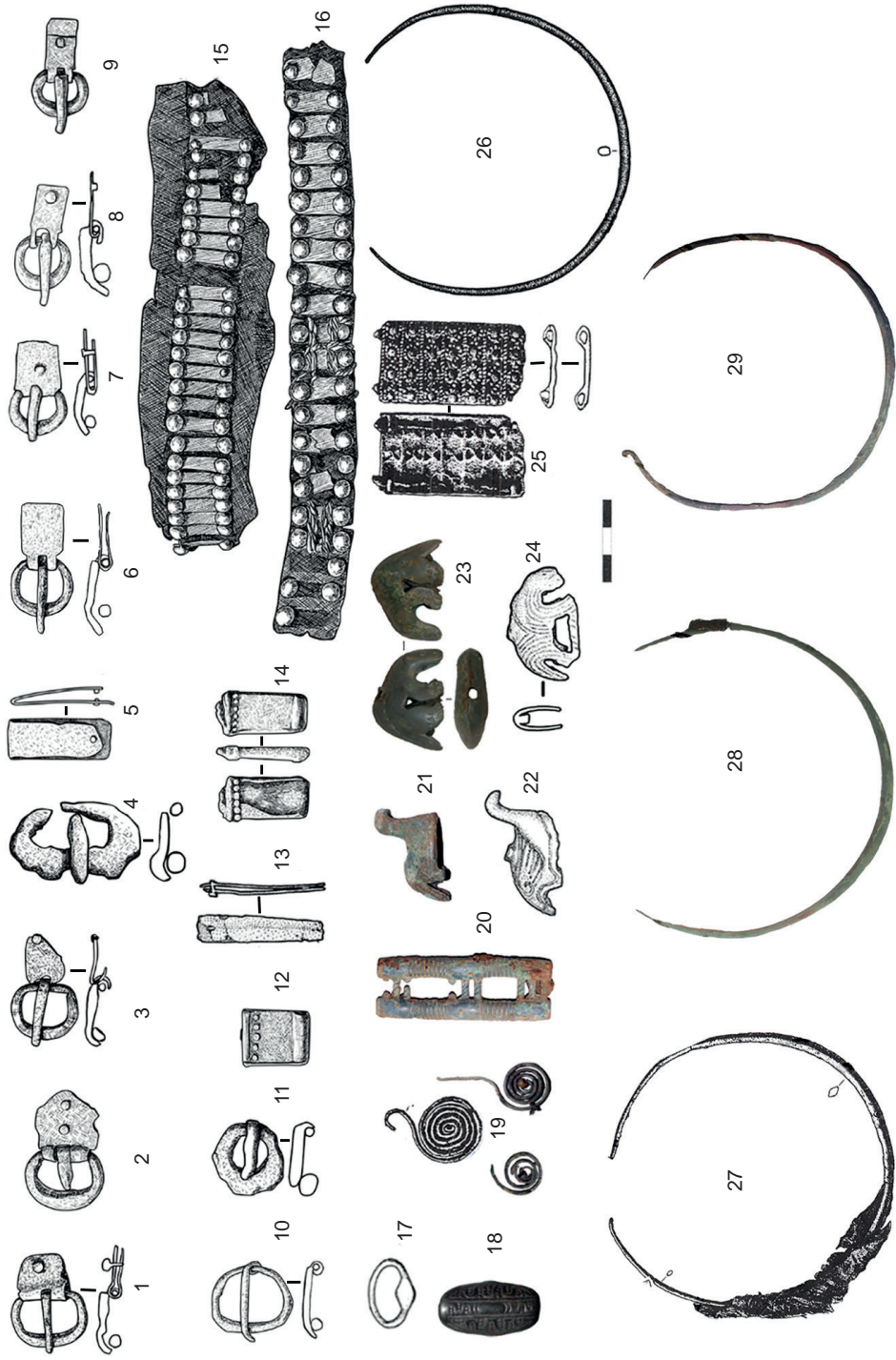

Рис. 40. Комплекс вещей из карымских погребений:

Усть-Тара-VII — 1, 14, 25 (погр. 1 кург. 8), 27 (погр. 1 кург. 9), 27 (погр. 1 кург. 8); Красноярский-IV — 2 (погр. 1 кург. 24), 3 (погр. 1 кург. 20), 4 (погр. 1 кург. 15), 12 (погр. 1 кург. 24), 15 (погр. 3 кург. 18), 16 (погр. 1 кург. 20), 18, 19 (погр. 3 кург. 18), 20, 21 (погр. 1 кург. 24), 23 (погр. 1 кург. 20), 28 (погр. 1 кург. 15), 29 (погр. 3 кург. 18); Козлов Мыс-2 — 5 (погр. 70), 7 (погр. 70), 8 (погр. 29), 9 (погр. 5), 10 (погр. 2), 11 (погр. 67), 13 (погр. 5), 17 (погр. 12a), 22 (погр. 11), 24 (погр. 11), 26 (погр. 13-3). 4, 11 — железное; остальное — бронза

Хронология. Вещи из карымских могильников довольно характерны для инвентаря соседних археологических культур (см. рис. 40, 42, 43). Самые распространенные типы пряжек встречаются в памятниках Прикамья, в частности бродовской стадии неволинской культуры, таких как Бродовский, Тураевский, поздних этапов мазунинской культуры, например Бирский, Югомашевский, Покровский могильники, бахмутинской культуры: Бахмутинский, Бирский могильники [Амброз 1980; Белявская 2018: 87–100; Голдина, Бернц 2010: 437, табл. 261; 441, табл. 265; Мажитов 1968: 130, табл. 11; Останина 1997: 276–279, рис. 30–33; 282–283, рис. 36, 37]. Пряжки с овальными или подпрямоугольными рамками (см. рис. 40, 2, 3, 5, 6), гранеными по бокам (подквадратные или треугольные в сечении), с язычками равномерной толщины с небольшим уступчиком у основания и слегка прогнутыми в средней части, щитки прямоугольных очертаний с 1–2 шпеньками для крепления известны по материалам Приуралья IV–V вв. [Голдина, Водолаго 1990: табл. XXIV, 18; XXIV, 5; Останина 1997: рис. 14, 14, 16, 19]. Гривны с ромбическим и округлым сечением (см. рис. 40, 26–29) и зооморфные подвески (см. рис. 40, 21–24) характерны для финала мазунинских древностей [Останина 1997: 281, рис. 34, 35]. К этому времени также относятся витые гривны [Голдина, Бернц 2010: Тип 83, табл. 270; Голдина, Водолаго 1990: табл. XLIII, 36; Останина 1997: рис. 32, 5] и проволочные граненые гривны [Голдина, Бернц 2010: табл. 265, 55]. Пластинчатые же гривны совместно с пряжками, подобными предметам погребения Красноярского-IV могильника, встречаем в материалах ранней части (второй половины IV — начала V в.) Тураевского-I могильника [Там же 2010: 437, табл. 261]. Перстни с массивным

округлым щитком (рис. 40, 18) представлены в памятниках Верхней Оби (например, Тимирязевский-I, Красный Яр, Рёлка) рёлкинской и верхнеобской культур VI–VIII вв. [Троицкая, Новиков 1998: 102, рис. 15, 6; Чиндина 1991: рис. 32, 34, 35] нередко совместно с витыми гривнами и подпрямоугольными наременными накладками [Беликова, Плетнева 1983: рис. 42, 6].

Существенно облегчить задачу хронологизации позволяют наборные пояса из Красноярского-IV могильника (см. рис. 40, 15, 16). Они отличаются массивными шпеньками-крепежами, использованием при изготовлении техники золочения. Подобные пояса были широко распространены в лесостепных и лесных памятниках Восточной Европы, например Капуловка, Кубей, Лучистое, Тураевский-I [Голдина, Бернц 2010: табл. 266, 61; Казанский 2019: 60; Комар 2000: 43, рис. 2, 3, 6, Тип ПД], Средней Азии, в частности Алтынасар-4а, Алтынасар-4л, Косасар-2 [Левина 1996: рис. 129, 9, 10, 14; 133], Верхнем Приобье — Тимирязевский-I, курган 35 [Беликова, Плетнева 1983: рис. 42, 7], где датируются концом IV — первой половиной V в.

Пряжки с массивными «хоботковидными» язычками (рис. 40, 8, 9) без прогиба с высоким уступом у основания, равномерно утолщенной рамкой и тонким основанием, прямоугольным щитком с одним массивным шпеньком А. К. Амброз связывал с развитием традиции в V в.: «...пряжки V в. развивают формы IV в., но кольца утолщены спереди не так резко, как в IV, а хоботковые язычки далеко выступают вперед» [Амброз 1971: 103]. Пряжки подобного типа в харинских и бродовских материалах Прикамья [Генинг, Голдина 1973: 75, табл. 5; Голдина, Водолаго 1990: 162, табл. LXV] датируются широким интервалом — IV–VI вв.

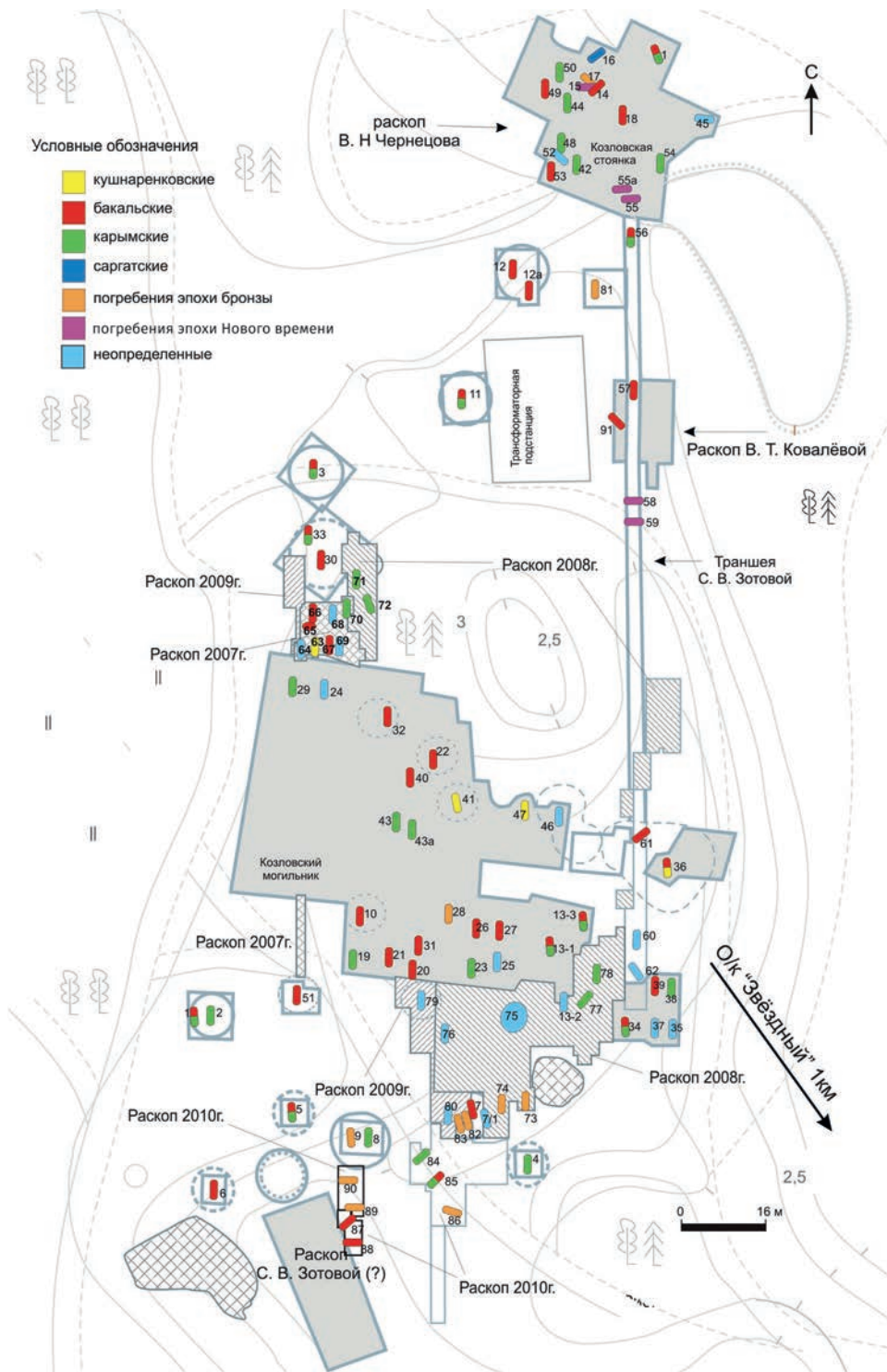

Рис. 41. План расположения погребений с разнокультурной керамикой могильника Козлов Мыс-2 [по: Матвеева 2012а]

Рис. 42. Инвентарь из карымской группы погребений:

1, 8 — Козлов Мыс-2, погр. 7; 2 — Козлов Мыс-2, погр. 16; 3 — Козлов Мыс-2, погр. 84;
4, 7 — Красноярский, погр. 1 кург. 24; 5, 6 — Красноярский, погр. 1 кург. 20

У пряжек с относительно тонким язычком без прогибов (см. рис. 40, 10) уступ выражен слабее, рамки овальных форм со спрямленной передней частью тоньше и значительно шире. По формам они напоминают образцы, представленные в коллекциях верх-саинской стадии неволинской культуры [Голдина, Водолаго 1990: 163, табл. LXVI, 18, 19; Голдина Р. Д., Перевозчикова, Голдина Е. В. 2018: 586, табл. 430], но без выраженной выемки в переднем конце рамки, без щитка и меньших размеров. Возможно, это какая-то ранняя модификация верх-саинских пряжек или подражания им.

Исходя из датировок вещей из карымских погребений, считаем, что данную группу памятников необходимо рассматривать в рамках второй половины IV — начала VI в.

Взаимосвязи с населением соседних территорий. Таким образом, северную часть южнотаежного и лесостепного Тоболо-Иртышья в период IV–VI вв. занимало население, оставившее памятники карымского типа. В Притоболье и Приишимье, по-видимому, носители карымских традиций расселялись чересполосно с бакальским населением, а возможно, и на одних поселениях. Примером может служить Коловское городище, на котором доля карымской керамики незначительна, и она залегает в слое вместе с бакальской. Такая же тенденция характерна для поселений Борки-1 [Зах и др. 2015] и Ласточкино Гнездо [Зах и др. 2008]. Кроме этого, могильники Притоболья (Ипкульский, Козлов Мыс-2, Ревда-5, Устюг-1) содержат поликультурный — бакальский и карымский — керамический материал. Присутствие карымской керамики в поселенческих памятниках бакальской культуры, например поселение Ипкуль-15, Коловское городище, говорит о синхронности проживания носителей разных традиций и влиянии таежной культуры на население лесостепи. Косвенным подтверждением последнего тезиса можно счи-

тать сосуды, украшенные синкретичными мотивами, имеющие аналогии как в лесостепной, так и таежной керамике. Вероятно, появление карымского населения является следствием природно-климатических изменений в сторону гумидизации в тайге, что могло привести к расширению ареала нижнеобской историко-культурной области вследствие адаптации к новым экологическим условиям.

В Прииртышье карымские могильники обильнее находками (рис. 42, 43), причем имеются памятники с исключительно карымскими материалами, например Усть-Тара-VII и Красноярский-IV, а на поселениях слои более насыщены. Здесь развитие карымской традиции объясняется ее генетической связью с предшествующей саровской, памятники которой занимали ту же территорию в конце раннего железного века.

Разнообразие вещей восточноевропейского и центральноазиатского импорта в карымских могилах наряду с малочисленностью поселений позволяет допустить возможность проживания в Тоболо-Иртышье групп населения, бывших посредниками между таежным и лесостепным населением в меховой торговле. Спрос на товары престижного потребления мог привести к венизации культуры аборигенов севера, на которую указывает Н. В. Федорова. Развитие торговых отношений в эпоху переселения народов она обстоятельно аргументирует находками «оружейных» кладов и западных импортов на территории таежной зоны [Федорова 2018: 97]. Есть точка зрения А. П. Зыкова и С. Ф. Кокшарова о сокращении торговых операций на севере Западной Сибири в данное время, опирающаяся на наблюдения о значительном меньшем количестве изделий из цветного металла в тайге, который, по их мнению, оседал в пограничной южнотаежной зоне [Кокшаров, Зыков 1995: 18], как раз на территории, на которой расположены обсуждаемые нами памятники.

Кроме того, на высокий статус отдельных переселенцев указывают относительно богатые комплексы инвентаря с поясами восточноевропейского облика, бронзовыми блюдами из могил Красноярского-IV некрополя. Тесное общение между лесостепны-

ми и южнотаежными группами карымского населения прослеживается в единстве навыков строительства компактных городищ, гончарства и способах погребения умерших. Позднее эти традиции отражены в материалах потчевашской культуры.

Рис. 43. Предметы из карымских погребений Красноярского-IV могильника:

1–8 — бронза; 9 — глина

Потчевашская культура

Ареал. Памятники потчевашской культуры приурочены к южнотаежной и лесостепной полосам Ишимо-Иртышского междуречья. Самый северный из них — поселение Чебачья Пристань-2, расположенное в низовьях Иртыша, на берегу оз. Домашний Сор (Ханты-Мансийский автономный округ) [Собольникова и др. 2016: 115–125], самый южный — местонахождение Комарицино в Казахстане [Смагулов 2006], где были обнаружены отдельные фрагменты потчевашской керамики. В целом к настоящему времени нам известно 83 памятника (см. рис. 44), из которых к городищам относится 50 единиц, неукрепленным поселениям — 20 единиц, могильникам — 13 единиц. Около 20% памятников подвергалось археологическим исследованиям, наиболее изученными являются городища Большой Лог, Мурлинское, Красноярское, Горносталевское и Логиновское, могильники Лихачевский и Окуневский. Могильники изучены неравномерно: из 58 погребений, использованных в нашем исследовании, 49 относятся к Окуневскому и Лихачевскому¹².

Большинство поселенческих объектов являются многослойными и содержат материалы от эпохи бронзы до позднего Средневековья. Это обстоятельство затрудняет анализ оборонительных конструкций, так как точными данными по периодам их постройки мы не располагаем. Наиболее представительные

серии керамики были получены разными авторами с объектов Преображенка-I, Бурундуково-4, Туруновка-I [Молодин, Соболев, Елагин 1983: 68–81; Молодин и др. 1988] Красноярского, Мурлинского [Михалев 2007: 217–255] и Логиновского [Генинг, Евдокимов 1969: 102–127] городищ. Мы собрали выборку из 991 сосуда, включая экземпляры из могильников (38 ед.). Таким образом, в нашем распоряжении достаточно представительные данные, которые можно использовать при характеристике особенностей строительства, расселения, быта, гончарства, погребального обряда и хронологии потчевашской культуры.

Потчевашская культура занимает территорию (см. рис. 44) таежного и лесостепного Прииртышья и Приишимья. В Притоболье культура представлена отдельными небольшими коллекциями потчевашского типа керамики в памятниках бакальской культуры, в частности на Коловском городище, могильнике Воденниково-1. Потчевашские памятники концентрируются в виде скоплений из трех-четырех поселков, где предполагаемым ядром расселения было многоплощадочное городище (см. рис. 45). В южнотаежном Прииртышье расстояние между такими группами составляет 40–100 км, а между объектами в группе — 12 км. В лесостепной зоне в долинах рек Ишим, Оша и Омь расстояние между группами больше — 80–200 км, но меньше число поселений. Неукрепленные поселения потчевашской культуры тяготеют к поймам рек, о чем свидетельствуют низкие гипсометрические отметки (не более 60 м в Балтийской системе высот). Часто они окружают городища на расстоянии от 0,5 до 10 км, например Ямсыса-XVII, Горносталевское, Алексеевка-III, Усть-Тара-XI и др. (см. рис. 45).

¹² Материалы Лихачевского могильника утеряны, Мурлинский могильник (Айткулово) переиздан С. С. Тихоновым и С. Ф. Татауровым [Татауров, Тихонов 2019: 103–112] и отнесен к усть-ишимской культуре развитого Средневековья.

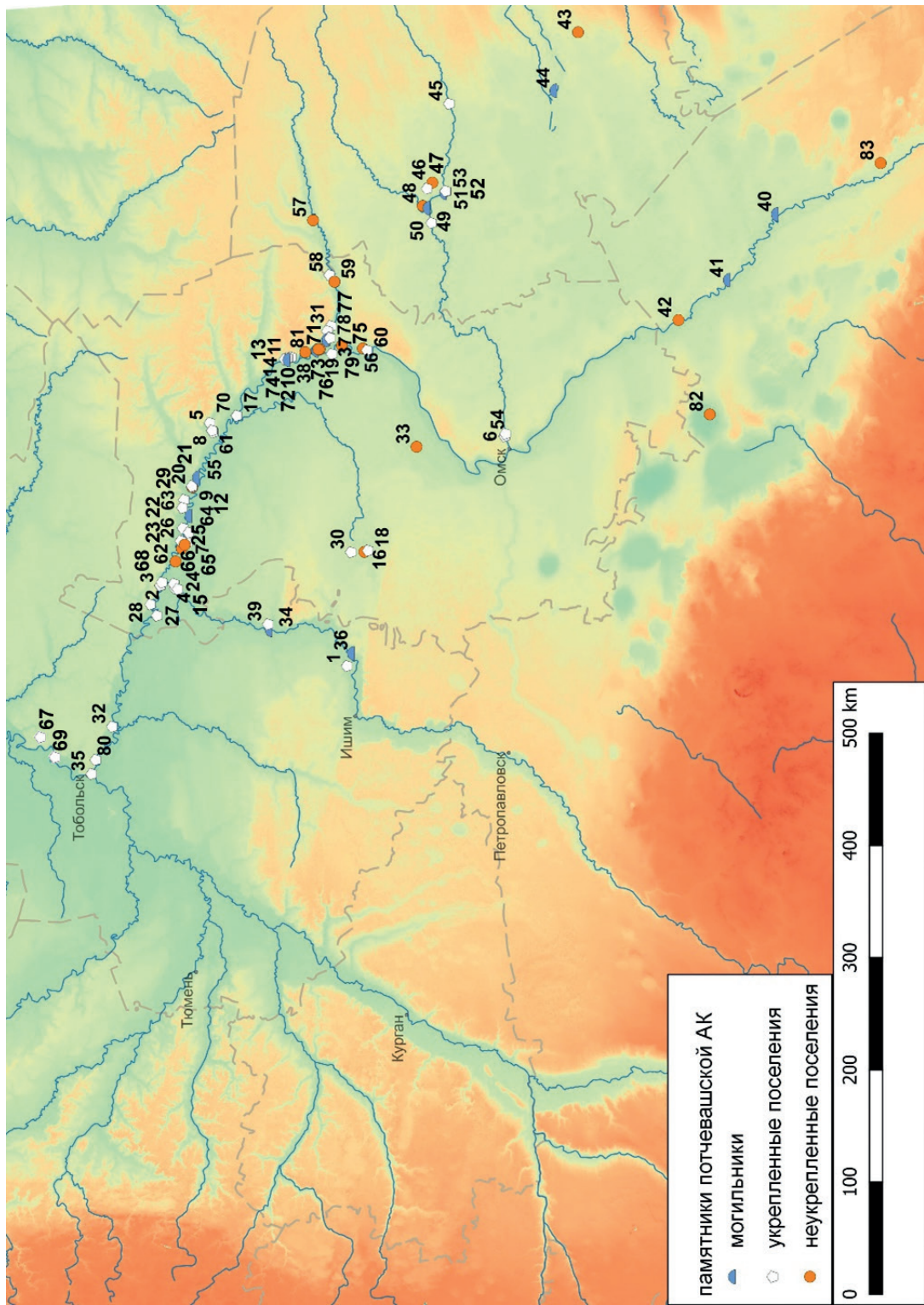

Рис. 44. Карта расположения памятников потчевашской культуры:

1 — Логиновское; 2 — Новоникольское-I; 3 — Новоникольское-IV; 4 — Ашеваны-IV; 5 — Большая Пристань; 6 — Большой Лог;
7 — Кип-IV; 8 — Новоягодное-2; 9 — Ямсыса-ХVII; 10 — Мурлинское; 11 — Айткуллово-ХIV; 12 — Александровка-VI; 13 — Атак-IV;
14 — Атачка-I; 15 — Ашеваны-III; 16 — Березово; 17 — Богочаново-II; 18 — Дарвино-2; 19 — Евгашино; 20 — Ямсыса-I; 21 — Ямсыса-ХIV;
22 — Хутор-Бор-3; 23 — Утьма-I; 24 — Тюрмитяки-VII; 25 — Тентис-II; 26 — Тентис-I; 27 — Саургачи-II; 28 — Скородум-I;
29 — Петрово; 30 — Новокарасук-VI; 31 — Лисино-II; 32 — Долговское-I; 33 — Горносталевское; 34 — Викуловское кладбище;
35 — Потчеваш; 36 — Лихачевский; 37 — Окуневский; 38 — Айткуллово-I (Мурлинские курганы); 39 — Борки-I; 40 — Качиры;
41 — Бобровский; 42 — Башманное; 43 — Баклуши; 44 — Чулым-2; 45 — Абрамово; 46 — Ложка-IV; 47 — Туруновка-I; 48 — Венгерово-2;
49 — Сопка-2; 50 — Игнатьевка; 51 — Преображенка-I; 52 — Преображенка-III; 53 — Преображенка-VII; 54 — Ростовка; 55 — Ирча;
56 — Арты; 57 — Кыштовка; 58 — Курганка; 59 — Тамочная; 60 — Безьянное-II; 61 — Новоягодное-I; 62 — Ильнебага; 63 — Белый Яр;
64 — Утузы; 65 — Кип-I; 66 — Кип-II; 67 — Рачево-II; 68 — Красноярское; 69 — Чебачья Пристань-2; 70 — Чулская гора;
71 — Бергамак-ХIV; 72 — Алексеевка-XXVII; 73 — Алексеевка-V; 74 — Алексеевка-I; 75 — Танатово-II; 76 — Алексеевка-III;
77 — Окунево-ХII; 78 — Юрт-Бергамак-IV; 79 — Юрт-Бергамак-I; 80 — Искер; 81 — Усть-Тара-ХI; 82 — Кызыл-Как; 83 — Комаридино

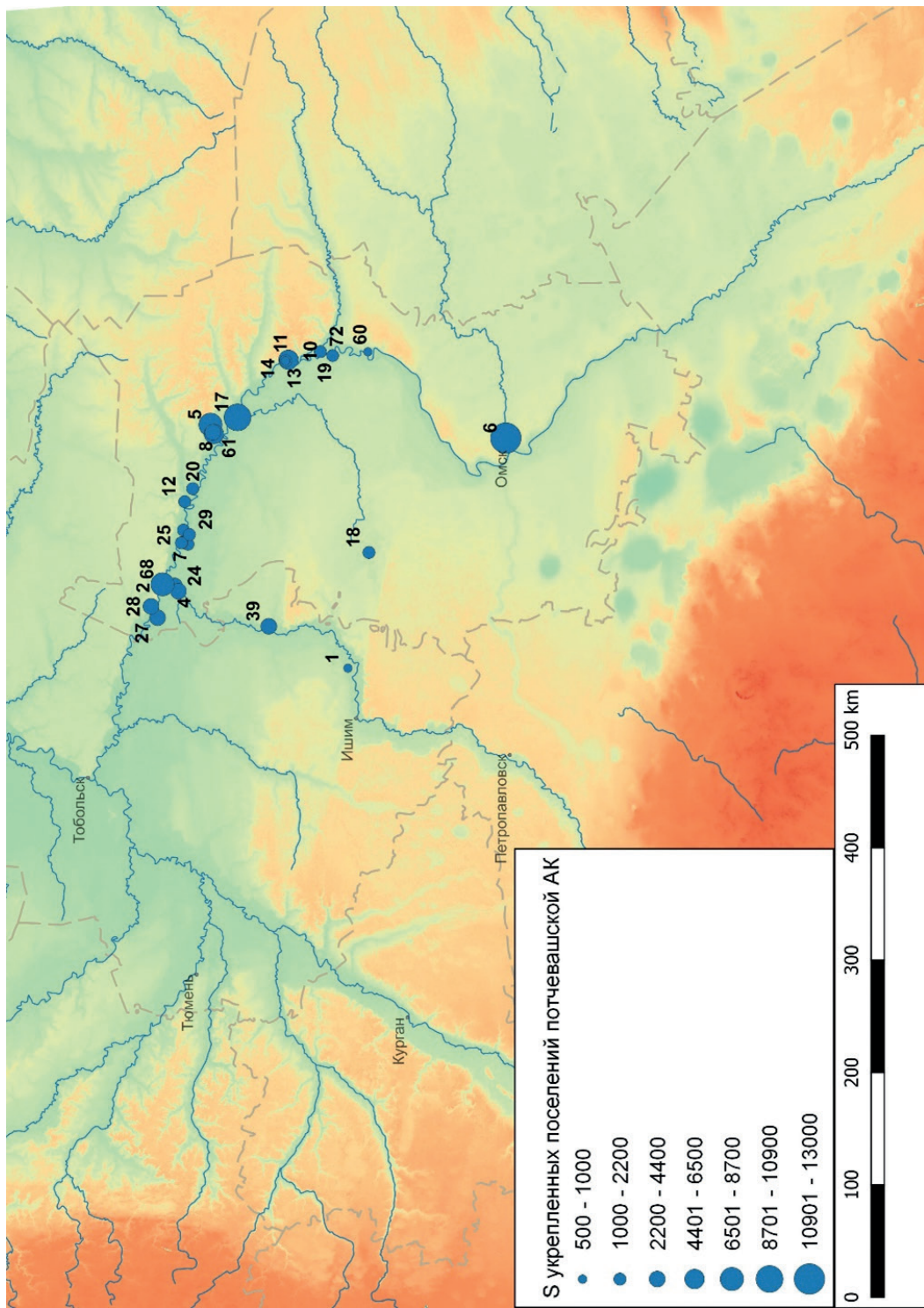

Рис. 45. Распределение укрепленных поселений потчевашской культуры по площадям (номера объектов соответствующим приведенным в легенде на рис. 44)

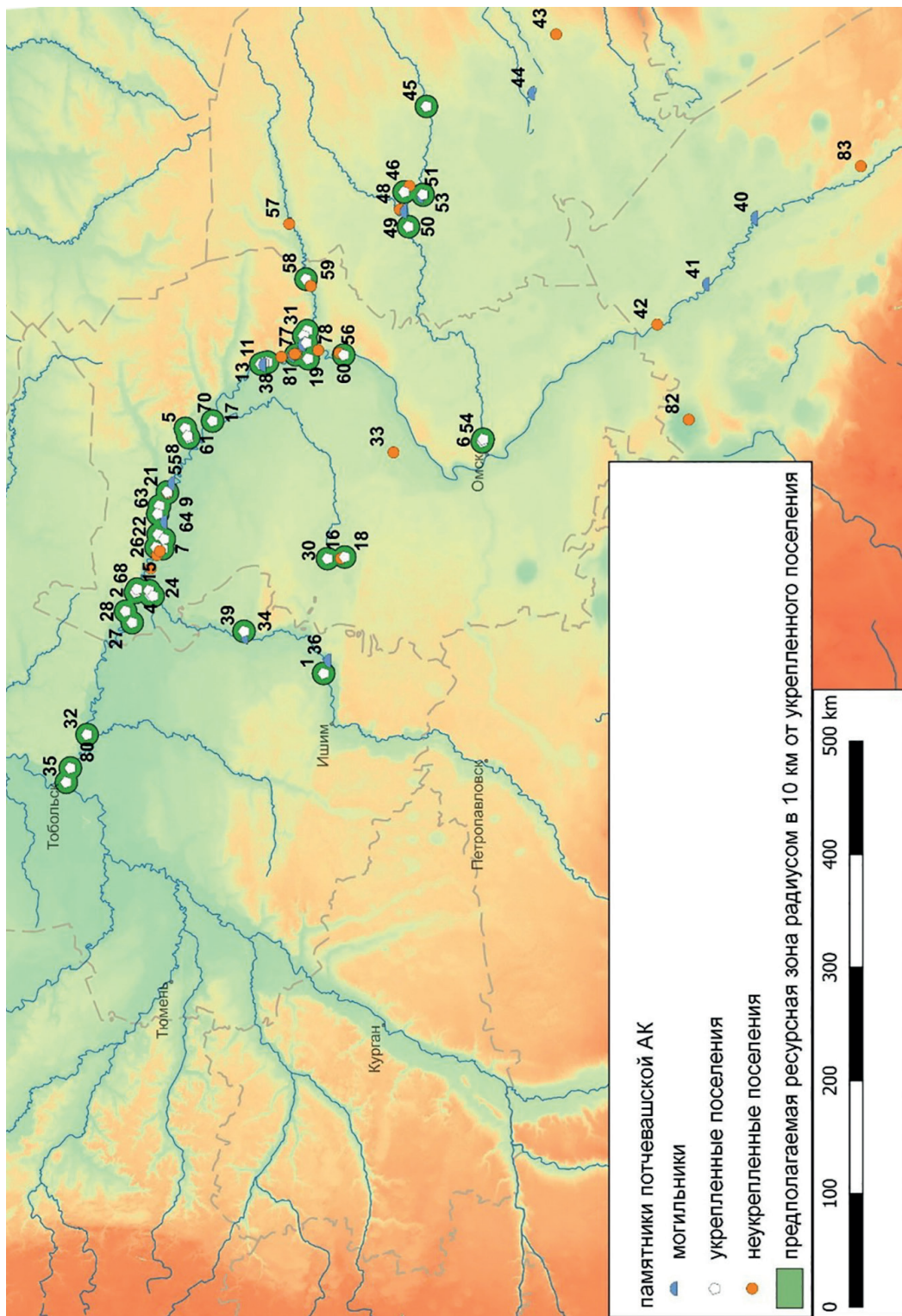

Рис. 46. Предлагаемые ресурсные зоны ядер расселения потчевашской культуры (номера объектов соответствуют приведенным в легенде на рис. 44)

Поселения и жилища. Обнаружены определенные закономерности между особенностями ландшафта, площадями и морфологическими признаками оборонительных сооружений, что позволило выделить два основных типа городищ: террасные и пойменные. Террасные находятся на участках с высокими гипсометрическими отметками, имеют треугольную, овальную, трапециевидную или прямоугольную форму, что обусловлено формой береговой линии. Площади их разнообразны и варьируют от 250 до 13 000 кв. м. При этом наиболее крупные из них (6–13 тыс. кв. м) приурочены (см. рис. 45) к устьям рек, как, например, городища Большой Лог, Красноярское, Новоягодное-2, Мурлинское. Пойменные расположены на незатопляемых островах или высоких останцах, к ним примыкают селища площадью от 6–13 тыс. кв. м: Терминтяки-VII, Атак-IV и Атачка-IX (рис. 47, 4, 6, 7), их площади не превышают 3,2 тыс. кв. м, исключения составляют Большая Пристань и Богочаново-II (7 и 10 тыс. кв. м соответственно).

По количеству площадок и оборонительных линий укрепленные поселения можно разделить на простые и сложные. К простым относятся одноплощадочные городища с одной-двумя оборонительными линиями по типу вал–ров, вал–ров–вал (рис. 47, 1–3, 5). Валы в развале имеют высоту до 2 м с шириной у основания до 4 м, а рвы — ширину до 4 м и глубину до 1 м. К сложным относятся поселения с более чем одной жилой площадкой (см. рис. 48), ограниченные одной-двумя оборонительными линиями по типу вал–ров. Валы укрепленных поселков данного типа, как правило, были высотой до 2 м с шириной до 4 м, рвы могли достигать ширины 10 м и глубины 3 м. Валы сооружались из глины, вынутой из рва [Могильников 1971].

На валу устанавливались стены-тарасы, от которых остались деревянные столбы в два ряда с шириной шага до 0,6 м, например на Чудской горе [Потемкина, Корочкова, Стефанов 1995: 71]. Рвы обкладывали деревянными одеждами [Чагаева 1968: 243–245], которые укреплялись глиняным раствором, как на Мурлинском, Евгашинском городищах [Очерки культурогенеза... 1994: 376]. Защитные возможности городищ усиливались устройством бастионов, например Айткулово-XIX (см. рис. 47, 2), Логиновское [Генинг, Евдокимов 1969: 104–105].

Имеются сведения о 47 жилых постройках, они достаточно однородные по площади, отличаются по уровню заглубления в грунт, по этому параметру их можно разделить на наземные и полужемляночные. Жилищ второго типа большинство. Это сооружения с котлованами прямоугольной или квадратной формы (см. рис. 49), глубиной в среднем 40–50 см, а иногда и 70–80 см, средней площадью 24,2 кв. м. Пол обычно ровный с уклоном в сторону выхода, иногда подмазанный глиной. Наземные зафиксированы по котлованам глубиной до 20 см либо по остаткам деревянных конструкций, имели прямоугольную форму и площадь до 75 кв. м. Стены у обоих типов жилищ могли быть как срубными (см. рис. 49, 1–3), так и каркасными (см. рис. 49, 4–6). Остатки бревен от срубов были зафиксированы при исследовании Мурлинского городища, которые достигали диаметра до 20–35 см [Скандаков 1988: 61]. Срубная конструкция определяется по отсутствию вдоль стен котлованов ямок от столбов, а если они зафиксированы, то в центре, являясь опорами перекрытия (см. рис. 49, 2). Еще одним признаком срубной конструкции можно считать зазор между печью и стенкой котлована (см. рис. 49, 3).

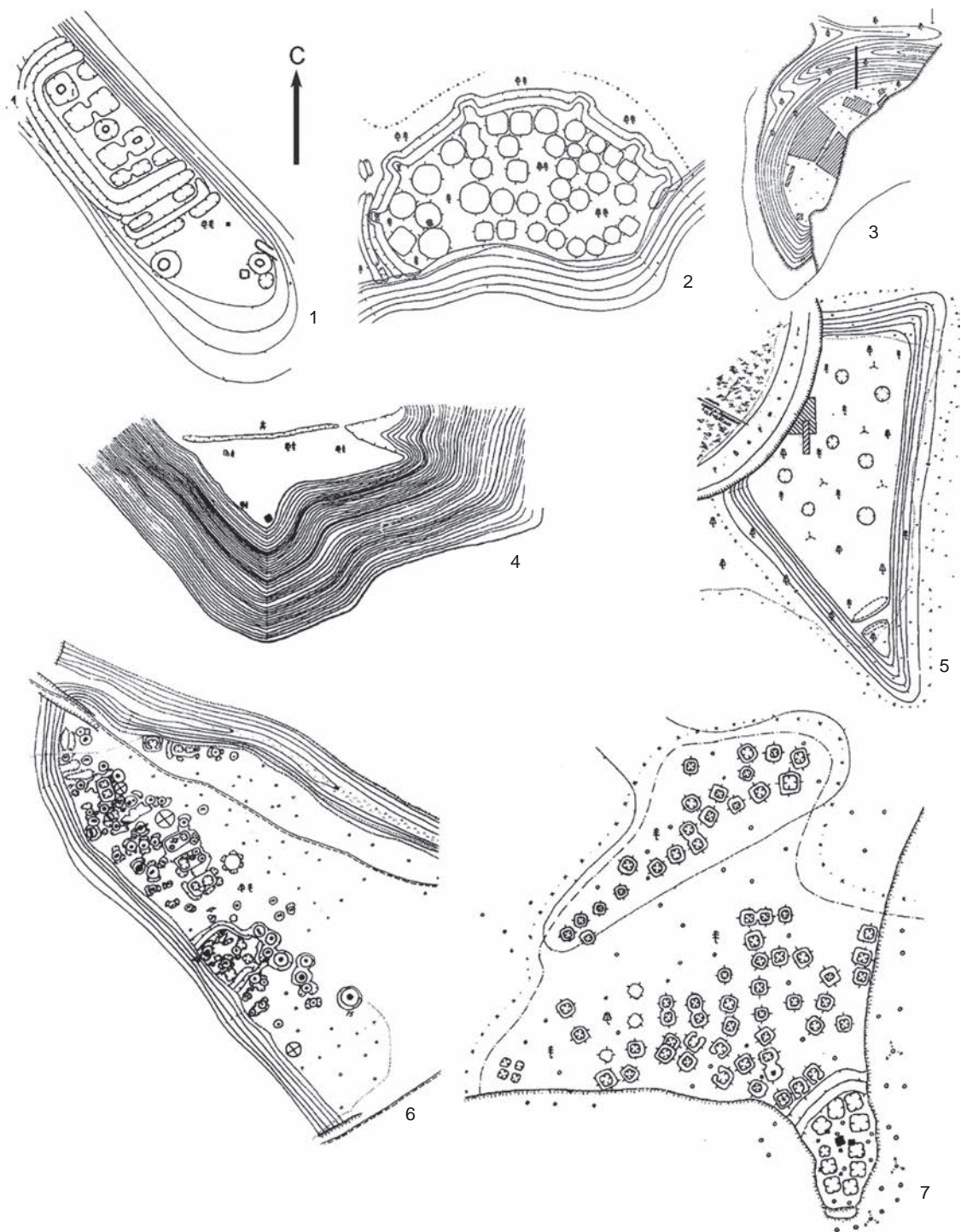

Рис. 47. Укрепленные поселения потчевашской культуры простых конструкций:
 1 — Тентис-II; 2 — Айткулово-XIX; 3 — Новоникольское-I; 4 — Тюрмитяки-VII;
 5 — Эбаргуль; 6 — Атак-IV; 7 — Агачка-IX

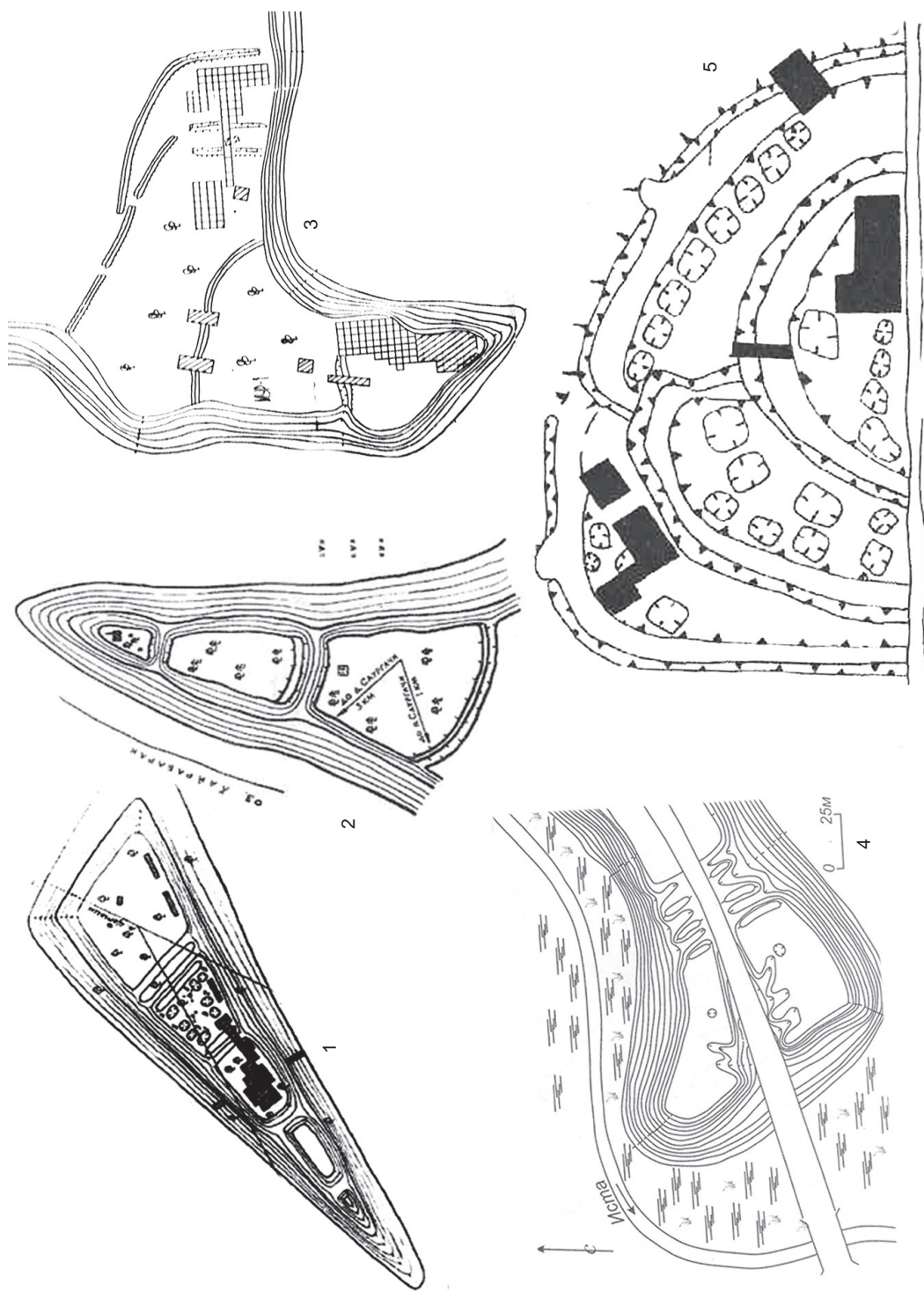

Рис. 48. Укрепленные поселения потчевашской культуры сложных конструкций:

1 — Богочаново-II; 2 — Саургачи-II; 3 — Мурлинское; 4 — Красноярское; 5 — Новоягодное-2

Каркасная конструкция определена по ямам от цельных бревен диаметром до 40 см, расположенным по периметру или углам котлованов (см. рис. 49, 4–6) [Кони́ков 1991: 39]. Вероятно, одним из способов конструирования стен было вкладывание поперечных плах за столбы. Это мы наблюдаем по небольшому отступу между опорными столбами и стенками котлованов (см. рис. 49, 4, 6). Аналогично находим у хантов и манси, у которых сруб, наполовину опущенный в землю, состоял из 8–9 венцов, крышу делали односкатную плоскую, покрытую берестой, дерном или землей [Соколова 2009: 174]. Каркасные полуземлянки площадью от 10 до 50 кв. м, с каркасом из 4–12 наклонных боковых и угловых столов, соединенных попарно квадратной рамой, перекрытием из жердей, покрытых берестой, дерном и засыпанных землей, также являются традиционными зимними убежищами хантов [Там же: 163].

Известны два факта остатков от остова крыши наземных построек на Мурлинском и Верхнем Аксеново-П. Их каркас был собран из жердей диаметром от 10–20 см и покрывался берестяными полотнами (см. рис. 49, 1). Исходя из положения ямок по середине котлована, считаем, что кровля была двухскатной, имела в центре квадратное светодымовое отверстие (см. рис. 49, 2), опиралась на столбы, располагавшиеся у стенки жилища. В. Ф. Генингом были отмечены признаки, соответствующие односкатным жердевым конструкциям [Генинг, Евдокимов 1969; Могильников 1987]. По данным З. П. Соколовой, у хантов дома были невысокими, состояли из 6–10 венцов, фундамент отсутствовал, пол земляной, двускатную крышу из жердей покрывали берестой, дерном или землей, оставляя фронтон открытым [Соколова 2009: 174]. Входы представлены прямоугольными выступами длиной 0,7–2 м и шириной не больше 1 м (см. рис. 49, 3, 5, 6). Кроме того, имеются примеры входов в виде «уступчика» (см. рис. 49, 1, 2), видимо, в та-

ком случае к двери пристраивались деревянные ступеньки или выкладки из дерна.

Очаг располагался по центру в полу, отмечен в виде прокалов округлой или овальной форм диаметром до 120 см (см. рис. 49, 1, 2). Кроме того, встречаются по два очага, обычно один из них крупнее другого (см. рис. 49, 6). В жилищах Логиновского городища очаги окружены П-образными канавками глубиной до 20 см (см. рис. 49, 1), ограждавшими кострище.

Примеры известны по этнографии хантов, кетов и якутов [Алексеев 1967: 95; Кулемзин 2009: 67; Соколова 1998]. Отмечены случаи обустройства очага закрытого типа в виде печей, обмазанных глиной (см. рис. 49, 3), устроенных в углу. Хозяйственные ямы располагались у противоположной входу стены, в них содержались припасы, судя по скоплениям битой керамики, чешуи и костей рыб, костей животных [Кони́ков 1991: 40].

Хозяйство. Интересная ситуация складывается при обсуждении видового состава животных из памятников потчевашской культуры. Принимая во внимание гипотезу В. Ф. Генинга и С. Я. Зданович о том, что ее носители занимались в основном присваивающим хозяйством при относительно невысокой доле скотоводства [Генинг, Зданович 1987], будем считать, что освоение лесостепных пространств и возможные контакты с коллективами бакальской культуры и разного рода кочевниками должны были вызвать трансформацию в хозяйственном укладе. На большее развитие скотоводства сравнительно с северными соседями указывали А. С. Шемякина и В. А. Могильников [Могильников 1987; Шемякина 1976]. Имеющиеся на сегодня палеозоологические определения для ряда городищ отчасти подтверждают данную гипотезу.

На графике мы видим, что доля костных остатков от домашних животных на комплексах Мурлинское, Логиновское и Петровское мала относительно диких

(см. рис. 51). Исключение составляют коллекции с городищ Большая Пристань и Новоягодное-1, где концентрация костей лошади, крупного и мелкого рогатого скота на порядок выше. Эти показатели позволяют объяснить более высокую рассредоточенность поселений на лесостепных участках, так как для занятия животноводством необходимы просторные пастбища, что могло увеличивать площади ресурсной зоны и удаленность поселений.

Фактов, которые демонстрировали бы знакомство с земледелием носителей потчевашской культуры, немного, это отдельные находки серпов (рис. 50, 35) и костяных мотыг. Вопрос об уровне развития земледелия у населения потчевашской культуры остается открытым.

Одной из присваивающих отраслей коллективов потчевашской культуры являлась охота. Судя по распределению костных остатков, среди основных объектов преобладали лисица и соболь. Вместе с тем известны определения костей медведя, барсука и зайца. Это может говорить о важной роли промысловой охоты, продукт которой мог быть

средством обмена с соседними лесостепными группами населения.

Важную роль в хозяйстве населения потчевашской культуры играло рыболовство. О его значимости свидетельствуют находки одношипных и двушипных гарпунов (рис. 50, 31, 32) и железных крючков (рис. 50, 33), известных по материалам Логиновского, Мурлинского и Потчевашского городищ [Мошинская 1953а: табл. X, 1-4, 6; Шемякина 1976: 189]. Остатки рыбы также часто встречаются в слоях поселенческих памятников в виде скоплений костей и чешуи. Например, А. С. Шемякиной приводятся определения видов и сортов рыб с Мурлинского городища: щука, окунь, язь, линь, карась и стерлядь [Шемякина 1976: 189]. Отсутствие находок грузил не исключает возможности использования сетей для данного вида отрасли. Вероятнее всего, этот факт указывает на высокое значение заповного рыболовства, что демонстрируется высокой концентрацией очень малых и малых укрепленных поселений близ протоков и малых рек.

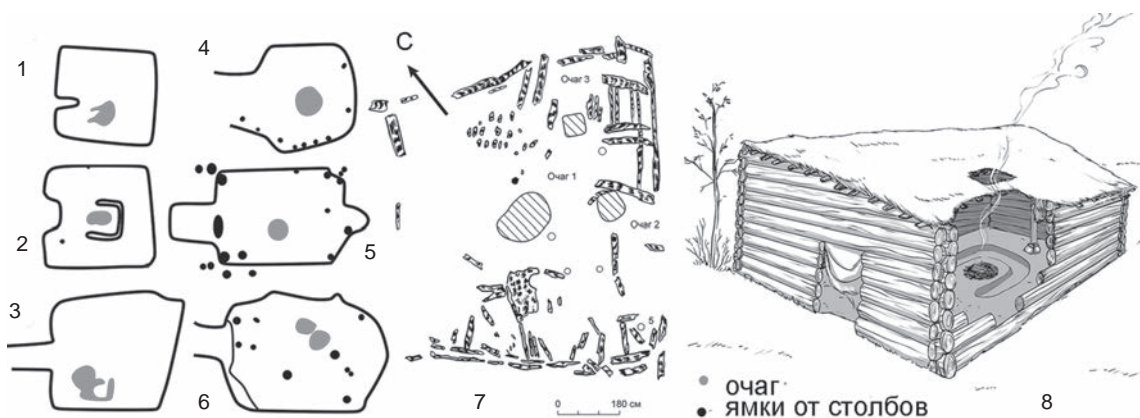

Рис. 49. Схемы планировки жилищ (1-6), остатки кровли (7) и реконструкция жилища потчевашской культуры (8):

1 — Усть-Тара-ХI, жилище 8; 2, 8 — Логиновское, жилище VIII; 3 — Большая Пристань, жилище 1; 4 — Ростовка-I, жилище 1; 5 — Верхнее Аксеново-II, жилище 8; 6 — Верхнее Аксеново-II, жилище 4; 7 — Мурлинское

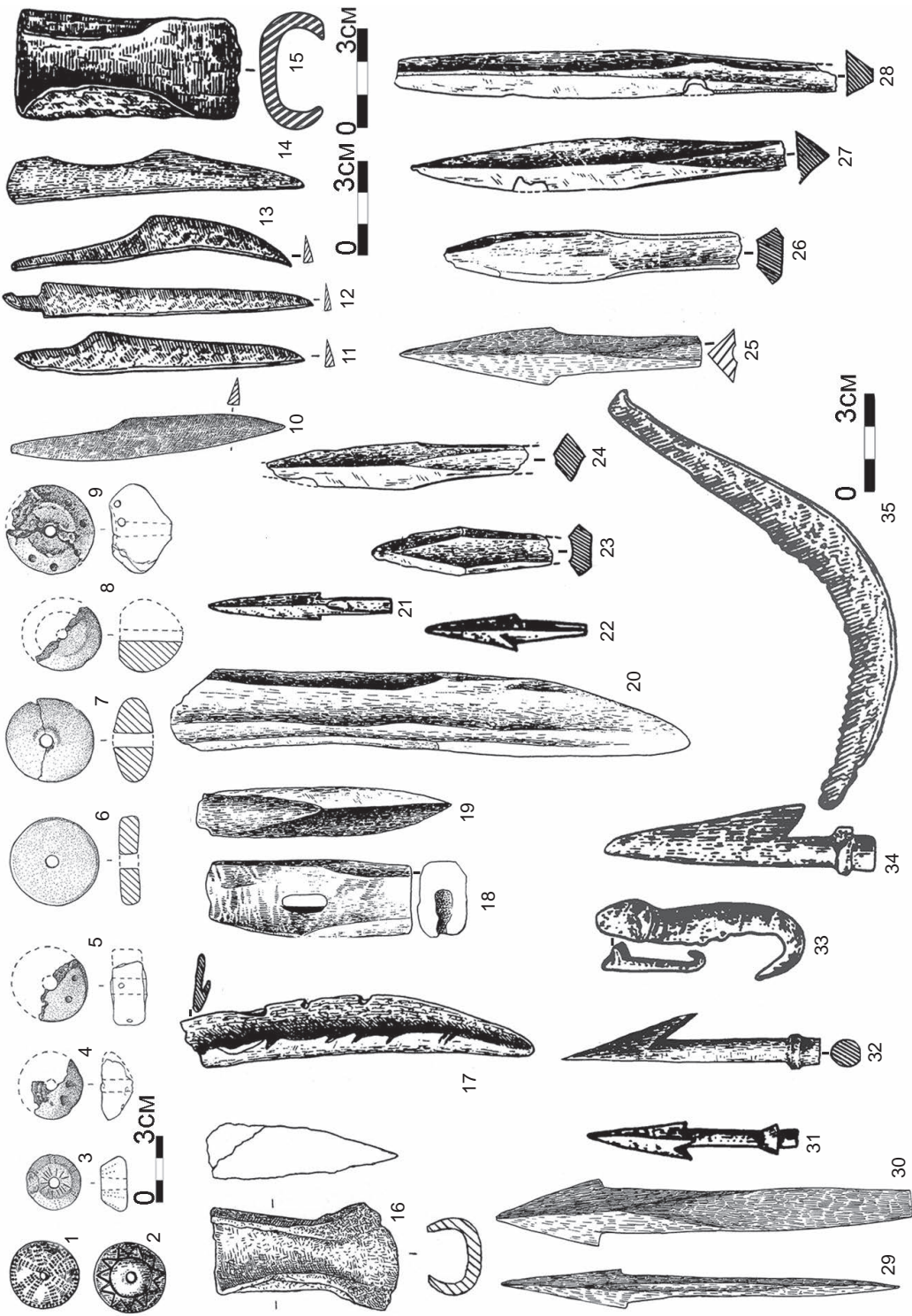

Рис. 50. Хозяйственный инвентарь потчевашской культуры:
 1, 2, 17-30 — кость; 3-9 — глина; 10-16, 31-35 — железо

О занятиях ремеслами, в частности прядением, говорят находки костяных шилообразных проколов [Мошинская 1953а: табл. XV, 11; Шемякина 1976: 191], трапециевидных и бочковидных в сечении керамических и костяных пряслиц (см. рис. 50, 1–19), игольниц [Генинг, Евдокимов 1969: табл. 53, 10; Мошинская 1953а: табл. XV, 10; Шемякина 1976: 191].

Важно отметить занятия носителей потчевашской культуры литейным производством. Находки льячек в виде ковшичков [Могильников 1963: 95, рис. 30, 4; Шемякина 1976: 190], тиглей, а также находки шлаков и крицы в слоях поселений подтверждают данный вид занятий. Как отмечает Н. М. Зиняков, население потчевашской культуры добилось высокого уровня развития кузнечного ремесла, что продемонстрировано сложной технологией производства ножей [Зиняков 2006: 123]. Потчевашские кузнецы применяли свободную ковку, двух/трехслойную сварку для изготовления из сырцово-углеродистой стали цельносталевых и цельножелезных ножей. Придание твердости металлу достигалось путем использования техник мягкой и твердой закалки [Там же: 123, 124].

Таким образом, хозяйство населения конца железного века и раннего Средневековья Тоболо-Иртышья было комплексным, сочетавшим скотоводство, охоту, рыболовство, собирательство и ремесла. При этом для носителей потчевашской культуры были характерны занятия прядением, резьбой, кожевенным и плотницким делом. Они обладали навыками в бронзолитейном и железообрабатывающем производстве.

Существенные отличия наблюдаются в соотношениях видового состава домашних животных у потчевашских и бакальских групп населения, что может говорить

об уровне их мобильности и специфических сторонах хозяйственной деятельности.

Хозяйство носителей потчевашской культуры строилось в большей степени на рыболовстве и охоте, при незначительной доле скотоводства. Данное сочетание хозяйственных отраслей характерно в общем для таежных групп населения раннего железного века и раннего Средневековья [Борзунов, Чемякин 2012а]. Вероятно, отдельные группы, проживавшие в лесостепной зоне Ишимо-Иртышья, были более мобильными, вследствие контактов с кочевыми и полукочевыми соседями. Данное предположение находит подтверждение в расположении отдельных потчевашских городищ на р. Ишим — контактной зоне с бакальским населением. Возможен и другой вариант: обе группы находились во взаимовыгодных отношениях, при которых носители потчевашской культуры обменивали избыточный продукт от охоты и рыболовства на лошадей и крупный рогатый скот.

Гончарство. В качестве исходного пластичного сырья потчевашские гончары использовали ожелезненные природные глины, в редких случаях — илистые. В исходное сырье добавляли шамот и раствор из навоза жвачных животных, чаще в виде выжимки. Обработка поверхности осуществлялась твердыми инструментами, дополнительно ее затирали мягкими материалами. Обжиг производился в восстановительной и окислительно-восстановительной средах при непродолжительном воздействии температур каления [Зеленков 2020]. Формы посуды более разнообразны, чем в предшествующее время. Среди них преобладают горшковидные (см. рис. 52), которых насчитывается 73%, чашевидные — 20,4%, остальные редки, но довольно оригинальны в составе последних ладьевидные («жаровни») — 5,8% емкостей.

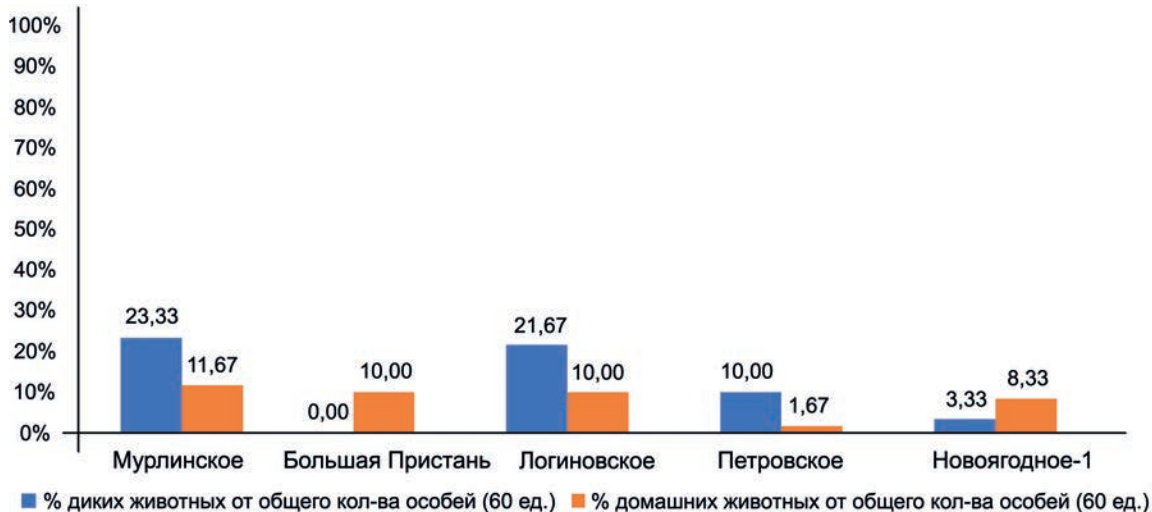

Рис. 51. Гистограмма соотношения костей домашних и диких животных на памятниках потчевашской культуры

Чаще всего венчики сосудов плоские (62,9%) или скошенные внутрь (24,7%), реже округлые (12,4%), острые (8,5%) и скошенные наружу (7%). Средний диаметр по венчику для горшков — 25 см, для чаш — 20 см, длина ладьевидных — 40 см (см. рис. 52).

Погребальная посуда по высотному указателю распределилась на очень низкие — 2,6%¹³, низкие — 50%, средние — 42,1% (см. рис. 53). По указателю размеров горловины потчевашские сосуды следует признать низкими в 21,1% случаев, средними — 57,9%, высокими — 15,8%. Редко встречаются очень высокие — 5,3%. Шейки чаще слабопрофилированные — 60,5% или наклонены вовнутрь — 31,6%. Плечики средней высоты имеют долю 23,7%, высокие — 36,8% и относительно очень высокие — 36,8%, преимущественно слабовыпуклые. Дно бывает уплощенным и редко круглым — 5,3%. По индексу пропорциональности потчевашские сосуды преимущественно низкие и средние, средние-высокие формы составляют 13,2%, высокие — 2,6%.

¹³ % от 38 сосудов.

В целом емкости имеют объем около 6 л, средних пропорций, средней высоты, с широким устьем, слабопрофилированные и с уплощенным дном (см. рис. 53). Не существенные отклонения от средней нормы демонстрируют притобольские экземпляры, близкие кувшинным формам и на 24% меньшие по объему (см. рис. 53, 54). Наличие низких и высоких сосудов может быть следствием контактов с лесостепными и таежными группами населения.

Горшки наиболее плотно декорированы, включая верхнюю часть тулова (см. табл. 4). У чаш и «жаровен» орнамент отмечен только вдоль устья. Орнаментация содержит четыре техники: гребенчатую (67,6%), прочерченную (24,9%), резную (6,9%) и фигурно-штампованную (12,7%). Из элементов лидирующее положение занимают округлые вдавления (71,2%), оттиск короткой гребенки (51,7%), прямоугольные вдавления (24,3%), желобки (21,5%), вертикальные нарезки (14,2%), оттиски щепы (9,6%), имитация шнура оттисками гребенки (8,2%) (см. табл. 5). Элементами фигурной техники являются оттиски в виде так называемых «уточка»,

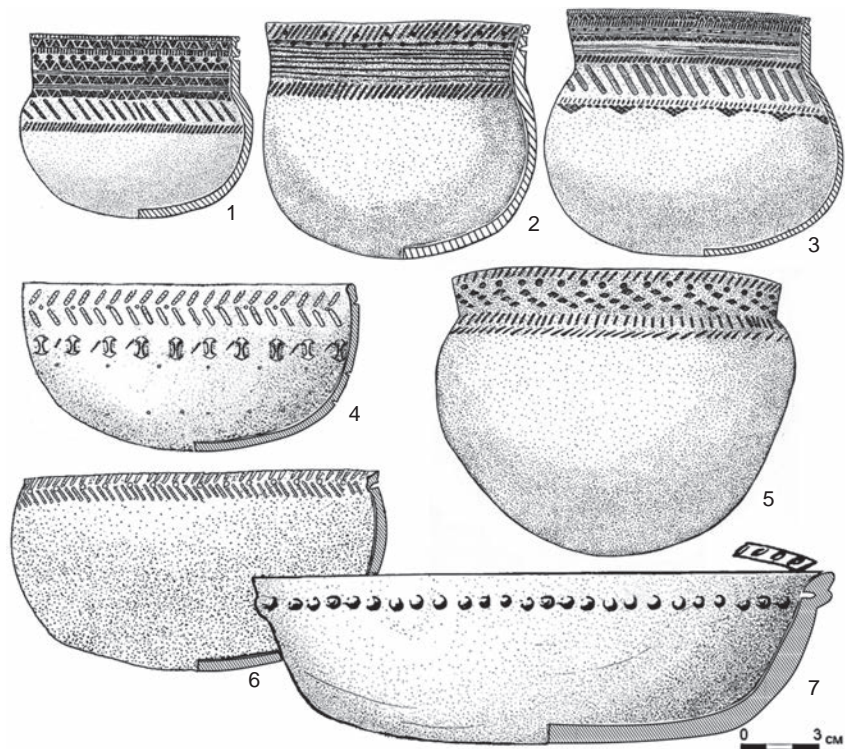

Рис. 52. Керамика потчевашских поселений:
1-4, 6 — Мурлинское; 5 — Потчеваш; 7 — Логиновское

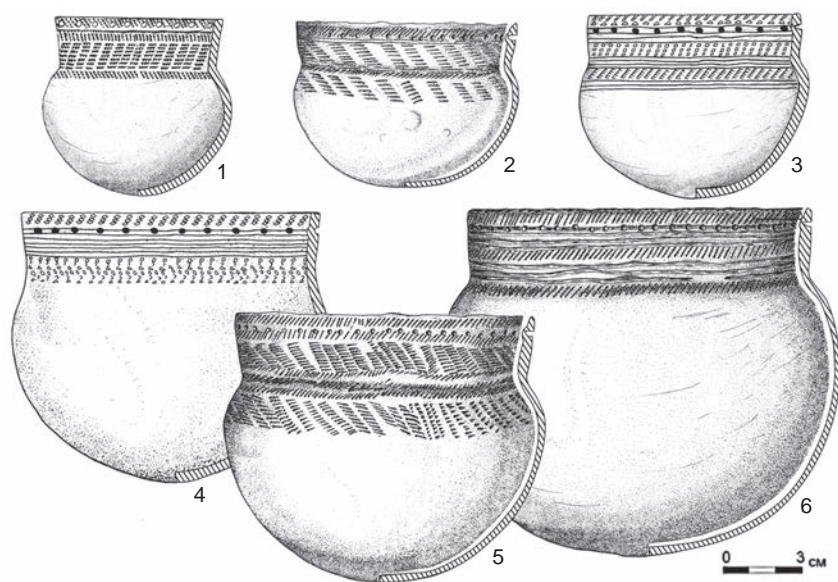

Рис. 53. Керамика из потчевашских погребений:
1 — Лихачевский; 2, 5, 6 — Викуловский; 3, 4 — Окуневский

«змейки», ромбического, уголкового и арочного штампов. Происхождение первого связывают с позднекулайскими комплексами саровского этапа, где они составляют композиционную основу [Чиндина 1984].

Ромбический штамп получил распространение в карымское время и является типобразующим признаком материальной культуры IV–VI вв. [Борзунов, Чемякин 2015; Федорова и др. 1991], тогда же появляется желобчатая техника орнаментации. Уголкового штамп вошел в практику потчевашских групп под влиянием групп кучиминского населения нижнеобской историко-культурной области в VIII–IX вв. Данные узоры керамики встречены на посуде, обнаруженной вместе с арочными и геометрическими наклад-

ками с прорезными отверстиями и монетой типа «Тюргеш-Каган» 712–737/738 гг. [Камышев 2002: № 4; Смирнова 1981: № 1589] на Мурлинском городище [Скандаков 1988].

Сравнивая рецепты формовочных масс потчевашской керамики с бакальской [Зеленков 2016: 66–69] и юдинской [Матвеева, Ульянова 2011: 91], видим сходство по основным указателям форм и индексу пропорциональности потчевашской и бакальской посуды (см. табл. 6). Контакты с лесостепными группами также демонстрирует наличие синкретичных потчевашско-бакальских образцов керамики, с гребенкой и нарезками, в частности, с Большого Бакальского городища, могильников Перейминского и Воденниково-1 (рис. 54).

Рис. 54. Синкретичные бакальско-потчевашские образцы (4, 6) с Большого Бакальского городища и потчевашская посуда из могильников Притоболья (1, 5 — Перейминский; 2, 3, 7, 8 — Воденниково-1)

Характеристика поселенческой керамики потчевашской культуры

Памятник	Группы сосудов			Разновидности венчиков*					Техника орнамента			
	горшки	чаши	ладьевидные	1	2	3	4	5	гребенчатая	прочерченная	резная	фигурная
Логиновское	361	147	49	360	41	183	68	47	434	37	35	56
Мурлинское	240	46	2	155	62	49	2	19	114	54	0	33
Горносталевское	53	10	7	56	11	0	0	1	67	38	0	11
Потчеваш	38	0	0	38	0	0	0	0	37	21	0	8
Преображенка-I	151	14	0	50	30	21	44	21	87	74	35	13
Туруновка-I	69	2	0	37	8	9	10	6	60	55	6	19
Бурундуково-1	37	1	0	17	4	2	8	6	21	19	6	2
Долговское-I	2	0	0	2	0	0	0	0	2	2	0	2
Лихачевский	3	0	0	2	0	1	0	0	2	0	0	0
Группа Мурлинских курганов	6	0	0	3	0	3	0	0	6	0	0	2
Викуловское кладбище	3	0	0	0	2	1	0	0	3	2	0	0
Окуневский могильник	16	0	0	6	4	4	0	1	9	11	4	14
Воденниково-1	8	0	0	1	4	4	0	0	7	1	1	0
Всего	987	0	58	727	166	277	132	101	849	314	87	160
В % от общей выборки (1265 ед.)	78,02	17,39	4,58	57,48	13,07	21,87	10,44	8,03	67,57	24,96	6,93	12,75

* 1 — плоский; 2 — округлый; 3 — отогнут внутрь; 4 — отогнут наружу; 5 — острый

Характеристика орнамента керамики потчевашской культуры

Памятник	Элементы орнамента																	
	прямоугольные вдавления	оттиски гребенки	ромбик	псевдошнур	желобок	округлая ямка	оттиск щелы	нарез	подковка	змейка	жемчужина	сегмент	уголок от гребенки	шнур	накол	уголковый	треугольные вдавления	арочный
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Логиновское	231	312	34	75	88	530	95	136	7	14	0	0	14	7	14	0	0	0
Мурлинское	5	89	8	0	42	55	0	0	0	3	2	0	0	0	0	7	8	0
Горносталевское	0	45	2	0	33	56	0	0	0	0	12	0	0	0	0	5	1	0
Потчеваш	0	38	1	0	34	37	0	0	1	1	0	0	0	0	0	4	1	0
Долговское-I	1	1	0	0	2	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0
Лихачевский	0	3	0	2	0	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Группа Мурлинских курганов	0	6	0	2	0	6	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0

<i>1</i>	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Викуловское кладбище	0	3	0	0	2	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Окуневский могильник	4	9	0	1	11	13	0	4	1	5	0	0	0	0	3	1	2	4
Воденниково-1	0	7	0	2	1	2	0	1	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0
Всего	241	513	45	82	213	707	95	141	10	23	35	0	15	7	17	19	12	4
В % от общей выборки (991 ед.)	24,32	51,77	4,46	8,25	21,51	71,27	9,6	14,21	0,99	2,32	3,6	2,06	1,47	0,69	1,67	1,93	1,26	0,4

Таблица 6

Соотношение рецептов формовочных масс (ФМ) в культурах Средневековья лесостепи Тоболо-Иртышья (Г — глина, Ш — шамот, В — выжимка, ОР — органический раствор, ИГ — илистая глина, П — песок, Д — дресва, К — кость)

<i>Рецепты ФМ</i>	Г+Ш+Н	Г+Ш+В	Г+Ш	ИГ+Ш+ОР	ИГ+Ш	Г+Ш+ОР	Г+П+Н	Г+Ш+П+Н	Г+П+Д	Г+Д+Н	Г+Ш+П+Д	Г+П+Д+Н	Г+Н	Г+Ш+Д	Г+П	Г+Ш+П	Г+К+Н
<i>Культура</i>																	
Бакальская	+	+	+	+		+											
Потчевашская	+	+	+	+	+												
Юдинская	+						+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Таким образом, гончарство потчевашской культуры сочетает лесостепные и таежные традиции и содержит наследие северных переселенцев (на саровском этапе и карымском), а также отражает контакты с кучиминским населением Нижнего Приобья. Взаимодействие с лесостепными бакальскими коллективами прослеживается в единстве ряда форм, декоров и рецептов формовочных масс.

Погребальные обряды. По итогам кластер-анализа выборки (261 ед.) погребений из Тоболо-Иртышья получены три группы захоронений (см. рис. 55). Проверка данного распределения дискриминантным методом статистики подтвердила выработанную ранее в научной литературе классификацию и независимость потчевашской группы от бакальской и карымской, которые состав-

ляют самостоятельные культурные типы. Источниками послужили погребения некрополей Лихачевский [Генинг, Зданович 1987], Викуловское кладбище [Илюшина 2009] и Окуневский [Могильников, Конилов 1983].

При обряде труположения умершие погребались в грунтовых одиночных (48%), очень редко в коллективных могилах (3 случая). Ямы обычно узкие (до 1 м шириной), имеют прямоугольную форму. Погребенного чаще всего ориентировали головой в северо-западный сектор (24%), по одному случаю — западный (см. рис. 57) и юго-восточный, его укладывали вытянуто на спине (17%) с руками вдоль туловища (9%). Перекрытия могил фиксировались по остаткам бересты (24%). При умершем оставляли поясной ремень с пряжкой и накладками (21%), украшения в виде бус (19%), зооморфных

подвесок (14%), бронзовых браслетов (7%), серег (12%), перстня или кольца (7%). Из вооружения в погребальном обряде использовались наконечники стрел (19%) и ножи (17%). Сосуды располагались в яме — 33%, у ног или головы погребенного, но встречаются примеры, когда горшки расставлялись с внешней стороны погребальной камеры на древней поверхности (рис. 56). Кроме того, умершие сопровождалась «загробной» пищей, зафиксированной по остаткам костей лошади (7%). Очень редко в погребения укладывали бытовой инвентарь, в частности тесла (1 случай), а также детали уздечки, удила или стремяна (9%).

Погребения с трупосожжением фиксировались по скоплениям угля (83%), кальцинированных или пережженных костей (40%) в одних могильниках с ингумациями (см. рис. 57, 1–3). Встречены захоронения останков в виде скоплений вещей, покрывавших небольшие площади размерами от $0,25 \times 0,3$ до $0,4 \times 0,8$ м [Могильников, Конилов 1983: 173]. Вероятно, в данном случае кремация производилась на стороне, поскольку следов от воздействия огня в ямах обнаружено не было. Как отмечают В. А. Могильников и Б. А. Конилов, часть вещей была оплавлена. Это может говорить о том, что кремированные останки вместе с пеплом в горячем состоянии сразу засыпались в яму [Там же: 174].

Традиция трупосожжения, видимо, возникает в Западной Сибири в конце раннего железного века и связана с переселением саровских групп кулайской историко-культурной области на новые земли, как мы ранее отмечали, соглашаясь с Т. Н. Троицкой, В. А. Могильниковым, Б. А. Кониловым. Саровских погребений известно мало, причем кремация встречается крайне редко, как, например, на Шеркалинском могильнике, где она зафиксирована в неглубоких ямках, заполненных пеплом, кальцинированными

костями и вещами [Чиндина 1984: 50]. Известна кремация у населения, оставившего памятники карымского типа в подтаежной зоне в могильниках Козлов Мыс-2 [Матвеева 2012а], Усть-Тара-VII, Красноярский-IV [Грачев 2009; Скандаков, Данченко 1999], но в них инвентарь располагался таким образом, как его носили бы при жизни. То есть перед засыпкой кремированных останков сначала раскладывали одежды умершего. Коэффициент сходства 0,7 между карымскими и потчевашскими погребениями, рассчитанный нами [Зеленков 2017б], показывает относительную близость данных археологических таксонов. При этом часто карымские и потчевашские сосуды залегают совместно на поселениях, демонстрируя определенную преемственность в керамической традиции, например на Красноярском, Борки-1, а также и в отдельных погребениях Лихачевского и Викуловского могильников. Практиковалось помещение в погребения берестяных полотнищ и туесков, коробочек с украшениями, орнитоморфных подвесок в период VI–VIII вв. у таежного населения и у предшествующего ему.

Определенное сходство в способах захоронений у потчевашского населения обнаруживаем в памятниках верхнеобской и рёлкинской культур. Их объединяет сочетание двух типов обряда: ингумации и кремации. Т. Н. Троицкой и А. В. Новикову удалось разделить время перехода населения Верхнего Приобья от трупоположения к трупосожжению. По их мнению, это произошло во второй половине VIII в. вследствие влияния кочевнической традиции, что дополнительно подкрепляется фактами помещения в могилу деталей конской сбруи (удила, стремяна) и оружия (наконечники стрел) [Троицкая, Новиков 1998]. Для этого же времени зафиксированы захоронения целой туши и отдельных частей лошади. Аналогичный набор признаков характерен для захоронений

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОГРЕБЕНИЙ ПОТЧЕВАШСКОЙ АК

■ коэф. от общей выборки (261 погр.) ■ коэф. от группы (56 погр.)

Рис. 56. Гистограмма признаков погребений потчевашской культуры

рёлкинской и, как мы показали ранее, потчевашской культур. В данном случае, как представляется, сочетание данных признаков указывает на общеисторический контекст, в рамках которого население лесостепного и южнотаежного Прииртышья и Приобья долгое время подвергалось влиянию культуры тюркоязычных кочевых народов. Вероятно, отдельные группы кочевников могли подолгу проживать совместно с племенами Западной Сибири, ярким примером чего являются захоронения с конем из могильников Чулым-2 и Преображенка-III.

Находки костей лошади, деталей уздечки, ориентировка погребенных на запад и северо-запад принято связывать с влиянием тюркоязычных кочевников

на материальную культуру населения лесостепного и южнотаежного Прииртышья [Конилов 2007; Могильников 1987; Молодин и др. 1988; Шемякина 1971], хотя они были характерны и для раннего железного века. При тех данных, которыми мы располагаем, вероятны спорадические брачные и торговые связи локальной группы потчевашского населения в лесостепном междуречье Оми и Иртыша с группами номадов, судя по захоронениям с конем, содержащим гребенчато-желобчатую керамику, из памятников Барабинской лесостепи Преображенка-III и Чулым-2 [Молодин и др. 1988].

Хронология. Вещевой комплекс памятников потчевашской культуры можно разделить на две хронологические группы.

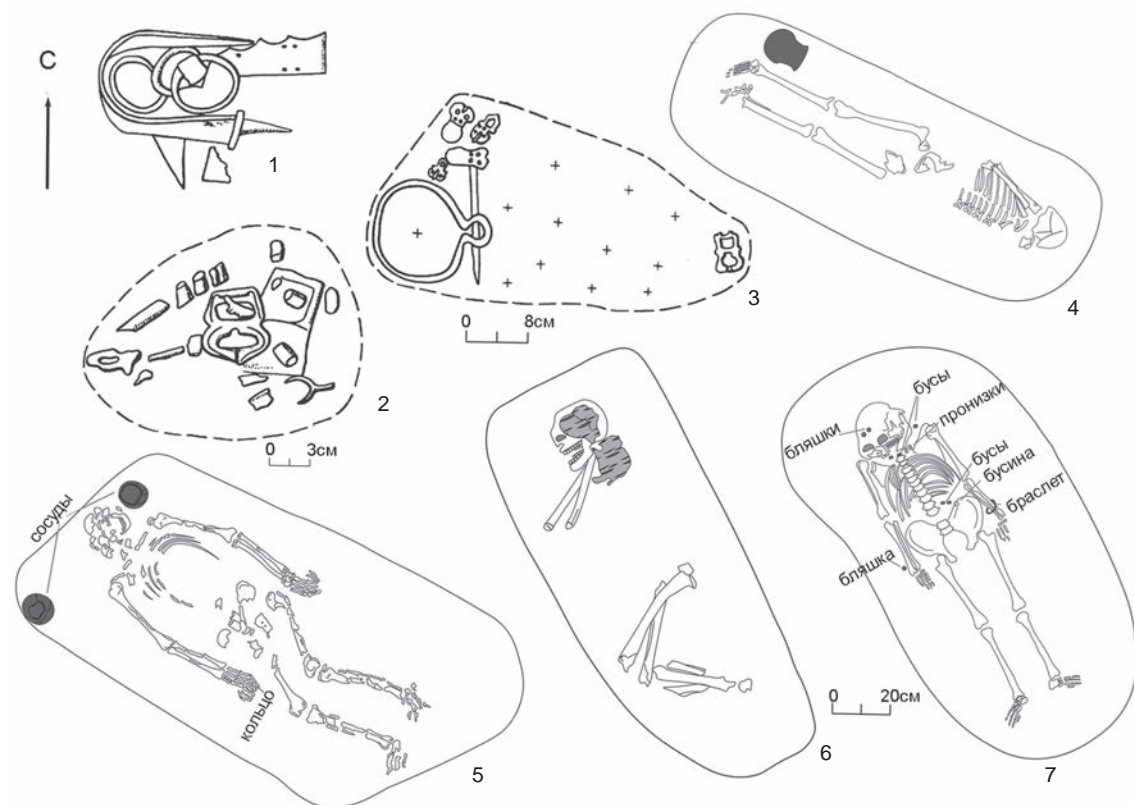

Рис. 57. Планы и разрезы потчевашских погребений

К ранней группе (см. рис. 58) вещей из погребений могильников Лихачевский (погр. 1, 2, 9, 10 и 13) и Окуневский (погр. 1, I и II) относятся выпукло-вогнутые лировидные или В-образные пряжки с щитовидными или подпрямоугольными обоймами, псевдопряжки с прорезями с литой обоймой или без нее, наконечники с прямыми или боковыми выступами, Т-образные с пламенивидным основанием, якорьковидные с щитовидным или шипастым основанием, плоские орнитоморфные подвески, браслеты с расширенными концами, оформленными в виде голов змей. Элементы поясных наборов соответствуют «геральдическому стилю», распространившемуся среди элиты степных кочевников со второй половины VI в. [Амброз 1971: 118], в Прикамье на агафоновском этапе ломоватовской культуры [Голдина 1985: 128], бартымском этапе неволинской культуры [Голдина, Водолаго 1990: 92–93], на Южном Урале в турбаслинских памятниках VI–VII вв. [Мажитов 1993: 121–126]. Детали потчевашских гарнитур являются неотъемлемыми частями так называемых «агафоновских» поясов [Голдина, Водолаго 1990: 142, табл. XLV, 1, 2], своеобразии стиля которых среди ранне-средневековых древностей Восточной Европы установлено [Гавритухин 1996: 115–133; Гавритухин, Обломский 1996: 86] типологическими и нумизматическими данными [Гавритухин, Обломский 1996: 88; Голдина, Водолаго 1990: 92–93].

В потчевашской группе вещей, в частности из могильника Лихачевский, содержатся ранние китайские монеты типа «У-Шу» (五銖) династии Вэнь 535–556 гг. [Быков 1969]. Отметим, что ранние образцы геральдических поясов встречаются и в северной тайге Западной Сибири, например Барсовский-V могильник [Карачаров 1993: 110–111, рис. 1]. Полагаем, что вещевого комплекса ранней хронологической группы

может датироваться концом VI — первой половиной VII в.

Вещи поздней (см. рис. 58) хронологической группы из погребений Окуневского могильника демонстрируют продолжение традиции геральдических поясов. Появляются пряжки с прорезными обоймами, наконечники с трапециевидным основанием и фигурным окончанием. Для поздней хронологической группы характерны накладки и наконечники, сьюльгамы-застежки, браслеты, височные подвески, щитковые кольца, плоские подвески. Аналогии им находим в прикамских материалах, в частности, неволинской стадии неволинской культуры [Голдина, Водолаго 1990: 92–94] и демёнковской стадии ломоватовской культуры [Голдина 1985: 128–131], которые продолжают стилевые традиции изготовления поясов агафоновского типа [Гавритухин, Обломский 1996: 86–87]. Датировка этого комплекса позволяет рассматривать погребения с трупосожжением из могильника Окуневский в рамках периода конца VII — VIII в.

Итак, потчевашская культура распространена в таежном Ишимо-Иртышье и Барабе, к ней мы относим только памятники горносталевского этапа, считая так называемые «сперановские» саровскими. Она сложилась на основе карымских древностей с долей бакальского влияния. Нельзя отрицать роль кочевой традиции, отраженной в смене погребального обряда с ингумации на кремацию. Культуроотличительными признаками потчевашской культуры являются желобчатая керамика, ориентировка погребений на запад или северо-запад, использование дополнительных деревянных надмогильных конструкций, а также гробовищ, набор инвентаря для специализированной охоты и рыболовства, подквадратные срубные полуземлянки.

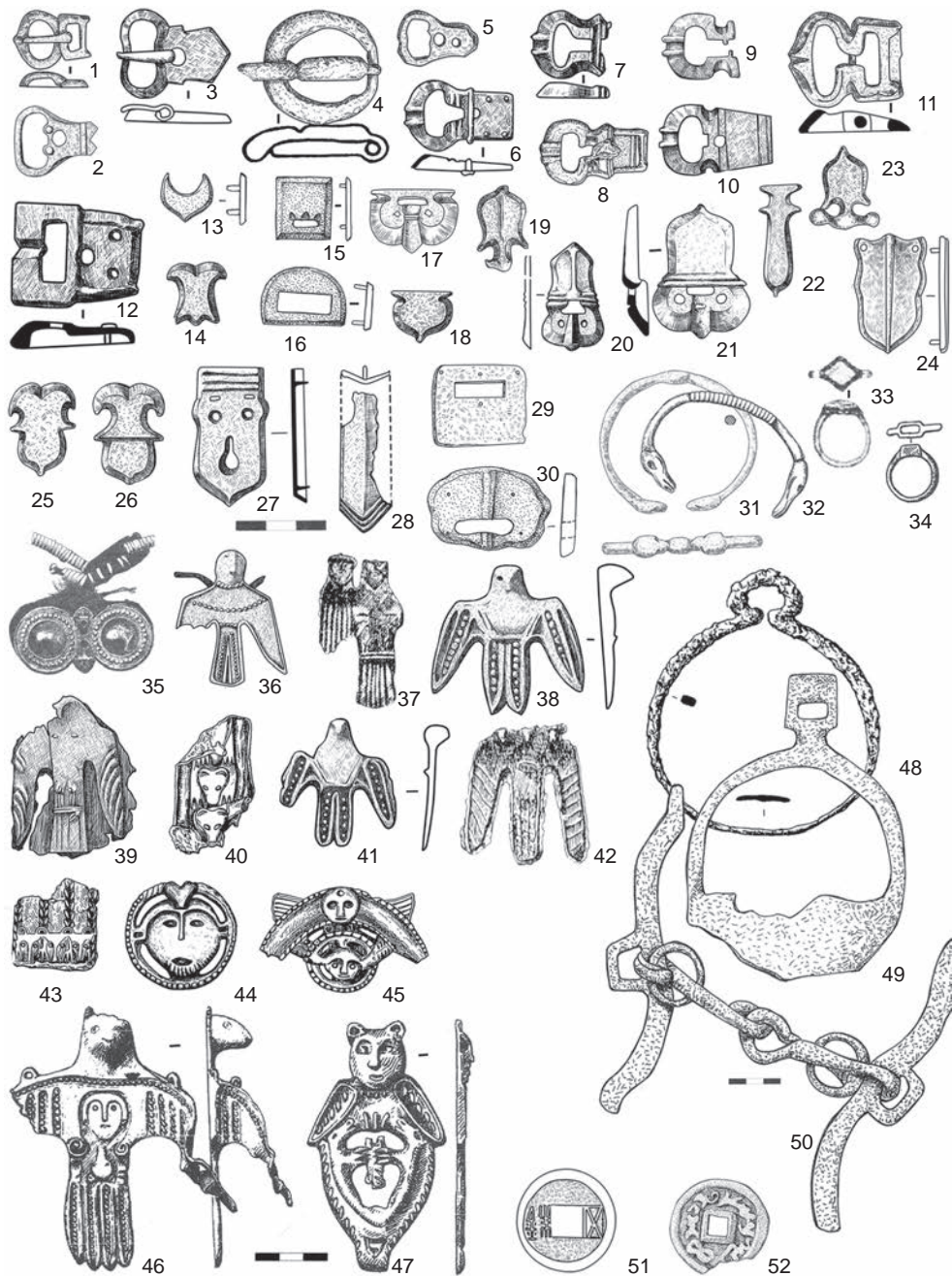

Рис. 58. Инвентарь погребений потчевашской культуры:

Окуневский могильник — 1, 11 (погр. IV), 3, 38 (погр. II), 4, 8, 40, 43 (погр. XX), 5 (погр. 9), 6, 7, 20, 24, 28 (погр. I), 12, 27, 47 (погр. 2), 21, 48 (погр. III), 32 (погр. XVIII), 34 (погр. 1), 44 (погр. XXI), 45 (погр. XIX), 46 (погр. VI); Лихачевский могильник — 2, 19 (погр. 13), 9, 18, 22, 23, 25 (погр. 1), 10 (погр. 3), 14, 26 (погр. 2), 17, 36 (погр. 9), 31, 51 (погр. 10); Мурлинское городище — 13, 15, 16, 29, 30, 49, 50, 52; Викуловское кладбище — 33 (погр. 2); Потчевашские курганы — 35, 37, 39, 42; городище Борки-1 — 41. 48–50 — железо; остальное — бронза

Влияние потчевашской культуры в лесостепи выражено примесью в комплексах к бакальской керамике на памятниках долины Тобола, а также потчевашская посуда встречена в ряде памятников Северного Казахстана, в частности Бобровском могильнике. Лесостепное Прииртышье и Барабу в этот период занимали разноэтничные тюркские группы, судя по могильнику Чулым-2 [Молодин и др. 1988: 95].

Историко-культурная схема развития Тоболо-Иртышья

По итогам датирования типологическим и корреляционным методами всех разнокультурных погребений Тоболо-Иртышья были сформированы кластеры вещей, отражающие три последовательных этапа развития культуры в регионе. Они обозначены условными названиями: первый — раннебакальский, сохраняющий некоторые позднесаргатские традиции, второй — бакальский, включающий помимо бакальской культуры карымский тип памятников и кушнареновский тип керамики, третий — потчевашско-перейминский, на котором карымский и кушнареновский компоненты культуры исчезают, а в ареал бакальской культуры сдвигается часть потчевашского населения и проникают группы кочевников из степи. Периоды датированы следующим образом: раннебакальский — рубеж III–IV вв. — первая половина IV в., бакальский — вторая половина IV — начало VI в., потчевашско-перейминский — вторая половина VII — вторая половина VIII в. Выделенные этапы не противоречат радиоуглеродным колонкам абсолютных дат с поселений, анализу их планиграфии и вертикальной стратиграфии, соответственно, они могут рассматриваться как

общие для всего региона лесостепного и подтаежного Тоболо-Иртышья.

Для того чтобы использовать данные временные рамки для реконструкции процесса культурогенеза в эпоху раннего Средневековья, необходимо определить и охарактеризовать основные археологические таксоны, которые будут являться составными звеньями историко-культурных процессов в эпоху раннего Средневековья.

Бакальская культура в основном распространена на территории лесостепного Притоболья. В Приишимье и Прииртышье представлена керамическим типом в составе памятников потчевашской культуры. Калибровка и корреляция радиоуглеродных дат поселенческих памятников [Матвеева, Орлова, Рафикова 2009], а также моделирование культурных слоев методами пространственного распределения керамики на опорных городищах Притоболья [Zelenkov, Shibeko, Tretyakov 2019] подтверждают существование хронологического разрыва между бакальскими и юдинскими комплексами. В пользу выделения промежуточного этапа между бакальским и юдинским периодами обитания свидетельствует обнаружение на поселениях керамики потчевашского типа. На притобольских и ишимских объектах она не формирует отдельного слоя, тогда как в подтаежном Прииртышье, например Новоникольское, Красноярское городища, и Приишимье, например Логиновское, Борки-1, зачастую перекрывает бакальский слой. В этом регионе также известны некрополи Лихачевский, Окуневский, Викуловское кладбище, вещевые комплексы которых датируются рамками VI–VIII вв., что соответствует калиброванным радиоуглеродным датам.

На данный момент мы можем указать на несколько регионов и культур, население которых повлияло на сложение бакальской.

Очевидна связь памятников Притоболья с позднесарматским миром Приуралья (памятники типа Турбаслы и Харино) и культурой Джетыясар в гуннскую эпоху. Об этом свидетельствуют распространение характерных для Восточной Европы и Приаралья типов ременной гарнитуры и украшений, высокий коэффициент сходства элементов погребального обряда, выраженных в формах могил, ассортименте и способе размещения инвентаря, деталей поминальных действий, а также общие навыки в гончарной технологии. Появление вещей геральдического стиля в погребениях Перейминского-1 и на городище Усть-Терсюк-1 косвенно указывает на контакты с миром кочевников.

О прямом присутствии номадов в VII–VIII вв. свидетельствуют единичные погребения могильников Хрипуновский и Усть-Суерка-1, случайные находки в местечке Ингала [Боталов 2016: 516–517]. Из-за малочисленности данные могилы вошли в группу источников потчевашско-перейминского периода. Это одиночные и коллективные могилы на древнем горизонте или впускные в ранние курганы, с юго-западной ориентировкой и оружием. В них отсутствуют характерные для региона типы керамики, чем они резко отличаются от остальных погребений. Это позволяет предполагать, что в начале тюркской эпохи Притоболье в целом сохраняло установившуюся в эпоху Великого переселения народов систему расселения автохтонов, по которой они занимали долины рек, а кочевники расселялись отдельными анклавами только в остепненной зоне, используя пойменные луга с многочисленными старичными озерами и необжитые земли близ соленых озер в качестве пастбищ. Для нас интересно, что письменные источники по суммарным данным VIII–IX вв. характеризуют земли севернее кимаков

и отделившихся от них и расселившихся западнее их хифчахов и к северу от печенегов как необитаемые [Кулешов 2020: 277]. По-видимому, речь идет о районах нынешнего Северного Казахстана.

Карымский тип памятников нижнеобской культуры распространен в северной части Притоболья и Приишимья, а в лесостепном регионе представлен только примесью керамики на поселениях бакальской культуры. Его погребальный обряд зафиксирован в конце первой половины IV в. в одном из ранних некрополей — Козлов Мыс-2 — и существует до первой половины VI в. по данным могильника Усть-Тара-VII. Эти памятники оставило население, либо переселившееся из Нижнего Приобья, либо сформировавшееся там на позднекулайской основе к IV в. Они преемственно развивали кулайскую (саровскую) технологию строительства компактных укрепленных поселений с подквадратными полуземлянками, которая нашла позднее продолжение в потчевашском домостроительстве. Присутствие карымской керамики в комплексах бакальского типа (например, Ипкульский, Устюг-1 могильники, Коловское городище) и позднее в потчевашских (Борки-1, Красноярское городище, Лихачевский могильник) говорит о синхронности проживания носителей разных традиций и влиянии таежной культуры на население лесостепи. Косвенным подтверждением последнего тезиса являются сосуды, украшенные синкретичными мотивами, имеющие аналогии как в лесостепной, так и таежной керамике.

Потчевашская культура сложилась на базе карымского типа памятников с участием автохтонного лесостепного компонента. Населением VI–VIII вв., как и предшествующим, практиковались и кремация, и ингумация, умерших обертывали в берестяные полотна, клали коробочки с украшениями,

орнитоморфные подвески. Вероятно, существенное влияние на формирование почтевашского типа памятников оказали группы номадов, связанные с раннегосударственным объединением Тюркского каганата, судя по смене моды на пояса, западной ориентировке могил. Обнаружение в кочевническом Бобровском могильнике и на ряде поселений Северного Казахстана таежной посуды косвенно подтверждает связи между подтаежным и степным населением. Микшированный состав культурного комплекса с элементами таежного, степного и лесостепного происхождения хорошо проявляется и в многокомпонентном антропологическом облике населения Прииртышья, в чертах которого преобладает таежный монголоидный вклад¹⁴.

Поскольку у оригинальной кушнаренковской керамики не оказалось тесной связи ни с одним из типов погребений или жилищ, рассматриваем ее как тип артефактов. При этом она существенно отличается от кушнаренковско-караякуповской посуды Приуралья. Технология ее производства имеет степное происхождение, на что указывают плоскодонность, дополнительные функциональные части в виде ручек и защипов для подвешивания, ангобирование, лощение, специфичность декора. Полагаем, что кушнаренковский тип керамики — это импорт и сосуды-подражания ему, материальное свидетельство взаимодействия аборигенов Тоболо-Ишимья и кочевников степи на протяжении IV–VII вв.

Итак, можно выделить этапы развития по смене доминирующих типов памятников и сформировать представление о культурных новациях, привнесенных в Тоболо-Иртышье группами кочевников. На рубеже

III и IV вв. и в начале IV в. завоевания гуннов и засуха пастбищ привели к нестабильности экономико-политической ситуации в евразийских степях. Вследствие этого в экономических отношениях населения саргатской культуры с территориями Средней Азии и Причерноморья, включавших караванную торговлю, в том числе, сбыт рабов и мехов, возник кризис, а ее элита была втянута в междоусобные войны в степях. Данные события разрушили политическую структуру и относительное культурное единство регионов лесостепной Западной Сибири. Существенные миграции народов, а затем формирование кочевых государств тюрков на периферии культур западной части Западной Сибири определили направленность трансформации культуры и динамику связей между племенами Западной Сибири и внешним миром.

Ядро культуры жителей лесостепи Приоболья, оставивших бакальские памятники, состояло из наследия предыдущей эпохи, что проявилось в сохранении системы расселения вокруг центров многоотраслевой экономики. Для стабильной эксплуатации территорий и контроля за главными торговыми артериями — реками Исеть и Тобол — по террасам были воздвигнуты городища с развитой системой оборонительных укреплений. Мощностъ фортификаций возросла, хотя численность общин, судя по площади памятников, осталась прежней, в находках присутствуют предметы вооружения, указывающие на учащение военных столкновений. Вплоть до конца раннетюркской эпохи данная территория была зоной контактов, обмена и торговли лесных обитателей и степных кочевников. Это проявляется в сочетании в культурных слоях поселений и могильников керамики таежной и степной традиций с основной серией материалов, отдельных захороне-

¹⁴ См. главу 1 «Таежное Приобье в раннем Средневековье во второй половине IV — IX в.» в данном издании.

ниях с конем, распространении вторичных захоронений и тугого пеленания покойных в ковры и циновки. Вследствие увеличения конкуренции за пастбища образ жизни изменился в сторону большей подвижности, что аргументируется кратковременностью обитания на городищах и селищах. Адаптация к новым условиям жизни проявилась в разборных жилищах типа юрт, наземных срубных домах малой площади с печами-чувалами и подпольями для припасов, занятиях по плетению циновок, валянию войлока, сопровождению караванов и, вероятно, в кочевом образе жизни социальной верхушки. Расовый состав населения также существенно изменился по сравнению с ранним железным веком, но сохранил значительную долю европеоидности, восходящую к саргатскому прошлому данной общности. Однако он демонстрирует и включения таежного монголоидного элемента¹⁵, видимо, за счет брачных связей с карымскими мигрантами, расселявшимися по северной границе бакальского ареала.

На северо-востоке рассматриваемого региона, в подтаежном и таежном Прииртышье, со второй половины IV в., долины рек были заняты памятниками карымского типа. Особенность протекания культурных процессов здесь является следствием более влажных и прохладных природных условий, что привело к развитию карымского анклава нижеобской культуры. Население его сочетало занятия промыслами с посредничеством в меховой торговле с кочевниками Верхнего Иртыша.

К началу-середине VI в. в отличие от Притоболья, Прииртышье испытыва-

ет очередные изменения в материальной культуре, складывается потчевашская культура, сочетающая карымское наследие с новациями. Ее формирование происходит в обстановке уменьшающейся континентальности климата и развития смешанных лесов. Так, появляется способ размещения тел умерших в деревянных гробах, северная ориентировка покойных сменяется на северо-западную и западную. Распространяется мода на пояса, в том числе на геральдическую их разновидность. Новации в погребальном обряде наглядно демонстрируют влияние культуры ранних тюрков. Особенно ярко заимствования престижных вещей отразились в материалах южнотаежных Окуневского и Лихачевского могильников в Прииртышье и Приишимье, а смешение тюрков с местным населением — в могильниках Барабы VIII в. Вероятно, население Прииртышья и Барабы со второй половины VI в. стало одним из контрагентов торговли и реципиентами политического влияния Первого Тюркского каганата. А во времена Уйгурского каганата оно оказалось в ситуации взаимодействия с сепаратистскими группами кимаков и кыпчаков, ведших войны с уйгурами в середине VIII в., а также тогуз-огузов, которые граничат с первыми в Приаралье [Кляшторный 2016: 191].

Исчезновение бакальской культуры в IX в., вероятно, связано с борьбой печенегов и огузов за земли Приаралья в VIII–IX вв. Первые, как потерпевшие поражение, продвинулись по долине Среднего Тобола с юга, а кыпчаки и кимаки с востока в это же время. Предполагаем, что в степной зоне Северного Казахстана и Южного Зауралья начался этногенез мадьяр на основе образовавшегося там смешанного населения. При этом он проходил именно в степной зоне (см. рис. 34),

¹⁵ См. главу 4 «Антропологический состав населения в западной части Западной Сибири в эпоху раннего Средневековья» в данном издании.

а не в лесостепи, поскольку антропологические данные свидетельствуют о расселении в лесостепных районах микшированного населения с преобладанием монголоидного таежного краниологического комплекса. По-видимому, бакальский и перейминский компоненты были в числе прочих, сформировавших караякуповское сообщество.

На нынешнем уровне изученности зауральской лесостепи представляется, что бакальская культура была оставлена населением, преемственно развивавшимся на автохтонной основе с включением не-

скольких групп северных и южных мигрантов, что, вероятно, могло запустить процесс нового этногенеза. Население разных социальных статусов вело кочевой, полукочевой и полуседлый образ жизни, организуя оборону своих земель серией военных форпостов на мысах больших рек и караванную торговлю с Центральной Азией. К сожалению, элитарная культура данного населения не изучена, и характер политического и экономического взаимодействия со степными кочевниками не достаточно ясен.

Глава 3

ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I тыс. н. э.

Территория Среднего Зауралья в ландшафтном отношении разделяется на два района: горно-лесное Зауралье, включающее в себя восточные склоны Уральских гор, в верховьях рек Туры, Пышмы и Исети, и лесное равнинное Зауралье — в среднем и нижнем течении рек Тавды, Туры и Пышмы.

В 50-е гг. XX в. В. Н. Чернецовым была разработана периодизация средневековых древностей Нижнего Приобья [Чернецов 1957: 137, 138], в которой он обращался к материалам сопредельных территорий, рассматривая их как одну историко-культурную область. Так, исследователь датировал изученные им на Андреевских озерах Козлов Мыс-2 и Перейминский могильники IV–V вв., в рамках существования карымского этапа [Там же: 176]. Кроме того, сходство орнаментальных схем керамической посуды Перейминского могильника и городища Жилье, выполненных в гребенчато-шнуровой технике, позволило автору сделать предположение о культурном единстве южнотаежных памятников городищ Андрушин городок, Богандинское и Молчановское с уже упомянутыми. Молчановское городище исследователь рассма-

тривал в рамках кинтусовского этапа, датировав его материалы не ранее X в. по вещам обнаруженного в окрестностях клада, состоящим из зооморфных браслетов (см. рис. 64, 9) и бронзовых котлов [Чернецов 1957: 176]. Разнообразие керамического материала позволило исследователю выделить так называемый молчановский тип посуды, для которой характерны орнаменты, выполненные с помощью мелкозубчатого отступающего штампа. Автор датировал его в рамках существования кинтусовского этапа (X–XIII вв.), отмечая, что данный тип не встречается в материалах более ранних родственных комплексов, к которым он относил городище Жилье [Там же: 221].

Для горно-лесного Зауралья Е. М. Берс предлагала объединить известные на тот момент памятники: Петрогром, Мотаиха, Чертово городище, Шарташские каменные палатки, а также могильники Калмацкий Брод и Аятский, датированные ею IV–V вв., в калмацкую археологическую культуру [Берс 1963: 107]. Однако данное наименование не закрепилось в научной литературе.

Значительное пополнение источниковой базы материалами эпохи Средневековья,

а также раскопки целой серии памятников в лесном Зауралье, таких как поселения Туманское-I, Тынское-I, Юдинское городище и селище, Ирбитское городище и др., позволили В. Д. Викторовой детализировать историко-культурную ситуацию в регионе и предложить периодизацию, по которой в первой половине I тыс. н. э. на территории Зауралья существовало три типа памятников: прыговский, туманский и батырский, позднее, в VI–IX вв., они сменились молчановскими и тынскими [Викторова 1969: 12–18]. В X в. на территории Зауралья распространяются памятники юдинской культуры, связываемой с этногенезом манси, генезис которых восходит к культуре местных коллективов VI–IX вв. [Викторова 1968: 252]. В начале 70-х гг. XX в. В. Н. Чернецовым при обсуждении памятников Среднего Урала было введено в оборот понятие «петрогромский тип керамики», который предварительно датирован началом II тыс. н. э. [Чернецов 1971: 40].

Точку зрения В. Н. Чернецова о существовании на территории Зауралья этнокультурной общности с традицией гребенчато-шнуровой орнаментации керамики разделял В. А. Могильников, считавший, что оформление культуры предков манси, которых он, как и В. Д. Викторова, видел в материалах юдинской культуры [Могильников 1974: 71; 1987: 175], произошло еще во второй половине I тыс. н. э. К числу памятников этого периода (молчановского типа) в нижнем течении рек Тавды и Туры автором было отнесено 17 комплексов, в том числе Перейминский могильник, хронологические рамки которого пересмотрены. Сначала некрополь был датирован VIII — началом IX в. [Могильников 1974: 69], однако позднее границы были сдвинуты до VII–VIII вв. [Могильников 1987: 167], тем самым определив нижнюю хронологическую позицию данного типа памятников

VII в. Позднее В. А. Могильников предлагал выделять вместо молчановского типа памятников молчановскую культуру [Могильников 1994: 65]. Западнее ареала распространения материалов молчановского типа, на территории горного Урала, он локализовал памятники петрогромского типа, большинство из которых представлено отдельными местонахождениями шнуровой керамики с валиковыми налепами, а также металлургическими площадками и культовыми местами. Сомневаясь в ранней датировке Аятского могильника, В. А. Могильников относил его к кругу памятников петрогромского типа, общая хронология была определена им рубежом I–II тыс. н. э. [Могильников 1987: 179].

В начале 90-х гг. XX в. В. Д. Викторовой и В. М. Морозовым в совместной работе была детализирована историко-культурная ситуация на территории Среднего Урала и Зауралья в эпоху позднего железного века, в основе которой лежала периодизация 60-х гг. XX в., разработанная В. Д. Викторовой. По их мнению, регион в середине I тыс. н. э. занимала единая культурная область с традицией гребенчато-шнуровой орнаментации керамической посуды. В V–VI вв. территорию горно-лесного Зауралья заселяли представители батырского типа памятников, к комплексам которого исследователи относят грунтовые захоронения могильников Калмацкий Брод и Аятский [Викторова, Морозов 1993: 183]. В это же время в лесном Зауралье на кашинско-прыговской и тынской базе формируются памятники молчановского типа с традицией гребенчато-шнуровой орнаментации [Там же: 183]. Соавторы отметили, что помимо бассейнов рек Туры и Тавды отдельные находки посуды молчановского типа встречаются на памятниках горно-лесного Урала, например Петрогром и Чертово городище, тем самым расширяя ареал распростране-

ния находок этого типа на запад. Обращаясь к обсуждению петрогромского типа памятников, соавторы, проанализировав керамические комплексы горно-лесного Зауралья I–II тыс. н. э., выделили «классический» петрогромский тип керамики. Так, для него характерны круглодонные сосуды с прямой высокой шейкой, плоским или наклонным широким бортиком и внутренним карнизом по борезу. Орнаментация посуды чаще всего представлена отпечатками шнура, ромбической сеткой, а также вертикальными столбиками гребенчатого штампа, встречаются отпечатки фигурных штампов. Декор, помимо шейки и тулова, часто покрывал внутреннюю часть венчика [Викторова, Морозов 1993: 186]. В хронологическом плане памятники петрогромского типа были помещены между памятниками батырского типа и юдинской культуры, во вторую половину I тыс. н. э. [Там же: 188].

Позже, при публикации материалов памятника Останец Старичный, В. Д. Викторова совместно с С. Е. Чаиркиным обратилась к вопросу хронологии памятников второй половины I тыс. н. э. горно-лесного Урала, определяя рамки существования батырского типа памятников V–VI вв., а петрогромского — VI–IX вв. [Викторова, Чаиркин 1999: 188]. Такая хронология петрогромских памятников хорошо согласуется с находками характерной заталькованной керамики на памятниках неволинской культуры Приуралья. И. Ю. Пастушенко отмечает, что на территории Сылвенско-Иренского поречья данная посуда может быть датирована в рамках VI–VIII вв. [Пастушенко 2004: 116].

В. М. Морозовым в 2004 г. были подведены итоги почти 40-летнего изучения петрогромской проблематики. Автором также проведено сопоставление основных таксономических понятий: «петрогромский тип керамики», «петрогромский тип памятников», «петрогромская культура» [Морозов 2004: 112]. Исследователь скло-

нился к выделению памятников VI–IX вв. горно-лесного Урала в отдельную петрогромскую культуру. Позже, проводя характеристику погребальных комплексов раннего Средневековья горно-лесного Урала, он на материалах могильника Калмацкий Брод выделил ранний калмацкий этап петрогромской культуры [Морозов 2006: 12]. Обращаясь к позднему этапу существования памятников петрогромской культуры, В. А. Морозов высказал предположение, что в начале II тыс. н. э. часть петрогромского населения мигрировала на запад, а другая «растворилась» в среде носителей юдинской культуры [Морозов 2004: 112].

Перевод памятников петрогромского типа в разряд культуры поддержали В. Д. Викторова и В. Ф. Кернер, считавшие, что на территории горно-лесного и лесного Зауралья в VI–IX вв. проживало «три объединения угорских племен». Данные племена соавторы соотнесли с тремя уже не типами памятников, а археологическими культурами, а именно: молчановской (в среднем течении рек Туры и Тавды), тынской (в верховьях Туры и Тавды) и петрогромской (на территории горно-лесного Урала) [Викторова, Кернер 2009: 99, 100]. По их мнению, культурно-хозяйственный тип населения горно-лесной и лесной части разительно отличался: представители молчановской культуры являлись оседлыми скотоводами, рыболовами и охотниками, в то время как носители петрогромской культуры, вероятно, были кочевыми металлургами, зимовавшими в Сылвенско-Иренском поречье Приуралья [Там же: 101].

При анализе материалов культового комплекса Кокшаровский холм А. Ф. Шорин, А. П. Зыков и Е. В. Вилисов пришли к выводу, что он относится к батырскому типу памятников. В этот круг (VI–VIII вв.) помимо Кокшаровского холма они включили могильники Калмацкий Брод, Аятский-1 и Исетское-ХША. Исследователи предлага-

ют объединить массив памятников Среднего Зауралья в самостоятельную батырскую культуру VI–VIII вв., имеющую общие корни с носителями нижнеобской историко-культурной общности [Шорин, Зыков, Вилисов 2013: 126].

В ходе недавних работ А. В. Гордиенко было исследовано несколько средневековых комплексов в лесном Зауралье, таких как городище Боровиковское и Красный Яр. На основании материалов этих памятников автор работ безосновательно расширяет верхнюю хронологическую границу батырской культуры до IX–X вв. [Гордиенко, Приходько 2017б: 119].

Планомерные археологические изыскания по памятникам Средневековья в начале 2000-х гг. способствовали вовлечению в обсуждаемую проблематику новых источников. Так, раскопками под руководством Н. П. Матвеевой был исследован ряд юдинских городищ: Барсучье, Криволукское, Святой Бор-V; могильник Хрипуновский и др. Кроме того, Т. Н. Рафиковой проведены раскопки на эпонимном памятнике молчановской культуры — Молчановском городище [Рафикова 2010: 161–164], обсуждаемом ранее лишь на основании сборов археологического материала. С увеличением числа изученных комплексов возникла возможность детализации хронологических рамок средневековых культур Зауралья, что было предпринято Н. П. Матвеевой, Л. А. Орловой и Т. Н. Рафиковой, которые попытались соотнести накопленные на тот период серии радиоуглеродных дат с культурными напластованиями эпохи Средневековья. В частности, ими было предложено объединить молчановские и юдинские древности в единую юдинскую культуру VII–XIV вв. [Матвеева, Орлова, Рафикова 2009: 150]. Позднее данную гипотезу в своих работах развивает Т. Н. Рафикова. Так, анализируя керамический комплекс святилища Песьянка-1, она отмечает развитие орнаментальных тра-

диций от разнообразия композиционных схем с узорами, выполненными в гребенчатой и фигурно-штампованной технике, в раннем Средневековье к упрощенным гребенчато-шнуровым узорам в развитом Средневековье. Это обстоятельство позволило исследователю говорить о единой линии в лесном Зауралье древностей раннего и развитого Средневековья, в которой в рамках юдинской культуры VII–XIII вв. она выделяет ранний молчановский этап, датируя его VII–IX вв. [Рафикова 2015: 69]. Этой же точки зрения Т. Н. Рафикова придерживается в совместной статье с О. М. Аношко по материалам курганного могильника Заводоуковское-3. На основании данных радиоуглеродного анализа и находок шнуровой керамики рассматриваемый некрополь определен как синхронный комплексам Перейминского могильника и маркирует, по их мнению, нижнюю хронологическую границу юдинской культуры, ее молчановского этапа, VII в., возможно, концом VI в. [Аношко, Рафикова 2017: 57, 58].

На позицию В. А. Могильникова, В. Д. Викторовой и В. Ф. Кернер встал А. В. Гордиенко, который на основании материалов городищ Антоново-1, Пламя Сибири-6 и -7 обосновывал существование в Среднем Зауралье отдельной молчановской (в ранних работах — молчановско-андрюшинской) культуры VI–IX вв. [Гордиенко 2013а; 2016: 88]. К ней он отнес 20 памятников, в том числе надежно датированные в рамках IX–XIII вв. городища Барсучье и Черепаниха-2, а также святилище Песьянка-1. Не сумев выявить разновременные эпизоды обитания на поселениях, А. В. Гордиенко внес путаницу в хронологию зауральских древностей. По его мнению, молчановская культура является результатом синтеза зеленогорской, батырской, бакальской, кушнаренокской, ломатовской, полумской, неволинской, кашинской и петрогромской культурных традиций [Гордиенко 2013а;

2016: 88]. Многокомпонентностью автор объясняет разнообразие орнаментальных схем керамического комплекса изученных им памятников. Любопытно, что основной массив датирующего инвентаря IX–XII вв. из культурных слоев городищ Пламя Сибири-6 и -7 он связывает со святилищем, функционировавшим на площадке городища в развитом Средневековье в юдинское время [Гордиенко 2013б: 124, рис. 1, 1–11].

Несмотря на то что характеристике особенностей памятников раннего и развитого Средневековья посвящен значительный массив работ, в частности Н. П. Матвеевой, Е. А. Зайцевой, Т. Н. Рафиковой (Бахаревой), И. Ю. Чикуновой, Н. П. Туровой и А. С. Якимова [Матвеева, Бахарева 2004; Матвеева, Зайцева 2004; Матвеева, Пластева, Чикунова 2013; Матвеева, Рафикова 2005; Рафикова 2015; Турова 2020; Чикунова, Якимов 2012], на сегодняшний день все еще не выработаны общая типология керамического материала молчановского и юдинского типов, классификация жилищ и оборонительных сооружений.

С. Г. Боталов, характеризуя историко-культурную ситуацию в Зауральском регионе, выделяет несколько этапов, связанных с продвижением угорского населения в лесостепь Зауралья. Так, первый этап IV–VII вв. — «карымско-зеленогорский»; второй VII–VIII вв. — «батырско-подчешавский»; третий IX–XIII вв. — «петрогромско-юдинский». Обращаясь к соотношению батырских и петрогромских комплексов, автор высказывает важное предположение, что памятники батырского типа стоит рассматривать в качестве раннепетрогромских вследствие малого количества отличительных признаков между ними [Боталов 2019: 140]. В свою очередь, истоки формирования юдинской культуры исследователь находит в памятниках петрогромского типа [Там же: 139].

Как мы видим, на территории лесного и горно-лесного Зауралья выделены три традиции — молчановская, батырская и петрогромская. До сегодняшнего дня открытым остается вопрос статуса молчановских древностей, понимание которых претерпело за более чем 50 лет ряд терминологических изменений от типа керамики до отдельной культуры или этапа культуры. Кроме этого, большинство исследователей склонно считать, что памятники юдинской культуры развитого Средневековья восходят к молчановскому типу памятников. Поскольку большинство поселений лесного Зауралья имеют несколько строительных горизонтов, а погребальные памятники этого времени малочисленны, весьма актуальной задачей является выделение комплексов материальной культуры, характерной для памятников молчановского типа. Открытым остается вопрос хронологии средневековых памятников Зауралья и переходного периода от раннего Средневековья к развитому.

Материалы горно-лесного Зауралья демонстрируют две линии развития — батырскую и петрогромскую. Исходя из этого, некоторые исследователи рассматривают батырские памятники в качестве предшествующих петрогромским, однако фиксация разнокультурного материала в культурных слоях одних и тех же памятников актуализирует вопрос хронологии батырских и петрогромских древностей в горно-лесном Зауралье.

Прежде чем перейти к характеристике источников, стоит отметить, что большинство памятников второй половины I тыс. н. э. исследованы рекогносцировочно, поэтому автор не мог дать статистический анализ керамического материала и погребального обряда. Ввиду этого мы лишь наметили основные тенденции развития средневекового населения Среднего Зауралья, требующие верификации в дальнейших работах.

К вопросу о молчановском типе памятников

Рассмотрим источники для выделения самостоятельного типа. В. Д. Викторовой первоначально к молчановскому типу памятников было отнесено 15 комплексов, исследованных исключительно разведками [Викторова 1969: рис. 42]. Позднее добавились городище Дуванское-1, поселения Дуванское-2а и Придуванское [Могильников 1987: карта 30], Чертово городище и гора Петрогром [Викторова, Морозов 1993: 180], городища Антоново-1, Пламя Сибири-6 и -7, Красный Яр, курганный могильник Заводоуковское-3, святилище Песьянка-1 [Аношко, Рафикова 2017; Гордиенко 2016; Гордиенко, Приходько 2017б; Рафикова 2015]¹⁶.

Следовательно, на сегодняшний день к молчановскому типу можно отнести 27 памятников, включающих 18 городищ, 3 селища, 2 могильника, одно святилище и 3 местонахождения фрагментов керамической посуды (см. рис. 59). Шестнадцать из вышеперечисленных комплексов были изучены стационарными раскопками,

¹⁶ Недавно в свет вышла монография А. В. Гордиенко «Средневековые Западной Сибири и Европы». В ней один раздел посвящен молчановским памятникам. В работе объединено около 40 комплексов, в состав которых помимо достоверно датированных абсолютными и относительными методами памятников юдинской культуры (Барсучье, Святой Бор-V, Черепаниха-2) были включены местонахождения керамики молчановского типа [Гордиенко 2019б: рис. 44]. Большинство их не отражены в публикациях, а также не фигурируют в отчетах о полевых изысканиях. Поэтому во избежание заблуждений мы не стали принимать во внимание бездоказательную информацию.

на них мы и попытаемся сконцентрировать свое внимание.

Базовый источник — это городище Жилье на Андреевском озере с тремя жилищами, представительным комплексом керамики, украшенной в гребенчато-шнуровой технике [Чернецов 1957: 176–179]. На близлежащем Андрюшином городке также были исследованы остатки нескольких полуземлянок площадью до 100 кв. м. Раскопки фортификационных сооружений городища показали три эпизода их перестройки [Мошинская, Чернецов 1953: 94]. При раскопках Юдинского городища стратиграфически было выделено три разновременных средневековых комплекса — макушинский, юдинский и молчановский. К самому раннему молчановскому времени В. Д. Викторова отнесла остатки полуземлянки, выполненной в срубной технике. Кроме того, на прилегающем к городищу селище ею было зафиксировано несколько золистых линз с включениями кальцинированных костей животных и фрагментов сосудов молчановского типа, возможно, остатки культового места [Викторова, Кернер 1988: 136]. На Молчановском городище раскопаны две жилые постройки, выполненные в каркасно-столбовой технике. Жилища содержали разнообразные находки: железные и костяные ножи, наконечники стрел, фрагменты металлической посуды, металлопроизводственный инструмент и др. [Рафикова 2007б].

Таким образом, для жилых построек характерны полуземлянки прямоугольной и квадратной форм, имеющие каркасно-столбовую и срубную конструкцию. Постройки отапливались глинобитными чуваками и открытыми очагами. Жилища имеют площадь 20–30 кв. м, за исключением крупного сооружения на городище Андрюшин городок.

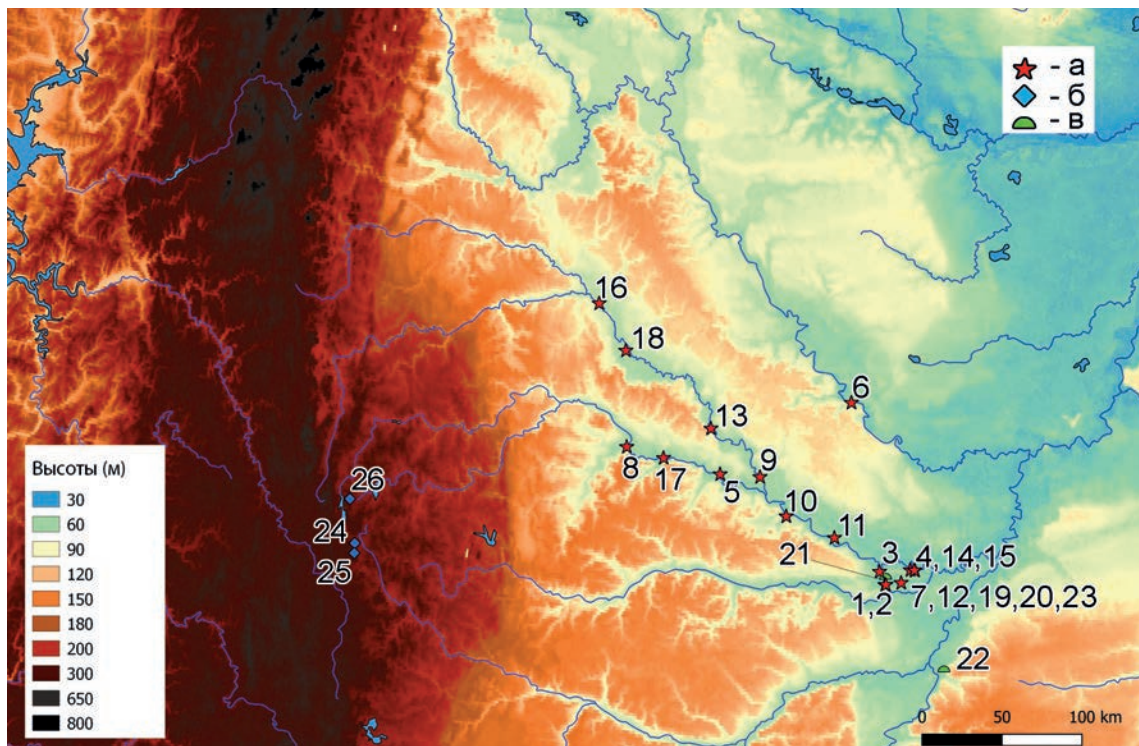

Рис. 59. Схема расположения памятников молчановского типа:

1 — городище Андрушин городок; 2 — городище Жилье; 3 — городище Антипинское; 4 — городище Антоново-1; 5 — городище Боровиковское; 6 — городище Булатово; 7 — городище Дуванское-1; 8 — городище Ирбитское; 9 — городище Красный Яр; 10 — городище Липчинское; 11 — городище Молчановское; 12 — городище Мулашинское; 13 — городище Петровское; 14 — городище Пламя Сибири-6; 15 — городище Пламя Сибири-7; 16 — городище Санкино; 17 — городище, селище Юдинское; 18 — городище Куртумовское; 19 — поселение Дуванское-2а; 20 — поселение Придуванское-1; 21 — могильник Перейминский; 22 — могильник Заводоуковское-3; 23 — святилище Песьянка-1; 24 — местонахождение Петрогром; 25 — местонахождение Чертово городище; 26 — местонахождение Вершина-1

Условные обозначения: а — городище; б — местонахождение; в — могильник

К погребальным памятникам молчановского типа на сегодняшний день исследователи относят два комплекса. Курганные могильники Перейминский и Заводоуковское-3. Материалы первого в полной мере опубликованы Н. П. Матвеевой [2016а: 114–120]. Недавние исследования курганного могильника Воденниково-1 в лесостепном Приисетье позволили коллективу исследователей Н. П. Матвеевой, Е. А. Третьякову, А. С. Зеленкову высказать гипотезу о принадлежности памятников VII–VIII вв. (мо-

гильники Воденниково-1 и Перейминский) к так называемому «перейминскому» типу памятников [Матвеева, Третьяков, Зеленков 2021]. Как представляется, данная гипотеза исключает Перейминский могильник из сферы основных источников памятников молчановского типа.

Курганный могильник Заводоуковское-3 [Аношко, Рафикова 2017] исследован при раскопках укрепленного поселения эпохи финальной бронзы — Заводоуковское-11, на площадке которого и находились несколь-

ко насыпей. Группа из 18 курганов размерами от 5 до 8 м, высотой 0,2–0,4 м вытянута несколькими цепочками по линии «юго-запад — северо-восток» вдоль береговой террасы старицы р. Ук. Под насыпью одного из курганов была зафиксирована овальная могильная яма размерами 2,75 × 1,85 м, не углубленная в материк (рис. 60, 1). При вскрытии в ее верхнем заполнении обнаружены два детских черепа и отдельные кости скелета, а ниже — останки трех взрослых людей: двух мужчин и одной женщины. Погребение было совершено по обряду ингумации в позе вытянуто на спине. Женщина ориентирована головой на юг, а два других индивида — на юго-запад. Рядом с одним из по-

гребенных зафиксированы семь костяных наконечников стрел (рис. 60, 4–10). Недалеко от могильной ямы находились кострище с фрагментами шнуровой керамики и остатками костей животных. В 4 м от курганной насыпи зафиксировано скопление шнуровой керамики [Аношко, Рафикова 2017: 54–55]. Кроме погребений под курганной насыпью было изучено еще три захоронения вне ее (рис. 60, 2, 3). Они совершены в прямоугольных ямах, впущенных в материк. Как и в предыдущих захоронениях, погребенные находились в позе вытянуто на спине с руками вдоль тела. Покойные ориентированы головой на юго-запад. Находок не обнаружено [Аношко, Рафикова 2017: 55–57].

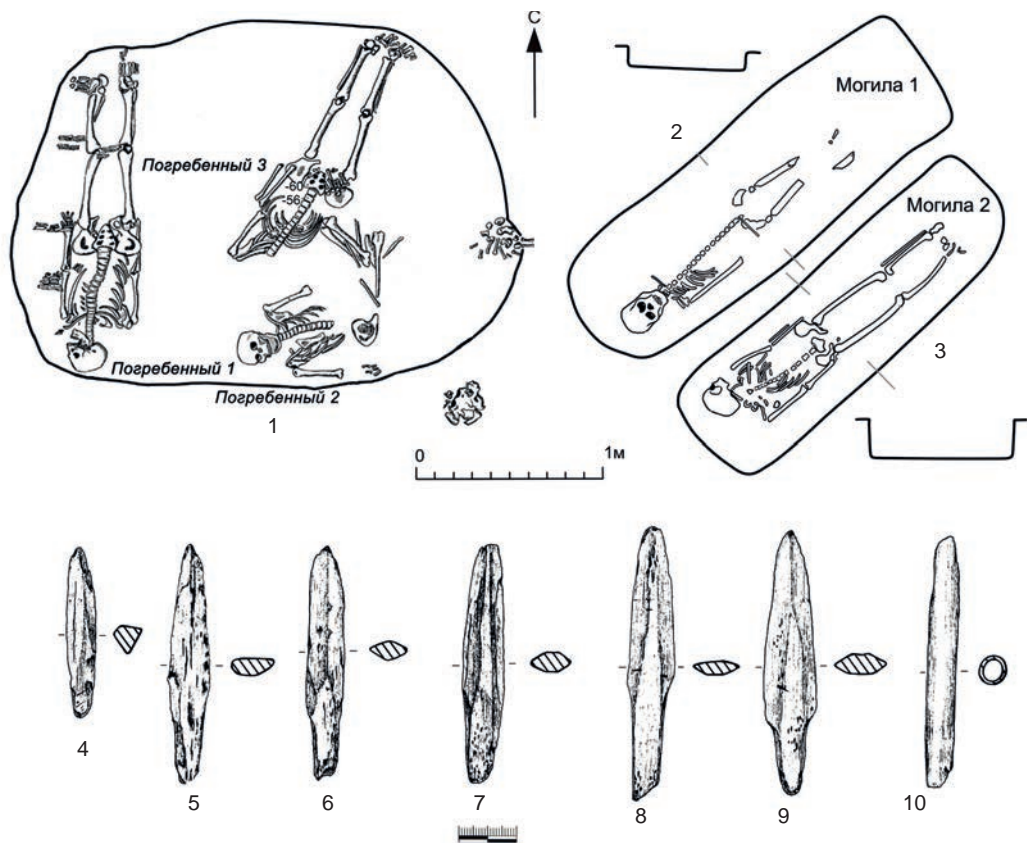

Рис. 60. Погребения и инвентарь могильника Заводоуковское-3:
 1 — захоронение 1 кург. 1; 2 — могила 1; 3 — могила 2;
 4–10 — костяные наконечники стрел из захоронения 1

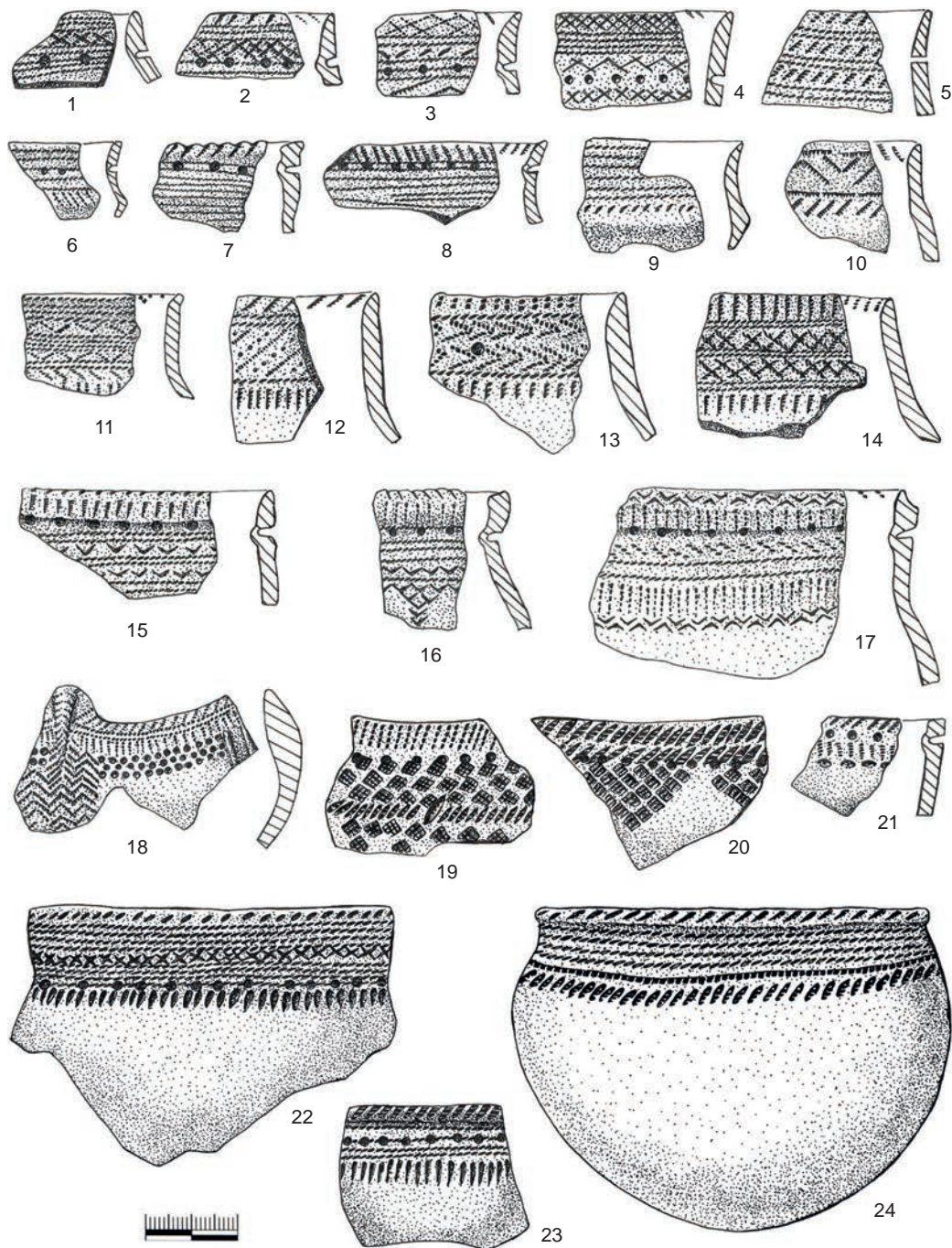

Рис. 61. Керамика молчановского типа с памятников лесного Зауралья
(по В. Д. Викторовой и В. А. Могильникову):

1, 8 — Петровское; 2 — Северо-Урайское; 3 — Муллаши; 4 — Боровиковское;
5, 6, 18 — Ирбитское; 7, 19, 20, 22, 23 — Андрушин городок; 9, 10 — Юдинское; 11 — Санкино;
12–14 — Юдинское селище; 15–17 — Тавдинское; 21 — Антипино; 24 — Жилье

Костище Песьянка-1 на Андреевском озере представляет собой святилище, в культурном слое которого зафиксировано большое количество вещей: керамика, (рис. 62; 65, 1–6, 8–10, 12, 13), украшения (см. рис. 65, 1–6, 8–10, 12, 13), предметы культа (см. рис. 64, 1–4) и др. Автор раскопок предварительно датировал комплекс IX–XIII/XIV вв. [Пархимович 1997: 119]. Т. Н. Рафикова при анализе керамического материала разделила его на две группы — молчановскую и юдинскую, это позволило ей предположить, что святилище возникло

еще в раннем Средневековье [Рафикова 2015: 62].

Керамика. К керамике молчановского типа В. Н. Чернецов относил сосуды, украшенные шнуровыми орнаментами и оттисками мелкозубчатой гребенки [Чернецов 1957: 221], В. Д. Викторова — приземистые круглодонные сосуды, с прямой или наклонной вовнутрь шейкой и заостренным венчиком (рис. 61), украшенные шнуровыми, гребенчатыми и фигурными орнаментами. Тем не менее этими же характеристиками обладает более поздняя посуда юдинского

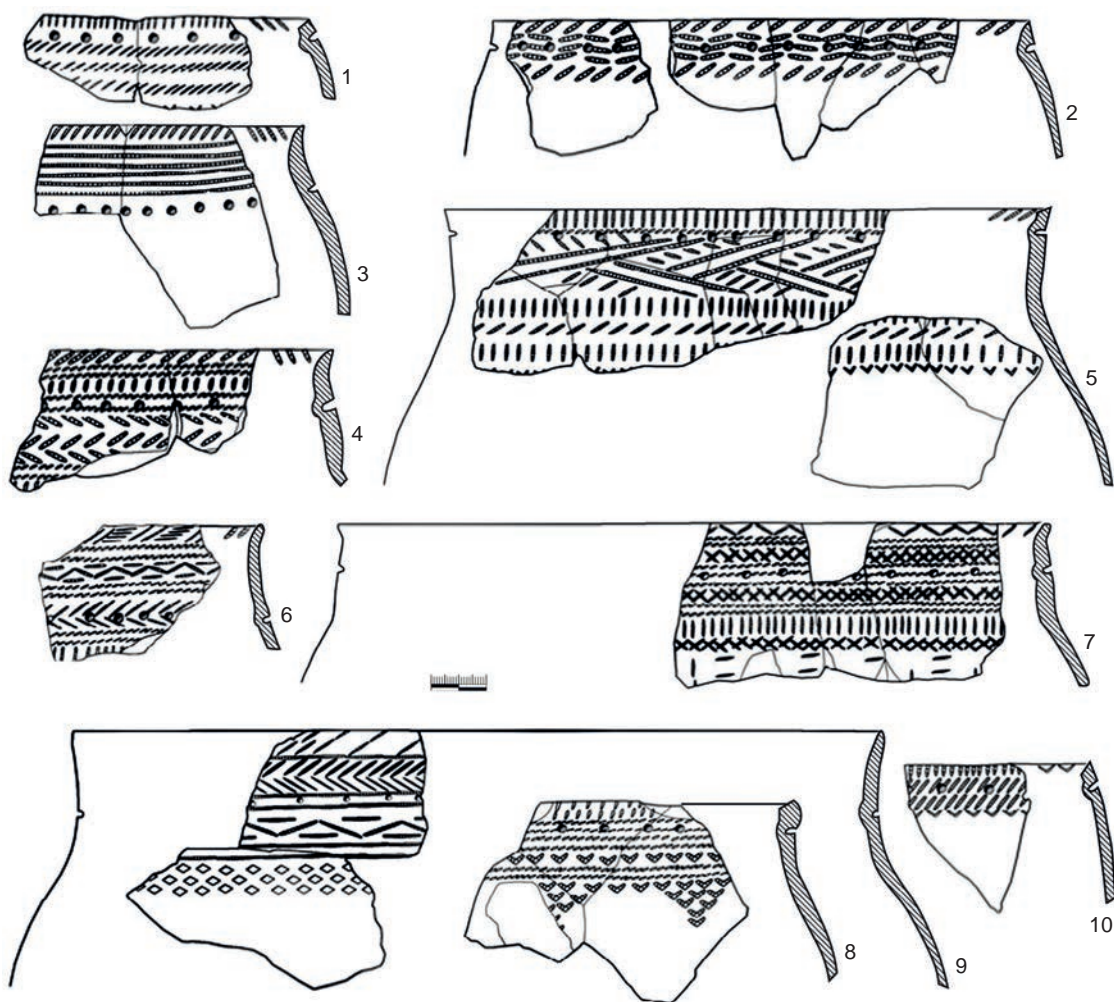

Рис. 62. Керамический комплекс святилища Песьянка-1

типа [Викторова 1969: 15, 17]. Данное сходство Т. Н. Рафикова объясняет тем, что молчановские и юдинские древности составляют единую археологическую культуру. Для раннего (молчановского) этапа характерна посуда, украшенная орнаментами в виде елочки и горизонтального зигзага в гребенчатой технике, а также оттисками шнура и фигурных штампов (см. рис. 62, 7, 9). К посуде развитого Средневековья юдинской культуры относятся сосуды, украшенные оттисками шнура в несколько рядов и наклонными или вертикальными оттисками гребенчатого штампа (см. рис. 62, 1–6, 8, 10) [Рафикова 2015: 69]. Мы придерживаемся позиции Т. Н. Рафиковой, рассматривавшей молчановскую посуду в рамках юдинской культуры, однако с некоторыми уточнениями. В частности, считаем, что нижняя хронологическая позиция данной посуды определяется не ранее IX в.

Хронология памятников молчановского типа. Обращаясь к вопросам хронологии молчановских древностей, прежде всего стоит отметить закрытые комплексы, из которых репрезентативным является Перейминский могильник, хронология его неоднократно пересматривалась. В. Н. Чернецов рассматривал его в рамках карымского этапа IV–V вв. [Чернецов 1957: 176]. В. А. Могильников склонялся к дате VII–VIII вв. [Могильников 1987: 167], Н. П. Матвеева — к VI–VII вв. [Матвеева 2016а: 189]. Наиболее узко датировемыми типами вещей являются бронзовые пряжки с неподвижным щитком пятиугольной формы, с овальной рамкой и подвижным язычком (см. рис. 24, 13). Аналогии имеются в комплексах неволинской и полемской культур Прикамья, в частности в погребениях VII–VIII вв. Неволинского могильника [Голдина 2012: табл. 206, 29] и Агафоновского-I могильника [Там же: табл. 223, 7], а также в погребении VIII в. Полемского-I могильника [Иванов 1997: рис. 18, 15], Маняжского могильника VIII в. [Мажитов 1981а:

рис. 3, 1]. Аналогичные вещи фиксируются в материалах VII–VIII вв. Окуневского-III [Могильников, Конилов 1983: рис. 2, 1; 4, 4; 9, 18] и Лихачевского [Генинг, Зданович 1987: рис. 2, 16] могильников Нижнего Прииртышья. Синхронны бронзовые двухдисковые бляхи, украшенные крупной псевдозернью (см. рис. 24, 34) с аналогиями в кургане 8 Лагереvского могильника, датируемого VIII в. [Мажитов 1981а: рис. 40, 15]. Бронзовая биконьковая подвеска (см. рис. 24, 30) встречена в Маняжском могильнике VIII в. [Там же: рис. 7, 4] и в материалах VII в. Неволинского могильника в Верхнем Прикамье [Голдина 2012: табл. 211, 4]. Таким образом, мы склоняемся к датировке VII–VIII вв., ныне получившей подкрепление в сходстве инвентаря, погребального обряда и керамического комплекса с могильником Воденниково-1 из лесостепного Прииртышья, датированным VII–VIII вв. [Матвеева, Третьяков, Зеленков 2021].

Погребения могильника Заводоуковское-3, к сожалению, бедны инвентарем (см. рис. 60, 4–10). Авторами публикации была предложена датировка в рамках V–VII вв. на основании двух радиоуглеродных дат. Однако стоит отметить, что пробы были отобраны не из заполнения могильных ям, а из кострищ с периферии. Кроме того, сосуды со шнуровой орнаментацией, на основании которых проведена культурная атрибуция могильника, тоже были обнаружены за пределами могильных ям [Аношко, Рафикова 2017: 55–57]. Любопытно, что на поселении Заводоуковское-11, на котором находился могильник Заводоуковское-3, были также найдены фрагменты от бронзовых котлов (рис. 63, 23, 24), появившихся только в IX в. [Руденко 2000: 29–36, 107], а на территории Зауралья они отмечены в конце XI в. [Матвеева и др. 2020: 47, 48]. Кроме котлов в культурном слое поселения был обнаружен бронзовый каплевидный

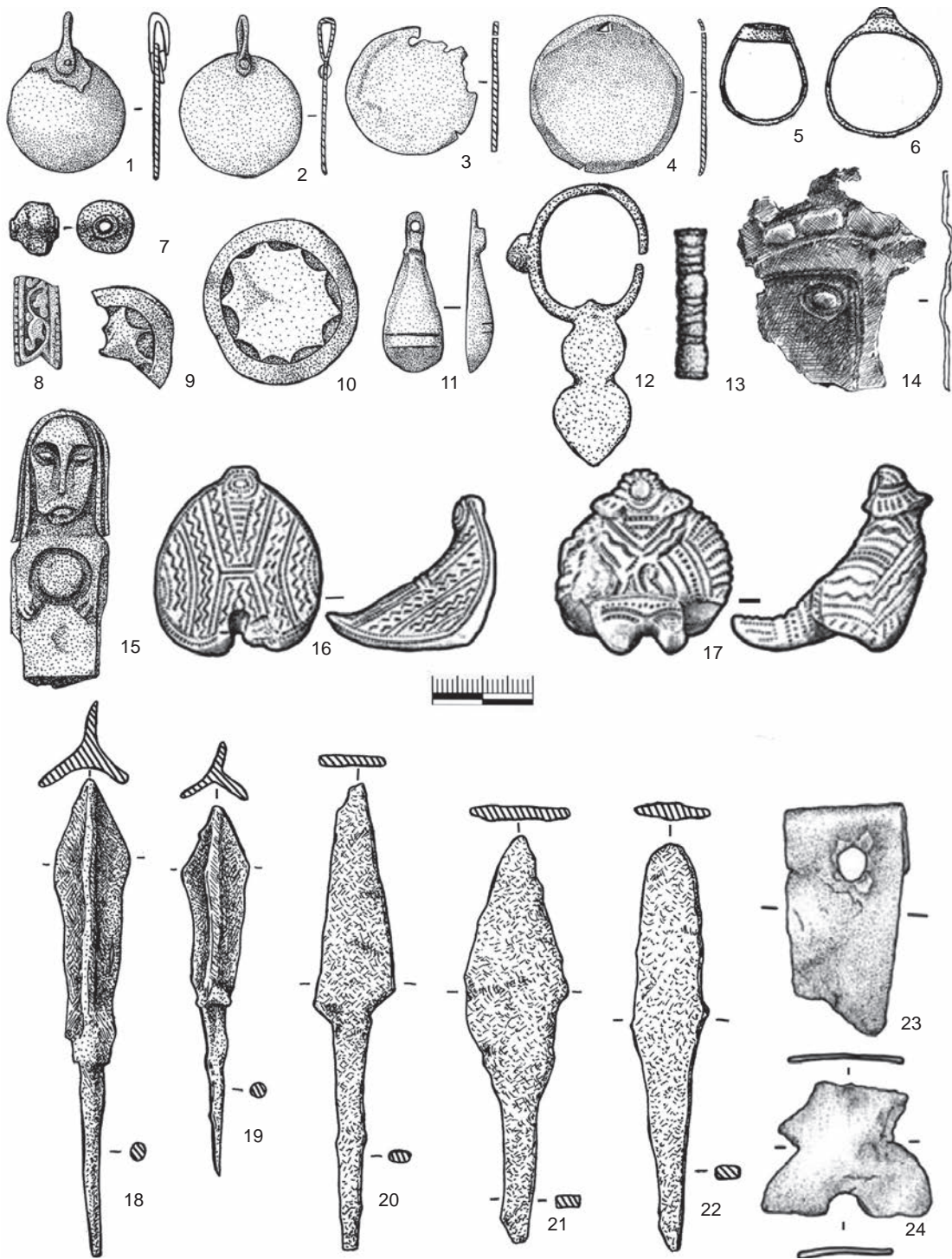

Рис. 63. Вещевой комплекс из памятников лесного Зауралья IX–XII вв.:
 1–4, 14, 18, 19 — Пламя Сибири-7; 5–10, 12, 13, 15, 22 — Пламя Сибири-6;
 11, 23, 24 — Заводоуковское-11; 16 — Жилье; 17 — Андрушин городок; 20, 21 — Антоново-1

полубубенчик (см. рис. 63, 11), аналогичный вешам из Хрипуновского могильника IX–XIII вв. [Матвеева, Берлина, Рафикова 2008: рис. 135, 7–14], Пылаевского XI–XII вв. [Кутаков, Старков 1997: рис. 15], Вак-Кур IX–XI вв. [Турова 2016: рис. 1, 10–17], в Верхнем Прикамье — Рождественского городища X–XIV вв. [Белавин, Крыласова 2008: рис. 193, 1–5] и др.

Исходя из этого, осмелимся предположить, что на месте Заводоуковского-11 в эпоху развитого Средневековья существовало кратковременное поселение, с которым связаны находки шнуровой (юдинской) керамики, поэтому сомнительно, что могильник Заводоуковское-3 является памятником молчановского типа. Другим аргументом позднего возраста могильника являются особенности погребального обряда, а именно не характерная для западносибирских культур раннего Средневековья южная и юго-западная ориентировка покойных.

Вопрос о хронологии поселенческих памятников молчановского типа осложнен недостатком данных. Традиционно относимые к нему Жилье и Андриюшин городок В. Н. Чернецов датировал IV–V вв., однако, отмечая, что Жилье могло существовать значительно дольше и может рассматриваться в рамках оронтурского этапа VI–IX вв. [Чернецов 1957: 176–178]. На более позднюю дату указывают находки двух глиняных фигурок людей в сидячей позе с данных городищ (см. рис. 63, 16, 17). И. Ю. Чикунова датировала такие изображения в рамках IX–XII вв., считая, что основной регион распространения аналогичной антропоморфной пластики связан с территорией Обь-Иртышья [Чикунова 2014: 61, 62]. Молчановское городище В. Н. Чернецов предлагал рассматривать в рамках кинтусовского этапа X–XIII вв. по Молчановскому кладу, происходившему из окрестностей памятника. Данный комплекс включал

четыре широких бронзовых браслета со стилизованными головами медведей (см. рис. 64, 9) и несколько бронзовых котлов [Чернецов 1957: 221].

Принадлежность клада к эпохе развитого Средневековья бесспорна, однако его связь непосредственно с Молчановским городищем не является фактом. В 2000-е гг. в ходе раскопок городища Т. Н. Рафиковой был взят уголь, получены две радиоуглеродные даты, указывающие на VII–IX и VIII–X вв. [Матвеева, Орлова, Рафикова 2009: табл. 2], а среди находок были фрагмент железного котла, который на основании классификации К. А. Руденко может быть датирован X–XII вв. [Руденко 2000: 37–39], и железный черешковый секторный наконечник стрелы IX–XI вв. [Горбунов 2006: рис. 35, 16; Худяков 1986: рис. 64, 41]. По материалам Волжской Булгарии данный тип наконечников относится, по К. А. Руденко, к XI–XII вв. [Руденко 2003: табл. XL, 740, 741], а на территории Северной Руси датируется IX–XI вв. [Медведев 1966: табл. 14, 25; 16, 15; 18, 26]. Исходя из соотношения абсолютных и относительных дат с городища, наиболее убедительной датировкой комплекса считаем IX–XII вв.

Городище Пламя Сибири-6 А. В. Гордиенко датировал VI–VII вв. [Гордиенко 2016: 4], несмотря на то, что в культурном слое памятника зафиксированы предметы IX–XII вв. (см. рис. 63, 8–10, 15). Исследователь соотносит их со святилищем, существовавшим на площади поселения в развитом Средневековье [Гордиенко 2013б: 124], однако следов святилища автор раскопок не упоминает. На наш взгляд, датировка вещевого комплекса значительно занижена. Так, бронзовая литая плоская с восьмерковидным напльвом височная подвеска (см. рис. 63, 12) имеет точные аналогии среди материалов IX–X вв. могильников Хусаиновский, II Бекешевский [Мажитов 1981а: рис. 22, 17;

27, 2; 20; 34, 19, 20], поэтому определяем ее возраст не ранее IX в. Бронзовая трубчатая пронизь с тремя вздутиями и тремя поясками между ними (см. рис. 63, 13) характерна для болгаро-салтовских древностей VIII–IX вв. [Казаков 1992: рис. 13, 10], такие пронизи известны в могильниках Огурдинский, Степаново Плотбище, Рождественский, где датированы IX–XI вв. [Белавин, Крыласова 2008: 434, рис. 202, 40–45], в Лагереvских курганах IX–X вв. [Мажитов 1981а: рис. 40, 19–21], в погребениях IX–XI вв. могильника Вак-Кур [Адамов 2007: рис. 13, 2, 3; 28, 3]. Бронзовый перстень с шинкой из узкой пластинки и прямоугольным шатоном для камня (см. рис. 63, 5) имеет аналогии в материалах Волжской Булгарии XI–XIII вв. [Руденко 2007: рис. 103, 29]. Похожее кольцо бронзовое цельнолитые с имитацией вставки (см. рис. 63, 6) зафиксированы в материалах Южного Урала VIII–X вв. [Мажитов 1981а: рис. 4, 28; 31, 2; 34, 2, 21]. На территории Нижнего Прииртышья подобные кольца встречаются в материалах второй половины VIII — первой половины IX в. [Могильников 1987: табл. LXXVIII, 12]. Железный плоский черешковый наконечник стрелы, с треугольной вытянутой формой пера, полными вогнутыми плечиками и закругленным острием (см. рис. 63, 22) датирован в Поволжье XI–XIII вв. [Руденко 2003: VII, 107], а на Руси — IX–XI вв. и позднее [Медведев 1966: 49].

Таким образом, нет оснований для датировки комплекса ранним Средневековьем, наиболее убедительной датой существования городища Пламя Сибири-6 является диапазон IX–XI/XII вв., что подтверждается сходством его керамического комплекса и могильника Вак-Кур, датируемого в этом же диапазоне [Турова 2020: 94].

Для городища Пламя Сибири-7 автором раскопок предложена дата в рамках VIII–IX вв. [Гордиенко 2016: 4], с чем нельзя

согласиться. Рассмотрим детали костюма и предметы вооружения. Бронзовые и серебряные круглые медальоны-подвески с петелькой для подвешивания (см. рис. 63, 1–4) датируются периодом IX–XI вв. [Белавин, Крыласова 2012: 133], в погребениях Больше-Тиганского и Больше-Тарханского могильников — VIII–IX вв. [Казаков 1992: рис. 13, 21; Халикова и др. 2018: 61], в Танкеевском могильнике — IX–X вв. [Казаков 1992: рис. 65, 2, 3]. На святилище Песьянка-1 — IX–XIV вв. [Пархимович 1997: рис. 1, 5, 9, 10, 12]. Серебряная антропоморфная личина (см. рис. 63, 14) относится к широко распространенному типу изделий в памятниках кингусовского периода IX–XII вв. Нижнего Приобья [Могильников 1987: табл. LXXX–IX, 20; Семенова 2001: рис. 26, 2, 3], устьишимской культуры IX–XIII вв. Нижнего Прииртышья [Могильников 1987: табл. LXXXII, 1–5]. Отдельные аналогии VIII — начала IX в. встречены в материалах рёлкинской культуры Томского Приобья [Там же: табл. XCVII, 3–6], однако по стилю исполнения они отличаются от основной массы приобольских личин. В частности, приобские экземпляры реалистичны по исполнению (пропорциональная голова и тело, наличие конечностей, проработанные элементы костюма), нередко на фигурках запечатлены два и более персонажей. Большое количество бронзовых идолов зафиксировано в культурном слое святилища у села Нечунаево IX–XII вв. [Боталов, Лукиных 2016], на святилище Песьянка-1 IX–XIV вв. (см. рис. 64, 1–4) [Пархимович 1997: рис. 1], также они встречены на городищах Святой Бор-V IX–XIII вв. [Матвеева, Бахарева 2004] и Барсучье IX–XIII вв. [Матвеева, Зайцева 2004]. Железные трехгранные черешковые наконечники стрел, асимметрично-ромбические (см. рис. 63, 18, 19) находят аналогии в памятниках кимаков IX–X вв. [Худяков 1986: рис. 82, 1].

Основываясь на хронологии наиболее узко датированных вещей из рассмотренных, заключаем, что нижняя хронологическая позиция вещевого комплекса городища Пламя Сибири-7 не опускается

ранее IX в., т. е. существовало городище в период развитого Средневековья. Представляется, что все памятники, относимые к молчановскому типу, датируются не ранее IX в.

Рис. 64. Предметы из памятников Среднего Зауралья, выполненные в антропоморфном и зооморфном стилях:

1-4 — антропоморфные личины; 5 — подвеска-фалар; 6, 7 — бляшки-пуговицы;

8 — подвеска-ложечка; 9 — браслеты; 10 — накладка. 1-7 — святилище Песьянка-1;

8 — случайная находка из окрестностей поселка Голышманово; 9 — Молчановский клад (р. Тура);

10 — случайная находка с западного берега оз. Липовое (Тюменский район). 1-10 — бронза

Рис. 65. Предметы из памятников Среднего Зауралья, украшенные растительным орнаментом: 1, 12, 13 — подвески; 2–11 — поясные накладки; 14 — котел. 1–6, 8–10, 12, 13 — святилище Песьянка-1; 7, 11 — городище Черепаниха-2; 14 — случайная находка из окрестностей села Широковское (Далматовский район). 1–13 — бронза; 14 — серебро; 1, 8, 10 — с позолотой

Памятники петрогромско-батырской культуры

Прежде чем перейти к изучению материалов горно-лесного Зауралья второй половины I тыс. н. э., стоит сказать, что мы считаем верным рассмотрение петрогромских и батырских древностей в рамках единой археологической культуры. На это указывают общая хронология петрогромских и батырских памятников, близость погребального обряда и орнаментики керамической посуды двух типов. Тем не менее в данном разделе для наибольшей наглядности мы рассмотрим петрогромские и батырские памятники отдельно друг от друга, а в заключение попытаемся сравнить их и проследить сходство.

К памятникам батырского типа (культуры?) сначала относили 11 комплексов, в числе которых был Перейминский могильник (что вызывает большое сомнение). К сожалению, ни один из них не был исследован раскопками [Викторова 1969: рис. 42]. Позже с ними объединили могильники Калмацкий Брод и Исетское-ХША [Викторова, Морозов 1993: 180], Кокшаровский холм [Шорин, Зыков, Вилисов 2013], городища Красный Яр и Боровиковское [Гордиенко 2017; 2019а], поселение Исетское Правобережное-I, где был изучен металлургический горн IV–V вв., вокруг которого сконцентрирована керамика батырского типа [Викторова, Кернер 2009: 96]. Часть памятников горно-лесного Зауралья представлены местонахождениями керамики батырского типа: Петрогром, Чертово Городище, Вершина-I и -V, Малые вершины Шарташских палаток и Шарташские палатки [Викторова, Морозов 1993: 180]. Таким образом, к памятникам батырской культуры на сегодняшний день можно отнести 21 комплекс, за исключением могильников Перейминский и Исетское-ХША, так как в них не зафиксирована керамика батырского типа (рис. 66).

Культовое место Кокшаровский холм, исследовавшееся на протяжении долгого времени А. И. Россадович и А. Ф. Шориным, представляет собой напластования, в которых зафиксированы предметы вооружения и керамические сосуды батырского типа. Исследователи дают две возможные интерпретации памятника, как культового места [Шорин, Зыков, Вилисов 2013: 126–128].

Самым ранним с точки зрения датировки является грунтовый могильник Калмацкий Брод. Он приурочен к верхнему течению р. Исети [Дмитриев 1934]. В общей сложности было изучено 26 погребений, совершенных в прямоугольных могильных ямах глубиной 0,5–0,75 м по типу труположения с западной и юго-западной ориентировкой покойных. В погребениях встречены целые сосуды, украшенные шнуровым декором, поставленные в изголовье погребенных, ножи, кельты и наконечники стрел [Берс 1951: 213]. Стоит отметить, что на большей части черепов фиксируются следы деформации [Викторова, Кернер 2009: 97, 98].

Могильник Красный Яр обнаружен на площадке одноименного городища. Три погребения по типу ингумации были совершенны в неглубоких подпрямоугольных могильных ямах. Покойных укладывали в могилу в позе вытянуто на спине, руки располагались вдоль тела. Они были ориентированы головой строго на запад. В верхних горизонтах погребений фиксируется древесина, вероятно, остатки гробовища или перекрытия. Сопроводительный инвентарь немногочислен, в основном это отдельные фрагменты керамики и костяных изделий. В погребении 2 была обнаружена часть бронзового двухсоставного бубенчика, а в погребении 3 — несколько железных наконечников стрел и фрагмент ножа [Гордиенко, Приходько 2017б].

Керамика. Для керамики батырского типа характерны лепные круглодонные керамические сосуды, разделяющиеся на горшки,

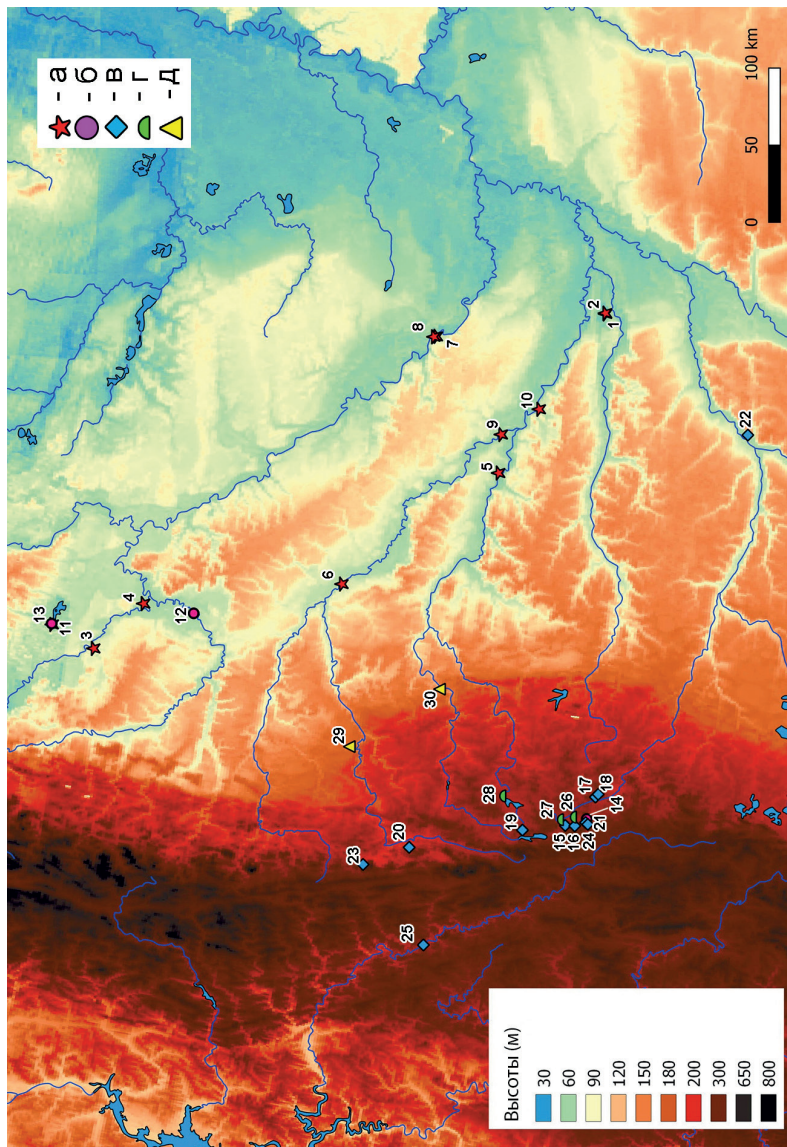

Рис. 66. Схема расположения памятников петрогромско-багырской культуры:

1 — городище Андриюшин городок; 2 — городище Жилые; 3 — городище Ликинское; 4 — городище Сайгово-II; 5 — городище Мишинское; 6 — городище Батырь; 7 — городище Сайгово-I; 8 — городище Сайгово-II; 9 — городище Сайгово-I; 10 — городище Красный Яр; 11 — городище Карагаевское; 12 — поселение Оськино селище; 13 — поселение Туманское-IV; 14 — поселение Исетское Правобережное-I; 15 — местонахождение Петрогром; 16 — местонахождение Чертово городище; 17 — местонахождение Шарташские каменные палатки; 18 — местонахождение Малые Шарташские каменные палатки; 19 — местонахождение Вершина-I, -II, -III, -V; 20 — местонахождение Голый Камень; 21 — местонахождение Палкинское, Палатки-I, -II; 22 — местонахождение Папское; 23 — местонахождение Синяя Гора; 24 — местонахождение Исетское-ХША; 25 — местонахождение Чаша-13; 26 — местонахождение Писаный камень; 27 — местонахождение Исетское-ХША; 28 — могильник Аятский; 29 — культовое место Кокшаровский холм; 30 — святилище Останец Старичный

Условные обозначения: а — городище; б — поселение; в — местонахождение; г — могильник; д — культовое место, святилище

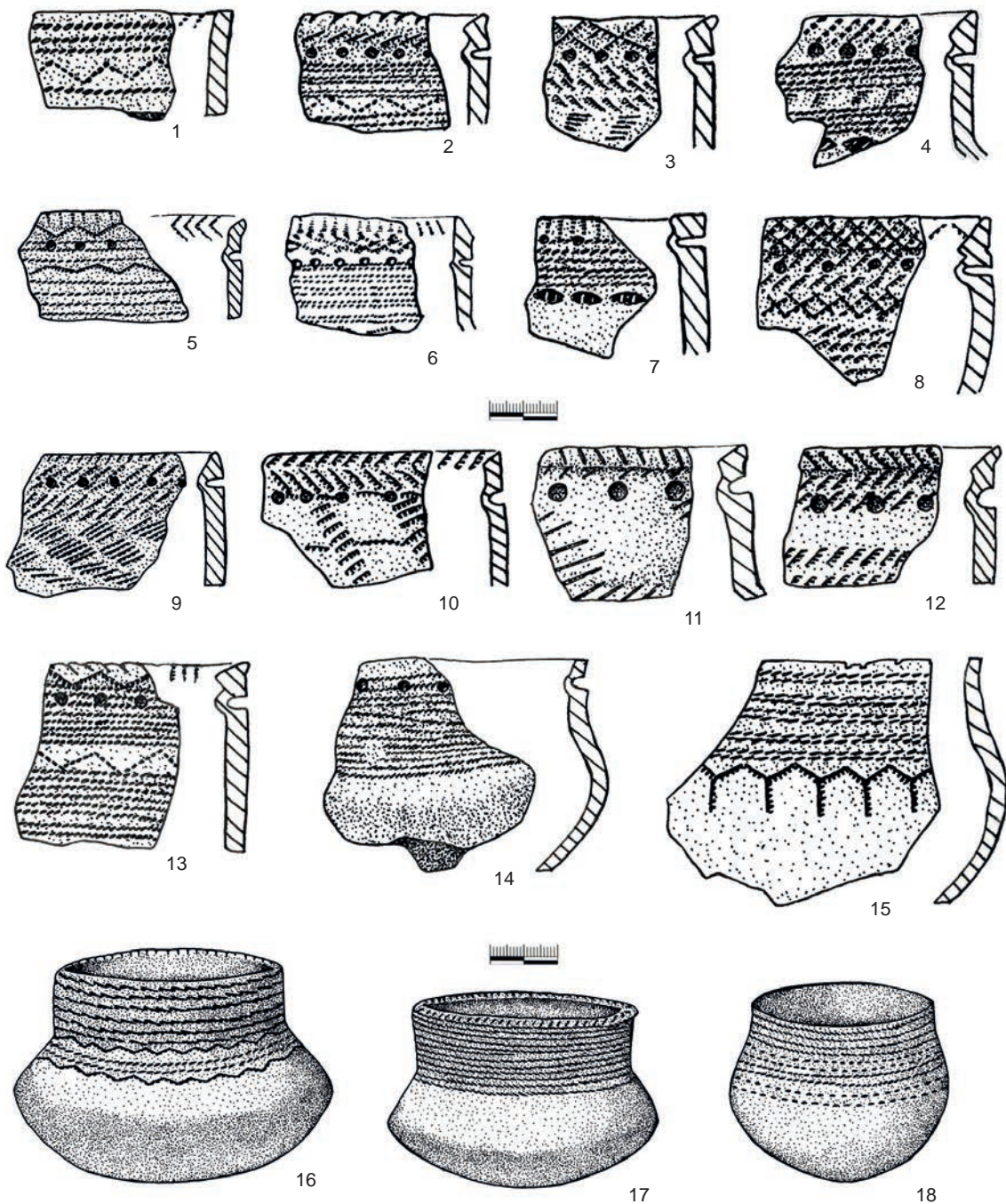

Рис. 67. Керамика петрогромско-батырской культуры:

- 1, 2, 6, 10 — городище Карагаевское; 3 — поселение Оськино селище; 4, 7 — городище Батырь;
 5 — городище Мишинское-II; 8, 13 — городище Ликинское; 9 — селище Туманское-VI;
 11 — городище Андрюшин городок; 12 — городище Сайтово-II; 14 — городище Сайтово-I;
 15 — городище Липчинское; 16-18 — могильник Калмацкий Брод

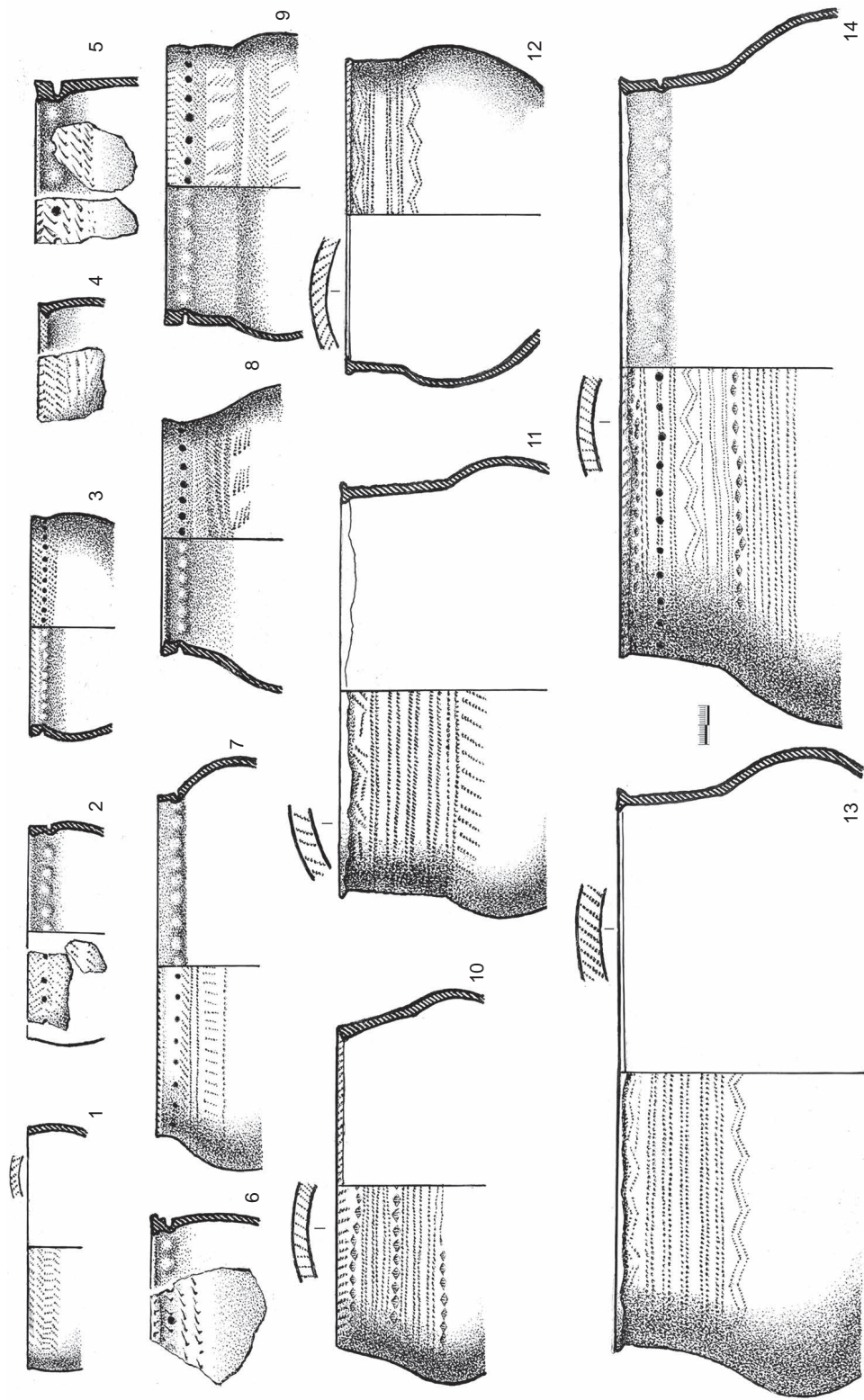

Рис. 68. Керамический комплекс петрогромско-багырской культуры
культового места Кокшаровский холм

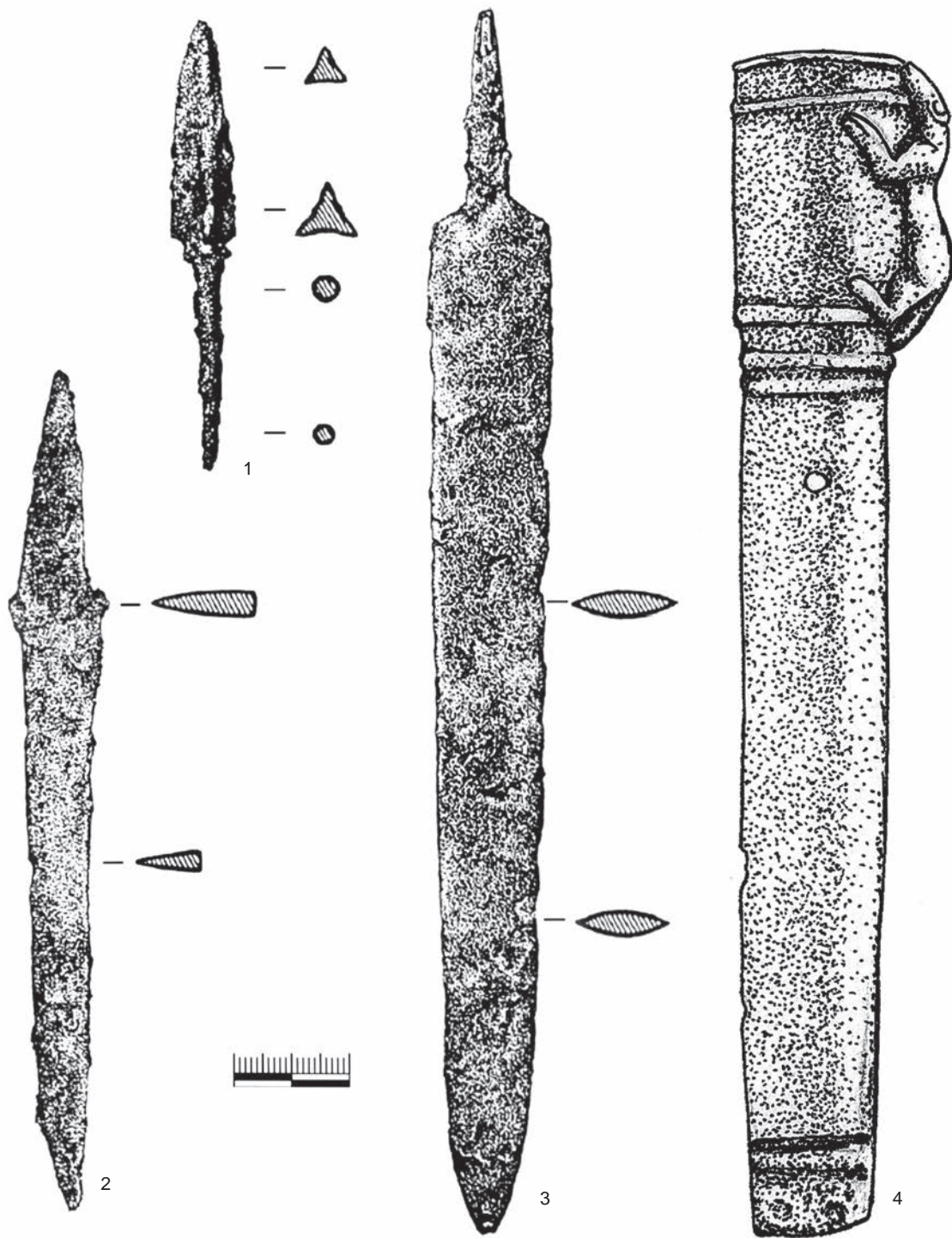

Рис. 69. Вещевой комплекс из культового места Кокшаровский холм:
 1-3 — железо; 4 — бронза

открытые и закрытые чаши и банки. Как и керамика петрогромского типа, батырские сосуды украшены внешними и внутренними карнизами, чаще всего скошенными вниз, однако встречаются сосуды с прямым венчиком без карниза. Горшки хорошо профилированные, имеют четкий переход от шейки к тулову, шейки прямые или наклоненные вовнутрь [Викторова, Морозов 1993: 180–181; Шорин, Зыков, Вилисов 2013: 121–123].

Примечательна форма сосудов из могильника Калмацкий Брод: высокие шейки с четким переходом к приземистому тулову, имеют характерное ребро при переходе от тулова к плечу [Викторова, Морозов 1993: 181]. Орнамент покрывает внутреннюю и внешнюю часть венчика, шейку и иногда — верхнюю часть тулова. Декорирование батырской посуды выполнено в шнуровой, гребенчатой и фигурной техниках (см. рис. 67). Верхняя часть венчика украшалась гребенчатыми линиями или не украшалась вовсе. На шейку наносили несколько рядов оттисков мелкого шнура либо композицию из шнуровых оттисков и горизонтальных зигзагов гребенкой, а также пояска разреженно поставленных ямок. В ряде случаев шейка покрывалась уголком орнамента, имитировавшего шнуровой орнамент. Другим видом узора служили вертикальные или наклонные столбики оттисков гребенчатого или резного штампа, разделенные поясками наклонных гребенчатых линий. Шнуровые и гребенчатые узоры чередовались оттисками фигурных ромбических штампов.

По поводу истоков данной традиции можно сказать следующее: В. Д. Викторова, В. М. Морозов видели их на территории Прикамья [Там же: 181]. Иную позицию занимали А. Ф. Шорин, А. П. Зыков, Е. В. Вилисов, предполагавшие прямую связь батырской керамики с керамикой карымского, зеленогорского и рёлкинского этапов нижнеобской культуры Западной Сибири [Шорин, Зыков, Вилисов 2013: 123].

Хронология батырских памятников.

Хронология памятников может быть рассмотрена на основании данных могильника Калмацкий Брод, культового места Кокшаровский холм (рис. 68, 69). Датировка Калмацкого Брода осложнена отсутствием публикаций инвентаря. В. Д. Викторова и В. Ф. Кернер при описании одного уцелевшего погребения определили его время в рамках IV–V вв. [Викторова, Кернер 2009: 99]. Позднее А. Ф. Шорин, А. П. Зыков, Е. В. Вилисов, опираясь на элементы поясных гарнитур, датируемых не ранее VI в., предложили рамки конца VI — VII в. [Шорин, Зыков, Вилисов 2013: 126], что кажется убедительным. Вопрос датировки Кокшаровского холма на основании форм инвентаря (рис. 69) и радиоуглеродной даты, полученной по фрагменту керамики батырского типа (см. табл. 7), решен как период VI–VII вв. [Там же: 126], с чем следует согласиться. Захоронения на городище Красный Яр датированы IX в. [Гордиенко, Приходько 2017б: 126]. Но относительно узкую дату дает лишь находка фрагмента бронзового двуставного бубенчика, аналогии которому видим в могильниках Паново-1 XI–XIII вв. [Конинов 2020: рис. 21, 7; 22, 21; 31, 5], Иванов Мыс-1 XII–XIII вв. [Конинов 2019: рис. 25, 3; 54, 8], Медный борок XI–XII вв. [Матвеева и др. 2017: рис. 7, 6; 9, 2] и Ликинский XII–XIII вв. [Викторова 2008б: рис. 49, а; 50, б]. Поэтому захоронения с городища Красный Яр следует исключить из памятников петрогромско-батырской культуры.

Таким образом, памятники батырской культуры могут быть датированы в рамках VI–VII вв., возможно, существовали до VIII в.

Для выделения самостоятельной петрогромской культуры источников мало. В. А. Могильников петрогромскими считал 17 местонахождений [Могильников 1987: карта 35]. Позднее добавились еще 11 объектов (см. рис. 66). Стоит отметить, что петрогромских поселений не известно, а большая часть памятников представлена место-

нахождениями керамики петрогромского типа на памятниках других эпох [Викторова, Морозов 1993: 180]. Помимо местонахождений фиксируются либо металлопроизводственные площадки, либо культовые места и святилища [Викторова, Кернер 2009: 101; Могильников 1987: 178; Морозов 2004: 112], к последним может быть отнесено святилище Останец Старичный, исследованное в 1990-е гг. [Викторова, Чаиркин 1999]. Тем не менее В. Д. Викторова и В. Ф. Кернер относят к петрогромской культуре остатки одного каркасно-столбового жилища (вероятно, сезонного характера), изученного на поселении Исетское Правобережное-1 [Викторова, Кернер 2009: 96].

Останец Старичный приурочен к левому берегу р. Нейвы. В культурном слое памятника было зафиксировано несколько кострищ. Рядом с этими очагами обнаружены керамические сосуды, остатки костей животных (преимущественно диких), костяные наконечники стрел. На данном месте совершались обряды жертвоприношения, связанные с коллективной охотой [Викторова, Чаиркин 1999: 171, 172]. Помимо керамики петрогромского типа в культурном слое обнаружено несколько сосудов, которые были атрибутированы как батырские.

Аятский-1 могильник, локализующийся рядом с истоком р. Аять, — грунтовый, не выражен в рельефе [Берс 1951]. Поскольку при раскопках памятника было выявлено два комплекса (ранний и поздний), первый из которых соотносится с периодом VI–VII вв., а второй — XVI–XVII вв., то В. М. Морозов предложил выделять здесь Аятский-1 и -2 могильники [Морозов 2006: 12]. Так, в данной работе мы обращаем внимание на материалы Аятского-1 могильника. Захоронения взрослых мужчин и женщин (18 погребений) со следами деформации черепов совершены в подпрямоугольных могильных ямах, достигавших глубины 0,45 м. Покойные лежали в позе вытянуто на спине, руки

располагались вдоль тела. Наиболее частая ориентировка головы покойного была северная, однако иногда встречаются отклонения в северо-западную и северо-восточную стороны. В одном случае зафиксировано парное захоронение мужчины и женщины. С правой стороны от головы покойного устанавливался керамический сосуд с пищей. Сопроводительный инвентарь захоронений разнообразен, он представлен целыми и фрагментами поясных гарнитур, серьгами, браслетами, зеркалами, ножами и кинжалами [Морозов 2006: рис. 3–7].

Могильник Исетское-XIIIА расположен на западном берегу Исетского озера. Курган диаметром 8 м и высотой 0,3 м в центре имел каменную оградку овальной формы размерами 3 × 1,9 м. Внутри нее находилось коллективное захоронение трех индивидов, уложенных на спину, ориентированных головами на северо-запад, руки покойных находились на поясе (рис. 70, 1). Человек посередине был положен поверх соседних тел. Помимо трех скелетов в погребении находились еще три других черепа, четыре сосуда, украшенных шнуровым декором с примесью талька в формовочной массе (рис. 70, 2–6). Сосуды располагались в разных частях захоронения: как в ногах, так и в головах покойных. Еще восемь аналогичных сосудов обнаружены на прилегающей к кургану площадке, откуда был взят один образец для радиоуглеродного датирования [Морозов 1994].

Керамика. К ее характеристике обращался ряд исследователей [Викторова 2008а: 89–92; Могильников 1987: 179; Морозов 2004: 111; Пастушенко 2004: 115, 116; и др.]. Мы принимаем характеристику В. Д. Викторовой и В. М. Морозова [1993: 186]. Комплекс составляют лепные круглодонные керамические сосуды с примесью крупного талька в формовочной массе, разделяющиеся на горшки и открытые чаши. Отличительной чертой посуды являются карнизники, образованные налепом на внутреннюю, реже — внешнюю часть

венчика. За счет карнизика венчик широкий, прямой, иногда наклонный (см. рис. 71, 1–4, 8, 9). Горшки — слабопрофилированные, имеют прямую или отогнутую наружу высокую шейку, плавно переходящую в округлое тулово (см. рис. 71, 5–9) [Викторова, Морозов 1993: 186; Пастушенко 2004: 115].

Орнамент нанесен на внутреннюю и внешнюю части венчика (см. рис. 71, 2, 3, 6, 8, 9), шейку и иногда — верхнюю часть тулова. Основной техникой декорирования являлись шнуровая (см. рис. 71, 1–5, 7) и гребенчатая (см. рис. 71, 6, 8, 9), реже использовались резные узоры, а также фигур-

ные штампы в виде полумесяцев и крестов (см. рис. 71, 2, 4). Верхняя часть венчика украшалась оттисками шнура, наклонными гребенчатыми линиями или резной решеткой, шейка — несколькими рядами оттисков шнура либо узорами из шнуров и горизонтальных зигзагов гребенкой. Другим мотивом служили вертикальные или наклонные столбики оттисков гребенчатого штампа, чередовавшиеся с поясками наклонных гребенчатых линий. Нередко узоры разделяли орнаментом из резной решетки или фигурными штампами в виде полумесяцев или крестов (см. рис. 72).

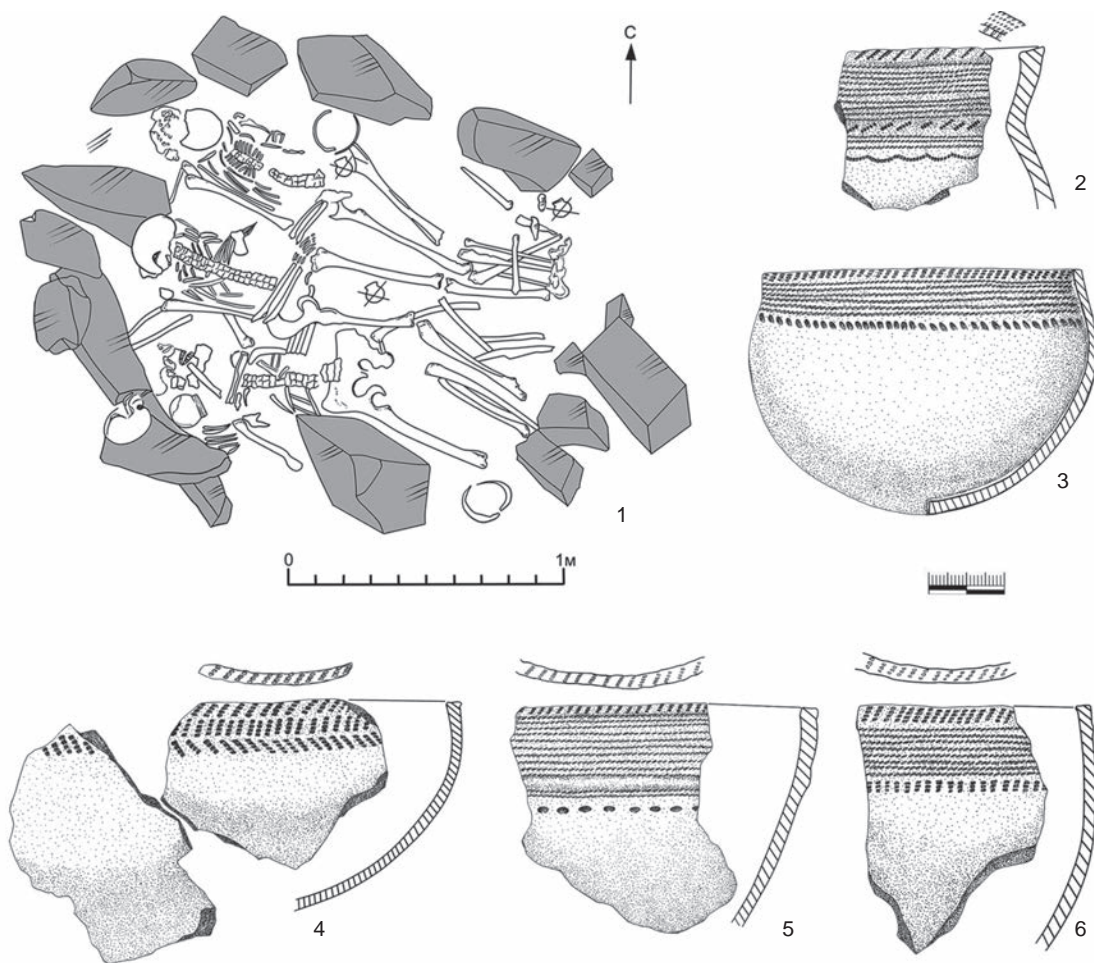

Рис. 70. Погребения и инвентарь могильника Исетское-ХША:

1 — план захоронения; 2–6 — керамика

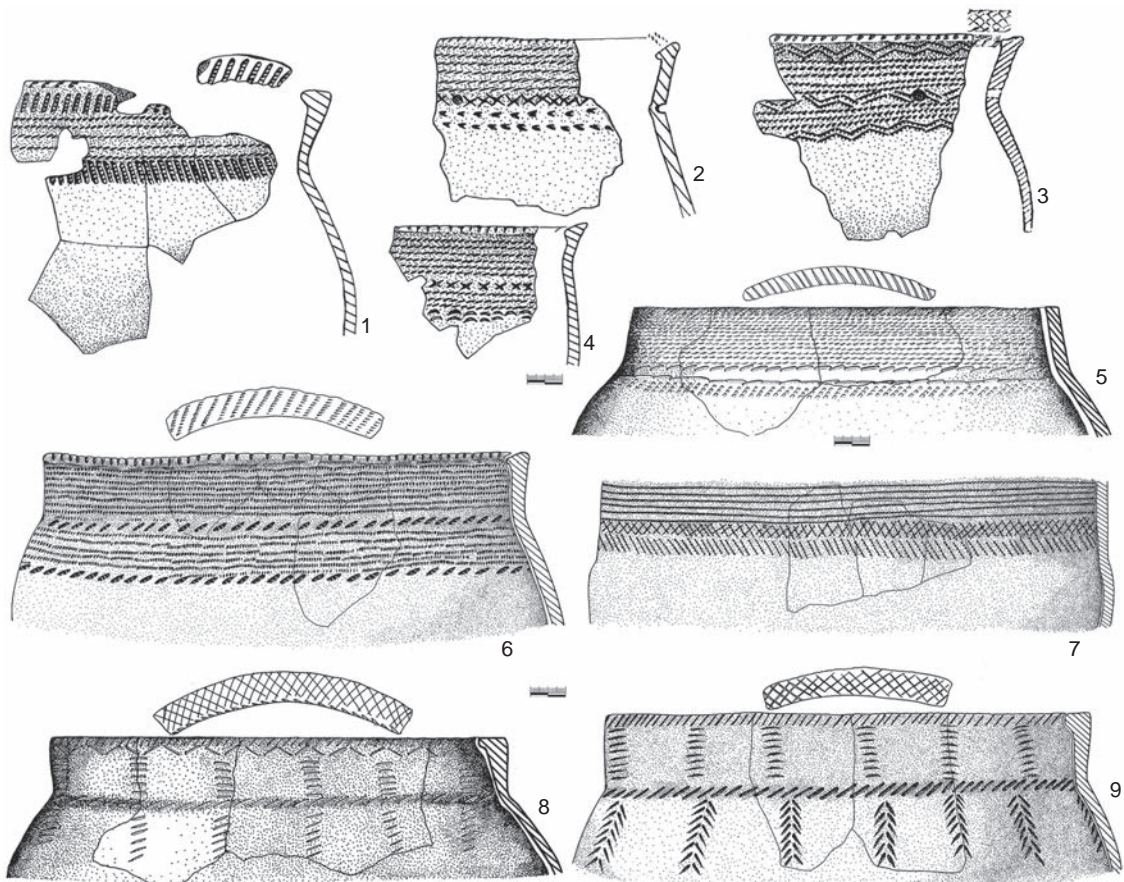

Рис. 71. Керамика петрогромского типа:

1, 3 — святилище Останец Старичный; 2 — гора Палатки-I; 4 — гора Петрогром;
5–9 — городище Папское

В. Д. Викторова и В. М. Морозов считали, что формирование технологии в гончарной традиции петрогромской культуры произошло на базе ранних памятников типа Калмацкий Брод и Исетское-ХПА (батырских?), в то время как на декоры повлияли несколько компонентов бакальского, кашинско-прыговского происхождения, а также заимствования у населения Северной Башкирии [Викторова, Морозов 1993: 186].

Хронология петрогромских памятников. Рассматривая хронологию памятников, обратимся к изученным раскопками объектам, отмечая их единичность. Поясная гарнитура Аятского-1, выпол-

ненная в геральдическом стиле, в частности пояс, украшенный Ж-образными накладками (см. рис. 73, 10), датируется VII–VIII вв. [Голдина 1979: рис. 1, 197, 213; 2012: табл. 183, 10, 11]. Трехлопастная накладка с лучами треугольной формы (см. рис. 73, 4) отнесена Р. Д. Голдиной к VII–VIII вв. [Голдина 1979: рис. 1, 186], бронзовая пряжка с рамкой трапециевидной формы и щитком килевидной формы (см. рис. 73, 8) по джетысарским аналогиям может быть датирована VI–VII вв. [Голдина 1979: рис. 1, 101; 2012: табл. 228, 8]. Бронзовая пряжка с рельефной рамкой овальной формы с железным щитком

(см. рис. 73, 7) на основании аналогий может быть датирована VI в. [Обломский 2007: 29, рис. 21, 51]. Находки бронзовых пряжек с рамкой сегментовидной формы с железным подвижным прямоугольным щитком и язычком, превышающим длину рамки (рис. 73, 6, 9), по материалам могильников Прикамья датируются V–VI вв. [Генинг 1979: рис. К, 1–3; Б, 21; Голдина 1979: рис. 1, 46, 47]. В Западной Сибири

данный тип пряжек встречен в комплексах V в. [Матвеева 2016а: рис. 92, 4–7].

Считаем, что датировка некрополя укладывается в рамки V–VII вв. Могильник Исетское-ХША кроме керамики не имеет сопроводительного инвентаря. На основании одной радиоуглеродной даты (см. табл. 7, рис. 74) он предварительно датирован VII в. [Морозов 1994: 49]. Однако образец угля был взят за пределами курганной насыпи,

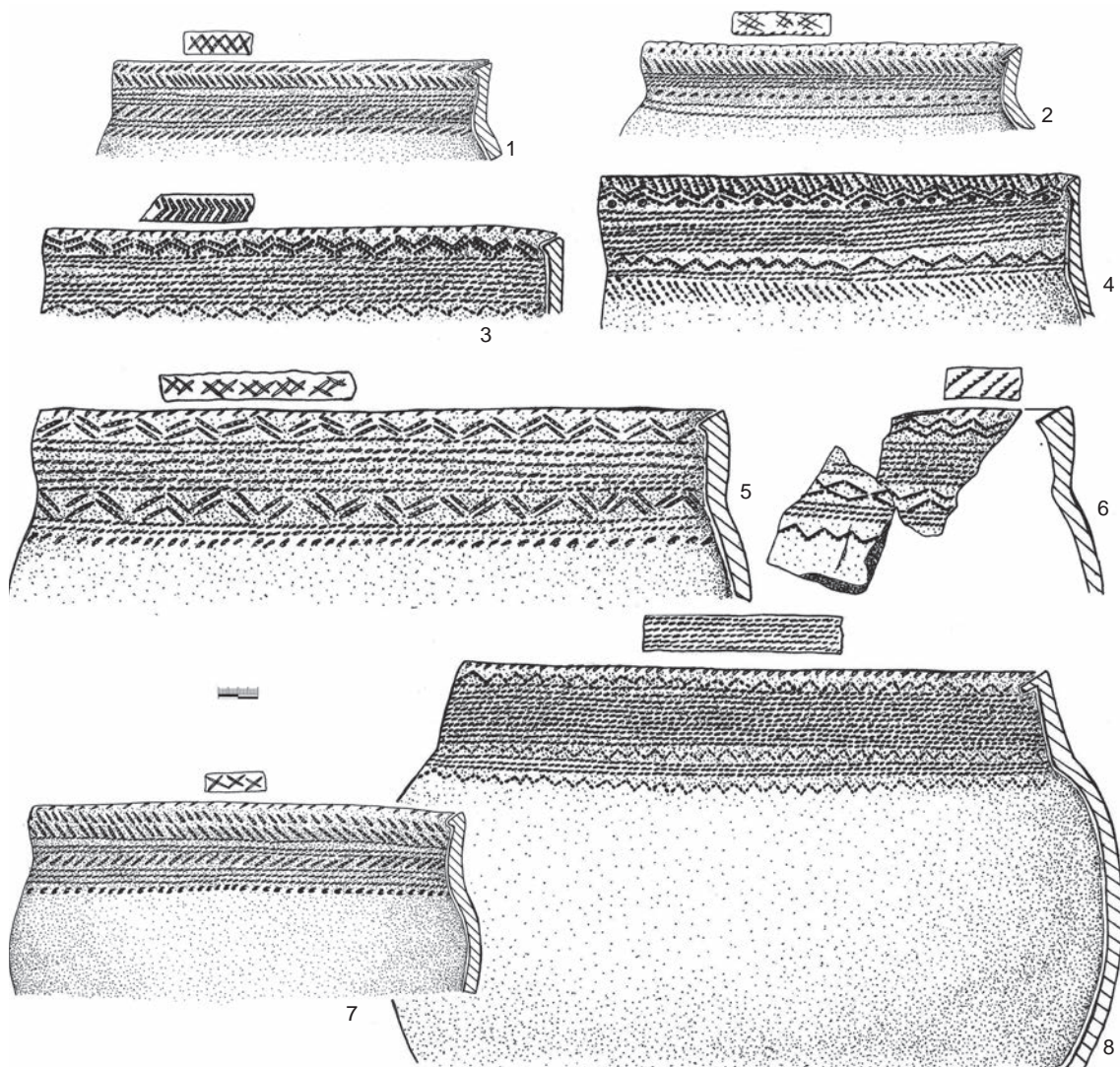

Рис. 72. Керамика петрогромского типа из памятников Приуралья (по И. Ю. Пастушенко):

6 — поселение Морозковское-4; остальное — селище Бартымское-1

с территории стоянки Исетское-ХШБ, поэтому вопрос о времени функционирования некрополя остается открытым.

Останец Старичный датирован в рамках существования петрогромских памятников в целом [Викторова, Чаиркин 1999: 174].

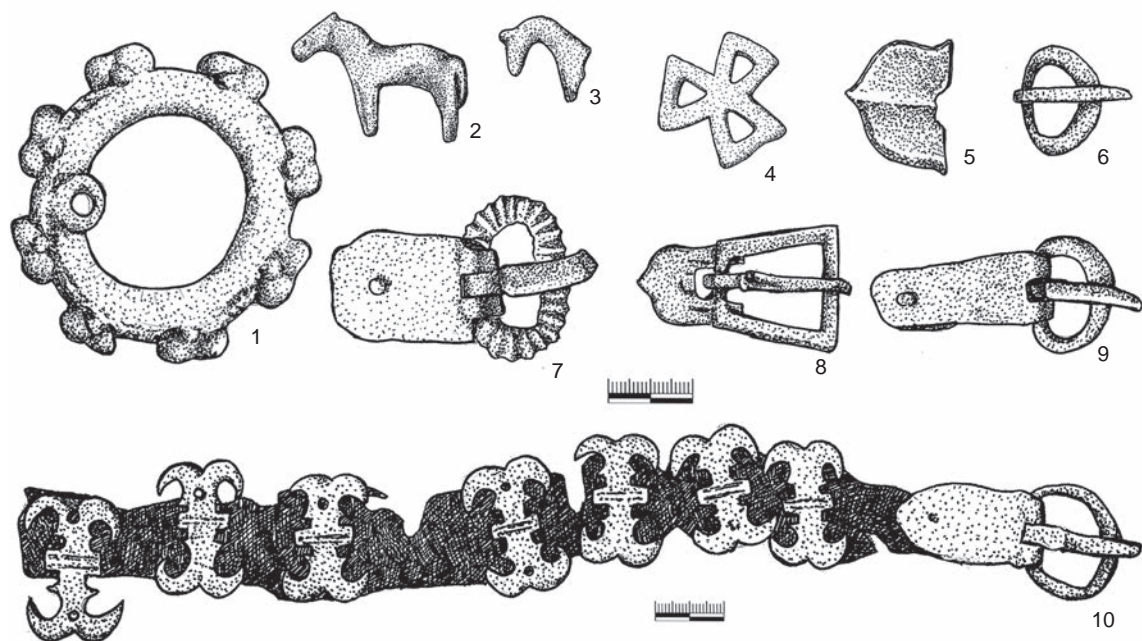

Рис. 73. Вещевой комплекс из памятников петрогромско-батырской культуры: 1, 4, 6–10 — могильник Аятский-1; 2, 3 — гора Петрогром; 5 — святилище Останец Старичный

Таблица 7

Радиоуглеродные даты памятников второй половины I тыс. н. э. Среднего Зауралья (калибровка в программе OxCal, версия 4.3 с учетом кривой IntCal 20)

Памятник	№	Код	Материал	^{14}C л. н.	Калиброванное значение	
					1σ (68,3%)	2σ (94,5%)
Заводоуковское-3 [Аношко, Рафикова 2017]	1	СОАН-7972	Уголь	1445±70	562–657	433–771
	2	СОАН-7974	Уголь	1480±45	562–640	444–655
Молчановское [Боталов 2016]	1	СОАН-6023	Уголь	1320±45	657–772	643–821
	2	СОАН-5686	Уголь	1135±35	885–977	774–993
Кокшаровский холм [Шорин, Зыков, Вилисов 2013]	1	Ki-16391	Керамика	1320±80	644–820	586–889
Исетское-ХШБ [Морозов 1994]	1	ЛЕ-2645	Уголь	1350±40	646–772	606–775

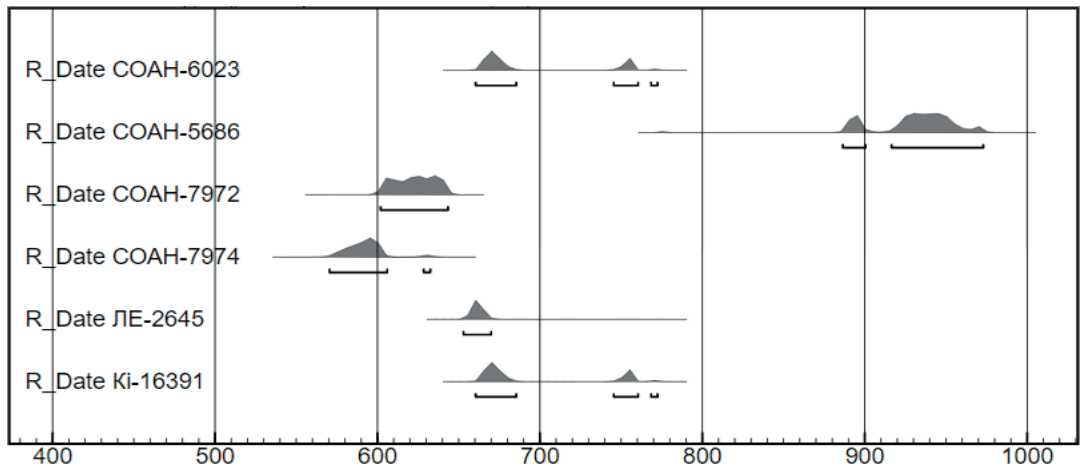

Рис. 74. График калиброванных дат памятников второй половины I тыс. н. э. Среднего Зауралья (составлен на основании данных табл. 7)

Фрагмент бронзового щитка ременной пряжки килевидной формы, выполненный в геральдическом стиле (рис. 73, 5), указывает на возможный VII в. по неволинским аналогиям [Голдина 2012: табл. 205, 14; 206, 18; 222, 7–18; 225, 13, 14], как и в Аятском-1 могильнике (рис. 73, 8). На горе Петрогром были обнаружены две бронзовые фигурки коней (рис. 73, 2, 3), исходя из прямых аналогий в памятниках Прикамья, данные вещи могут датироваться VI–VII вв. [Голдина 1979: рис. 1, 100]. Таким образом, датировка петрогромских памятников укладывается в диапазон V–VIII вв., что косвенно подтверждается датировкой VI–VIII вв. петрогромской керамики на памятниках Приуралья [Пастушенко 2004: 116].

Историко-культурная специфика и динамика

Одним из дискуссионных вопросов является так называемая «молчановская проблематика», т. е., позиция памятников Зауралья второй половины I тыс. н. э., претерпевшая терминологические измене-

ния от типа керамики и типа памятников до отдельной культуры или раннего этапа юдинской культуры. Большинство исследователей считали, что памятники молчановского типа послужили основой для сложения юдинской культуры развитого Средневековья [Викторова 1968: 252; Могильников 1987: 167; Рафикова 2015: 65; и др.]. Как представляется, основанием для вывода об их преемственности послужила керамика, украшенная шнуровым декором.

Несмотря на то что Т. Н. Рафикова предложила критерии для различения молчановской и юдинской посуды по наличию в первых фигурных штампов, орнаментов в виде зигзагов и горизонтальной гребенчатой елочке, а также по доминированию во вторых поясков шнура, вертикальных или наклонных отисков гребенчатого штампа [Рафикова 2015: 69], на практике же при разделении керамического комплекса святилища Песьянка-1 на молчановский и юдинский исследователь опирается на скопления вещей, датируемых в рамках нескольких узких диапазонов — IX в.; X в.; X–XI вв.; конец XII — XIII в., при этом к юдинскому и молчановскому типам относятся сосуды с одинаковой композицией [Рафикова 2015: рис. 1, 3; 2, 9, 13]. К памятникам переходного периода

от раннего к развитому Средневековью исследователь относит городище Молчановское, Янычково и Черепаниха-2. Вероятно, в их числе может быть и керамический комплекс грунтового могильника Вак-Кур, датированного IX–XI вв. [Турова 2020]. Поскольку мы пришли к выводу, что большинство молчановских поселений (Пламя Сибири-6 и -7, Жилье, Андриюшин городок, Молчановское) являются многослойными, а нижняя хронологическая дата их инвентаря не опускается ранее IX в., мы склонны рассматривать их также в качестве памятников переходного времени от раннего к развитому Средневековью.

Возникает необходимость выявить так называемые «чистые» молчановские комплексы, более ранние, чем относящиеся к IX в. До недавнего времени таковым считали Перейминский могильник, однако доказано, что он является гетерогенным, содержащим преимущественно посуду бакальского и кушнареновского типов, а погребальный обряд его близок к обряду потчевашской культуры [Зеленков 2017а]. Кроме того, сосуд, украшенный шнуровым орнаментом, связан с погребением, в котором не было обнаружено сопроводительного инвентаря, что затрудняет его датировку. Недавние работы в лесостепном Приисетье на могильнике Воденниково-1 позволили получить аналогичный перейминскому комплекс [Матвеева, Третьяков, Зеленков 2021], отражающий момент переселений коллективов с востока и взаимодействия их с носителями бакальской культуры. Ввиду этого полагаем, что материалы Перейминского могильника с большой вероятностью должны рассматриваться в контексте нового культурогенеза как памятник перейминского типа.

По поводу могильника Заводоуковское-3 мы склонны считать, что немногочисленные вещи, а также находки фрагментов посуды, украшенных шнуровым декором, не связаны

с безынварными захоронениями некрополя, а относятся к поселенческому горизонту культурного слоя, оставленному носителями юдинской культуры не ранее XI в. Вместе с тем погребальный обряд могильников Перейминский и Заводоуковское-3 имеет мало общих черт с обрядом одного из ранних могильников юдинской культуры — Вак-Кур. То есть вышеуказанные могильники следует рассматривать в рамках иных культурных формирований. Получается, что мы не располагаем молчановскими комплексами ранее IX в. В свою очередь, керамику молчановского типа мы вслед за Т. Н. Рафиковой [2015: 69] склонны рассматривать в качестве ранних экземпляров посуды юдинской традиции. Их датировка, на наш взгляд, определяется по более ранним памятникам, таким как могильник Вак-Кур [Турова 2020] и Черепаниха-2 [Чикунова, Якимов 2012: 34–35] в рамках IX–XI вв.

Таким образом, нет никаких оснований для удревнения материалов юдинской культуры за счет выделения в ее рамках раннего — молчановского — этапа. Следовательно, период существования юдинской культуры определяется границами IX–XIII вв., которые надежно подкреплены закрытыми комплексами и сериями абсолютных дат. В связи с вышесказанным считаем, что наименование «молчановский тип памятников» (или культура) не корректен для периода VII–IX вв. лесного Зауралья, поэтому предлагаем исключить данное понятие из таксономической структуры.

Для выявления механизма смены культур в горно-лесных районах ключевым моментом выступает хронология петрогромских и батырских памятников. По нашему мнению, расширять хронологические рамки вторых до IX–X вв. за счет включения погребений с городища Красный Яр нет никаких оснований. Авторы раскопок не заняли позицию обнаруженных захоронений,

так как пишут: «Учитывая то, что по данным стратиграфии погребения перекрыты культурным слоем городища, они были совершены после завершения его функционирования, обитавшим на нем населением при его оставлении...» [Гордиенко, Приходько 2017б: 119]. Наоборот, логично было бы предположить, что поселение возникло после совершения на данном месте захоронений, однако без каких-либо оснований они датируют городище VIII–IX вв., а погребения — IX–X вв. Ни в одном из погребений не было обнаружено целых сосудов батырского типа, отдельные фрагменты, скорее всего, относятся к культурному слою поселения, а то, что называется «батырскими», — обломки посуды юдинского типа [Там же: рис. 1, 5, 6], датирующие слой городища IX–XIII вв. Наиболее убедительной датой, определяющей верхнюю границу существования батырских комплексов, является VIII в., по материалам культового места Кокшаровский холм [Шорин, Зыков, Вилисов 2013: 126]. Что касается нижней хронологической позиции, то согласимся с А. Ф. Шориным, А. П. Зыковым и Е. В. Вилисовым в понимании ее как рубежа VI–VII вв. [Там же: 126].

Датировка памятников петрогромского типа определенно укладывается в рамки V–VIII вв. Вопреки распространенному мнению о существовании петрогромских древностей до IX в. характерных вещей с датами этого времени не обнаружено, а радиоуглеродных дат не имеется. Обратим внимание на сходство керамики петрогромского и батырского типов, заключающееся в единстве форм сосудов (см. рис. 68, 9, 10, 12–14; 71, 5, 8, 9), наличии карнизиков на внешней и внутренней частях венчика (см. рис. 68, 11–13; 71, 1–4, 6, 8, 9), использовании в орнаментации отпечатков очень мелкого шнура (см. рис. 67, 1, 2, 4–7, 13–15; 71, 1–4, 7), горизонтальных зигзагов (см. рис. 68, 1, 2, 11–14;

71, 3; 72, 3–6, 8), наклонных и вертикальных столбиков гребенчатых отпечатков (см. рис. 67, 9–11; 68, 8, 9; 71, 8, 9), в имитации шнуровых отпечатков уголкообразным орнаментом (см. рис. 67, 14, 16; 68, 6, 7, 10–14; 71, 5, 6) и др. Можно говорить о близости этих двух керамических традиций. Керамика данных типов встречается в комплексах одних и тех же памятников, например гора Петрогром, Вершина-I, -V, Исетское-ХИША, Малые вершины Шарташских палаток, Шарташские палатки и др. [Викторова, Морозов 1993: 180].

Не всегда ясна культурная атрибуция немногочисленных погребений этого времени: например, одни исследователи относят могильники Калмацкий Брод и Исетское-ХИША к батырской культуре [Викторова, Морозов 1993: 180; Шорин, Зыков, Вилисов 2013: 126], другие — к петрогромской [Морозов 2004: 113; 2006: 8]. Аналогичная ситуация складывается с Аятским-1 могильником, где одни исследователи определяют его как батырский [Шорин, Зыков, Вилисов 2013: 126], другие — как петрогромский [Могильников 1987: карта 35; Морозов 2006: 12].

Несмотря на разнообразие мнений по поводу культурной атрибуции комплексов, все три некрополя обладают набором общих признаков. Захоронение в неглубоких могильных ямах по типу ингумации, ориентация покойных в северную, западную и северо-западную стороны, расположение керамических сосудов в изголовье, искусственная деформация черепов покойных и др. Наличие общих признаков в погребальном обряде населения горно-лесного Зауралья, вероятно, указывает на единство данных коллективов.

Как мы видим, на территории Среднего Зауралья в V/VI–VIII вв. сосуществовали две родственные традиции, имевшие близкие типы керамики, часто встречающиеся на одних и тех же памятниках горно-лесной зоны восточных уральских склонов. Вместе

с тем носители этих традиций практиковали один и тот же культурно-хозяйственный тип. По нашему мнению, есть основания объединить петрогромские и батырские памятники в единую петрогромско-батырскую культуру с выделением керамических типов. Кроме восточных склонов Урала материалы петрогромско-батырской культуры встречены на территории Верхнего Прикамья. Исходя из этого, предполагаем, что помимо производства металлических изделий представители населения горно-лесного Зауралья могли выступать в роли торговых посредников между Приуральем и Зауральем. На это косвенно указывают однотипные элементы поясных гарнитур, выполненных в геральдическом стиле (см. рис. 73, 5–10), а также отдельные предметы инвентаря, имеющие точные аналогии в материалах ломоватовской культуры (см. рис. 64, 8).

Итак, во второй половине I тыс. н. э. горно-лесные и лесные районы Зауралья были заняты носителями петрогромско-батырской культуры, восходящей к северо-западносибирским и прикамским традициям предшествующих периодов. В горных районах Урала данное население, судя по всему, занималось металлургией, образ жизни его был весьма мобильным. В частности, предполагаем, что в летнее время население петрогромско-батырской культуры эксплуатировало рудные месторождения, а в зимнее время переселялось на территорию лесного Зауралья и Верхнего Прикамья, выполняя функции не только мастеров-литейщиков, но и посредников в торговле между населением Приуралья и Зауралья.

Вследствие продвижения новой волны мигрантов на юг из нижнеобского региона в IX в. (представителей кинтусовского этапа) на территории лесного Зауралья происходит изменение в погребальной практике: на смену подкурганам захоронениям приходят грунтовые, распространяются хорошо укре-

пленные поселения небольших площадей, а также вещи так называемого «обско-угорского круга», выполненные в зооморфном стиле (см. рис. 64, 1–7, 9). Как представляется, именно этот импульс послужил причиной для формирования в лесном Зауралье юдинской культуры, имеющей значительное сходство с нижнеобской культурно-исторической общностью. Оно выразилось в декоре посуды с памятников IX–XI вв. лесного Зауралья и вожпайского типа Нижнего Приобья. Данный вывод согласуется с тем фактом, что конец VIII в. связан с угасанием петрогромско-батырской традиции в горно-лесном и лесном Зауралье, вероятно, послужившей базовым компонентом для сложения в данном регионе юдинской культуры. Судя по всему, с петрогромско-батырской керамической традицией связан такой отличительный признак в орнаментации юдинской посуды, как шнуровой декор.

На формирование юдинской культуры значительное влияние также оказали представители сrostкинской культуры степной зоны, контакты с которыми подтверждаются некоторыми типами вещей, встречающимися достаточно широко в памятниках IX–XI вв. В частности, детали поясных гарнитур (см. рис. 63, 8; 65, 2, 5), ажурные подвески (см. рис. 65, 12, 13), вооружение (см. рис. 63, 18, 19) и многое другое. Кроме того, рубеж VIII–IX вв. связан с изменением стилистики прикладного искусства, а именно переходом от геральдического стиля к растительному (см. рис. 63, 8; 65, 1, 3–8, 10, 12–14). Стоит отметить, что в материалах петрогромско-батырской культуры, в отличие от комплексов юдинской культуры, торевтики, выполненной в растительном стиле, либо элементов материальной культуры сrostкинского типа не зафиксировано. Это наблюдение является еще одним аргументом в пользу определения верхней хронологической позиции петрогромско-батырской культуры не позднее VIII в.

Глава 4

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ¹⁷

До настоящего времени в научный оборот были введены разрозненные и малочисленные краниологические данные по раннему Средневековью из обширного региона юга Западной Сибири и, в частности, из Нижнего Притоболья. Отсутствие репрезентативных материалов из этого региона затрудняло исследование расово-генетических процессов, происходивших там. Палеопатологические данные, полученные с использованием методов смежных дисциплин, в том числе и медицинской науки, из данного региона, отсутствовали в принципе, не позволяя более полно реконструировать социальную и биологическую среду обитания древних людей. Вместе с тем такие исследования позволяют на основе анатомо-антропологического и патологического изучения костей показать многообразие вариантов нормы и патологии, проследить географическую распространенность болезней древнего человека, выявить механизмы адаптации к меняющимся условиям внешней среды.

Классическое краниологическое исследование в совокупности с палеопатологическим анализом оказались высокоэффективными при изучении палеоантропологического материала раннего железного века с юга Западной Сибири, относящегося к саргатской культуре [Багашев 2000; Ражев 2009]. Такой подход позволил не только определить антропологический тип и остеологическую конституцию саргатского населения, но и выявить различные морфотипы физической активности у мужского и женского населения, основываясь на анализе остеологических маркеров, реконструировать обыденные действия древнего населения. Кроме того, были изучены травмы, часть их определена как боевые. Раннесредневековый материал из Притоболья, который анализируется впервые, происходит с той же территории, что и саргатские выборки и хронологически следует за ними.

Изучение антропологического своеобразия населения Нижнего Притоболья переходного периода от раннего железного века к Средневековью, дополненное анализом внешности некоторых индивидов, позволит детально рассмотреть расово-генетические процессы, происходившие на этой территории. Палеопатологическое

¹⁷ Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8 (ФИЦ ТюмНЦ РАН).

исследование даст возможность установить тип физической активности населения и охарактеризовать состояние здоровья указанных популяций.

Материалы

В работе анализируются материалы из пяти могильников III–VII вв. с территории Нижнего Притоболья (бассейн р. Тобол ниже устья р. Исеть). Могильник Ипкульский, расположенный на северном берегу оз. Ипкуль в Нижнетавдинском районе Тюменской области, исследовался Л. Н. Коряковой в 1984 г. и И. Ю. Чикуновой в 2010–2011 гг. [Корякова 1988; Чикунова 2013]. По археологическим данным погребения могильника, которые в целом датируются III–V вв., разделяются на две культурно-хронологические группы. Ранние захоронения ассоциируются с саргатским населением, в поздних погребениях встречается инвентарь карымского, кушнареновского и ипкульского облика [Чикунова 2013: 221]. На данный момент серия представлена 17 черепами (10 мужских и 7 женских черепов). Из них пять черепов, полученных в ходе раскопок Л. Н. Коряковой, были исследованы А. Н. Багашевым [2000].

Наблюдения по трем черепам (один мужской, два женских) из могильника IV–VI вв. Ревда-5, расположенного на правой террасе р. Тобол в Ялutorовском районе Тюменской области, стали доступны благодаря раскопкам Н. П. Матвеевой в 2014–2015 гг. [Матвеева 2016а]. В курганах найдены материалы бакальской и карымской культур [Там же: 65–102].

Единичные наблюдения из Козловского и Перейминского могильников, расположенных в Тюменском районе Тюменской

области на берегу Андреевского озера близ г. Тюмени, тоже включены в суммарную выборку. Эти материалы IV–V вв. из раскопок В. Н. Чернецова (1952–1955) введены в научный оборот И. М. Золотаревой [1957]. Для исследования оказались доступны три черепа различной сохранности. Кроме того, в 1966–1968 гг. на территории памятников отрядом Уральского государственного университета им. А. М. Горького были собраны еще три черепа, которые измерил по краниологической программе А. Н. Багашев (неопубликованные данные). Таким образом, серия состоит из шести черепов (три мужских, три женских).

В суммарную выборку вошли 13 черепов (7 мужских и 6 женских) из могильника Устюг-1. Памятник, расположенный на левой террасе р. Тобол в Заводоуковском районе Тюменской области, датируется IV–VI вв. и относится к бакальской культуре, хотя в захоронениях были обнаружены карымские, кушнареновские и другие древности [Матвеева 2016а].

В результате суммарная серия включает 39 черепов (21 мужской и 18 женских). Важно отметить распространение обычая искусственной деформации головы у исследуемого населения. Из 39 пригодных для краниологического исследования черепов следы деформирующей повязки зафиксированы на 16 (41%). Вследствие этого при анализе таких черепов не учитывались размеры мозгового отдела черепа и лобной кости как наиболее искажаемые в результате деформации области.

Для палеопатологического исследования оказались пригодны костные останки 30 погребенных из могильника Устюг-1, из них 10 мужчин, 7 женщин, 9 подростков и детей, пол остальных четырех взрослых индивидов не известен ввиду крайней фрагментарности материала и отсутствия каких-либо маркеров. Необходимо отме-

тить, что пол четырех индивидуумов определен как мужской лишь предположительно.

Для реконструкции лица по черепу помимо Устюг-1 были использованы краниологические материалы следующих памятников: святилище Усть-Полуй, инд. 2 [Багашев, Алексеева 2012]; городище Большой Лог, погр. 2 [Багашев и др. 2017]; Каменный Мыс, мог. 1 кург. 4, мог. 6 кург. 4; Кулайская гора, № 5410 КА ТГУ; Гаевский-1, погр. 1 кург. 6; Мурзинский-1, погр. 2 (ск. 1) кург. 6; Карасье-9, погр. 2 кург. 11 [Ražev 2012: 146–160]; курганный могильник в урочище Рёлка, мог. 9 кург. 1, мог. 10 кург. 1; курганный могильник Басандайка, мог. 2 кург. 27; курганный могильник Умна-II, кург. 27; курганный могильник Юрт Акбалык-8, кург. 3; могильник Иванов Мыс-1, кург. 5, СВ сектор; могильник Масарлы-1, погр. 4 кург. 3, погр. 8 кург. 3; могильник Нугай-1, погр. 3/1 кург. 1, погр. 8 кург. 1; Паново-1, СВ сектор, пл. 141, погр. 1 кург. 58; Красноярский археологический комплекс, погр. 43, погр. 21; могильник Сайгатинский-IV, мог. 244; могильник Усть-Балык, мог. 300.

Методы

Краниологическое исследование проводилось по стандартной методике Ф. Р. Мартина, в модификации В. П. Алексеева и Г. Ф. Дебеца [1964]. Дополнительно вычислялся угол поперечного изгиба лба [Гохман 1961] и применялись несколько индексов: указатель уплощенности лицевого скелета (УЛС), преаурикулярный фациocereбральный указатель (ПФЦ), условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) [Дебец 1968], модули профилированности переносья (МПП) и лица (МПЛ) [Гохман

1980]. Для рассмотрения расовогенетических процессов, происходивших на этой территории, было проведено масштабное сопоставление полученных данных с выборками средневекового и предшествующего периодов из Западной Сибири и сопредельных регионов. Межгрупповая изменчивость исследовалась с помощью канонического анализа.

В ходе палеопатологического изучения выборки применялась комплексная методика. Анализ проводился по программе, используемой в группе физической антропологии Института археологии РАН [Бужилова и др. 1998] с привлечением руководства по исследованию антропологических останков [Buikstra, Ubelaker 1994; Ortner, Putschar 1985]. Для изучения суставных поверхностей использована модифицированная Д. И. Ражевым система балльной оценки дегенеративно-дистрофических изменений (ДДИ), основанная на данных Крабези [Crubezy 1988]. Регистрация узлов Шморля осуществлялась по Д. И. Ражеву. Травмы на костном материале описывались в соответствии с руководствами судебной медицины [Судебная медицина 1990].

Проведен остеоскопический анализ на предмет выявления маркеров физиологического стресса и патологий. Определялось наличие патологических изменений на скелетах по следующим категориям заболеваний: а) дистрофические изменения позвоночника и крупных суставов; б) воспалительные изменения; в) травмы и посттравматические изменения; г) опухолевые образования; д) болезни кровеносной и кроветворной систем; е) аномалии развития.

Восстановление лица по черепу проводилось по методике, разработанной представителями российской школы антропологической реконструкции, основанной М. М. Герасимовым [Герасимов 1949; 1955;

Лебединская 1973; 1998; Никитин 2009], а также были привлечены исследования зарубежных авторов [Guyomarc'h, Stephan 2001; Stephan, Huang, Davidson 2009]. Точных археологических данных о мужских и женских прическах и головных уборах населения исследуемых памятников нет, поэтому мужчины на портретах изображены в основном без волос. Женские волосы на рисунках оформлены условными косами.

Результаты. Краниология

В выборках могильников Устюг-1 и Ипкульский по многим признакам были зафиксированы большие значения статистических отклонений (табл. 8), что, вероятно, связано с неоднородностью изучаемого населения и малочисленностью наблюдений, особенно по черепной коробке. Плохая сохранность и искусственная деформация не позволили провести детальный анализ внутригрупповой изменчивости этих серий. По черепам из могильников Ревда-5, Перейминский и Козловский оказались доступны лишь отдельные наблюдения, и они могут не отражать антропологическое своеобразие палеопопуляций.

Судя по строению лицевого скелета, его профилировке и морфологии черепной коробки, все исследуемые выборки, как женские, так и мужские, находятся между границ изменчивости классических европеоидных и монголоидных вариантов, причем модуль профилированности переносья у мужской серии из Устюг-1 зафиксировал другую ситуацию — эти черепа сближаются с европеоидами, в то время как женская выборка из Ипкульского могильника по этому показателю монголоидна.

Морфологически выборки переходного времени из Нижнего Притоболья похожи. Исходя из морфологической, территориальной и хронологической близости, черепа из всех могильников были объединены в суммарную серию (рассчитаны взвешенные средние).

Мужские и женские черепа сборной серии близки друг другу, хотя небольшие отличия все же фиксируются (табл. 8). В то же время в отдельных группах (особенно в выборке из Ипкульского могильника) половые различия значительны. В целом черепа характеризуются следующими показателями. Субдолихокранная черепная коробка определяется средним поперечным диаметром. Мозговая капсула женских черепов длинная и низкая, а мужские черепа характеризуются средней длиной и высотой. Лоб узкий, у мужчин уплощен умеренно, у женщин — относительно сильнее. Мезопрозопное по пропорциям лицо средней ширины на всех уровнях. Высота лицевого скелета и скуловой диаметр средние. В вертикальной плоскости лицевой отдел мужских черепов прогнатный, женских — мезогнатный. В горизонтальной плоскости лицо профилировано, однако лицевой скелет мужских черепов на верхнем уровне умеренно уплощен. Орбиты широкие и умеренно высокие, по пропорциям у мужчин хамеконхные, у женщин — мезоконхные. Нос мезоринный, характеризуется средними показателями. Профилированное переносье мужских черепов на симотическом уровне низкое и узкое, на дакриальном — очень высокое и умеренно широкое. Более уплощенное переносье женских черепов на симотическом уровне характеризуется средней шириной и большой высотой, на дакриальном — большой шириной и высотой. Угол выступания носовых костей средний.

**Средние размеры и указатели черепов из Нижнего Притоболья переходного времени
от раннего железного века к Средневековью***

Признак (номер, по Ф. Р. Мартину, или условное обозначение)	♂		♀	
	<i>x</i> (<i>n</i>)	<i>s</i>	<i>x</i> (<i>n</i>)	<i>s</i>
1. Продольный диаметр	179,8(6)	9,8	176,4(7)	5,9
8. Поперечный диаметр	139,2(6)	7,3	137,5(6)	4,6
17. Высотный диаметр (ba–b)	133,5(2)	-	125,0(4)	4,6
20. Высотный диаметр (po–b)	108,5(2)	2,1	103,5(2)	2,1
8:1. Черепной указатель	77,6(6)	5,9	77,2(5)	4,0
5. Длина основания черепа	102,3(11)	7,0	98,0(5)	8,5
11. Ширина основания черепа	128,4(9)	5,8	124,8(4)	5,0
9. Наименьшая ширина лба	92,5(14)	7,0	89,8(13)	4,4
Угол поперечного изгиба лба	137,6(11)	7,1	141,9(11)	5,7
32. Угол профиля лба от n	79,5(2)	2,1	74,8(4)	3,6
40. Длина основания лица	103,7(9)	7,8	97,8(4)	2,2
40:5. Указатель выступания лица	100,9(8)	3,4	97,5(4)	4,9
45. Скуловой диаметр	132,9(7)	8,8	127,3(3)	2,5
45:8. Поперечный фациоцеребральный указатель	94,2(1)	-	92,2(2)	1,6
48. Верхняя высота лица	70,7(9)	5,4	66,1(8)	4,2
47. Полная высота лица	113,9(9)	6,4	110,6(8)	4,2
72. Общий лицевой угол	78,8(8)	3,1	84,6(5)	6,7
77. Назомалярный угол	141,3(12)	5,7	139,5(7)	7,7
Зигомаксиллярный угол	127,6(8)	6,3	129,4(5)	5,8
51. Ширина орбиты от mf	44,7(12)	3,2	42,3(9)	2,6
52. Высота орбиты	33,3(12)	2,9	33,3(8)	2,9
52:51. Орбитный указатель	75,2(12)	5,2	79,7(8)	6,6
55. Высота носа	51,6(11)	4,0	48,4(8)	2,5
54. Ширина носа	25,4(11)	2,3	24,5(7)	1,5
54:55. Носовой указатель	49,4(11)	5,9	50,6(7)	3,3
75(1). Угол выступания носа	23,8(9)	3,6	20,8(5)	5,3
SC. Симотическая ширина	6,9(11)	1,2	8,5(8)	1,8
SS. Симотическая высота	2,9(11)	0,8	3,6(8)	1,1
S. Симотический угол	101,5(11)	10,9	101,0(8)	6,5
DC. Дакриальная ширина	22,0(5)	2,7	22,6(5)	1,7
DS. Дакриальная высота	13,3(5)	3,2	10,6(5)	1,8
D. Дакриальный угол	80,1(5)	11,6	94,2(5)	6,6
68(1). Длина нижней челюсти от мышелков	107,5(11)	7,8	102,5(10)	4,0
68. Длина нижней челюсти от углов	79,6(14)	5,5	75,0(13)	5,3
65. Мышелковая ширина	119,4(7)	7,7	109,5(4)	9,3
66. Угловая ширина	102,1(12)	9,8	95,9(7)	5,5
УЛС	41,0	-	35,7	-
ПФЦ	93,6	-	94,7	-
УДМЭ	39,4	-	39,0	-
Модуль профилированности лица	134,5	-	134,5	-
Модуль профилированности переносья	90,8	-	97,6	-

* Размеры и указатели черепов из могильников Устюг-1, Ревда-5, Перейминский, Козлов Мыс-2, Ипкульский имеются в отдельных публикациях [Золотарева 1957; Пошехонова, Зубова, Слепцова 2016; Пошехонова, Слепцова 2017].

Значение уплощенности лицевого скелета (41,0 и 35,7) и преаурикулярный фациоцеребральный указатель (93,6 и 94,7) свидетельствуют о среднем положении серии между европеоидами и монголоидами, однако строение лица приближает ее к первому варианту. Величина модуля профилированности лица (134,5 и 134,5) ставит группу в границы изменчивости классических европеоидов. Степень профилировки переносья (90,8) мужских черепов согласуется с предыдущим заключением, а женские черепа по этому показателю (97,6) находятся в границах изменчивости монголоидов. В результате условная доля монголоидного элемента составляет 39,4% и 39,0%.

Картину антропологических исследований дополняет реконструкция. Портреты, восстановленные по черепу, позволяют создать образное представление о внешнем облике населения рассматриваемых регионов.

По краниологическим материалам могильника Устюг-1 выполнена небольшая серия портретов, представленных ниже.

Устюг-1, инд. 2 погр. 1 кург. 1. Портрет мужчины 35–40 лет с высоким и узким лицом, но с широкими скулами (рис. 75). Овал лица его тяготеет к пентагональной форме. Лоб весьма покатый, узкий, с развитым надбровьем. Выступление альвеолярной части лица характеризуется прогнатизмом. В горизонтальной плоскости на уровне орбит лицо профилировано средне, в подносовой части уплощено. Глаза с косовнутренним направлением линии разреза, протяженной по всей длине складкой верхнего века. Узкий, высокий нос с прямым профилем, с приопущенным кончиком, выступает средне. Подносовая часть лица с губами средней полноты и средней ширины, слабо выступающим подбородком (рис. 75).

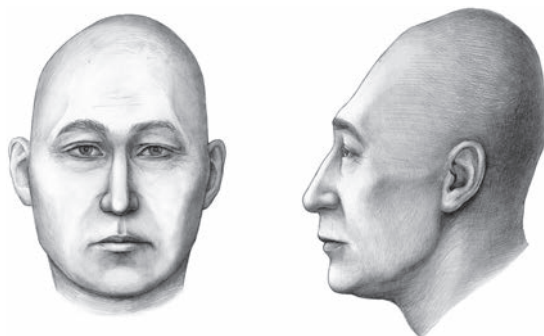

Рис. 75. Портрет мужчины 35–40 лет, восстановленный по черепу индивида 2 из погребения 1 кургана 1 могильника Устюг-1

Устюг-1, инд. 2 погр. 1 кург. 4. Лицо мужчины, умершего в возрасте 30–40 лет, низкое, средней ширины, уплощено, имеет угловатые очертания, его форму можно описать как пентагональную. Профилировка в вертикальной плоскости и выступание альвеолярной части характеризуется мезогнатностью. Лоб почти прямой, кажется достаточно высоким, надбровные дуги и глабелла развиты средне. Глаза среднего размера с косовнутренним направлением глазной щели. Нос высокий, с прямым профилем, чуть приподнятым кончиком. Средней ширины рот, губы средней полноты со слабой прохейлией. Округлый средней ширины подбородок слабо выступает (рис. 76).

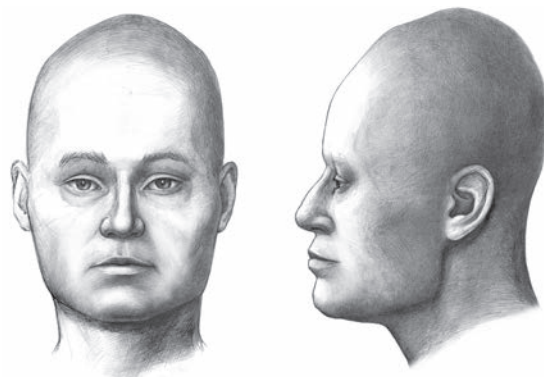

Рис. 76. Портрет мужчины 30–40 лет, восстановленный по черепу индивида 2 из погребения 1 кургана 4 могильника Устюг-1

Устюг-1, погр. 1 кург. 14. Портрет зрелого мужчины (около 55 лет) с низким узким лицом. Выступление лица в вертикальной плоскости и выступание альвеолярной части характеризуются прогнатизмом. В горизонтальной плоскости на уровне орбит уплощено средне, в подносовой части имеет значительную уплощенность. Лоб весьма наклонный, узкий, с заметным надбровьем. Глаза имеют косовнутреннее направление разреза глазной щели. Нос средней высоты и ширины, с прямым профилем, горизонтальным основанием, выступает слабо. Рот широкий. Губы средней полноты. Подбородок широкий, довольно выступающий (рис. 77).

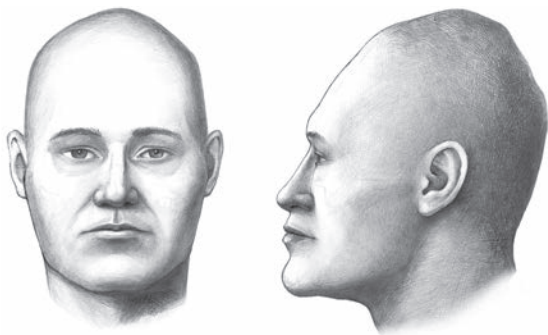

Рис. 77. Портрет зрелого мужчины, восстановленный по черепу из погребения 1 кургана 14 могильника Устюг-1

Устюг-1, погр. 2 кург. 2. Портрет молодой женщины, умершей в промежутке 18–20 лет. Лицо ее средней высоты, средней ширины в скулах и узкое в нижней части, уплощенное в вертикальной плоскости и на уровне средней части лица, подносовая часть отличается заметным прогнатизмом. Узкий покатый лоб среднего размера. Близко посаженные глаза с горизонтальным направлением разреза глаз. Нос со слабоволнистой спинкой, горизонтально направленным кончиком. Рот средней ширины с полными губами. Подбородок округлой формы, широкий, выступающий (рис. 78).

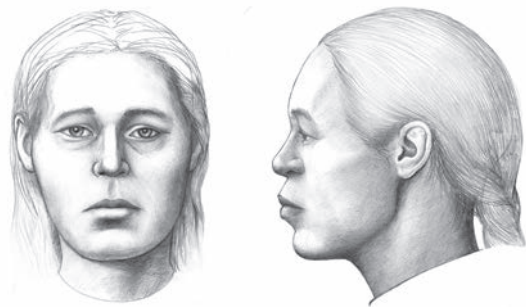

Рис. 78. Портрет молодой женщины 18–20 лет, восстановленный по черепу из погребения 2 кургана 2 могильника Устюг-1

Устюг-1, инд. 1 погр. 1 кург. 1. Портрет ребенка 9–10 лет с высоким, широким в скулах лицом пентагональной формы. Лоб прямой, высокий, средней ширины. Глаза с косовнутренним разрезом глазной щели. Возможно, со слабым эпикантусом. Средней ширины нос с приподнятым кончиком слабо выступает относительно плоскости лица. Губы средней полноты, среднего размера рот, узкий, не выступающий подбородок (рис. 79).

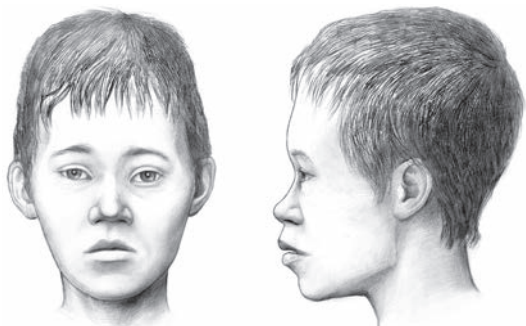

Рис. 79. Портрет ребенка 9–10 лет, восстановленный по черепу индивида 1 из погребения 1 кургана 1 могильника Устюг-1

С целью определения близости и генетических связей раннесредневековой серии из Нижнего Притоболья с той или иной группой раннего железного века было проведено ее сопоставление с мужскими и женскими краниологическими выборками широкого хронологического периода (VI в. до н. э. — V в. н. э.) с территории Западной Сибири и прилегающих регионов (см. табл. 9).

Серии, привлекаемые для межгруппового краниологического сопоставления

№	Серия	Автор, год
1	2	3
Ранний железный век		
1	Поволжье и Приуралье, сарматы ранние, сборная серия (IV–II вв. до н. э.)	[Багашев 2000]
2	Поволжье и Приуралье, сарматы средние, сборная серия (I в. до н. э. — начало II в. н. э.)	[Там же]
3	Нижнее Поволжье, сарматы поздние, Абганеровский могильник (вторая половина IV в. н. э.)	[Там же]
4	Восточный Казахстан, усунь, сборная серия (III в. до н. э. — I в. н. э.)	[Исмагулов 1970]
5	Западный Казахстан, кочевники, сборная серия (VI–IV вв. до н. э.)	[Китов, Мамедов 2014]
6	Западный Казахстан, кочевники, сборная серия (IV–III вв. до н. э.)	[Там же]
7	Западный Казахстан, кочевники, сборная серия (III–I вв. до н. э.)	[Там же]
8	Горный Алтай, пазырыкская культура, сборная серия (VI–III вв. до н. э.)	[Чикишева 2012]
9	Минусинская котловина, тагаро-таштыкская культура, сборная серия (III–I вв. до н. э.)	[Алексеев, Гохман 1984]
10	Минусинская котловина, таштыкская культура, сборная серия (I в. до н. э. — V в. н. э.)	[Там же]
11	Приуралье (Волго-Камье), ананьинская культура, Тетюшский могильник (VIII–VI вв. до н. э.)	[Акимова 1968]
12	Приуралье (Волго-Камье), кара-абызская культура, сборная серия (IV–I вв. до н. э.)	[Там же]
13	Приуралье (Волго-Камье), пьяноборская культура, сборная серия (I в. до н. э. — II в. н. э.)	[Там же]
Ранний железный век, серии из лесостепной части Западной Сибири		
1	Верхнее Приобье, каменная культура, сборная серия (IV–I вв. до н. э.)	[Рыкун 2013]
2	Приисетье и Притоболье, гороховская культура, сборная серия (V–I вв. до н. э.)	[Багашев 2000]
3	Бараба, саргатская культура, сборная серия (вторая половина I тыс. до н. э.)	[Там же]
4	Притоболье, саргатская культура, сборная серия (V в. до н. э. — V в. н. э.)	[Там же]
5	Приисетье, саргатская культура, сборная серия (IV в. до н. э. — II в. н. э.)	[Там же]
6	Прииртышье, саргатская культура, сборная серия (VI в. до н. э. — IV в. н. э.)	[Там же]
7	Приишимье, саргатская культура, сборная серия (V в. до н. э. — IV в. н. э.)	[Там же]
8	Верхнее Приобье, кулайская культура, могильник Каменный Мыс (III–II вв. н. э.)	[Там же]
9	Монголоидные низколицый, низколицый долихокранный и высоколицый компоненты, выделенные в составе саргатской серии	[Багашев 2017]
10	Европеоидные низколицый и высоколицый компоненты, выделенные в составе саргатской серии	[Там же]

1	2	3
<i>Средние века</i>		
1	Нарымское Приобье, могильник Алдыган (XI–XIII вв.)	[Багашев 2001]
2	Нарымское Приобье, могильник Тискинский (XII–XIV вв.)	[Там же]
3	Нарымское Приобье, могильник Тискинский (XV–XVII вв.)	[Там же]
4	Нижнее Притомье, могильник Астраханцевский (XIII–XIV вв.)	[Багашев 2003]
5	Среднее Приобье, рёлкинская культура, могильник Молчановский (VI–VIII вв.)	[Дремов 1967]
6	Нижнее Притомье, басандайская культура, могильник Басандайка (IX–XIV вв.)	[Чикишева, Ким 1988; Багашев 2017]
7	Новосибирское Приобье, верхнеобская культура, сборная серия (VII–VIII вв.)	[Дремов 1967; 1975; Багашев 2017]
8	Лесостепное Прииртышье, сборная серия (XIV–XVI вв.)	[Багашев 1988; 2017]
9	Среднее Прииртышье, усть-ишимская культура, сборная серия (IX–XIII вв.)	[Пошехонова 2011а]
10	Среднее Прииртышье, бакальская культура и тоболо-иртышские татары, Красноярский археологический комплекс (IX–XVIII вв.)	[Пошехонова 2011б]
11	Сургутское Приобье, Сайгатинские могильники (VI–XII вв.)	[Багашев, Пошехонова 2007]
12	Сургутское Приобье, Сайгатинские могильники (XIII–XVI вв.)	[Там же]
13	Сургутское Приобье, могильник Усть-Балык (X–XX вв.)	[Пошехонова 2006]
14	Сургутское Приобье, могильники Барсовой Горы (VIII–XV вв.)	[Пошехонова 2010]
15	Новосибирское Приобье, басандайская культура, могильник Ташара-Карьер-2 (XI–XIII вв.)	[Поздняков 2008]
16	Новосибирское Приобье, басандайская культура, могильник Санаторный-1 (XI–XIII вв.)	[Там же]
17	Минусинская котловина, «енисейские кыргызы» (VII–XI вв.)	[Алексеев 1963]
18	Горный Алтай (VI–X вв.)	[Алексеев 1958]
19	Лесостепное Прииртышье, сrostкинская культура (конец I — начало II тыс. н. э.)	[Багашев 1988]
20	Предгорный Алтай, бийский вариант сrostкинской культуры (VII–X вв.)	[Алексеев 1958; Дебец 1948]
21	Кузнецкая котловина, кемеровский вариант сrostкинской культуры, могильник Ур-Бедари (VIII–X вв.)	[Алексеев 1974]
2	Степной район Северо-Западного Алтая, сrostкинская культура, могильник Гилево (VIII–X вв.)	[Чикишева, Ким 1988]

1	2	3
23	Барнаульско-Каменский район Верхнего Приобья, барнаульско-каменский вариант сросткинской культуры (VIII–X вв.)	[Чикишева, Ким 1988]
24	Барабинская лесостепь, сросткинская культура (IX–X вв.)	[Там же]
25	Приуралье, Замараевский могильник, сросткинская культура (XII–XIII вв.)	[Алексеев 1971; Дебец 1948]
26	Северная Башкирия, кочевники (IX–X вв.)	[Акимова 1968]
27	Кустанайское Притоболье, кимаки (VIII–X вв.)	[Гинзбург 1963]
28	Павлодарское Прииртышье, кимако-кыпчаки (VII–XII вв.)	[Исмагулов 1970]
29	Восточный Казахстан, кимако-кыпчаки (VIII–XII вв.)	[Там же]
30	Зауралье (конец I — середина II тыс. н. э.)	[Багашев 2017]
31	Приуралье, Верхнее Прикамье, ломоватовская культура, могильники Митинский, Демёнковский (VI–VIII вв.)	[Алексеев 1969]
32	Приуралье, Привяжье, полемская культура, могильники Поломский, Мадлыньшай (V–IX вв.)	[Акимова 1969; Алексеев 1968]
33	Приуралье, Среднее Прикамье, бахмутинская культура, могильник Бирский (III–VII вв.)	[Акимова 1968]
34	Приуралье, Среднее Прикамье, мазунинская культура, могильники Сайгатинский, Ижевский, Мазунинский (III–V вв.)	[Там же]
35	Приуралье, бассейн р. Белой, Кушнарниковский могильник (V–VI вв.)	[Там же]

Таблица 10

**Величины факторных нагрузок.
Краниологический анализ сравнительных данных**

Номер признака, по Ф. Р. Мартину	Ранний железный век				Средневековье			
	♂		♀		♂		♀	
	1 вектор	2 вектор	1 вектор	2 вектор	1 вектор	2 вектор	1 вектор	2 вектор
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	-0,3499	-0,0746	-0,3768	-0,0080	-0,4314	0,3780	0,5568	-0,1316
8	0,6825	-0,1648	0,5333	-0,5627	0,3059	0,4566	0,1065	0,3625
17	0,0149	0,2701	0,2393	0,1784	-0,2016	0,2783	0,3283	0,1950
9	0,0132	-0,1130	-0,0234	-0,1555	-0,0636	-0,1669	-0,1366	-0,0576
45	0,1051	0,4806	0,0417	0,3705	0,4177	0,1629	-0,2800	0,3016
48	-0,1485	0,1408	-0,0700	-0,0215	0,1394	0,3090	0,3588	0,0768
51	0,4778	0,0601	0,5087	0,1082	0,1165	-0,0660	-0,0371	0,3835
52	-0,1042	0,0170	-0,1520	-0,0571	0,2366	-0,2203	-0,1565	0,0023
54	0,0348	0,1320	-0,0207	0,2184	0,0041	0,0244	-0,2062	-0,1085

1	2	3	4	5	6	7	8	9
55	0,0627	0,2049	0,1073	0,0812	0,1925	-0,0560	-0,2938	0,0946
SS	0,1488	-0,2541	-0,0067	-0,2018	-0,0440	0,0923	0,2117	0,0808
DC	-0,0101	0,1369	-0,0345	0,0372	-0,0726	-0,2813	-0,1190	-0,2970
DS	0,0634	-0,3678	0,1936	-0,0553	-0,2967	0,0825	0,2665	-0,0644
75(1)	0,0371	-0,4950	-0,0671	-0,2283	-0,3422	0,2917	0,2078	-0,2137
72	-0,0517	0,1158	0,1188	0,4619	0,0229	0,2507	-0,0099	0,2503
77	0,2785	0,2669	0,2757	0,0452	0,3370	0,1992	0,0340	0,5165
$\angle zm'$	0,1618	0,1384	0,2862	0,3280	0,2206	0,2874	0,1260	0,2669
Соб. значение	22,2038	13,7651	20,9056	7,5722	13,3576	8,6325	8,4486	6,7615
Доля изм., %	28,1	17,4	39,8	14,4	23,5	15,2	21,4	17,1

Величины нагрузок на 1 и 2 канонические векторы, которые описывают 45,5% изменчивости, дифференцируют мужские серии по форме черепной коробки, ширине орбиты и лицевого скелета, высоте переносья и по углу выступления носовых костей (табл. 10). Наибольшие значения по 1 каноническому вектору приходятся на серии, в составе которых преобладают более брахикранные черепа с широкой орбитой. По 2 каноническому вектору наибольшие нагрузки приходятся на выборки с широким лицом, низким переносьем и малым углом выступления носа. Значения нагрузок на признаки в составе первых двух канонических векторов (54,2% изменчивости) делят женские серии примерно так же, как и мужские группы (за исключением значения высоты переносья) (табл. 10). В результате крайние варианты представлены выборками с относительно более коротким черепом и широкой орбитой (вектор 1) и сериями с более узкой мозговой капсулой, широким лицом и относительно меньшим углом выступления носа (вектор 2). То есть серии дифференцировались по степени монголоидности и по характеристикам европеоидной составляющей в их антропологической структуре

(долихокранный или брахикранный мозговой капсула, узкие или широкие орбиты).

На графиках, построенных по результатам канонического анализа, мужские и женские серии раннего железного века, за некоторым исключением, расположились одинаково (см. рис. 80, 89). Западносибирские выборки из лесостепной зоны сгруппировались крупными скоплениями, локализуясь в отдельных полях графиков. Средневековая мужская выборка из Нижнего Притоболья заняла среднее положение среди всех привлеченных для анализа групп. Судя по локализации, она тяготеет к лесостепному западносибирскому населению, однако необходимо отметить ее особую близость сборной серии III в. до н. э. — I в. н. э. из Казахстана и группе черепов пазырыкской археологической культуры из Горного Алтая (см. рис. 89). Данная ситуация может объясняться близкой к указанным группам морфологической характеристикой европеоидного краниологического типа в ее структуре, для которого свойственны средние показатели. От территориально близкой саргатской серии из Притоболья она дистанцировалась за счет более узкого и длинного черепа и более узких орбит.

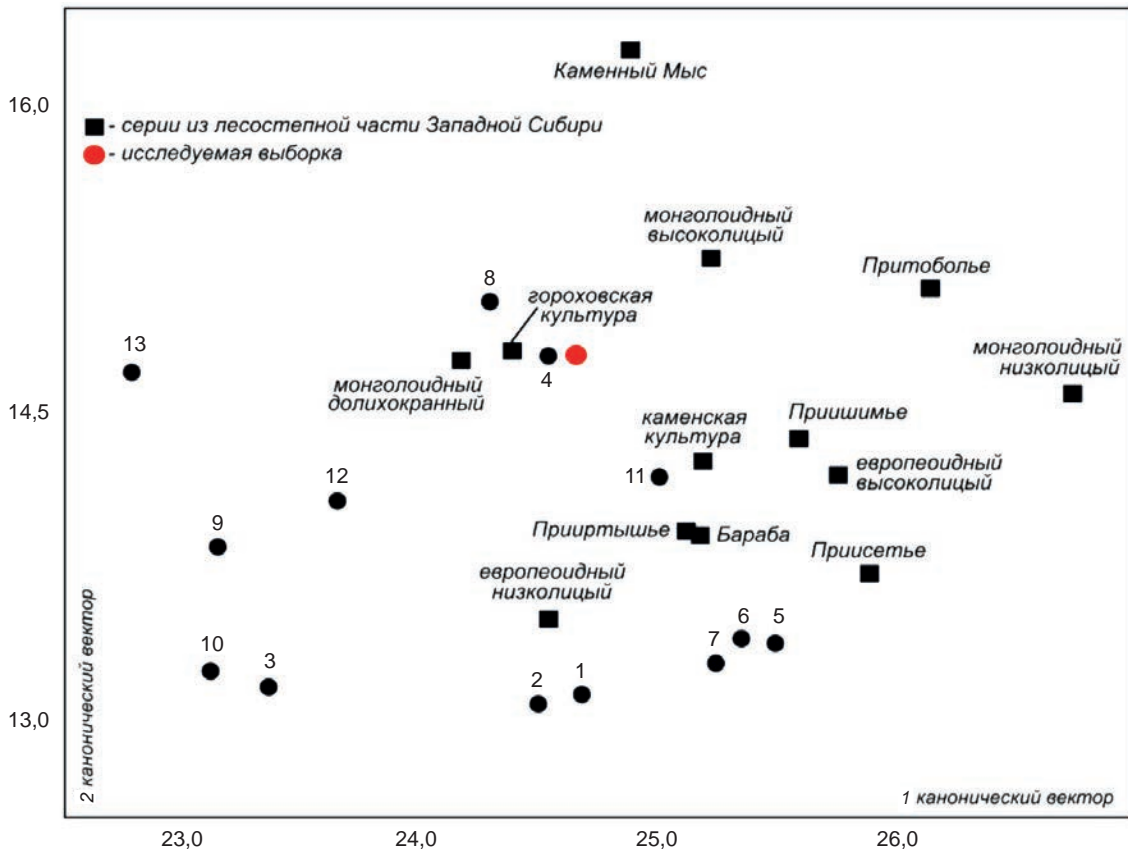

Рис. 80. Расположение мужских краниологических серий раннего железного века и исследуемой выборки в пространстве 1 и 2 канонических векторов (названия групп см. в табл. 9)

Внешний облик представителей саргатской культуры проиллюстрирован портретами мужчины, женщины и ребенка.

Муззинский-1, ск. 1 погр. 2 кург. 6. Портрет молодого мужчины 20–30 лет с лицом пентагональной формы, покатым лбом. Надбровье средне развито. В вертикальной плоскости лицо ортогнатное. В горизонтальной плоскости на уровне орбит уплощено, а в подносовой части — профилировано хорошо. Неглубоко посаженные глаза имеют косовнутреннее направление разреза глазной щели. Нос высокий, средней ширины, со слабоизвилистым профилем, кончик приподнят, сильно выступает. Губы полные, рот широкий. Подбородок узкий, округлый, хорошо очерчен, выступает средне (рис. 81).

Карасье-9, погр. 2 кург. 11. Портрет женщины 40–50 лет с высоким и широким лицом. В вертикальной плоскости лицо мезогнатное, выступание альвеолярной части характеризуется гиперпрогнатизмом. В горизонтальной плоскости на уровне орбит имеет значительную уплощенность, в подносовой части уплощено средне. Овал лица тяготеет к тетрагональной форме, лоб весьма покатым, надбровье слабо развито, утяжеленный, средней ширины, умеренно выступающий подбородок. Глаза неглубоко посаженные со слабосовнутренним направлением линии разреза глазной щели. Нос средней ширины с прямым профилем, горизонтальным положением основания и кончика носа, выступает средне.

Рот средней ширины со средней полноты губами (рис. 82).

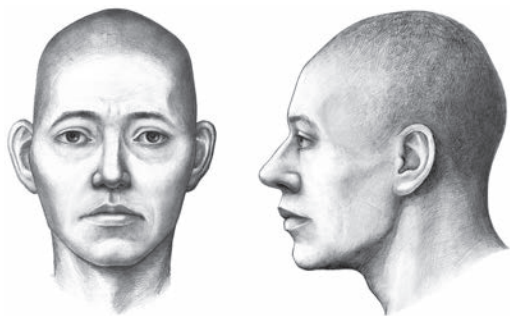

Рис. 81. Саргатская культура. Портрет молодого мужчины 20–30 лет, восстановленный по черепу скелета 1 из погребения 2 кургана 6 могильника Мурзинский-1

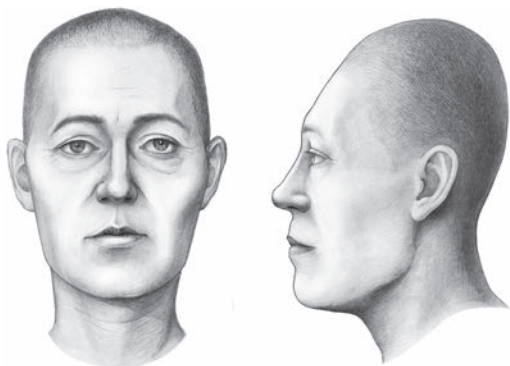

Рис. 82. Портрет зрелой женщины, восстановленный по черепу из погребения 2 кургана 11 могильника Карасье-9

Гаёвский-1, погр. 1 кург. 6. Это, предположительно, мальчик 10–12 лет с лицом овоидной формы. Лоб наклонный, со слабым надбровьем. Глаза с косовнутренним направлением разреза глазной щели. Нос симметричный, со слабоизвилистым профилем, возможно, с небольшой горбинкой и немного опущенным кончиком. Нижняя часть лица с губами средней полноты. Подбородок выступает средне (рис. 83).

Морфология черепов сближает анализируемую выборку с мужской частью гороховского населения. Необходимо отметить, что относительно дифференцирующих при-

знаков 2 канонического вектора, которые определили степень монголоидности групп, мужская серия из Нижнего Притоболья также занимает среднее положение. Это указывает на присутствие в ее антропологической структуре определенной доли монголоидной составляющей. Судя по расположению на графике монголоидных элементов, выделенных в составе саргатского населения, характеристика этого элемента близка монголоидам автохтонного происхождения. Представители монголоидов автохтонного населения раннего железного века связываются с носителями кулайской археологической культуры, проживавшими в основном в таежной части Западной Сибири [Багашев 2017]. Их облик можно представить на основе портретов, выполненных по черепам индивидов из памятников святилище Усть-Полуй, городище Большой Лог, Каменный Мыс и Кулайская гора.

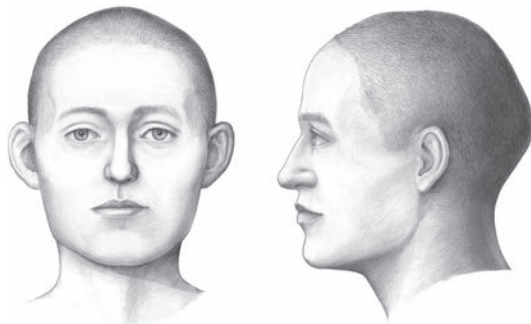

Рис. 83. Саргатская культура. Портрет мальчика 10–12 лет, восстановленный по черепу из погребения 1 кургана 6 могильника Гаёвский-1

Святилище Усть-Полуй, инд. 2. Портрет зрелой женщины с высоким и широким лицом ромбической формы с сильно выдающимися скулами, невысоким, узким, слегка наклонным лбом. Общий лицевой профиль и угол альвеолярной части мезогнатные. Высокий и широкий нос с извилистым профилем выступает слабо. Кончик носа немного приподнят. Неглубоко посаженные

глаза имеют косовнутреннее направление разреза глазной щели. Губы средней полноты, прохейличные. Подбородок очень широкий, слабо выступающий в профиль (рис. 84).

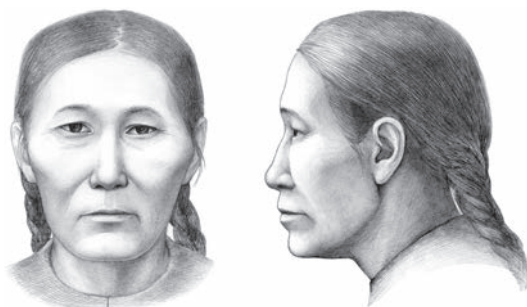

Рис. 84. Кулайская культура. Портрет зрелой женщины, восстановленный по черепу индивида 2 из святилища Усть-Полуй

Городище Большой Лог, погр. 2. На портрете зрелый мужчина с высоким и очень широким ортогнатным лицом овоидной формы. Лоб широкий, слабо наклонен, надбровные дуги и переносье развиты слабо. Нос высокий и широкий, с приподнятым кончиком и чуть изогнутой спинкой, в положении анфас имеет слабую асимметрию. Глаза среднего размера с косовнутренним направлением разреза глазной щели. Рот средней ширины с губами средней полноты. Подбородок средней ширины, прямой (рис. 85).

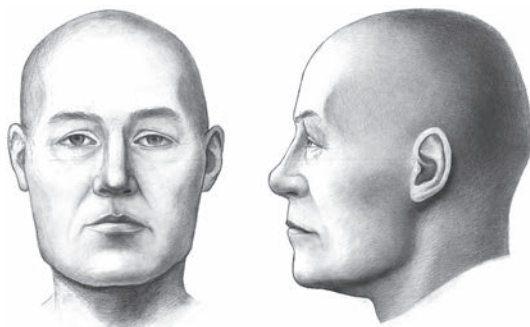

Рис. 85. Кулайская культура. Портрет зрелого мужчины, восстановленный по черепу из погребения 2 могильника Большой Лог (1993)

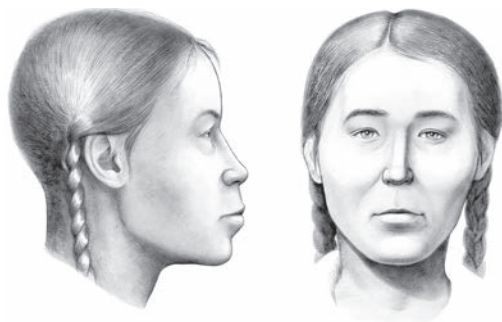

Рис. 86. Кулайская культура. Портрет молодой женщины, восстановленный по черепу из погребения 1 кургана 4 могильника Каменный Мыс

Каменный Мыс, погр. 1 кург. 4. Портрет молодой женщины с высоким средней ширины скуластым лицом овоидной формы. Прямой узкий лоб без выраженного надбровья. Слабо выступающий нос узкий, высокий, с приподнятым кончиком. Глаза маленькие. Рот узкий, губы средней полноты. Подбородок маленький, округлый, слабо выступающий (рис. 86).

Каменный Мыс, погр. 6 кург. 4. Портрет молодого мужчины с очень широким скуластым лицом. Лоб средней ширины, наклонный. Нос высокий, тонкий, слабо выступающий, основание носа горизонтальное. Глаза среднего размера. Рот небольшой, губы тонкие. Подбородок широкий, округло-угловатой формы, значительно выступающий (рис. 87).

Кулайская гора. На портрете зрелого мужчины видим средней высоты широкое лицо с широкими скулами, но более узким лбом. Лоб слегка наклонный, с умеренно выраженным надбровьем. Нос высокий, средней ширины, хорошо выступающий. Глаза небольшие, посадка средняя. Рот средней ширины, губы довольно тонкие. Подбородок выступающий, прямой, средней ширины (рис. 88).

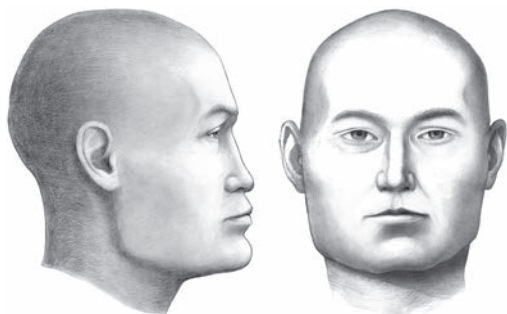

Рис. 87. Кулайская культура. Портрет зрелого мужчины, восстановленный по черепу из погребения 6 кургана 4 могильника Каменный Мыс

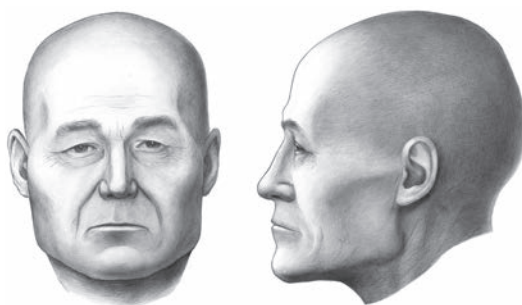

Рис. 88. Кулайская культура. Портрет зрелого мужчины, восстановленный по черепу из могильника Кулайская гора

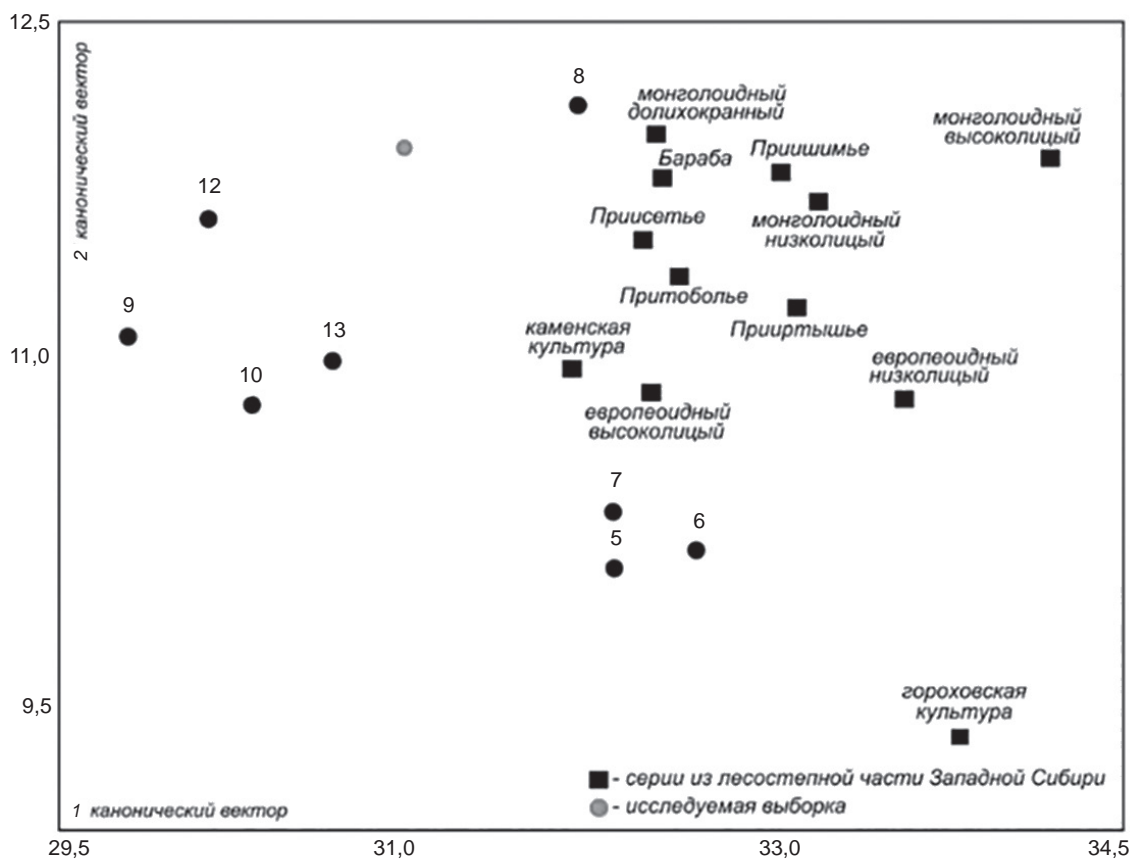

Рис. 89. Расположение женских краниологических серий раннего железного века и исследуемой выборки в пространстве 1 и 2 канонических векторов (названия групп см. в табл. 9)

Женская выборка из Нижнего Притоболья обладает большим своеобразием. Удельный вес монголоидного компонента

в ее составе гораздо ниже по сравнению с мужской частью средневекового населения.

По результатам анализа межгрупповой изменчивости серий раннего железного века и выборки переходного времени из Нижнего Приоболья можно заключить, что исследуемая популяция генетически связана с предшествующим населением, однако доля монголоидного элемента в ее структуре относительно выше. Характеристика данного компонента сближает серию с монголоидами, которые проживали на территории Западной Сибири с древних времен [Багашев 2000].

Для выяснения близости исследуемой выборки к той или иной группе эпохи Средних веков из Западной Сибири и сопредельных регионов было проведено их многомерное межгрупповое сопоставление. Исследуемые серии датируются широким хронологическим промежутком (от III–IV вв. до XVII–XX вв.) (см. табл. 9). Все выборки можно разбить на три группы согласно характеристике их антропологического типа: популяции с европеоидным компонентом и примесью центрально-азиатского происхождения, выборки с преобладанием низколицевого монголоидного компонента Западной Сибири и европеоидные серии из Приуралья. Для выяснения степени участия населения предшествующего периода из лесостепи в генезисе средневековых групп в анализе были задействованы данные по монголоидным и европеоидным компонентам, выделенным в составе саргатской популяции раннего железного века [Багашев 2017].

Величины нагрузок, которые описывают 38,7% и 38,5% изменчивости, дифференцируют группы по длине и высоте черепной коробки, по размерам и степени профилировки лицевого скелета, по высоте переносья, а также по углу выступания носовых костей (см. табл. 10). Наибольшие значения по 1 каноническому вектору приходятся на мужские серии, в составе которых преобладают черепа с большим скуло-

вым диаметром, коротким черепом, низким переносьем и малым углом выступания носа. По 2 каноническому вектору наибольшие нагрузки приходятся на выборки с высокой черепной коробкой и высоким лицом. В случае с женскими группами крайние варианты представлены сериями с наиболее длинной черепной коробкой, высоким лицом и переносьем (1 канонический вектор) и выборками с широким уплощенным лицом и небольшим углом выступания носа (2 канонический вектор). То есть серии дифференцировались по степени европеоидности и по характеристике морфологических особенностей монголоидной доли в их антропологической структуре (низколиций или высоколицый).

На графике (рис. 90) европеоидные мужские выборки из Приуралья с наиболее профилированным высоким лицом и переносьем, а также выступающими носовыми костями сгруппировались отдельным скоплением, отдаляясь от остальных серий. Самый выраженный вариант подобного сочетания признаков при этом можно наблюдать у людей, оставивших кушнаренковский могильник. Расположение групп в границах изменчивости, характерной для западносибирских низколицев монголоидов, показывает, насколько этот компонент содержится в их антропологической структуре. Выборки, которые можно соотнести с современными уральскими популяциями западносибирской формации (серии из могильников Сайгатинских, Барсова Гора и Усть-Балык), заняли крайнюю позицию в этом скоплении. Очевидно, что монголоидный компонент превалирует в их антропологической структуре. Для них характерно сочетание следующих признаков: наиболее низкое лицо и череп, а также минимальный угол выступания носа. Графические портреты для этой выборки выполнены по черепам из могильников Сайгатинский-IV и Усть-Балык.

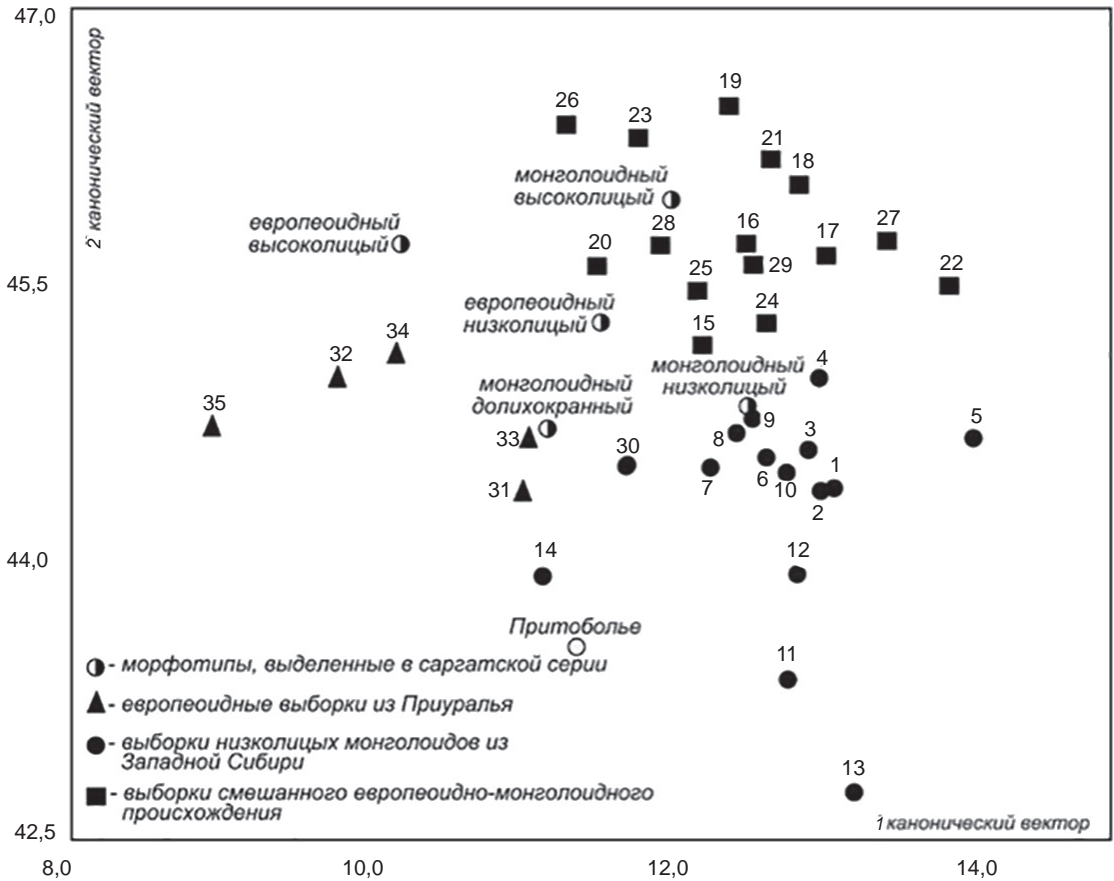

Рис. 90. Расположение мужских средневековых краниологических серий в пространстве 1 и 2 канонических векторов (названия групп см. в табл. 8)

Сайгатинский-IV, мог. 244. Портрет мужчины 20–30 лет с очень низким лицом средней ширины. В вертикальной плоскости мезогнатное, выступание альвеолярной части характеризуется гиперпрогнатизмом. В горизонтальной плоскости на уровне орбит профилировано, в подносовой части уплощено. Лоб весьма наклонный, средней ширины. Нос низкий, средней ширины, слабо выступает, с горизонтальным основанием. Глаза большие, с косовнутренним направлением разреза глазной щели. Рот средней ширины с полными губами. Подбородок средней ширины, округлый, слабо выступающий (см. рис. 91).

Усть-Балык, мог. 300. Портрет молодой женщины, умершей в возрасте 25–30 лет, с низким широким лицом и широким лбом. В вертикальной плоскости лицо прогнатно, выступание альвеолярной части характеризуется гиперпрогнатностью. В горизонтальной плоскости на уровне орбит и в подносовой части уплощено сильно. Нос низкий, средней ширины, слабо выступает. Глаза с косовнутренним направлением разреза глазной щели. Рот широкий, губы полные, прохейличные. Подбородок узкий, невыдающийся (см. рис. 92).

Выборки, которые можно соотнести с современными обь-иртышскими популяциями западносибирской формации (серии

из могильников Томско-Нарымского Приобья, северной части Новосибирского Приобья и Среднего Прииртышья), заняли среднюю позицию в этом скоплении на графике (см. рис. 90). Для них характерно сочетание следующих признаков: мезобрахикранная коробка, низкое, относительно более узкое лицо, среднепрофилированное переносье и чуть более выступающий нос.

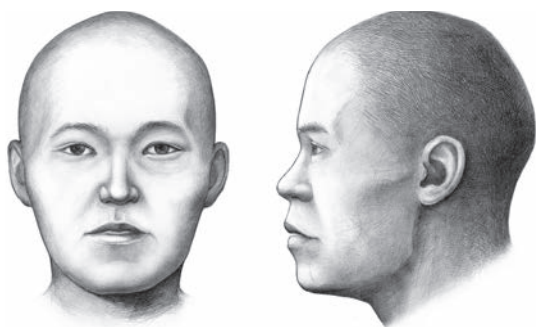

Рис. 91. Низколицие монголоиды Нижнего Приобья. Портрет мужчины 20–30 лет, восстановленный по черепу из могилы 244 могильника Сайгатинский-IV

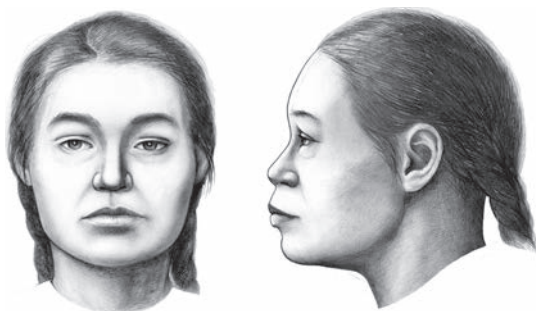

Рис. 92. Низколицие монголоиды Нижнего Приобья. Портрет женщины 25–30 лет, восстановленный по черепу из могилы 300 могильника Усть-Балык

Визуально особенности физического облика представителей этой формации продемонстрированы на реконструкциях по черепам из следующих памятников: Рёлка, Басандайка, Умна-II, Юрт Акбалык-8, Иванов Мыс-1, Нугай-1, Масарлы-1, Паново-1, Красноярский археологический комплекс.

Могильник в урочище Рёлка, мог. 9 кург. 1. Портрет молодого мужчины 20–30 лет с высоким и широким лицом пентагоноидной формы, наклонным средней ширины лбом. Выступление лица в вертикальной плоскости ортогнатно, альвеолярная часть характеризуется прогнатизмом. В горизонтальной плоскости на уровне орбит профилировано средне, в подносовой части профилировано хорошо. Глаза глубоко посажены, разрез глаз с горизонтальным направлением. Нос узкий, высокий, слабо выступающий, с прямым профилем и горизонтальным основанием. Губы среднего размера, тонкие. Прикус ступенчатый, благодаря чему нижняя губа выступает вперед относительно верхней. Подбородок широкий, выступающий, округло-угловатой формы (рис. 93).

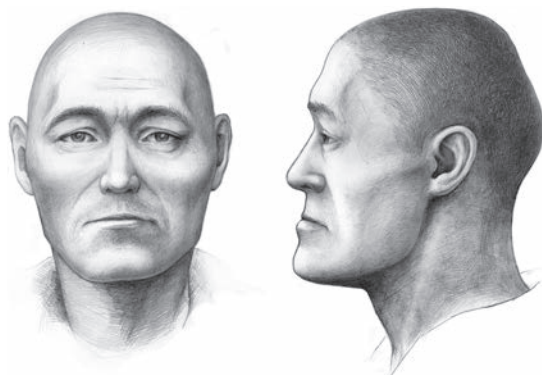

Рис. 93. Узколицие монголоиды Среднего Приобья. Портрет молодого мужчины 20–30 лет, восстановленный по черепу из могилы 9 кургана 1 могильника Рёлка

Могильник в урочище Рёлка, мог. 10 кург. 1. Портрет молодой женщины с низким широким лицом овоидной формы, с прямым узким лбом. Выступление лица в вертикальной плоскости характеризуется мезогнатией, в альвеолярной части — гиперпрогнатизмом. В горизонтальной плоскости на уровне орбит имеет значительную уплощенность, в подносовой части уплощено слабо. Неглубоко посаженные небольшие глаза с косовнутренним

направлением разреза глазной щели с нависающим верхним веком. Нос узкий, средней ширины, с прямым профилем и горизонтальным основанием. Рот и губы среднего размера, прикус правильный. Подбородок средней ширины, хорошо очерчен (рис. 94).

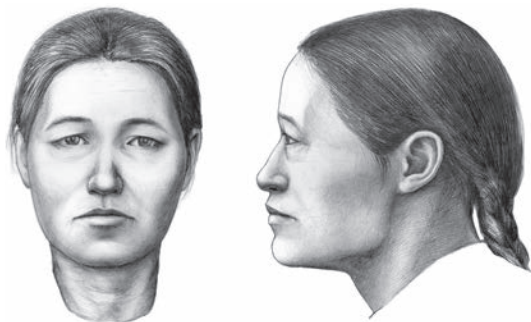

Рис. 94. Узколицие монголоиды Среднего Приобья. Портрет молодой женщины, восстановленный по черепу из могилы 10 кургана 1 могильника Рёлка

Басандайка, мог. 2 кург. 27. Портрет молодой женщины с низким широким лицом орбикулярной формы, с наклонным средней ширины лбом, высоким, слабо выступающим носом и узким, слабо выступающим подбородком. Выступление лица по вертикали и в альвеолярной части характеризуется прогнатизмом. В горизонтальной плоскости на уровне орбит лицо профилировано, в подносовой части — уплощено. Разрез глаз слабонаклонный. Рот и губы среднего размера и полноты, с небольшой степенью прохейличности (рис. 95).

Умна-II, кург. 27. Портрет женщины, умершей в промежутке от 30 до 50 лет, с широким низким лицом, узким покатым лбом, широкими скулами и узким округлым, слабо выступающим подбородком. По вертикали лицо прогнатно, выступание альвеолярной части характеризуется гиперпрогнатизмом. По горизонтали лицо уплощено как на уровне орбит, так и в подносовой части. Глаза маленькие. Нос средней высоты и ширины, сильно уплощен в при-

корневой части, выступает средне относительно плоскости лица. Рот небольшой, губы тонкие (рис. 96).

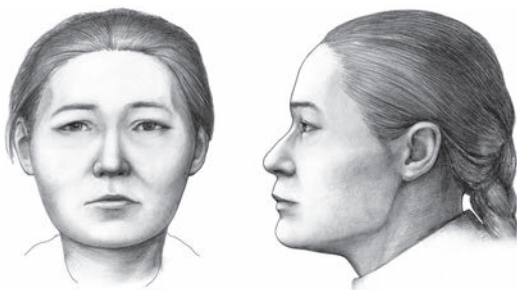

Рис. 95. Монголоиды Среднего Приобья. Портрет молодой женщины, восстановленный по черепу из могилы 2 кургана 27 могильника Басандайка

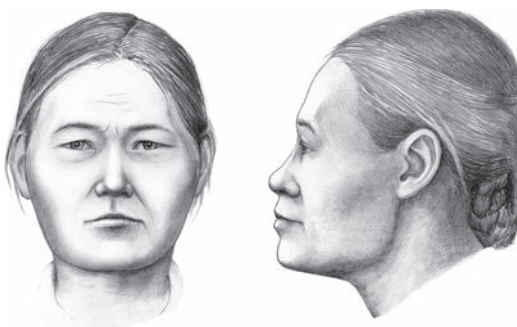

Рис. 96. Широколицие монголоиды лесостепного Приобья. Портрет зрелой женщины, восстановленный по черепу из кургана 27 могильника Умна-II

Юрт Акбалык-8, кург. 3. Портрет мужчины 30–50 лет с низким средней ширины лицом и широкими скулами. По вертикали лицо ортогнатно, при этом выступание альвеолярной части характеризуется прогнатизмом. В горизонтальной плоскости на уровне орбит уплощено средне, в подносовой части имеет значительную уплощенность. Узкий наклонный лоб. Широкий, умеренно выступающий подбородок. Глаза маленькие, глубоко посаженные, с горизонтальным направлением разреза глазной щели. Нос низкий, узкий, слабо выступающий, с изогнутой спинкой и горизонталь-

ным основанием. Прикус ступенчатый, рот средней ширины, губы тонкие (рис. 97).

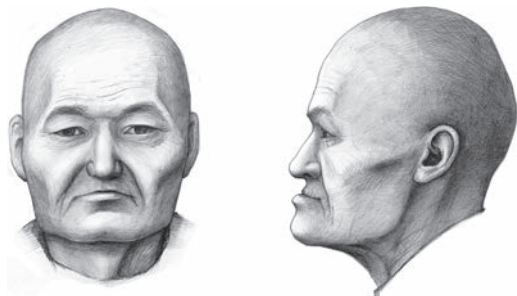

Рис. 97. Широколицие монголоиды лесостепного Приобья. Портрет возмужалого мужчины, восстановленный по черепу из кургана 3 могильника Юрт Акбалык-8

Иванов Мыс-1. Портрет мужчины 55–60 лет с высоким и очень широким лицом. Выступление альвеолярной части характеризуется прогнатизмом. В горизонтальной плоскости на уровне орбит лицо довольно уплощено, а в подносовой части профилировано хорошо. Лоб весьма наклонный, средней ширины. Нос высокий, слабо выступающий, с прямым профилем спинки носа и горизонтальным основанием. Глаза с косовнутренним направлением разреза глазной щели, глубоко посаженные. Прикус, предположительно, ножницеобразный, рот неширокий, губы средней толщины. Подбородок раздвоенный средней ширины, умеренно выступающий (рис. 98).

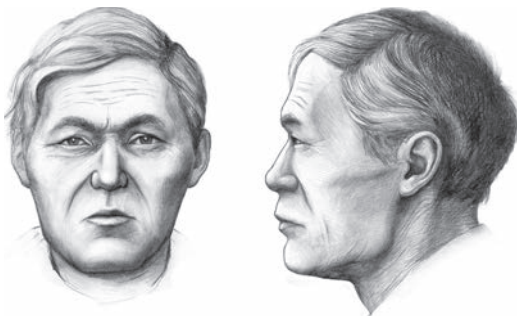

Рис. 98. Широколицие монголоиды лесостепного Приобья. Портрет зрелого мужчины, восстановленный по черепу из могильника Иванов Мыс-1

Иванов Мыс-1, мог. 1 кург. 1. Портрет мужчины в возрасте примерно 25 лет с высоким и широким лицом пентагональной формы. В вертикальной плоскости мезогнатное, выступание альвеолярной части характеризуется ортогнатностью. В горизонтальной плоскости на уровне орбит профилировано средне, в подносовой части — уплощено. Лоб средней ширины, прямой. Сильно выступающий широкий нос средней высоты. Глаза с косовнутренним направлением разреза глазной щели. Скулы очень широкие. Рот средней ширины с полными губами. Подбородок узкий, выступающий (рис. 99).

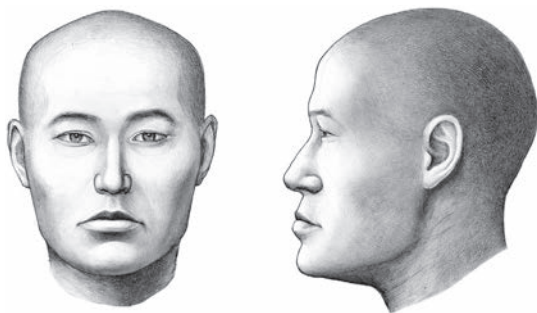

Рис. 99. Широколицие монголоиды лесостепного Приобья. Портрет молодого мужчины, восстановленный по черепу из могилы 1 кургана 1 могильника Иванов Мыс-1

Масарлы-1, погр. 4 кург. 3. Портрет мужчины 50 лет с широким, средней высоты лицом с широкими скулами. В вертикальной плоскости мезогнатное, выступание альвеолярной части характеризуется ортогнатностью. В горизонтальной плоскости на уровне орбит профилировано средне, в подносовой части — уплощено. Лоб прямой, средней ширины, с развитым надбровьем. Нос узкий, средней высоты, с прямой спинкой и горизонтально направленным основанием, выступает средне. Глаза среднего размера с косовнутренним направлением разреза глазной щели. Рот средней ширины. Нижняя губа значительно выступает относи-

тельно верхней губы. Подбородок крупный, широкий, выступающий (рис. 100).

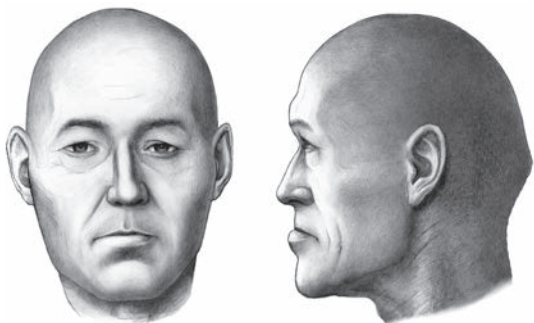

Рис. 100. Широколицые монголоиды лесостепного Приобья. Портрет мужчины 50 лет, восстановленный по черепу из погребения 4 кургана 3 могильника Масарлы-1

Масарлы-1, погр. 8 кург. 3. Портрет мужчины 35–40 лет с широким очень низким лицом ортогнатным по вертикали и в альвеолярной части. В горизонтальной плоскости на уровне орбит профилировано слабо, в подносовой части уплощено сильно. Лоб широкий, весьма наклонный с заметным надбровьем. Нос низкий, средней ширины, выступающий, с прямой спинкой и приподнятым основанием. Глаза среднего размера, с косовнутренним направлением разреза глазной щели. Рот средней ширины с тонкими губами. Подбородок узкий, слабо раздвоенный, в профиль — выступающий (рис. 101).

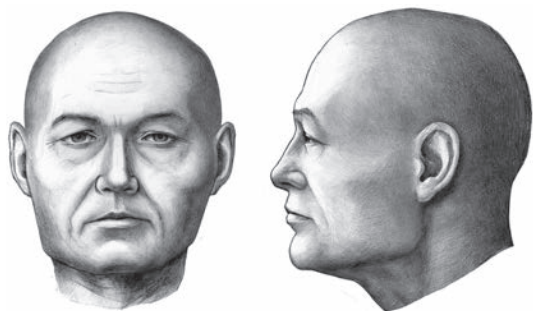

Рис. 101. Низколицые монголоиды. Портрет мужчины 35–40 лет, восстановленный по черепу из погребения 8 кургана 3 могильника Масарлы-1

Нугай-1, погр. 2 кург. 1. Портрет женщины 20–25 лет с лицом орбикулярной формы, средней высоты и ширины, но очень широкими скулами, ортогнатным по вертикали, мезогнатным в альвеолярной части. По горизонтали лицо уплощено. Лоб узкий, наклонный, с заметным надбровьем. Нос высокий, средней ширины, выступает средне. Спинка носа прямая, основание направлено горизонтально. Глаза небольшие, с косовнутренним направлением разреза глазной щели. Рот средней ширины, губы тонкие. Подбородок среднего размера, округлый, в профиль — выступающий (рис. 102).

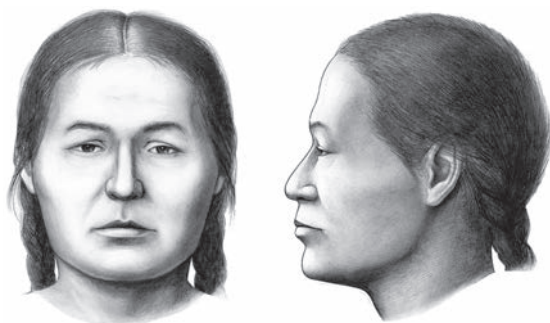

Рис. 102. Широколицые монголоиды. Портрет женщины 20–25 лет, восстановленный по черепу из погребения 2 кургана 1 могильника Нугай-1

Нугай-1, погр. 8 кург. 1. Портрет мужчины в возрасте 50 лет с узким лицом средней высоты овальной формы, мезогнатным по вертикали и уплощенным в горизонтальной плоскости. Лоб узкий, слабо наклонен. Нос средней ширины, высокий, вероятно, с прямой спинкой, основание носа горизонтальное. Выступает сильно относительно плоскости лица. Глаза среднего размера, посажены глубоко. Рот широкий, губы средней толщины. Подбородок сильно выступает, узкий, округлой формы (см. рис. 103).

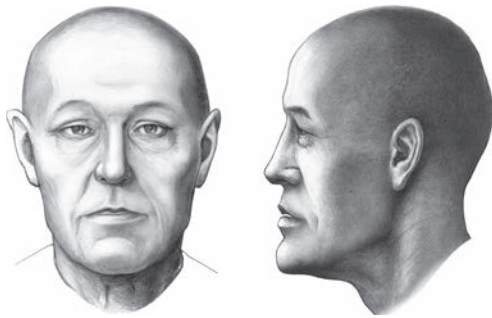

Рис. 103. Узколицие монголоиды.
 Портрет зрелого мужчины, восстановленный по черепу из погребения 8 кургана 1 могильника Нугай-1

Паново-1. Портрет мужчины 35–40 лет с лицом средней высоты и ширины, наклонным относительно узким лбом. Лицо мезогнатно в вертикальной плоскости, профилировано средне по горизонтали. Нос средних размеров. Глаза небольшие, с косовнутренним направлением разреза глазной щели. Хорошо очерченный округлый подбородок заметно выступает под тонкими губами средней ширины рта (рис. 104).

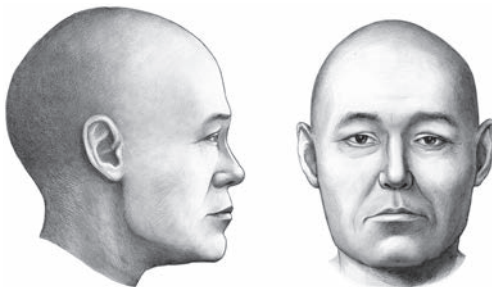

Рис. 104. Монголоиды Прииртышья.
 Портрет мужчины 35–40 лет, восстановленный по черепу из могильника Паново-1

Паново-1, погр. 1 кург. 58. Портрет женщины в возрасте 45–50 лет с лицом средней высоты и ширины, широкими скулами и узким прямым лбом. Высокий нос средней ширины. Глаза небольшого размера, глубоко посажены, с косовнутренним направлением разреза глазной щели. Рот средней ширины с губами средней полноты. Подбородок небольшой, округлый, выступает умеренно (рис. 105).

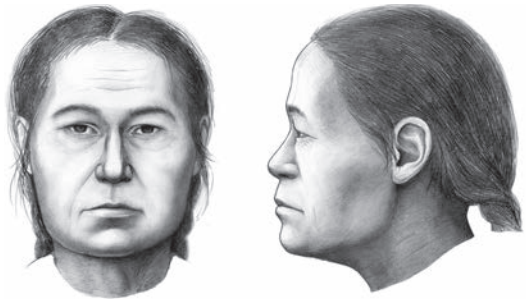

Рис. 105. Монголоиды Прииртышья.
 Портрет женщины 45–50 лет, восстановленный по черепу из погребения 1 кургана 58 могильника Паново-1

Красноярский археологический комплекс, погр. 21. Портрет молодого мужчины в возрасте примерно 25 лет с широким средней высоты лицом, очень широкими скулами и наклонным, средней ширины лбом с развитым надбровьем. В вертикальной плоскости лицо прогнатно, выступание альвеолярной части характеризуется ультрапрогнатизмом. По горизонтали в подносовой части профилировано средне и более уплощено на уровне орбит. Глаза среднего размера, близко посажены. Нос широкий, низкий, слабо выступает. Основание и кончик носа приподняты. Рот широкий, губы полные, прохейличные. Подбородок округлый, средней ширины, слабо выступает (рис. 106).

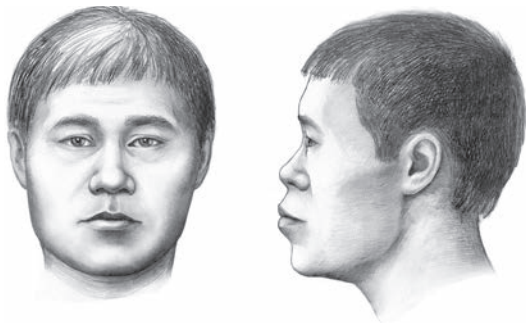

Рис. 106. Широколицие монголоиды Прииртышья. Портрет молодого мужчины, восстановленный по черепу из погребения 21 Красноярского археологического комплекса

Красноярский археологический комплекс, погр. 43. Портрет женщины 30–35 лет с очень высоким и широким лицом, с широкими скулами и наклонным, средней ширины лбом без развитых лобных бугров и надбровья. Лицо ортогнатно по вертикали и уплощено в горизонтальной плоскости. Глаза среднего размера, с косовнутренним направлением разреза глазной щели. Нос очень высокий, широкий, с прямой спинкой, горизонтальным основанием, выступает слабо. Рот средней ширины, губы средней полноты. Подбородок узкий, округлый, выступающий (рис. 107).

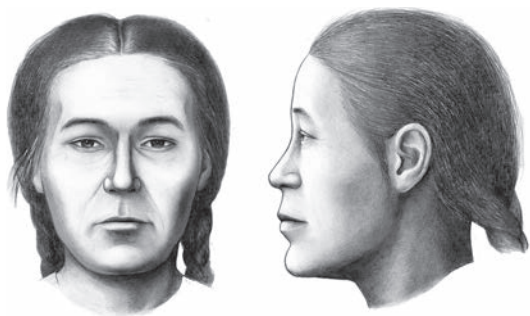

Рис. 107. Высоколицые монголоиды Прииртышья. Портрет женщины 30–35 лет, восстановленный по черепу из погребения 43 Красноярского археологического комплекса

Для выборок, расположившихся в противоположном поле, также характерны монголоидные черты, но их отличительными особенностями являются высокий череп, более уплощенное высокое лицо, а также больший угол выступания носовых костей. Это индивиды смешанного облика, в антропологическом типе которых помимо прочих присутствует монголоидный компонент центральноазиатского происхождения. Можно сопоставить это средневековое население с современными представителями южносибирского типа, формирование которого обусловлено метисационными процессами.

Монголоидные компоненты, выделенные в составе населения эпохи Великого переселения народов лесостепных районов Западной Сибири, расположились в поле

графика таким образом, что можно судить о степени их участия в генезисе средневековых племен. Наблюдается связь низколицих монголоидных компонентов со средневековыми таежными западносибирскими группами, в том числе и с серией из Нижнего Притоболья (см. рис. 90). Высоколицый монголоидный и низколициый европеоидный морфотипы расположились в скоплении выборок смешанного европеоидно-монголоидного происхождения из лесостепной части Западной Сибири и прилегающих территорий. А вот европеоидный высоколицый морфотип конца эпохи раннего железа, судя по его локализации, практически не принимал участия в сложении антропологического типа средневековых групп Западной Сибири и сопредельных территорий. Не фиксируется он и в притобольской выборке.

Серия из Нижнего Притоболья находится на краю скопления выборок низколицих монголоидов. Близость нижнетобольской группы к обитателям таежной полосы Западной Сибири объясняется наличием соответствующего компонента в ее структуре. В данном случае не исключена миграция племен с севера в подтаежную зону и лесостепь в раннем Средневековье. Однако нельзя не отметить более европеоидное строение нижнетобольской серии. В этой ситуации обоснованно предположить наличие небольшой доли европеоидной составляющей в составе средневековых племен из Нижнего Притоболья. Логично связать эту европеоидную компоненту с предшествующим населением, однако характеристики примеси уже размыты, ее нельзя соотнести с морфотипами, выделенными в составе лесостепных групп раннего железного века. Необходимо отметить отсутствие компонента центральноазиатского происхождения в антропологической структуре притобольской мужской серии, а соответственно и обширных миграций с юга или востока на территорию Притоболья

в IV–VI вв. Расположение приуральских серий, и особенно Кушнареноквской, относительно мужской выборки из Нижнего Притоболья пока не позволяет сделать вывод об их родстве или об общем генезисе. Происхождение кушнареноквского населения М. С. Акимова связывает с южными группами, оставившими Салтовский могильник [Акимова 1968]. Исследователь тоже не делает вывод о миграции кушнареноквцев из Западной Сибири, видя их корни на юге.

Женские серии из Западной Сибири и сопредельных регионов на графике (рис. 108) расположились аналогично мужским, хотя различия между скоплениями выражены не столь отчетливо. Лока-

лизация приуральских серий относительно женской выборки из Притоболья позволяет предположить их сходство. Зафиксирована особенная близость исследуемой выборки с серией из Бирского могильника бахмутинской культуры (III–VII вв.) и группой черепов ломоватовской культуры за счет присутствия европеоидной составляющей, происхождение ее связано с предшествующим населением, а не с миграционными процессами. В результате анализа изменчивости женских серий установлено, что наиболее близки притобольской выборке группы из таежной части Западной Сибири за счет наличия низколицевого монголоидного компонента.

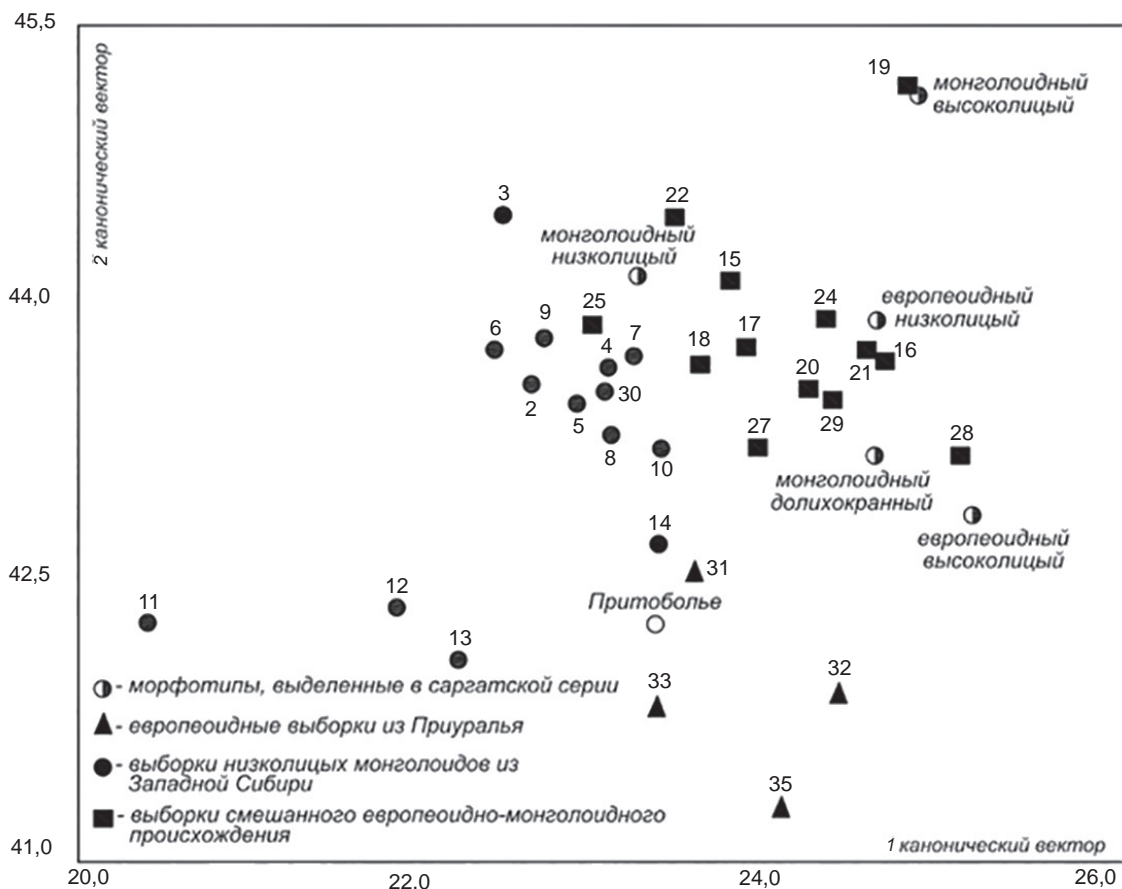

Рис. 108. Расположение женских средневековых краниологических серий в пространстве 1 и 2 канонических векторов (названия групп см. в табл. 9)

Результаты. Палеопатология

Рассмотрим нарушения целостности скелета, связанные с заболеваниями средневекового населения. Среди **дистрофических изменений позвоночника** наблюдаются следующие нарушения, признаки которых можно зафиксировать при палеопатологическом исследовании: остеохондроз позвоночника, спондилез, грыжи Шморля и спондилоартроз [Жарков 1994]. Наиболее изучены они на скелетах могильника Устюг-1, в полном объеме столб сохранился лишь у одного индивидуума мужского пола (погр. 1 кург. 1), у двух мужчин и одной женщины (погр. 1 кург. 4, погр. 1 кург. 26, инд. 1 погр. 2 кург. 2) — отдельные сегменты. Еще у двух погребенных исследованию оказались доступны лишь фрагменты и единичные целые позвонки грудного и поясничного отделов. Это костные останки женщины 20 лет из погребения 3 кургана 29 и мужчины 40–50 лет, захороненного в могиле 2 кургана 2. Сохранность остального массива палеоантропологического материала не позволила провести наблюдения палеопатологических маркеров на позвонках.

Остеохондроз позвоночника остеоскопически проявляется специфическими краевыми костными разрастаниями, а рентгенологически — субхондральным остеосклерозом [Жарков П. Л., Жарков А. П., Бубновский 2001]. Спондилез, или ограниченное обызвествление передней продольной связки, начинается с отрыва ее от тела позвонка, как правило, в одном или двух сегментах шейного или поясничного отдела позвоночника, проявляется выпячивающимся межпозвонковым диском в момент физического перенапряжения у лиц молодого возраста при «чрезмерных амплитудах движения позвоночника или перегрузках», когда пульпозное ядро еще сохраняет свою эластичность [Там же: 58]. Ввиду того, что

проявления остеохондроза и окостенения передней продольной связки являются проявлениями одного дистрофического изменения позвоночника и, как правило, патогенетически связаны, при оценке краевых костных разрастаний, расположенных по контурам позвонков, учитывают их локализацию и направленность. По балльной системе суммарно оцениваются размер остеофитов (1 — 1–3 мм; 2 — 3–10 мм; 3 — более 10 мм; 4 — образование клювовидных наростов и анкилоза позвонков) и проявления остеохондроза (1 — слабое; 2 — среднее; 3 — резкое).

При исследовании позвонков определено, что наибольшие дистрофические изменения наблюдались у мужчины 45–55 лет, захороненного в погребении 1 кургана 26. У него зафиксированы остеофиты как горизонтальной, так и вертикальной направленности по отношению к оси позвоночника, развитие остеофитов T9–T12 оценено в 1 балл, уменьшения высоты позвонков при этом не отмечено. Размеры остеофитов двух верхних поясничных позвонков оценены в 2 балла, III–V поясничных позвонков — в 3 балла, здесь зафиксировано уменьшение высоты тел позвонков. Проявления остеохондроза грудного и поясничного отделов позвоночника можно обозначить величиной в 1 и 3 балла соответственно.

У мужчины, погребенного в могиле 1 кургана 1, отмечено некоторое уменьшение высоты позвонков лишь в сегментах T7–T8 и L4–L5 с развитием остеофитов в 2 и 3 балла соответственно. В то же время дистрофические проявления в других отделах позвоночника оценены как слабые. Причинами, по которым поражения нижних поясничных позвонков преобладают над изменениями в остальных сегментах, называют преобладание нагрузки на данные сегменты поясничного отдела позвоночника при «всевозможных вращениях и изги-

бах туловища, при подъеме и переносе тяжестей, а также у субъектов с избыточным весом» [Косинская 1961: 110]. Кроме того, у человека из кургана 1 Устюга-1 между пятым и шестым грудными позвонками обнаружен неосустав, образованный остистым отростком Т5 и областью основания остистого отростка Т6 грудного позвонков. На единичных грудных позвонках поясничного отдела позвоночника мужчины 40–50 лет (погр. 2 кург. 2) зафиксированы остеофиты величиной в 2 балла.

Примечательно, что у женского костяка (около 20 лет, погр. 3 кург. 29) на позвонках грудного и поясничного отделов имелись краевые костные разрастания величиной в 2 балла. Такое резкое развитие дистрофического процесса в раннем возрасте может косвенно указывать на тяжелые физические нагрузки. В то время как у мужчины примерно того же возраста (25–35 лет, погр. 1 кург. 4) и другой женщины (около 20 лет, погр. 2 кург. 2) дистрофический процесс на позвонках шейного отдела, единичных грудных и поясничных позвонках не выходил за пределы возрастной нормы.

Особой формой дистрофических изменений позвоночного столба являются грыжи тел позвонков (грыжи Шморля). При этом множественность процесса, захватывающего все отделы позвоночника, в основном является проявлением спондилодисплазии, локальность же процесса (с единичными узлами) есть следствие обычной (повседневной) длительной нагрузки на позвоночник. При такой нагрузке возникает микротравматизация с развитием дефекта замыкательной пластинки площадок позвонков. При повышенной нагрузке вышеописанный процесс резко ускоряется и студенистое ядро с сохраненным тургором проникает через измененную замыкательную гиалиновую пластинку в губчатую ткань площадок тел позвонков, что может быть зафиксирова-

но при палеопатологическом исследовании древних костяков [Косинская 1961]. При исследовании различались узлы Шморля задние, центральные и другие: 1 — небольшая депрессия d до 2 мм, h 1–2 мм; 2 — средняя депрессия d 2–4 мм, h 2–3 мм; 3 — большая депрессия $d \geq 5$ мм, $h \geq 4$ мм; 4 — очень обширная депрессия $S \geq 1$ –2 см и/или очень глубокая.

Узлы Шморля зарегистрированы дважды. В первом случае у мужчины, захороненного в погребении 1 кургана 1, обнаружены центральные узлы Шморля в 4 балла на верхней площадке Т4 и на нижней площадке Т6. Во втором случае у мужского костяка из захоронения 1 кургана 26 также имелась центральная депрессия величиной в 4 балла на верхней площадке L2 и на нижней площадке L3–L5 позвонков. Подобная локализация узлов Шморля и локальность поражения позвоночного столба может указывать на, вероятно, значительную нагрузку на грудной отдел позвоночника у первого индивидуума и на поясничный отдел у второго как причину возникновения грыж позвонков.

Проявления спондилоартроза зафиксированы у четырех индивидуумов. У мужчины 30–40 лет из погребения 1 кургана 1 на всех среднегрудных позвонках (Т6–Т9) на реберно-поперечных суставах имеются выраженные проявления спондилоартроза с краевыми костными разрастаниями до 1,5–3 мм (см. рис. 111). Вторым случаем зарегистрирован у мужчины, погребенного в могиле 1 кургана 26. На IX–XII грудных позвонках выявлены изменения в виде значительной деформации суставных поверхностей и наличия краевых костных разрастаний по контуру суставных отростков, выражающиеся в развитии артроза реберно-позвоночных суставов. Кроме того, на IX–X позвонках такие же изменения выявлены и в реберно-поперечных суставах.

У этого же индивидуума проявления спондилоартроза значительной степени были зафиксированы на дугоотростчатых суставах. Такие же проявления были встречены еще в двух случаях. У мужчины 40–50 лет (инд. 2 погр. 2 кург. 2) и у женщины 20 лет (погр. 3 кург. 29) выявлены значительные дистрофические проявления на позвонках. У женщины — в достаточно раннем возрасте, что, вероятно, указывает на наличие существенных как статических, так и динамических физических нагрузок в женском труде. Однако немногочисленность доступных для исследования позвонков, скорее всего, не в полной мере отражает реальную ситуацию с физическими нагрузками и должна приниматься с осторожностью.

При анализе элементов конечностей выявлены суставные изменения в виде остеоартроза, являющегося полиэтиологическим заболеванием [Craemer, Houghberg 1997]. Во многих исследованиях приведены убедительные доказательства связи избыточной нагрузки на суставы с повышенным риском развития остеоартроза, ассоциированной с определенными профессиями [Lane, Buckwalter 1993; Panush, Lane 1994; Scott, Lethbridge-Cejku, Hochberg 1999].

Исследованию были подвергнуты трубчатые кости с хорошо сохранившимися суставными поверхностями от семи скелетов, шесть из которых были мужскими и один женским. Для изучения суставных поверхностей использована модифицированная Д. И. Ражевым система балльной оценки дегенеративно-дистрофических изменений (ДДИ), основанная на данных Крабози [Ражев 2009; Crubezy 1988]. Такая система фиксации и балльной оценки остеоартроза учитывает степень изнашивания суставных поверхностей и наличие/отсутствие краевых костных разрастаний. Состояние поверхностей оценивалось по следующим параметрам:

- отсутствие поражений (0 баллов);
- неровности суставной поверхности, пороз или небольшие (менее 2 мм) остеофиты (1 балл);
- остеофиты от 2 до 6 мм (2 балла);
- остеофиты более 6 мм, суставные края с кистами или без и/или наличие полировки сустава (3 балла);
- крайне резкая степень изменения суставных поверхностей, деформирующий артроз (4 балла).

Если среднее значение ДДИ превышает «1», то речь идет о перегрузках суставов, приведших к патологии. При групповом рассмотрении рассчитывались средний балл ДДИ суставной поверхности и доля суставных поверхностей с патологиями в % [Ражев 2009]. По итогам исследования дистрофических изменений крупных суставов получены следующие результаты: признаки остеоартроза отмечены в четырех случаях, приведем два из них. У мужчины из могилы 1 кургана 1 выявлен остеоартроз грудино-ключичных суставов средней (слева) и слабой (справа) степени. Остеоартроз данной локализации явление нередкое, он возникает при длительной и значительной нагрузке на верхние конечности и проявляется краевыми костными разрастаниями, узлами Поммера, кистовидной перестройкой суставной поверхности, их «шлифовкой». Значительная распространенность поражений грудино-ключичного сустава отмечена как при исследовании современного населения, так и групп ранних эпох. При этом заболевание протекает доброкачественно, не вызывая болевого синдрома и ограничения подвижности [Захаров 1994; Рейнберг 1964].

Выявлены слабые признаки остеоартроза правого плечелоктевого сустава у индивидуума 45–55 лет из погребения 1 кургана 26, что, вероятно, является проявлением возрастных изменений. Макроскопически

поражения в суставе выражены в наличии краевых костных разрастаний до 2–3 мм, располагавшихся вокруг суставной поверхности локтевой кости.

В целом, оценивая количество и структуру дистрофических поражений крупных суставов в выборке, необходимо отметить, что данные изменения не характерны для этой группы и встречаются в ней очень редко. Бесспорно, малочисленность доступных для исследования костей не вполне отражает истинные значения, но все же в сравнении, например, с группами русских первопоселенцев Омского Прииртышья дистрофических заболеваний крупных суставов у погребенных в могильнике Устюг-1 значительно меньше [Слепченко, Татаурова 2012]. Низкая частота дистрофических поражений суставов, вероятно, свидетельствует об определенном типе хозяйствования, уровень нагрузок в котором не превышал физиологические значения. Обращает на себя внимание значительное сходство степени дистрофических изменений суставов в раннесредневековой выборке Устюг-1 и в саргатских группах раннего железного века. В обоих случаях их среднегрупповой балл не достигает патологического уровня, близкая к пороговому значению степень изменений отмечена только для плечелоктевого сустава. Соответственно, в этих группах наибольшая нагрузка приходилась на верхние конечности.

Примечательно, что на антропологическом материале не обнаружены проявления специфических или неспецифических **воспалительных изменений**, как на костях посткраниального скелета, так и на черепахах. Конечно, все специфические и неспецифические воспалительные изменения достоверно выявить невозможно из-за невысокой частоты их костных осложнений, а следовательно, и вероятности их фиксации при палеопатологическом исследовании. Но, учитывая полное отсутствие их про-

явлений на достаточно представительном костном материале, можно полагать, что распространенность такой категории заболеваний в исследованной группе была достаточно низкой.

Травмы обнаружены в пяти случаях (инд. 1 и 2 погр. 1 кург. 1, инд. 1 и 3 погр. 4 кург. 25). Два из них зафиксированы у мужчины 30–40 лет, захороненного в погребении 1 кургана 1. На задней поверхности черепа (на чешуе височной и затылочной кости) справа имеется косовытянутое в передне-заднем направлении сквозное повреждение в виде практически прямой, слегка наклонной щели, проникающей в полость черепа на всем протяжении (рис. 109). Длина сохранившейся части дефекта — 49 мм, ширина — 1–2 мм, края очень ровные расположены под прямым углом к поверхности черепа, необходимо отметить, что они частично разрушены. Цвет кортикального слоя и губчатого вещества на целых участках края светло-коричневый и не отличается от окрашенности окружающей костной ткани. Эти признаки позволяют интерпретировать повреждение как разруб. Разруб начинается над правым сосцевидным отростком и доходит до середины боковой поверхности большого затылочного отверстия.

Исходя из морфологии и локализации повреждения, можно полагать, что удар был нанесен достаточно длинным острым оружием сзади, имел значительную силу и направленность сверху вниз. Вероятно, голова жертвы была несколько наклонена влево. Вследствие удара шейные мышцы оказались рассечены на большую глубину. Следы заживления не зафиксированы. Разруб черепа и сопутствующее ему рассечение мышц привели к смерти. У этого же индивидуума на фрагменте левого VI ребра был зафиксирован консолидированный перелом — след давней травмы, не имевшей никакого влияния на жизнь.

Рис. 109. Устюг-1. Разруб на задней поверхности (на чешуе височной и затылочной кости) черепа мужчины 30–40 лет, захороненного в погребении 1 кургана 1

На фрагменте правой лучевой кости женщины 30–40 лет из погребения 4 кургана 25 обнаружен заживший консолидированный перелом. Перелом локализован на границе средней и нижней трети правой лучевой кости, причиной был прямой удар по руке. Механизм образования такого перелома костей предплечья типичен при защите от прямого удара тупым предметом. Необходимо отметить, что при случайном падении перелом на данном участке кости маловероятен.

В эту же категорию патологий были отнесены два дефекта костей черепа, зафиксированные у ребенка 8–10 лет из погребения 1 кургана 1 и у подростка 14–16 лет из погребения 4 кургана 25. Черепа обоих индивидов носят следы наложения мягкой повязки в раннем возрасте с целью придания голове особой формы. У ребенка из погребения 1 кургана 1 выявлена полная облитерация стреловидного шва — краниосиностоз. На левой теменной кости зафиксирован обширный дефект в виде отверстия овальной формы размерами 52×57 мм. Установлено, что эта депрессия

является следствием трепанации — операции, проведенной с целью снижения внутричерепного давления, развившегося при краниосиностозе. Следы интерпретированы как отражение повышенного внутричерепного давления с развитием неврологической симптоматики: судорог, припадков, головных болей, что потребовало хирургического вмешательства древних знахарей, обладавших начальными медицинскими знаниями [Слепченко, Пошехонова, Скочина 2013: 63]. Отсутствие следов заживления отверстия говорит о смерти пациента после операции.

У подростка 14–16 лет, захороненного в погребении 4 кургана 25, как и в предыдущем случае, на левой теменной кости (в области лобного края) обнаружен дефект в виде отверстия в полости черепа (см. рис. 110). К сожалению, кости черепа фрагментированы, лобная кость и некоторые участки теменной кости отсутствуют, в том числе и те, на которых находились края отверстия. В результате сохранился только задневерхний отрезок края дефекта, расположенный на теменной кости. Край в плане округлый,

в сечении ровный, образует плоскость с поверхностью теменной кости, составляющую угол 15–20°. Цвет компактного вещества и спонгиозы светло-коричневый, совпадает по оттенку с прилегающей костной тканью. Судя по имеющемуся краю, отверстие было достаточно обширным и распространялось на лобную кость тоже, захватывая область, прилежащую к левому отрезку коронального шва, и, вероятно, участок левой височной линии. Нижний край повреждения располагался над чешуйчатым швом и, видимо, захватывал часть теменного и клиновидного краев височной кости. Скорее всего, дефект имел форму овала, ориентировочно его размеры были 90 × 60 мм. Морфология повреждения позволяет интерпретировать его как сруб, при нанесении которого был отсечен довольно крупный фрагмент теменной кости. Ранение произошло при жизни. При нанесении удара жертва и нападавший, предположительно, находились в вертикальном положении. При этом нападавший располагался справа от жертвы, голова которой была обращена к агрессору правой стороной. Угол нанесения и расположение удара могут ука-

зывать, что сруб прошел вскользь. Не исключено, что жертва в момент нанесения сруба активно сопротивлялась нападавшему или убегала. Травма, нанесенная подростку, скорее всего, была смертельной. Следы заживления отсутствуют.

Доброкачественные **опухоли** костей в основном характеризуются локальным увеличением массы костной ткани [Рохлин 1965]. Такое образование было обнаружено в одном случае. У мужчины 45–55 лет из погребения 2 кургана 2 на левом суставном отростке нижней челюсти имеется остеома (?) размером 8 × 6,5 мм, наличие которой могло создавать некоторые затруднения при жевании, вызывая болезненные ощущения.

Болезни кровеносной и кроветворной систем как признаки анемии в виде поротического гиперостоза глазничной поверхности лобной кости (*cribra orbitalia*) обнаружены единожды у женщины 20 лет (инд. 1 погр. 2 кург. 2), что может указывать на перенесенное в детстве серьезное заболевание. Но не исключено, что наличие *cribra orbitalia* явилось следствием периодов длительного голодания в раннем возрасте.

Рис. 110. Устюг-1. Сруб левой теменной кости на черепе подростка 14–16 лет, захороненного в погребении 4 кургана 25

Аномалии развития. У мужчины, захороненного в погребении 1 кургана 1, выявлена *spina bifida posterior occulta* крестца или же неполное сращение задней дужки крестцовых позвонков (рис. 111). В настоящее время доказано, что большая часть несращения дужек позвонков относится к группе дисплазий [Николаев и др. 2006]. Эта патология считается малой аномалией развития, которая не может напрямую указать на наличие того или иного заболевания, но свидетельствует о скрытом неблагоприятии в здоровье данного индивида [Попов 2004; Ходос 1984].

Рис. 111. Устюг-1. Неполное сращение задней дужки крестцовых позвонков у мужчины 30–40 лет, захороненного в погребении 1 кургана 1

Заслуживают внимания выявленные случаи преждевременного сращения сагиттального шва на черепах трех детей. У ребенка 5–6 лет (инд. 1 погр. 2 кург. 28) зафиксирована преждевременная облитера-

ция сагиттального и лямбдовидного швов. Швы либо срослись полностью, либо более, чем наполовину. На сохранившихся фрагментах теменных и лобной костей отмечены следы прижизненной искусственной деформации черепа, выражающиеся в уплощенности лба, наличии предвечного валика и позадивечного вдавления. Лобная кость истончена, со стороны эндокрана отмечено значительное усиление рельефа — «пальцевые вдавления». У второго ребенка 4–6 лет (инд. 2 погр. 4 кург. 25) выявлена прижизненная полная облитерация стреловидного шва. На костях черепа отчетливо фиксируются следы прижизненной искусственной деформации и наличие «пальцевых вдавлений». Преждевременная облитерация сагиттального шва и значительные «пальцевые вдавления» в сочетании с искусственной деформацией установлены у ребенка 8–10 лет (погр. 1 кург. 1).

Так называемые «пальцевые вдавления», являющиеся индикаторами высокого внутричерепного давления [Спиранский 1988: 41], обнаружены при изучении костей искусственно деформированных черепов мужчины 25–35 лет из погребения 1 кургана 4 и женщины 20 лет из погребения 3 кургана 29. Причиной развития внутричерепной гипертензии, наряду с другими этиологическими факторами, является уменьшение объема черепной коробки [Никифоров 2007]. Н. П. Маклецова в своих работах отмечала, что искусственная деформация черепа может быть совместима с нормальным состоянием здоровья, но при повышенном внутричерепном давлении могут наблюдаться симптомы расстройства центральной нервной системы [Маклецова 1974]. При исследовании краниологического материала из Саркела (Белой Вежи) X–XI вв. Д. Г. Рохлиным обнаружен детский череп с явлениями повышенного внутричерепного давления [Рохлин 1965].

На рентгенограмме черепа девочки отчетливо видна искусственная деформация мозговой капсулы. К таким же выводам пришла М. А. Балабанова при исследовании деформированных черепов из позднесарматского могильника Хошеутово, в котором из 19 черепов 12 были искусственно деформированы [Балабанова, Сычева 2006].

Итак, увеличение численности наблюдений и добавление размеров черепной коробки к имеющимся данным по переходному периоду от раннего железного века к Средневековью с территории Нижнего Притоболья [Багашев 2000; Золотарева 1957; Пошехонова, Зубова, Слепцова 2016] позволили создать представительную источниковую базу для анализа. В результате развернутого сопоставления серии с группами Западной Сибири и сопредельных территорий эпох раннего железного века и Средних веков можно скорректировать наши представления об антропологическом составе населения.

Без сомнения, группы, оставившие могильники в Нижнем Притоболье в III–VII вв., были многокомпонентными. В их антропологической структуре преобладает морфологический тип, приближенный по своим характеристикам к средневековым обитателям таежных областей Западной Сибири и монголоидной части населения предшествующего периода [Багашев 2000; 2017], для которых характерны низкие лицо и череп, а также минимальный угол выступания носа при среднепрофилированном переносье. Антропологические факты могут рассматриваться в пользу миграции групп из таежной полосы на юг в III–VII вв.

Кроме основного низколицевого монголоидного краниологического типа в составе средневековых популяций из Нижнего Притоболья фиксируется небольшая доля европеоидной составляющей. Эта компонента связана с предшествующим саргат-

ским населением, однако характеристики примеси уже размыты, ее нельзя соотносить с европеоидными морфотипами, выделенными в составе лесостепных групп раннего железного века.

Результаты палеопатологического исследования показали, что состояние здоровья людей, погребенных в могильнике Устюг-1, было удовлетворительным, об этом свидетельствует небольшое число выявленных патологий. Отсутствие воспалительных проявлений на костях, наличие лишь одного случая слабого проявления *cribra orbitalia* (маркер анемии как следствие плохого питания, инфекционных, паразитарных и других болезней) показывают приемлемое санитарное состояние места жительства и достаточно высокую сопротивляемость инфекциям, что сложно обеспечить без надлежащего питания и т. д.

Слабые проявления артроза на суставах и позвонках у мужчин говорят о наличии трудовых нагрузок, не превышающих физиологические. В то же время значительные дистрофические проявления на позвонках и суставах одной женщины и отсутствие таковых на позвонках и суставах другой показывают, что были большие, как статические, так и динамические, физические нагрузки у первой и слабые нагрузки либо их отсутствие у второй. Данное наблюдение, возможно, указывает на их различный социальный статус. Отмечено сходство в степени дистрофических изменений суставов скелета в саргатской группе раннего железного века и в средневековой выборке Устюг-1, которые не превышали пороговых значений и больше приходились на верхние конечности. Соответственно, можно констатировать сходный тип физических нагрузок в сравниваемых палеопопуляциях и преемственность в образе жизни.

Обращает на себя внимание повышенная частота преждевременной облитерации

швов свода черепа у детей и повышенного внутричерепного давления как у детей, так и у взрослых. Из 20 черепов и их фрагментов, доступных для исследования, искусственная деформация зафиксирована на 15. При этом 5 из 15 черепов имели проявления внутричерепной гипертензии, а на 3 детских черепах из этих 5 имелся сагиттальный краниосиноз. Можем заключить, что традиция изменения формы головы, которая наблюдается у большей части населения, вероятно, явилась причиной высокой частоты внутричерепной гипертензии, а также краниосиностаза у детей. Наличие травм осевого скелета и свода черепа может указывать на напряженную, изобиловавшую конфликтами межплеменную обстановку. Вместе с тем практически полное отсутствие травм лицевого отдела говорит о благоприятных внутригрупповых взаимоотношениях.

Рассматривая представленные серии графических реконструкций, мы учитываем их немногочисленность, а также тот факт, что восстановление облика человека по черепу — это в первую очередь отражение индивидуальных особенностей внешности конкретного индивида. Можно все же сказать, что антропологические реконструкции внешнего облика людей подтверждают выводы краниологических исследований.

Констатируем, что в лесостепной и южнотаежной зонах Западной Сибири в начале эпохи Средневековья этногенетическая ситуация сохраняет стабильность. Краниологический тип черепов из кулайских погребений во многом аналогичен морфологическому типу средневековых популяций Среднего Притоболья, южнотаежного Прииртышья и Нарымского Приобья. Таежные популяции кулайской культуры, следовательно, с полным основанием могут рассматриваться в качестве основной расовой составляющей генезиса южных

самодийцев (селькупов). Значительное сходство в специфических сочетаниях краниологических признаков, характерных для морфотипа вышеназванных групп, свидетельствует о том, что наблюдаемая между ними близость обусловлена преимущественно причинами генетического свойства. Во многом благодаря действию изолирующих механизмов географического характера он не претерпел каких-либо существенных изменений в ходе исторического развития. Этот же кулайский антропологический субстрат, но с более поздней примесью южносибирских элементов (имеется в виду население сrostкинской культуры, прежде всего кимако-кыпчакские элементы) определяет антропологическую специфику лесостепных групп Западной Сибири, чем в итоге обусловлены физические особенности всех тюрков Западно-Сибирской равнины, ярко выраженные в Томском Приобье и Барабе. На более западных территориях лесостепи из-за недостатка представительных краниологических материалов конкретный состав населения пока недостаточно изучен.

Видимо, генетическая преемственность в формировании популяций имела место и в северной части Западной Сибири, о чем свидетельствуют средневековые краниологические материалы из могильников Сургутского Приобья. Монголоидный комплекс, обладающий долихокранной формой мозговой коробки, выделенный в материалах эпохи раннего железа, имеет аналогии в составе средневековых популяций и обнаруживает наибольшее сходство с обско-угорскими. Те угорские выборки, в составе которых фиксируется примесь самодийских элементов, морфологически от него отдаляются, но базовый морфотип их антропологической структуры и особенности долихокранного варианта принципиально едины.

Нужно отметить, что антропологическая характеристика сборной серии из Нижнего Притоболья не позволяет констатировать массовую миграцию населения в III–VII вв. из Западной Сибири в Приуралье, хотя такое предположение неоднократно изложено в археологической литературе [Матвеева 2016а; Рафикова 2011]. Однако небольшие разновременные инфильтрации или брачные связи могли иметь место, судя по определенному краниологическому сходству женских черепов с черепами Бирского могильника, а также с материалом из некрополей ломоватовской культуры.

Вместе с тем пока нет оснований для установления серьезных миграций на территорию Нижнего Притоболья групп с юга или востока, фиксируемых как значительные новации в погребальном обряде и гончарных технологиях по археологическим материалам и интерпретируемых как появление суперстратного кочевнического компонента [Матвеева 2016а].

В некоторых случаях проявляется этногенетическая связь современных этносов с европеоидным населением раннего железа. Более или менее значимая роль может быть отведена ему лишь в генезисе физического облика отдельных групп тоболо-иртышских татар. Можно говорить также о некотором участии саргатских групп в расогенезе западных манси. Ибо анализ антропологического состава западных манси позволил выделить в их составе ряд компонентов, в происхождении одного из которых определенная роль может быть отведена населению саргатской общности, а через него и племенам андроновской (федоровской) культуры эпохи бронзы. Примечательно, что орнаментальное искусство именно западных манси включает значительный компонент, связанный с южными иранскими традициями [Рындина 1995]. О влиянии на культуру манси южных иранских элементов свидетельствуют и данные археологии [Чернецов 1953].

Глава 5

ВОСТОЧНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДКАХ, СООТНОСИМЫХ С ДРЕВНИМИ ВЕНГРАМИ

Исследователям древней истории венгров известно, что на их тюркотику IX–X столетий сильно повлияло сасанидо-согдийское художественное производство по металлу. Но согдийские торговцы среднеазиатского происхождения торговали не только своей посудой: кувшинами, чашками, блюдами, изготовленными из серебра. Они распространяли художественный стиль посуды среди народов степной полосы с тюркскими и иранскими языками и среди финно-угорских народов лесной полосы, а также одновременно выполняли культурную миссию.

Играя важную роль в управлении Великим шелковым путем, во время путешествий по отдаленным маршрутам они пропагандировали учения буддизма и манихейства. Исследователи истории древних венгров до сих пор не изучали присутствие согдийского влияния в культуре древних венгров, поскольку не располагали ни историческими, ни археологическими данными. Нам кажется, на основе отдельных археологических находок все-таки можно заключить, что учение и система символов манихейства и буддийские символы, принятые манихейством, были знакомы в кругу венгров IX–X вв.

Находки Субботцевского комплекса

С погребениями, открытыми в Субботцах, венгерские археологи познакомились в статье Н. М. Бокия и С. А. Плетневой, появившейся в 1989 г. на венгерском языке [Bokij, Pletnyova 1989]¹⁸. Находки однозначно указывают на связь с венгерскими артефактами эпохи обретения родины. При выявлении отношения этого комплекса находок к культуре венгров вызывали трудности датировка артефактов, а также интерпретация изображений на бляхах, располагавшихся в погребении 2. Кувшин тмутараканского типа, найденный в этом погребении, Н. М. Бокий и С. А. Плетнева датировали после второй половины X в., т. е. временем завоевания родины венграми в Карпатской котловине. А о ременных бляхах писали, что «...длиннобородый старик на пряжке и молодой человек в различных причудливых позах на бляшках — персонажи какой-то восточной легенды или сказки» [Бокий, Плетнева 1988: 113]. Позднее изделия, най-

¹⁸ Первоначально работа была опубликована в 1988 г. на русском языке.

денные в Субботцах, и находки подобного характера с территории Украины и Молдавии систематизировал Алексей Комар [2011]. На основе его публикаций в научной литературе для этого хорошо определяемого комплекса вещей и деталей погребального обряда употребляются названия «памятники типа Субботцев», или «Субботцевский горизонт».

На бляхах Субботцевского погребения 2 изображены четыре сцены. На щитке пряжки видна фигура старого человека, сидящего в позе лотоса. У него длинные волосы, усы и борода до колен (рис. 112). У головы на обеих сторонах наблюдаются помимо прически дополнительные трапециевидные фигуры (концы повязки на волосах, необыкновенные украшения или вуаль?). В ушах старика показаны серьги с шариками-подвесками, на лбу — узкая повязка (диадема?), поддерживающая волосы. В левой руке он держит Т-образный жезл или посох. Правой рукой он благословляет: рука поднята вверх, три пальца согнуты, а вытянутые указательный и средний пальцы направлены вверх.

Рис. 112. Изображение на щитке пряжки Субботцевского погребения 2. Фотография А. Тюрка

На шестиугольных бляхах видна человеческая фигура, поворачивающаяся направо (рис. 113). Она стоит на одном колене,

вторая нога согнута. По нашему мнению, художник-ювелир изобразил ее не в статическом положении, а в движении (может быть, в полете?)¹⁹. Эта поза напоминает движение танцора, который как будто разворачивается в воздухе. Поднятые руки персонаж держит перед собой, кисти замкнуты. На лбу человеческой фигуры повязка поддерживает волосы. С двух сторон головы виден такой же предмет с удлиненно трапециевидными окончаниями, как у сидящей фигуры на щитке пряжки (рис. 112). На шее изображен текстиль вроде шарфа, который развевается на две стороны, как «вуаль», изображенная у головы. С двух сторон талии видны треугольные предметы или детали изображения, похожие на крылья, как и у сидящей фигуры на щитке пряжки, рассмотренной выше. По мнению Н. М. Бокия и С. А. Плетневой, эту двукрылую вещь человек держит в руках. Широкие брюки танцующей фигуры придерживает ремень.

Рис. 113. Экземпляр шестиугольной бляшки Субботцевского погребения 2 [по: Комар 2011: рис. 6, 12]

Кроме шестиугольных блях на двух других типах блях тоже видно изображение человеческих фигур. На овально-треугольных бляхах с небольшим колечком наблюдаются люди с разведенными коленями и соприкасающимися подошвами ступней. Предполагаем, что художник на этот

¹⁹ По описанию Н. М. Бокия и С. А. Плетневой, изображенная фигура сидит «на левом колене» [Бокий, Плетнева 1988: 106].

раз тоже хотел изобразить позицию в танце, как и на шестиугольных бляхах²⁰. На этих бляшках художником показаны элементы одежды и жест руки, подобные описанным выше: наблюдается крыловидный предмет, волосы и вуаль придерживает повязка, руки согнуты, кисти сжаты в кулак, по линии поясницы с обеих сторон имеются детали, подобные крыльям. На бляшках с небольшим колечком, если они хорошего качества, видно, что человеческая фигура в сжатых руках держит лотос. Поэтому можно предположить, что фигуры на шестиугольных бляхах в сжатых руках тоже держат лотос или бутон лотоса. Бутоны лотоса видны и на шейке коробчинской чаши [Prihodnůk, Āurilova 2002].

На овально-треугольных бляхах, завершающихся небольшим колечком (рис. 114), на шее изображенных человеческих фигур однозначно видна гривна, а в случае шестиугольных блях можно думать, что на шее завязан шарф, концы которого развеваются на две стороны.

К бляшкам с человеческими фигурами среди венгерских древностей относятся еще полукруглые бляшки с прорезью. На этих бляхах человеческая фигура над отверстием изображается летящей или зависающей в положении лежа (рис. 115). Художник выполнил ее с такими же деталями, как и у фигур, описанных выше. Однако об этой человеческой фигуре однозначно можно заявить, что она держит в руке какую-то вуаль. Данное наблюдение и также известные параллели [Комар 2016] дают возможность предположить, что фигуры на шестиуголь-

ных бляхах и на бляхах с отверстием кроме лотоса держат в руках вуаль.

Рис. 114. Экземпляр танцующей фигуры на овально-треугольной бляшке с кольцом [по: Комар 2011: рис. 6, 11]

Рис. 115. Экземпляр полукруглой бляшки с прорезью с изображением летящей фигуры [по: Комар 2011: рис. 6, 13]

Подобные описанным выше поясным бляшкам изделия известны из Катериновки, из другого памятника Субботцевской группы [Комар 2011: рис. 8]. Бляшки из Катериновки сильно изношены (см. рис. 116). Все же можно установить, что на этих бляшках видны человеческие фигуры в позах, подобных положению тел фигур на субботцевских бляшках. Но образ пожилого человека в Катериновке не встречен.

Фигуры на бляхах Н. М. Бокий и С. А. Плетнева считали мужскими [Бокий,

²⁰ По Н. М. Бокию и С. А. Плетневой, «человек изображен сидящим». Мы не согласны этим объяснением, как и не приняли интерпретацию, по которой человеческая фигура на шестиугольной бляхе сидит на левом колене [Бокий, Плетнева 1988: 107].

Плетнева 1988: 107], а А. В. Комар более правильно называл их танцорами, вернее ангелами, но на принадлежность к полу не обратил внимания [Комар 2016: 550–553].

Если станем рассматривать параллели и в других отраслях искусства (скульптуре, живописи), то можем установить, что на субботцевских бляхах отчеканены танцующие девушки. Художники-ювелиры изобразили их в позах, хорошо известных в буддийской иконографии. Танцующие ангелы, напоминают об апсарах, живущих в небесах, о девушках-феях, духах облаков и дождей. На изображении апсар встречаются те же позы ног, которые видны на артефактах из Субботцев и Катериновки. На шестиугольных бляхах видим человеческую фигуру, поворачивающуюся направо, ее согнутые ступни еще находятся

в противоположном направлении. Такая же позиция тела опознается на одном из рельефов в Боробудуре, Индонезия (рис. 117).

Полную аналогию для позиции ног танцующих девушек-ангелов на бляшках с колечками из Субботцевского комплекса наблюдаем на рельефе в храме Ангкора, Камбоджа (рис. 118).

На бляшках с прорезью лежащая человеческая фигура изображена в полете. Ее параллель можно наблюдать на рельефе индийского искусства (см. рис. 119). Вообще, такие ангелы, левитирующие в лежащем положении, часто размещаются на обеих сторонах Будды или бодхисаттв. На рельефе позиция ног ангелов соответствует позиции ног танцующих ангелов на субботцевских бляхах с колечками.

Рис. 116. Бляшки из Катериновки [по: Комар 2018: 329, 14]

Рис. 117. Шестиугольная бляшка (прорисовка и фото) и рельеф с танцовщицей из Боробудура
[по: Бокий, Плетнева 1988: 104; Комар 2011: рис. 6, 12;
https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Apsara_Borobudur.jpg]

Рис. 118. Танцовщицы на овально-треугольных бляшках с кольцом
(прорисовка и фото) и сюжет из Ангкора
[по: Бокий, Плетнева 1988: 104; Комар 2011: рис. 6, 11;
https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Fronton_Guimet_240907_3.jpg]

Рис. 119. Изображения левитирующих ангелов, прорисовка и фото
[по: Бокий, Плетнева 1988: 104; Комар 2011: рис. 6, 13;
<https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/a/a0/SerindianGroup.jpg>]

Бляхи с фигурами человека из могильников Южного Урала и Приуралья

Памятники типа Субботцы тесно связаны с находками Больше-Тиганского могильника и с караякуповской культурой. На этот аспект указывали Н. М. Бокий и С. А. Плетнева, опубликовавшие находки Субботцевского могильника. Работы, трактующие памятники круга Субботцев, с тех пор упоминают и анализируют эту связь [Комар 2011; Türk 2011]. Все более аргументированно обосновывается, что население, оставившее памятники типа Субботцы, раньше проживало на территории караякуповской культуры.

На территории Ишимбаевского могильника, исследованного в конце XIX столетия, Н. А. Мажитов в 1960-е гг. открыл еще три кургана. Предполагается, что интересующее нас в его материалах погребение 3 кур-

гана 3 было символическим захоронением, в нем не нашли останков человеческих костей. На основе фотографии с бляхи из погребения 3 кургана 3, не вполне удачной, можно установить, что на ней изображен мужчина (рис. 120). Это позволяет определить черты лица и наличие усов. Его одежда, предположительно, состояла из длинного платья с поясом. Из того же погребения происходят сабля, а также бляха в форме диска, на поверхности последней, разделенной на четыре части, видно четыре цветка [Мажитов 1981а: 90]. Такие же цветы изображены на бляхах, найденных в Больше-Тиганском могильнике [Халикова 1976: 163, рис. 4; 164, рис. 5; 170, рис. 11] и Ново-николаевке [Комар 2011: 58], относящейся к группе Субботцы. Эти аналогии, кроме других известных параллелей, доказывают предположение, что Ишимбаевские курганы тоже относятся к памятникам древних венгров.

Рис. 120. Изображение четырехрукой стоящей фигуры из Ишимбаевского могильника
[по: Мажитов 1981а: 90, рис. 47, 1]

Нам кажется, что художник на бляшке хотел показать человеческую фигуру с четырьмя руками. Из области плеч выходят вверх еще две руки божества, они согнуты в локтях, подобно изображениям божеств со многими руками. На ишимбаевской бляхе ленты выходят как будто из головы и в двух направлениях. Фигура на ишимбаевской бляшке по сравнению с изображением на субботцевской пряжке менее проработана. Несмотря на это, она помогает нам понять человеческую фигуру на бляшке из Новониколаевки и редикорские фигурки людей.

Новониколаевские курганные находки в 1902 г. попали в коллекцию Ханенко. Комплекс однозначно относится к группе Субботцы. На основе опубликованного снимка можно установить, что на одном из предметов — бляшке-накладке на пояс, художник-ювелир хотел изобразить такую же фигуру, которая имеется на бляшке, известной из Ишимбаевского кургана. Новониколаевская бляха сильно потерта. Человеческая фигура проработана небрежно, видно, что надеты штаны и, может быть, длинный плащ, ступни обращены в одну сторону. Вокруг туловища художник показал несколько рук, вуаль (или крылья?). Нам кажется, что одни согнутые руки человек держит перед

собой, остальные две руки поднимает. Вокруг талии наблюдается кушак с широкими концами или платок (рис. 121).

Рис. 121. Стоящая четырехрукая фигура на бляшке из коллекции Ханенко
[по: Ханенко Б. Н., Ханенко В. И. 1902: 679, табл. XIX]

К этому кругу находок принадлежат изображения из Редикора. Комплекс Редикор, в котором известны городище и могильники, располагается в Верхнем Прикамье, в области р. Вишеры, на древней территории коми-пермяков. Она особенно богата памятниками торговых связей IX–X вв. Территорию между реками Кама, Вишера и Колва называют «серебряным треугольником». На территории Редикорского городища тоже велись археологические раскопки. Редикорские находки (бляха и щитки пряжек), которые нас интересуют, принадлежат к ломоватовской культуре, они были обнаружены в 1909 г. На позолоченных серебряных предметах изображение головы удалось гротескно. На щитке пряжки оно получилось неудачно, однако на окончании ремня довольно ясно видно, что вокруг головы представленной фигуры художник хотел показать какой-то головной убор, повязку или крылья (см. рис. 122). На редикорских бляшках художник изобразил несколько рук и ног. Около талии фигуры видна такая же вуаль или крылья, подобные

тем, которые имеются вокруг человеческих фигур, показанных на бляхах из Субботцев. Однако, возможно, что на редикорских бляшках видна не вуаль, а согнутые руки человеческой фигуры. В середине туловища как будто изображены пальцы человека. Над «вуалью» и руками можно отметить еще две руки с указывающими кистями вверх, у божества и внизу видно две руки, т. е. всего три пары рук. На основе подобия ишимбаевских, новониколаевских и редикорских бляшек предполагаем, что на всех предметах художники-ремесленники хотели изобразить один и тот же персонаж.

Рис. 122. Редикорские находки
[по: Путешествие Ибн Фадлана... 2016]

Могильник Уелги вблизи одноименного озера в Челябинской области по представленным в нем культурам достаточно разнообразен. Среди находок венгерского характера в могильнике были обнаружены две сильно поврежденные поясные бляшки (рис. 123), на которых представлены фигуры людей в позе лотоса, держащие в поднятых руках

некий объект [Боталов 2018: 21]. Данные бляшки можно сравнить с изображениями на двух серебряных чашах. Одна из них из деревни Ковина ранее Пермского уезда, а другая попала в музей с Нижегородской ярмарки. На обеих чашах запечатлена богиня с четырьмя руками: в одной из верхних рук она держит солнце, а в другой — луну. Руки богини согнуты в локтях так же, как и у фигуры человека на бляшках из могильника Уелги [Смирнов 1909]. На основе имеющихся сходств можно предположить, что на бляшке из Уелги находится женское божество с солнцем и лунной в руках.

Рис. 123. Бляшка с изображением
четырёхрукой богини из могильника Уелги
[по: Боталов 2018: 21]

Значение приведенных параллелей состоит в том, что известны их исторический и культурный фон, объяснения сюжетов, ведущие в мир буддизма. Буддийская художественная традиция облегчает интерпретацию не только вещей, найденных в могильниках Субботцевского горизонта, но и понимание сюжетов на бляхах, кувшинах и блюдах согдийского искусства со сходными сюжетами. В ходе выяснения мифологических сюжетов кроме буддийской интерпретации надо обратить внимание и на мотивы эллинизма и христианства. Понимание изобразительных мотивов затруднено тем, что разные сцены

могут объясняться на основе нескольких религий или системы верований.

Распространение буддизма на востоке началось в Бактрии. В первой половине I в. н. э. учение Будды появилось и в Китае. Оттуда оно уже с государственной помощью отправилось в обратный путь на запад, чтобы служить идеологической основой для распространения власти и культуры Китая. И кушаны, завоевавшие Бактрию, распространяли буддизм на восток. В этом процессе и позднее главную роль сыграли согдийские торговцы, говорившие на восточно-иранском диалекте, родственном кушанскому языку.

Согдийская элита, в особенности богатые торговцы, сыграла значительную роль и в формировании степных государств. Официальным языком Первого Тюркского каганата служил согдийский язык, тексты писались согдийским письмом. В науке давно известно, что словарный состав тюркских языков, связанный с буддийским мировоззрением, частично согдийского происхождения. О распространении буддизма в степи сообщали и китайские путешественники. Буддийский монах Wukong по пути в Индию бывал и на западно-тюркских территориях: в Семиречье, в долине рек Чу и Или, которые находились под властью Тюркешского каганата. Тюркешский каган Ушлик тоже был буддистом.

Больше ста лет археологи исследуют древности долины р. Чу. Из нескольких раскопанных памятников известны буддийские храмы и другие здания. В предыдущем десятилетии открыты и монументальные скульптуры, например ноги от большого сидящего Будды [Торгоев и др. 2012]. Эти факты представляют только незначительную часть огромной литературы, написанной коллегами-востоковедами, о распространении буддизма в степной зоне Евразии.

Золотая эпоха буддизма в степи кончается тогда, когда Второй Тюркский каганат, защищаясь от идеологической и политической экспансии, создал свое письмо, тюркскую руническую письменность, и провозгласил возвращение к вере предков, т. е. к тенгризму. Новообразованный Уйгурский каганат поддерживал другую религию — манихейство.

О старом человеке, сидящем в позе лотоса, изображенном на щитке пряжки от пояса, Карой Мештерхази предположил, что он воспроизводит главное божество. Сюжет он относил к искусству Согда или постсасанидского Ирана. В качестве параллели К. Мештерхази назвал вазу из города Мерва, на которой в одной из сцен изображен зороастрийский жрец, сидящий в той же позе, что и старик на щитке субботцевского пояса. Повязку на лбу субботцевского божества он считал диадемой. К. Мештерхази заметил, что посох в левой руке мудреца с навершием в форме буквы «Т» указывает на крест Христа, и он является самой старой формой посохов высшего духовенства [Mesterházy 1994: 198, 200]. Г. Г. Король в своей статье, опубликованной в 2005 г., мотивы субботцевского пояса связывала с эпосом Нартов [Король 2005: 157, 158, цит. по: Комар 2016: 548].

В. Я. Петрухин в главе «Хазарский сюжет» своей книги человеческую фигуру, изображенную на пряжке, связал с космогоническим мифом о вечно борющихся мужчинах. Он и пишет, что эта та же фигура мужчины с длинными волосами [Петрухин 2014: 348]. А. В. Комар в статье «Поясные наборы IX–X вв. с мифологическими сюжетами», вышедшей в 2016 г., того же мужчину сравнивает с даосским учителем. Он пишет следующее: «По-видимому, перед ювелиром стояла задача представить не столько правителя, сколько старейшину-мудреца, и для достижения цели ему при-

шлось совместить образ с элементами буддийской или даосистской иконографии» [Комар 2016: 551]. А. В. Комар не описывает подробно, что в изображении мудреца, какие элементы буддийской и даосистской иконографии он имеет в виду. Предположим, что позу лотоса он мог считать элементом буддийской иконографии. А видя крыло или вуаль вокруг головы старика, мы невольно думаем об одном основном тексте даосизма, о второй главе Чжуан-цзы. По одной истории, описанной в этой главе, Чжуан Чжоу во сне превращается в бабочку. Сон и превращение здесь являются метафорами смерти [Kósa 2008].

Относительно старика можно сказать, что он сидит в позе лотоса, однако это только одна из возможных интерпретаций. В культуре кочевников сидеть с согнутыми ногами перед собой (на земле или на каком-нибудь мягком предмете) — это общая форма отдыха. Не случайно, что данное положение тела венгерский язык называет «сидеть по-турецки». Параллели сидящей фигуре Субботцевского погребения 2 в кругу сасанидо-согдийской торевтики приводят Аттила Тюрк [Türk 2011: табл. 265, 266] и А. Комар [Комар 2016: 547, рис. 2; 549, рис. 3; 552, рис. 4]. На нескольких предметах, известных в научной литературе, в такой позе изображены сасанидские шахиншахи, иногда в кругу танцоров и музыкантов. С целью украшения головы шахиншахи носили сакральные символы маздаизма. Мы считаем, что по головным украшениям, особенным жестам рук и предметам в руках отдельные человеческие фигуры рассматриваемой торевтики не могут быть идентифицированы с сасанидскими шахиншахами.

На пряжке, известной из Субботцевского могильника, художник хотел изобразить другую персону. Ее атрибуты объяснимы,

с одной стороны, буддийскими, с другой — христианскими мотивами. Исходя из этих соображений и расположения изображенного человека (божества, пророка?), мы должны сказать, что он сидит в позе лотоса. Крылья, повязка или развевающиеся ткани вокруг головы указывают на особенность его личности и существования. Жест правой руки, которой он благословляет, в буддийской иконографии не употребляется. В то же время сакральный характер этого жеста в христианстве общеизвестен. Вместе с тем в христианской культуре известен Т-образный посох. С такой же палкой изображен старик на фрагментированной бляхе, найденной в 1985 г. в Верхне-Салтовском могильнике. Из того же погребения Верхне-Салтовского могильника известна другая бляха с фигурой, сидящей в позе лотоса [Аксенов 2001; Комар 2016: 547]. Ясно, что в сходстве изображений сидящих стариков Субботцевского и Верхне-Салтовского могильников выражается какое-то общее культурное влияние.

Нам кажется, смешение буддийских и христианских мотивов объясняется синкретизмом манихейства. Манихейство, подобно буддизму, хорошо исследовано²¹.

Основатель религии Мани думал, что маздаизм, буддизм и христианство существуют только временно. Он сочетал учения данных религий, чтобы создать новую, совершенную и универсальную религию. Мани проповедовал, что до его прихода в нашем мире существовали три пророка: Шахьямуни, т. е. исторический Будда, Зо-

²¹ См., например, работы [Смагина 2011; Хосроев 2007; Klima 1962; Simon 2011; Widengren 2001]. Библиографию темы составил G. B. Mikkelsen [1997]. Исследователи истории древних венгров до сих пор мало использовали эту специальную литературу.

роастр и Иисус Христос. И он четвертый пророк на земле. Христианская церковь отчаянно боролась против распространения манихейства. С учениями буддизма манихейство хорошо сосуществовало. Дуалистическое мировоззрение манихейства можно было согласовать и с языческими верованиями народов, боящихся сил природы, верящих в хороших и злых духов, уважающих шаманов.

Распространение манихейства на востоке началось в конце VII столетия. В 694 г. манихейский епископ поехал в Китай. Ученики Мани сперва хотели обратить в свою религию правителей, потом элиту, главным образом богатых женщин. Они обратили внимание и на молодежь. Мани и его последователи поддерживали торговлю и связанные с ней финансовые дела. Миссионерскую деятельность вели путешественники, в большинстве случаев согдийские торговцы. Начиная с середины VIII в. и до середины XI в. в восточноазиатском варианте манихейского искусства на территории Уйгурской империи смешивались буддийские и манихейские мотивы. Пророков изображали в позе лотоса, в длинной одежде и с нимбом над головой [Gulácsi 2009: 128–129]. Иисуса Христа изображали в этой позе с крестом в руках [Gulácsi 2009: fig. 1a, 1c; 2015]. Известен и рельеф, на котором ангел в позе лотоса держит в руках крест [Gulácsi 2009: fig. 4f; Parry 2005]. Сознательный синкретизм манихейства наблюдается и в изобразительном искусстве. Он дает замечательное объяснение смешанных символов на щитке бляшки Субботцевского погребения 2.

В искусстве степной зоны поза лотоса истолковывалась на основе буддийской иконографии. Вокруг головы пожилого человека, вероятно, изображаются крылья. Крылья как атрибуты канонического

изображения известны в иконографии нескольких религий. Правая рука с двумя вытянутыми пальцами и посох с Т-образным концом известны из христианской иконографии. Все это вместе представляет синкретическую смесь и указывает, скорее всего, на манихейство. Но в манихейском искусстве нам пока неизвестно изображений, которые подобны фигуре на бляшке из Субботцевского погребения 2. Поэтому мы должны осторожно развивать идеи в отношении значения образа. Особенным, единичным фактом является то, что человека, сидящего в позе лотоса, изобразили стариком с длинными волосами и длинной бородой. На одной печати Мани показан стариком, но это не характерно для манихейского искусства в целом.

Нам кажется, что старый человек, изображенный в указывающей на Будду позе лотоса, но в руках с Т-образным посохом и с жестом благословения, является пророком, связанным с верхним миром. Это может быть один из четырех пророков, признанных манихейством, он сам является Мани. Христианские мотивы, может быть, говорят о том, что до основания своей религии и сам Мани был христианином, состоял в общности элказайтов. Как отмечено выше, среди народов степной зоны манихейство в основном распространяли торговцы согдийского происхождения. В IX–X вв. эти же торговцы сделали модным сасанидо-согдийский стиль и согдийские мотивы в прикладном искусстве венгров. С полным правом можно думать, что согдийская культура имела влияние не только на декоративное искусство, но и на мировоззрение людей.

Район Южного Урала был значительным торговым центром. Соседнее государство волжских булгар принимало и отправляло товары, привезенные с разных направлений. Надо иметь в виду присут-

ствие согдийских торговцев и на данной территории. За продукты и товары, происходящие с восточных финно-угорских территорий, они платили так называемым «восточным серебром» (кувшинами, блюдами, чашами), относящимся к кругу сасанидо-согдийского искусства. Изделия сасанидо-согдийской торевтики и ювелирного искусства волжские булгары отправляли по обе стороны Уральских гор: на территорию Верхней Камы и в Западную Сибирь. На основе мусульманской географической литературы можно предположить, что торговцы, приезжающие из южных стран, сами доходили до финно-угорских территорий: в Ару, Вису и в «страну темноты» [Клима 2016: 182–208].

Ишимбаевские, новониколаевские и редикорские бляхи, на которых изображаются божества с несколькими руками, можно толковать по буддийско-манихейской иконографии. В связи с этим надо упомянуть, что Б. И. Маршак и А. М. Беленицкий на пенджикентских раскопках нашли изображение богини с четырьмя руками [Беленицкий, Маршак 1976: 77].

В настоящей работе следует сказать об изображениях божеств с четырьмя руками из могильников Ишимбай, Новониколаевка и Редикор. Аналогичная им пенджикентская богиня представлена сидящей на спине фантастического животного. Заметны остатки от нимба и от лент головного убора²². Изображение богини с четырьмя руками имеется и на серебряной чаше, происходящей из Хорезма, обнаруженной на неизвестном местонахождении [Смирнов 1909]²³. В руках она держит символы солнца и луны [Беленицкий, Маршак 1976: 77;

Смирнов 1909]. В буддийском искусстве Восточного Туркестана тоже известен мотив божества с четырьмя руками. Его распространение можно довести до Индии. В Средней Азии и в Восточном Туркестане он переносился с помощью согдийцев [Беленицкий, Маршак 1976: 77–80]. В то же время из-за синкретизма согдийского мировоззрения трудно определить значение символов данного предмета восточного искусства. Божеством с четырьмя руками может быть не только Шива, но и Анахита [Дьяконова, Смирнова 1967]. Вероятна и такая ситуация, что художник ювелирных изделий, изготовитель фрески или рельефа и заказчик были разного мнения о значении изображенной сцены на данном произведении искусства.

В буддийской иконографии известны изображения мужчин с четырьмя или более руками. У буддистов особым уважением пользовались бодхисаттвы, люди, на которых уже снизошло озарение, но еще не достигшие состояния нирваны. Они просветлились за нас и на небесах Тушита ждут нашего просветления. Такой бодхисаттвой был и Авалокитешвара. Он является главным божеством, который смотрит вниз на нас, как Тенгри, верховное божество неба для народов Евразии тюркомонгольского происхождения, сочувствует нам и любит нас. У него много имен (в тибетском буддизме, например, Ченрезиг), ему читают мантру «Ом мани падме хум». Его изображают по-разному, иногда даже со многими руками, но мантру «Ом мани падме хум» читают только Ченрезигу, показанному с четырьмя руками. На основе вышесказанного имеется основание предположить, что на бляшках из могильников Ишимбай, Новониколаевка и Редикор изображен Авалокитешвара/Ченрезиг. Само собой разумеется, из этого не следует, что всему населению Южного Урала был изве-

²² Такие ленты появляются и на изображениях, найденных в Субботцах.

²³ «...Ранее 1875 г. с Нижегородской ярмарки...»

стен буддийский или синкретический манихейский смысловой фон изображений. Вполне возможно и то, что при смешении представлений разных религий у варваров божество-мужчина с четырьмя руками получил какое-то новое значение.

В заключение отметим, что накануне II тыс. н. э. король, основатель венгерского государства, Иштван Святой государственной религией выбрал христианство. У венгров сохранились среднеазиатские торговые связи, но в Согде после его покорения арабами местное население постепенно принимало мусульманство. Этот процесс кончился в конце IX — начале X в. Во время господства королей из дома Арпадов среднеазиатская торгово-финансовая элита (названная «кализами»²⁴) — предположительно согдийского происхождения — принимала участие в экономической жизни венгерского государства, даже в его управлении, хотя в этот период они были уже мусульманами [Zimonyi 2009: 22].

В своей работе об источниках манихейства Роберт Шимон отмечал, что, к сожалению, до сих пор не появилась научная монография о роли Великого шелкового пути и согдийских торговцев в распространении манихейства, а также о совместном существовании манихейства и буддизма. Ждет выяснения и роль согдийских людей в истории, экономике и религии народов, привлеченных в систему Великого шелкового пути [Simon 2011: 411, зам. 192; 420, зам. 231]. Нам кажется, в процессе создания таких произведений кроме упомянутого «восточного серебра», комплекса замечательных произведений восточной торевтики надо принять во внимание и более маленькие археологические памятники, о которых говорится в данной работе. Исследователи истории древних венгров до сих пор не занимались вопросом культурного влияния согдийцев на венгров и возможного присутствия манихейства в их кругу до завоевания родины. Стоило бы основательно изучить эту тему.

²⁴ Венгерское слово «кализ» происходит от названия «Хорезм» [Harmatta 1994].

Глава 6

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ДАЛЬНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ОБЩЕСТВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В IV–IX вв.

Эпоха раннего Средневековья в Западной Сибири, хронологическими границами которой здесь и далее считаются середина IV в. с одной стороны (начало «европейского» периода в истории центральноазиатских кочевников гуннской конфедерации) и середина — вторая половина IX в. с другой стороны (начало западной экспансии кимаков, ставшей наиболее заметным звеном «цепной» миграции в кочевом мире, последовавшей за распадом Второго Уйгурского каганата), — время интенсивных межкультурных взаимодействий таежных, лесостепных и кочевых обществ. В этот период имели место быстрый слом политических макроструктур, унаследованных из раннего железного века, перестройка «саргатского наследства», перегруппировка принципов и моделей диалога таежного и лесостепного населения и формирование новых микроструктур и конфигураций, прямо или косвенно связанных с возникновением и бурным этнополитическим развитием тюркоязычных государств в центре Евразии, выступивших в V–VII вв. очагами культурных инноваций, а на протяжении VII–X вв. «втянувших»

в процессы демографического и языкового сдвига всю степную и (по крайней мере, отчасти) лесостепную полосы Северной Евразии. Помимо сказанного, эпоха раннего Средневековья отмечена вхождением всех без исключения этнокультурных групп западносибирского населения во вновь формирующуюся систему глобальных экономических и политических связей на протяженной северной периферии позднеантичных цивилизаций — византийской (V–IX вв.), иранско-среднеазиатской (III–VII вв.), классической исламской (VIII–IX вв.) и китайской (периодов Суй и Тан, конец VI — начало X в.).

В этой главе будут прежде всего рассмотрены вопросы, связанные с описанием фрагментов локального и глобального историко-политического контекста, существенного для понимания культурной динамики западносибирских обществ IV–IX вв. Вместе с тем представлена общая схема внешних экономических связей (в ее территориальном и хронологическом аспектах) в том виде, в каком она может быть построена по находкам импортных изделий (главным образом памятников драгоценной то-

ревтики и в меньшей степени монет) и по данным письменной традиции IX–X вв. Кроме того, в заключительном разделе хотелось бы остановиться на узловых проблемах интерпретации и соотнесения друг с другом ключевых групп разноплановых источников, по разным причинам обойденных вниманием как в традиционной, так и в новейшей историко-археологической литературе, но имеющих первостепенное значение для реконструкции историко-культурного и этноязыкового ландшафта Западной Сибири на всех этапах эпохи «долгого» Средневековья (III–XIX вв.).

Прежде чем перейти к основному изложению, следует сказать несколько слов об особенностях источниковедческой ситуации, сложившейся в изучении общих и частных аспектов раннесредневековой истории Западной Сибири. Значительное территориальное удаление рассматриваемого региона от центров цивилизации привело к тому, что на протяжении I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. сколько-нибудь определенные сведения о местных народах и культурах не накапливались в письменной традиции и не были доступны в литературных памятниках. В качестве редких исключений, лишь подтверждающих это наблюдение, могут быть приведены два автора: Геродот (V в. до н. э.), фрагментарно зафиксировавший устные сообщения об отдаленных племенах лесостепной Скифии, часть из которых правдоподобно локализуется в Южном Приуралье и на юге Сибири, и Саллам Переводчик (араб. *Салләм ат-Тарджуман*, середина IX в. н. э.), путь которого между Нижней Волгой и степями Монголии, по наиболее правдоподобной реконструкции, непосредственно опирающейся на реалии его рассказа, пролегал по Барабинской степи, где ему удалось зафиксировать некий народ *баш. г. рд.*

Менее надежны фактически и более расплывчаты текстуально мифологизированные сведения о «Стране Мрака», оказавшиеся доступными позднеантичным читателям V–VI вв. в результате рефлексии над событиями гуннского времени и в информационном контексте этого последнего; не позднее середины VI в. они отразились в версии β ранневизантийского «Романа об Александре» и прочно закрепились в виде особой новеллы в составе греческого текста во всех переводах на восточные языки. Впрочем, как показывают заключительные книги «Римской истории» Аммиана Марцеллина, некоторые фрагменты устной традиции, прямо относящиеся к событиям второй половины IV в. на пространстве между Уралом, Западной Сибирью и Приаральем, имели все шансы попасть на страницы исторических трудов.

Если фонд синхронных письменных свидетельств о раннесредневековых обществах Западной Сибири исчезающе мал и не позволяет выстроить сколько-нибудь связную картину историко-политических процессов в регионе, то корпус синхронных письменных свидетельств для истории кочевых и оседлых обществ пояса евразийских степей весьма обширен, насыщен разноплановыми и разножанровыми свидетельствами и фактической информацией об их внутренней жизни, дальних связях, экономических стратегиях и культуре. Наличие такого корпуса, зафиксированного в письменных традициях IV–XI вв. и распределенного по памятникам на многих языках (от греческого до китайского и от арабского до древнетюркского), позволяет в обозримом будущем поставить задачу более систематического привлечения данных об общих моделях социально-политической организации и взаимодействия обществ лесной и лесостепной зон с кочевым миром

к рассмотрению западносибирского материала — разумеется, не в нарративной, а в политико-антропологической и экономико-антропологической перспективах.

Локальное vs. глобальное: структура малых стратифицированных обществ в археологическом отражении

Можно уверенно говорить о двух планах содержания историко-политического процесса IV–IX вв. на территории Западной Сибири, которые допустимо обозначить терминами *локальный* и *глобальный*. Содержанием первого являются микропроцессы и факты адаптации отдельных коллективов к изменениям политических, экологических и экономических контекстов, фиксируемые в пространстве и времени на локальном уровне. Содержанием второго являются фундаментальные сдвиги в культурной ориентации элит, способах жизнеобеспечения, социальной организации и направлениях динамики, связываемые со становлением глобальных систем политического и экономического взаимодействия. Сформулированная дихотомия, хотя и пересекается с дихотомией *локальных vs. магистральных* культур, введенной А. В. Головным [2009], должна быть трактована шире, поскольку в глобальном плане магистральные компоненты не обязательно имеют миграционную природу, но обязательно отражают дальние политические и экономические взаимодействия (такие как, например, политическое подчинение и встраивание в цепочки эстафетной торговли).

Сказанное здесь не должно показаться чем-то абстрактным или избыточно теоретическим, поскольку имеет самое прямое

и недвусмысленное отношение к интерпретации археологических материалов в историко-культурном и социально-политическом ключе. Поясним это на примерах.

Наблюдения над структурой и динамикой инвентаря западносибирских памятников IV–IX вв. (поселений, погребений и святилищ) выявляют существенные различия в удельном весе разных функциональных категорий вещевого материала по каждой из групп археологических источников. Это утверждение само по себе тривиальное, имеет своим следствием вывод, согласно которому структура вещевого набора конкретного комплекса, типа или группы памятников может быть интерпретирована в терминах локальных и глобальных составляющих. При таком понимании оказывается, что керамика как категория инвентаря (включая технологические схемы, наборы форм сосудов, стили и способы орнаментации поверхности) почти исключительно связана с локальными компонентами культурогенеза, равно как хозяйственно-бытовой инвентарь — с локальными экономическими структурами, предметы же вооружения, конской упряжи и поясные наборы являются глобальными компонентами культурогенеза, а предметы драгоценной торевтики и прочие импорты (бусы, монеты, драгоценные ткани) — глобальными экономическими структурами. Помимо того, что отмеченное противопоставление локальных и глобальных категорий инвентаря непосредственно отражает баланс локального производства и глобального потребления конкретной группы населения (а также степень ее включенности в цепочки международного обмена и дальнемагистральной торговли и обусловленную этим внутригрупповую имущественную стратификацию), оно может служить маркером социальной стратификации и ее возможных политических импликаций.

Между тем в практике археологических интерпретаций равновесное рассмотрение всех групп инвентаря уступает место преимущественному вниманию к керамическому материалу как самому массовому источнику, на базе которого традиционно строятся хронологические схемы развития археологических культур и реконструируются факты, формы и стратегии локальной мобильности населения²⁵. Следует отметить, что такой подход ведет не столько к лучшему пониманию общей картины, сколько к лучшему пониманию одного-единственного ее фрагмента — локальной истории и истории культурных практик зависимых социальных групп. Они теснее всего были связаны с изготовлением и утилизацией керамической тары. Ясно, что для изучения глобальных исторических компонентов и истории культурных практик элитных социальных групп, руководивших военным делом, дальнемагистральной торговлей, а также институтами власти и религии, которые определялись динамикой внешних контактов и ритмами внешних инноваций, требуется анализ иных категорий вещевого инвентаря.

Предельно обобщая, можно утверждать, что на смену превалировавшим в раннем железном веке двум маломобильным среднемасштабным обществам — саргатским в лесостепи и кулайским в таежном Приобье — с рубежа Средневековья приходит новая форма. Формируются маломасштабные стратифицированные коллективы с оседлым зависимым населением. Их традиции, расселение и хозяйство восходят к предшествующей эпохе. Мобильные элиты, своим происхождением связаны с элитами гуннского и раннетюркского времени. Последнее заключение опирается на давно

установленный и широко известный факт, что типология и динамика материальной культуры этих мобильных элит, ярче всего выраженной в комплексе снаряжения коня и всадника, соответствуют структуре и ритмам развития всаднической и воинской субкультуры евразийских степей между Северным Причерноморьем и Алтаем.

Ключевую причину возникновения стратифицированных обществ малого масштаба можно предположительно усматривать в сочетании двух факторов: (1) глубокой дестабилизации военно-политической обстановки в гуннское и раннетюркское время, естественным образом потребовавшей «переформатирования» масштабов социальных структур на лесостепной и таежной периферии кочевого мира; (2) адаптации западносибирского населения к цепочкам глобального обмена и активному включению в них, для чего потребовалось значительно расширить и усилить специализацию на драгоценном пушном промысле и заготовках древесины узорчатой березы (*березовой свили*), высоко ценившейся в позднеантичном мире как декоративный поделочный материал.

Именно такие малые стратифицированные общества нашли отражение в памятниках устной традиции манси и хантов (так называемых «старых преданиях», «былинах», «военных песнях»), записанных в XIX в. и отражающих средневековый этап развития обществ обских угров Восточного Приуралья и Приобья. Помимо собственно фольклорных текстов эта же социальная структура западносибирских обществ зафиксирована русскими памятниками XVI–XVII вв.²⁶

²⁵ Подробнее см. главу 1 «Таежное Приобье в раннем Средневековье во второй половине IV — XI в.» в данном издании.

²⁶ См. прежде всего работы С. В. Бахрушина и З. Я. Бояршиновой [Бахрушин 1935; Бояршинова 1960].

Хронология и география внешних связей Западной Сибири в гуннскую и древнетюркскую эпохи

На протяжении IV–IX вв. хронология внешних контактов западносибирских обществ определялась этапами функционирования «серебряно-мехового пути» (термин Б. И. Маршака), а их география — динамикой политических и культурно-экономических ситуаций в регионах позднеантичного мира. Важно отметить, что в это время Западная Сибирь выступает в роли диффузной восточной периферии блока археологических культур и групп, условно объединяемых термином «югорское общество». Его основной ареал располагался к западу от Уральских гор в бассейнах Верхней Камы и Верхней Чепцы, а в его возникновении приняли основополагающее участие выходцы из ареала саргатской культурно-исторической общности. Таким образом, блок близкородственных культур югорского общества (харинская, ломоватовская, неволинская, полумская, чепецкая) оказывается генетически родственен прежде всего населению бакальской культуры лесостепного Зауралья.

Б. И. Маршак выделяет для IV–IX вв. пять хронологических этапов торговых контактов урало-сибирского макрорегиона с позднеантичным миром и его агентами:

1 этап (конец IV — V в.) — «время первых контактов среднеазиатских купцов с северными охотниками в Прикамье».

2 этап (конец V — VI в.) — «преобладают среднеазиатские купцы. Византия втягивается в торговлю с Севером серебряными сосудами».

3 этап (первая половина VII в.) — «расцвет всей торговли с Прикамьем. Согдийцы начинают экспорт своих собственных

сосудов в дополнение к персидским и византийским».

4 этап (конец VII — VIII в.) — «прекращается византийский импорт. Хорасан и Мавераннахр наиболее активны. Приобье втягивается в торговлю мехами за серебро».

5 этап (IX в.) — «Хорасан и Мавераннахр были по-прежнему активны. Хазарские и венгерские (не дунайские, а восточно-европейские) серебряные сосуды появляются в Прикамье и Приобье» [Маршак 2006: 80–81].

Эти пять этапов документированы находками памятников драгоценной торевтики — средневекового прикладного искусства, а именно: серебряной (реже золотой и бронзовой) посуды и утвари различных категорий и форм, имеющей сасанидское, византийское, хорезмийское и согдийское происхождение. Наибольшая концентрация памятников наблюдается на западе ареала урало-сибирской югры (Прикамье и Верхняя Чепца), однако полевые исследования И. Н. Гемуева и А. В. Бауло 1990–2010-х гг. в святилищах манси и хантов Западной Сибири позволили выявить этот же пласт древностей и в Нижнем и Среднем Приобье, что ставит вопрос о хронологическом соотношении европейского и сибирского ареалов находок.

Не подлежит сомнению тот факт, что практика тезаврации этих сокровищ на родовых святилищах, посвященных духам-покровителям, сохранялась без явных и существенных структурных изменений в разных локально-хронологических контекстах единого культурного пространства, соотносимого с миром лесостепного, степного и лесного угрозичного населения. Территориальное расширение и экономический подъем этого мира, судя по археологическим данным, приходится на промежуток между двумя «большими эпохами» — эпохой иранского господства в степях Западной

Евразии (до позднесарматского времени) и эпохой древнетюркской экспансии в последней четверти I тыс. н. э.

Пути коммуникаций между югом Западной Сибири и зоной цивилизаций на протяжении пяти выделенных этапов не оставались неизменными. Для IV–V вв. основополагающее значение имеет причерноморская зона контактов варваров-гуннов с населением античных городов-государств позднего Боспорского царства, в ювелирных мастерских которого изготавливались гуннские полихромные ювелирные украшения и всаднические наборные пояса [Засецкая 1975; 1994]. На протяжении V–VI вв. фиксируется распространение причерноморских форм украшений и боспорских стилей ременной гарнитуры в восточном направлении, до Сырдарьи (памятники джетысарского типа) и Алтая (могильник Кудыргэ, синхронный Первому Тюркскому каганату) [Гаврилова 1965].

В VI–VII вв. в ареал югорского общества ввозятся византийские блюда и чаши юстиниановского времени и некоторая часть памятников сасанидской торевтики. Пути проникновения этого импорта продолжают оставаться дискуссионными: аргументы в пользу северокавказско-волжского и хорезмийско-уральского отрезков евразийской системы коммуникаций равноценны.

Для VII–VIII вв. фиксируется активность согдийских и хорезмийских купцов на отрезке между Нижней Амударьей и Средней Волгой. Этим же временем следует датировать устойчивое функционирование сухопутного караванного пути через плато Устюрт, значение которого возросло в классическую исламскую эпоху.

Наконец, имевшие место в VIII–IX вв. передвижения огузо-печенежских племен с Верхнего Иртыша и Семиречья в направлении Нижней Сырдарьи, Устюрта, Яика и Нижней Волги сформировали тот тюрк-

ский этнополитический контекст, в котором караванные пути между Приуральем и Южной Сибирью с одной стороны и Средней Азией с другой стороны функционировали до начала караханидской и кыпчакской экспансии (вторая половина — конец X в.).

К фонду памятников торевтики примыкают немногочисленные нумизматические находки, в целом распределяющиеся в интервале V–IX вв. Это медные сасанидские пашизы в верхнеобском ареале, медные китайские монеты типа «У-Шу» и «Тун-Бао» нескольких серий суйского и танского времен, тюргешская монета первой половины VIII в. с Мурлинского городища: тип «Тюргеи-Каган», отливка 712–737/738 гг. [Камышев 2002: 24; Смирнова 1981: № 1589] и раннеаббасидские дирхамы второй половины VIII — первой трети IX в. с костища Песьянка-1 и аналогичная из неустановленного места в ареале юдинской культуры (находка XIX в.). Более широкий контекст подобных монет связывает их с древностями типа ломоватовского могильника Мыдлань-Шай и Элмедского клада в Поволжье, маркирующих раннюю волну монетных поступлений из Средней Азии в середине — второй половине VIII в. [Кулешов 2012].

Здесь же нужно назвать два танских серебряных слитка из Верхнего Прикамья (Рождественский и Чигиробский ямбы) [Кулешов 2017а: 366, прим.], пути проникновения которых проходили по южной части территории Западной Сибири.

Существуют указания письменной традиции (Книга Ахмада ибн Фадлана, после 923 г.), что на правом берегу Нижней Амударьи еще в первой четверти X в. сохранялось население, языковая принадлежность которого резко отличалась от населения Хорезма и огузских кочевников бассейна Сырдарьи. Этот микрорегион, известный как *Кардар*, населяемый общностью

ал-кардалиия, в археологическом отношении обладает ярко выраженной спецификой. Есть основания предполагать языковое родство этой средневековой общности с дотюркскими кочевниками Приуралья и западносибирской лесостепи и интерпретировать их как фрагмент этнополитической ситуации гуннской эпохи, связываемой с общностью *хионитов*.

Языки Западной Сибири как исторический источник: к реконструкции фрагментов этноязыкового ландшафта IV–IX вв.

В современном историко-археологическом сибиреведении привлечение лингвистических данных традиционно ограничивается ссылками на связь этногенеза народов Сибири XVII–XX вв. с предшествующими фазами и не идет дальше попыток этноязыковой атрибуции археологических культур эпохи бронзы, раннего железного века и Средневековья. Между тем данные этнографии показывают, что языковая карта Сибири между Уральским хребтом и Енисеем сформировалась в течение XV–XIX вв. в ходе нескольких миграционных волн и фаз языкового сдвига, в существенных деталях отличаясь от языковой карты X–XV вв. и имея совсем мало общего с языковой картой более раннего времени.

В этой области имеется три комплекса проблем, соотнесение которых с реконструкциями, полученными на археологическом и антропологическом материале, потенциально плодотворно, хотя и затруднено ограниченной сопоставимостью данных. Во-первых, в настоящее время доступен обработанный массив данных о языковых контактах древности и Средневековья

в отражении культурной лексики языков Сибири. К хорошо изученным контактам угорских и самодийских языков Сибири с тюркскими языками двух ясно противопоставленных хронологических горизонтов (булгарского VII–IX вв. и кыпчакского IX–XI вв. и более позднего времени) добавились данные о сепаратных венгерско-самодийских контактах (их датировка железным веком имплицитно гораздо более восточную локализацию языковых предков венгров, чем предполагается гипотезами о раннесредневековой локализации венгерских прародин в Восточной Европе и Южном Приуралье), сепаратных самодийско-тунгусских контактах времени экспансии сибирского оленеводства (не позднее середины V в.), сепаратных мансийско-пермских контактах спорной датировки (около V–IX вв. или около X–XIII вв.).

Во-вторых, углубление наших представлений о диалектной структуре обско-угорских и самодийских языков Западной Сибири и ее хронологической глубине неминуемо приводит к выводу о ее раннесредневековом происхождении. Предварительные лексикостатистические подсчеты по мансийским диалектам (в действительности четырем родственным языкам) позволяют оценить глубину расхождений между северномансийским и тавдинским в полторы тысячи лет, между каждым из них попарно и центральномансийским и кондинским в тысячу лет, между этими последними приблизительно в пятьсот лет, что ставит проблему соотнесения предковых форм данных языков/диалектов с историко-археологической реальностью V–XV вв., нуждающейся в постановке и решении. Аналогичные подсчеты по многочисленным хантыйским диалектам/языкам дают глубину расхождений между западными и восточными группами диалектов в 1500–1800 лет, что датирует начало экспансии языковых предков со-

временных хантов по Оби поздним этапом раннего железного века, а языковой сдвиг таежного населения на угорскую речь — всем временем существования нижеобской культуры.

Следует самым ясным образом подчеркнуть, что в процессах формирования раннесредневекового языкового ландшафта Западной Сибири представлены разнообразные пути языкового развития и социолингвистической дифференциации: миграционное ветвление, языковой сдвиг, формирование гибридных и смешанных общностей и, наконец, многоязычие в условиях локальной гетерархии. Подобные процессы хорошо зафиксированы по этнографическим материалам (недавний языковой сдвиг групп южных манси на тоболо-иртышскую тюркскую речь, двуязычие и языковой сдвиг ненцев Северо-Западного Приуралья на коми-зырянскую речь в XVIII–XIX вв. с формированием гибридной общности коми-ижемцев, повсеместное тюрко-самодийское двуязычие

XVII–XIX вв. в саяно-енисейском ареале и прочие примеры).

В-третьих, пока далека от разрешения собственно языковыми средствами проблема группировки тюркских языков Приуралья и Западной Сибири в их соотношении с историческими этапами тюркизации лесостепных и таежных пространств между Волгой и Енисеем. Существенно, что в последние десятилетия наметился отказ от объединения тюркских идиомов в рамках «национальных языков», имеющего исключительно политико-административную мотивацию, и возвращение к изучению локальной специфики малых тюркских идиомов, провозглашенное еще в середине XIX в. В. В. Радловым. Ясно, однако, что фиксируемая на XIX–XX вв. картина сама по себе является итогом параллельно протекавших миграционных процессов и языкового сдвига маломасштабных нетюркских обществ на тюркскую речь с VIII–IX вв. и позднее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рубеже III и IV вв. аридизация и завоевания гуннов сделали нестабильной экономико-политическую ситуацию в Азии, включая лесостепь и тайгу Западной Сибири. Затем имели место несколько волн увлажнения, постепенно приблизившие природные условия региона к современным. Существенные широтные и меридиональные передвижения населения вследствие изменения экологических и политических условий, а также влияние мощных кочевых империй тюрков определили направленность трансформации культуры и динамику связей между западносибирскими племенами и внешним миром.

Анализ обновленной и детально изученной за последние десятилетия базы данных по средневековым памятникам Нижнего Приобья позволяет полагать, что местная культура второй половины I тыс. н. э. продолжала оставаться довольно устойчивой и гомогенной в течение сотен лет. На протяжении долгого времени у таежного населения существовали сходные формы жилищ, укрепленных поселений, круглодонной керамики с фигурно-штамповой орнаментацией, верований и промысловой деятельности, отражающие способы

адаптации к природным условиям севера Западной Сибири, обусловленные низкой плотностью населения и эпизодичностью существенных инокультурных вторжений. Тем не менее в рамках достаточно однородной культурной среды установлены новации в нижеобской культуре, объясняемые широтной миграцией носителей желобчато-валиковой керамики, родственных тунгусоязычным группам из енисейской тайги, относительно быстро растворившихся среди аборигенов. Последнее обстоятельство в совокупности с процессами увлажнения и заболачивания таежных просторов Нижнего и Среднего Приобья привели в IV–VIII вв. к переселению отдельных групп карымского и зеленогорского населения на юг, в долины рек Тобола, Тары и Иртыша, вплоть до Ишимской равнины с развитой озерной системой, мало эксплуатируемой в то время скотоводами. Мигранты из Нижнего Приобья, происходившие от предшествующей кулайской культуры раннего железного века, заимствовали скотоводство, элементы вооружения и быта от своих южных соседей.

Уже с середины IV в. в низовьях Тобола и Ишима, а также на Среднем Иртыше про-

слеживается влияние карымского анклава нижнеобской культуры. Интегрировавшись в экономическую и социальную среду лесостепного бакальского населения, наследники саровских традиций, судя по разнообразию привозного инвентаря в погребениях, сочетали занятия промыслами с посредничеством в пушной торговле. Предположительно, усилившись в военном отношении, карымские группы основали форпосты для продвижения к центрам международной торговли металлом и предметами роскоши и взаимодействия с населением лесостепи и степи. «Меховая» бартерная торговля с кочевниками Ишимо-Иртышья стимулировала социальное неравенство, вследствие чего оформилась особая субкультура, нуждавшаяся в регулярном применении насилия для поддержания внутренней и внешней социально-экономической стабильности, которая вовлекла сибиряков в международное разделение труда и препятствовала развитию местных видов сложно организованного ремесла. Избыточный продукт концентрировался у военной верхушки, оседая в руках вождей и их семей, отлагаясь в погребениях.

Для начала раннего Средневековья в западной части лесостепи установлены аридизация и остепнение со смещением ландшафтных зон к северу на 100–150 км. В долине Тобола и на востоке Приишимья доминировала автохтонная бакальская культура, возникшая на саргатской основе с инкорпорацией мелких групп номадов, вероятно, поздних сарматов, праболгар и канглов (?). В гуннскую эпоху существовали тесные связи у ее носителей с турбаслинскими и харинскими группами Приуралья, а также населением Приаралья, о чем свидетельствуют общие типы ременной гарнитуры, украшений и гончарных изделий, высокий коэффициент сходства элементов погребального обряда, выраженных в кон-

фигурациях могильных ям, ассортименте и способе размещения инвентаря, деталей поминальных действий. Сохранилась саргатская система расселения вокруг центров многоотраслевого хозяйства, защищенных оборонительными линиями, при значительно возросшей их мощности.

На вторжение номадов в VII–VIII вв. указывают единичные погребения из могильников Хрипуновский и Усть-Суерка-1, совершенные на древнем горизонте или впущенные в курганы более раннего времени, с юго-западной ориентировкой умерших в сопровождении оружия. Видимо, кочевники расселялись анклавами только в остепненной зоне, используя пойменные луга и, судя по письменным источникам, необжитые земли близ соленых озер на севере степи и юге лесостепи в качестве пастбищ. Можно полагать, что южная лесостепь была зоной контактов, обмена и торговли лесных обитателей и номадов, что обусловило сочетание в комплексах находок с бакальских памятников керамики таежной и степной традиций, появление захоронений с конем, вторичных захоронений, пеленания покойных в ковры и циновки. Вследствие конкуренции за пастбища к югу от рек Исеть и Миасс возросла подвижность скотоводов, что подтверждено кратковременностью обитания на городищах и селищах, разборными жилищами типа юрт, наземными срубными домами малой площади с печами-чувалами и подпольями. Существовала караванная торговля, вероятно, подкрепленная кочевым образом жизни социальной верхушки. Расовый состав населения изменился в сторону большей монголоидности по сравнению с ранним железным веком за счет брачных связей с карымскими мигрантами, расселившимися по северной границе бакальского ареала, но популяции сохранили небольшую долю европеоидности.

Кушнаренковскую керамику, распространенную в виде малочисленной примеси в разных культурах подтайги и лесостепи, рассматриваем как тип артефактов, отмечая ее отличие от кушнаренковско-караякуповских гончарных изделий Приуралья. Она имеет приаральское происхождение, так как часть сосудов этого типа является импортами, а часть — сосудами-подражаниями, что свидетельствует в пользу активной торговли аборигенов Тоболо-Ишимья с кочевниками Сырдарьи в течение IV–VII вв.

Исчезновение бакальской культуры в IX в., возможно, связано с борьбой печенегов и огузов за земли Приуралья в VIII–IX вв. Первые потерпели поражение и продвинулись по Тоболу на север, а с востока наступали кыпчаки.

Предполагаем, что микшированное население Северного Казахстана и Южного Зауралья участвовало в этногенезе мадьяр. Причем данный процесс проходил именно в степной зоне, поскольку антропологические данные из раннесредневековых могильников регистрируют преобладание в лесостепи таежных монголоидов. По-видимому, перейминский (смешанный бакальско-потчевашский) компонент был в числе прочих, сформировавших караякуповское сообщество. Интересным источником для выяснения вопроса о зоне формирования мадьяр является торевтика из памятников Субботцевского горизонта. Аналогии ей на Южном Урале и в Приуралье с сюжетами манихейского и буддистского происхождения указывают на данные районы как зону присутствия согдийских торговцев. За продукты и товары они платили «восточным серебром», относящимся к кругу сасанидо-согдийского искусства.

В Ишимо-Иртыше взаимодействие карымского и местного населения при преобладании первых привело к формированию в VI–VIII вв. потчевашской культуры.

Ее развитие происходило в условиях ослабления континентальности климата в лесных ландшафтах. В этот период отмечаем биритуализм в погребальном обряде, увеличение доли скотоводства в экономике, распространение моды на геральдические пояса, проникновение элементов потчевашской культуры в казахстанскую степь. Существенные изменения по сравнению с ранним железным веком проявились в многокомпонентном антропологическом облике популяций Прииртышья, в которых преобладает таежный монголоидный вклад. Заимствования престижных вещей отразились в инвентаре погребений, а смешение тюрков с местным населением — в обрядах могильников VIII в. из восточной части ареала — Барабинской лесостепи. Вероятно, население Прииртышья и Барабы со второй половины VI в. стало одним из контрагентов торговли и реципиентами влияния Первого и Второго Тюркских каганатов, а позднее взаимодействовало с сепаратистскими группами кимаков и кыпчаков.

Учащение вооруженных столкновений и нарастание агрессивности внутри коллективов достоверно фиксируется как на археологическом, так и на антропологическом материале раннего Средневековья. Общие выводы краниологических исследований подтверждают преемственность антропологического состава населения в таежной зоне. В составе лесостепных групп Западной Сибири отмечается доминирование кулайского субстрата, но с более поздней примесью южносибирских элементов (кимако-кыпчакских). Этими взаимодействиями в итоге обусловлены физические черты всех тюрков Западно-Сибирской равнины, но особенно ярко выражены отличия внешнего облика от соседей у насельников Томского Приобья и Барабы. На более западных территориях лесостепи из-за недостатка

представительных краниологических материалов конкретный состав населения пока мало изучен.

Если привлечь фольклорные, нумизматические, лингвистические данные, то заключим, что эпоха раннего Средневековья отмечена вхождением всех без исключения этнокультурных групп западносибирского населения во вновь формирующуюся систему глобальных экономических и политических связей на северной периферии позднеантичных цивилизаций. Кажущаяся стабильность материальной культуры относится по большей мере к субкультуре рядового и зависимого населения, тогда как субкультура элитных групп демонстрирует бурное развитие дальних экономических связей, милитаризацию жизни и даже проникновение элементов мировых религий в языческую среду. Вполне вероятно и связь местной знати по происхождению с предводителями рейдов гуннского и тюркского времени. Население разных социальных статусов вело полукочевой, полуоседлый и оседлый образ жизни, организуя оборону

своих земель сериями крепостей на мысах больших рек и обмен на дальние расстояния по речным сетям с Прикамьем, караванную торговлю со Средним Поволжьем и Центральной Азией.

К сожалению, социальные процессы в обществах западносибирского населения мало изучены и характер политического и экономического взаимодействия со степными кочевниками недостаточно ясен (неравноправная торговля, данничество, работорговля?). Полагаем, что дискуссионные вопросы должны стать полем дальнейшего исследования с применением уже устоявшихся и новых подходов, например мир-системного, а также естественно-научных методов. Весьма актуальными следует признать формирование базы данных генетических исследований скелетного материала, публикацию нумизматических находок, микростратиграфическое изучение культурных слоев поселений и их радиоуглеродное датирование, технико-технологическое изучение артефактов с целью реконструкции ремесел и источников новаций.

CONCLUSION

Between the 3rd and 4th centuries AD, aridization in the steppes and expansions of the Hun disorganized the economic and political system of Asia, including the forest-steppe and taiga of Western Siberia. Then there were several waves of moisture, which gradually brought the natural conditions closer to modern ones. Grand latitudinal and meridional migrations and the process of Turkic nomad states' formation on the periphery of West Siberia determined the direction of cultural transformation and the dynamic of connections between Siberian tribes and the outer world.

Based on detailed and renewed data of the Lower Ob' medieval sites and artefacts was found that at the 2nd part of the 1st millennium AD, the material culture of the region was staying stable and homogenous for hundreds of years. In the fact dwellings' form, features of the fortresses, ceramic types, hunter-gatherer lifestyle, and religion on each stage of the Ob' culture had been virtually unchanged, because of low population density and rare external cultural influences. Nevertheless, we have some evidence of significant tribal movements. First, the migration wave of the native speakers of the Tungus language

from the Yenisey forest zone, which is marked by the specific roll and groove ceramic. The second one, migrations from the Western Siberian North of the Karym and Zelenaya Gorka groups of population on the southern territories of the forest-steppe of the Tobol, Irtysh, and Tara valleys. On the new homeland, they take territories unexploited by pastoralists and formed fur trade centers with using which stimulated to transform social attitude, the system of international economic, and obscured development of local craft forms. As a result, the role of the elite in society has increased. This particular subculture needed regular use of violence to maintain stable social and economic relationships with dependent segments of the population, merchants and nomads. Archaeological evidence to this phenomenon is based on finds of prestige imports from shrines, treasures, and warrior graves.

So, in the territory of forest zone between the rivers Tobol, Ishim and Middle Irtysh, new cultural type of the archaeological sites (the Karym type) have emerged formed by the Lower Ob' migrants. Their material culture closely related to the Kulayka culture of the Iron Age, but distinguished by complexes of household and weapons borrowed

from southern neighbors. In the lower reaches of the rivers Tobol and Ishim, this picture is a consequence of the wetter and cooler natural conditions, which led to the development of the Karym enclave since the second part of the 4th century AD until the first part of the 6th century AD. During this time, migrants integrated into local cultural environment, combined tradition receptions of household with the fur trade to the nomads of the rivers Ishim and Irtysh region. Presumably, having strengthened militarily, the Karym groups established outposts to advance to the centers of international trade in metal and luxury goods and interacted with the population of the forest-steppe. Probably, the Karym population groups increased militarily, establishing outposts to advance to the cores of international trade in metal and luxury productions.

For the beginning of the early Middle Ages, aridization and steppe formation were established in the forest-steppe with a shift of landscape zones to the north by 100–150 km. In the valley of the Tobol river, the autochthonous Bakal culture dominated, which arose on the Sargatka culture basis with the incorporation of small groups of nomads, probably the late Sarmatians, Proto-Bulgarians and Kangles. In the Hunnic era, they had close ties with the Turbasly, Kharino cultures of the Urals and the Dzhetyasaar culture of the Aral Sea region, as evidenced by the spread of common types of belt sets and ornaments, a high coefficient of similarity of the elements of the funeral rite, expressed in the shapes of graves, assortment and method of placing the inventory, details of memorial action and pottery. The medieval population of the forest-steppe of Western Siberia inherited the Sargatka tradition in the settlement system around the centers of a diversified economy, protected by defensive lines with a significantly increased power.

The invasion of nomads in the 7th–8th centuries AD indicated by single burials of the Khripunovskiy and Ust'-Suerskiy-1 burial grounds without ceramics, made on the ancient horizon or inlet to early burial mounds, with a southwestern orientation and weapons. Apparently, the nomads settled in enclaves only in the steppe zone, using floodplain meadows and uninhabited lands near salt lakes in the north of the steppe as pastures, which, judging by written sources, were considered uninhabited. The steppe south of the Bakal area was a zone of contacts, exchange and trade of forest dwellers and nomads, which led to the combination of taiga and steppe traditions in the ceramic complexes, the appearance of burials with a horse, secondary burials, swaddling of the deceased in carpets and mats. As a result of competition for pastures to the south of the Iset' and Miass rivers, the mobility of pastoralists has increased, which is confirmed by the short duration of habitation in settlements, collapsible dwellings such as yurts, small-sized ground log houses with chival stoves and underground, providing mobile life with mats and felt. There was a caravan trade, probably supported by the nomadic lifestyle of the social elite. The racial composition of the population has changed compared to the Iron Age, but the populations retained a significant proportion of Europid, along with the inclusion of the taiga Mongoloid element due to marriage with the Karym migrants who settled along the northern border of the Bakal culture area.

Due to the fact that the Kushnarenkovo pottery is widespread in the form of a small inclusions in different cultures of the subtaiga and forest-steppe, we consider it as a type of artifacts that differs from the Kushnarenkovo-Karayakupovo exemplars of the Urals. The Kushnarenkovo type had the Aral Sea origin and was an import or imitation vessels to local tradition, material evidence of the

trade of the Siberian aborigines with the nomads from the Syr Darya in the 4th–7th centuries AD.

The Bakal culture disappeared in the 9th century AD, which is possibly associated with the struggle of the Pechenegs and Oguzes for the lands of the Aral region in the 8th–9th centuries AD. At the same time, the process of ethnogenesis of the Magyars was launched on the basis of the mixed population of the steppes of Northern Kazakhstan and the Southern Trans-Urals, since the Mongoloid population prevailed in the forest-steppe zone. Apparently, the Pereima (mixed the Bakal and Potchevash population) component was among others that formed the Karayakupvo community. The zone of formation of the Magyars is recorded according to finds of toreutics with subjects of Manichean and Buddhist origin from the archaeological sites of the Subbotcevo horizon and analogies in the South Urals, brought by Sogdian merchants. They paid for food and goods with “oriental silver” belonging to the circle of Sassanid-Sogdian art.

In the territory between the Ishim and Irtysh rivers, the interaction of the Karym migrants and the local population led to the formation the Potchevash culture in the 6th–8th centuries AD in conditions of weakening continentality of the climate in forest landscapes. During this period, we note biritualism in the funeral rite, an increase in the share of cattle breeding in the economy, the spread of fashion for heraldic belts, the penetration of elements of the Potchevash culture into the Kazakh steppe. Significant changes were manifested in the multicomponent anthropological appearance of the populations of the Irtysh region, in which the taiga Mongoloid contribution predominates. Borrowing of prestigious things was reflected in the inventory of burials, and the mixing of the Turks with the local popula-

tion in the rites of the burial grounds of the eastern part of the area, in particular, in the Barabinsk forest-steppe. Probably, the population of the Irtysh and Baraba regions from the second half of the 6th century AD became one of the partners of trade and recipients of the influence of the First and Second Turkic Khaganates, and later interacted with the separatist groups of the Kimaks and Kipchaks.

The growth of aggression in collectives and intercommunal clashes is reliably recorded on the basis of archaeological and anthropological material. The general conclusions of craniological studies confirm the continuity of the anthropological composition of the population in the taiga zone and the dominance of the Kulaika substrate, but with a later admixture of South Siberian elements (Kimak-Kypchak) in the forest-steppe groups of Western Siberia. As a result, these interactions determined the physical characteristics of all Turks of the West Siberia, especially pronounced in the Tomsk Ob' region and Barabinsk steppe-forest. In the western territories of the forest-steppe, due to the lack of representative craniological materials, the specific composition of the population has not yet been sufficiently studied.

Summarizing folklore, numismatic and linguistic data, all ethnocultural groups of the West Siberian population were part of a new system of global economic and political ties on the northern periphery of late antique civilizations in the early Middle Ages. At this time, a stable part of material culture belongs to the subculture of the ordinary and dependent population, and the culture of elite groups demonstrates the rapid development of distant economic ties, the militarization of life and the penetration of elements of world religions into the pagan environment. The connection of the local nobility with the leaders of the raids of the

Hunnic and Turkic times is also quite probable. The population of different social status led a semi-nomadic, semi-sedentary and sedentary lifestyle, organizing the defense of their lands with a series of fortresses on the capes of large rivers and exchange for long distances along river networks with the Kama region, caravan trade with the Volga and Central Asia.

Unfortunately, social processes in Western Siberian population have been little studied and the nature of political and economic interaction with the steppe nomads is not clear enough (unequal trade, tribu-

tary, slave trade?). We believe that debatable issues should become a field for further research using already established and new approaches, for example, world-system, and natural-scientific methods. Formation of a database of genetic studies of skeletal material, publication of numismatic findings, micro-stratigraphic study of cultural layers of settlements and their radiocarbon dating, technical and technological study of artifacts with the aim of reconstructing crafts and sources of innovations should be recognized as highly relevant.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АлтГУ — Алтайский государственный университет
АН РТ — Академия наук Республики Татарстан
АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
ГБУ ДПО «КРИПО» — Государственное бюджетное учреждение дополнительного профессионального образования «Кузбасский региональный институт развития профессионального образования» (г. Кемерово)
ГИКМЗ — Государственный историко-культурный музей-заповедник
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИД — Издательский дом
ИИА УрО РАН — Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук
ИрГТУ — Иркутский государственный технический университет
ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР — Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР
КемГУ — Кемеровский государственный университет
КНЦ УрО АН СССР — Коми научный центр Уральского отделения Академии наук СССР
КСИА — Краткие сообщения о докладах и исследованиях Института археологии Академии наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

НГУ — Новосибирский государственный университет
НПМП «Волот» — Научно-производственное многопрофильное предприятие «Волот»
НРО ИИА УрО РАН — Научно-редакционный отдел Института истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук
ОАО — Открытое акционерное общество
ОмГПУ — Омский государственный педагогический университет
ОмГУ — Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
ООО — Общество с ограниченной ответственностью
ПГГПУ — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГУ — Пермский государственный университет
РИЦ ТГИК — Редакционно-издательский центр Тюменского государственного инсти-
тута культуры
САИ — Свод археологических источников
СОИКМ — Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
ТГУ — Томский государственный университет
ТюмГУ — Тюменский государственный университет
УдГУ — Удмуртский государственный университет
УИФ «Наука» — Уральская издательская фирма «Наука»
УНЦ РАН — Уфимский научный центр Российской академии наук
УрГУ — Уральский государственный университет им. А. М. Горького
УрО РАН — Уральское отделение Российской академии наук
ФИА — Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана (г. Астана)
ФИЦ ТюмНЦ РАН — Федеральный исследовательский центр «Тюменский научный
центр Российской академии наук»
ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ–Югра
ЧелГУ — Челябинский государственный университет

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

1. Генинг, В. Ф. Малое Бакальское городище / В. Ф. Генинг, Т. Г. Бушуева // Архив ИА РАН, Р-1. — 1961. — № 2362. — С. 166–207.
2. Грачев, М. А. Отчет об археологических раскопках курганного могильника Красноярка-IV в Усть-Ишимском районе Омской области в 2009 г. / М. А. Грачев // Архив Омского пединститута, Р1-17-1-К. — Омск, 2009.
3. Скандаков, И. Е. О работе Тарской экспедиции Омского пединститута на правом берегу р. Тара в Тарском, Большереченском и Муромцевском районах Омской области в 1993 г. / И. Е. Скандаков // Архив ИА РАН, Р1-18464. — Омск, 1994.
4. Аксенов, В. С. Захоронения с конем у населения северо-западной части Хазарии / В. С. Аксенов // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. : тезисы докл. конф. / [отв. ред. Д. А. Стащенко]. — Самара, 1995. — С. 10–12.
5. Аксенов, В. С. Редкий тип бляшек-амулетов из Верхнесалтовского катакомбного могильника / В. С. Аксенов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма) : материалы III Междунар. археол. конф. / [отв. ред. Д. А. Стащенко]. — Самара : СОИКМ им. П. В. Алабина, 2001. — Т. 2. — С. 132–140.
6. Алексеев, В. П. Антропология азиатской части СССР / В. П. Алексеев, И. И. Гохман. — М. : Наука, 1984. — 208 с.
7. Алексеев, В. П. Историческая антропология / В. П. Алексеев. — М. : Наука, 1974. — 216 с.
8. Алексеев, В. П. Краниометрия. Методика антропологических исследований / В. П. Алексеев, Г. Ф. Дебец. — М. : Наука, 1964. — 127 с.
9. Алексеев, В. П. Очерк происхождения тюркоязычных народов Восточной Европы в свете данных краниологии / В. П. Алексеев // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / [отв. ред. А. Х. Халиков]. — Казань : Татарское книжное изд-во, 1971. — С. 232–271.

Литература

1. Адамов, А. А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей / А. А. Адамов. — Тобольск ; Омск : Изд-во ОмГПУ, 2000. — 95 с.
2. Адамов, А. А. Отчет об археологических исследованиях могильника Вак-Кур в 2006 году / А. А. Адамов. — Тобольск, 2007. — 133 с.
3. Акимова, М. С. Антропология древнего населения Приуралья / М. С. Акимова. — М. : Наука, 1968. — 120 с.

10. Алексеев, В. П. Палеоантропология Алтая эпохи железа / В. П. Алексеев // Советская антропология. — 1958. — № 1. — С. 45–49.
11. Алексеев, В. П. Происхождение народов Восточной Европы / В. П. Алексеев. — М. : Наука, 1969. — 324 с.
12. Алексеев, В. П. Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии / В. П. Алексеев // Материалы исследований по археологии, этнографии и истории Красноярского края. — Красноярск : Красноярское книжное изд-во, 1963. — С. 135–164.
13. Алексеева, Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е. М. Алексеева // САИ. — Вып. Г1-12, ч. 2. — М. : Наука, 1978. — 105 с.
14. Алексеенко, Е. А. Кеты. Историко-этнографические очерки / Е. А. Алексеенко. — Л. : Наука, 1967. — 262 с.
15. Амброз, А. К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. / А. К. Амброз // Средневековые древности евразийских степей / [отв. ред. С. А. Плетнева]. — М. : Наука, 1980. — С. 3–56.
16. Амброз, А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы / А. К. Амброз // Советская археология. — 1971. — Т. 2. — С. 96–123.
17. Аннинский, С. А. Известия венгерских миссионеров XII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе / С. А. Аннинский // Исторический архив. — М. ; Л., 1940. — Т. III. — С. 77–82.
18. Аношко, О. М. Новые данные о погребальном обряде юдинского населения (по материалам Заводоуковского-3 курганного могильника) / О. М. Аношко, Т. Н. Рафикова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2017. — № 4 (39). — С. 51–60.
19. Арне, Т. Й. Могильник Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века / Т. Й. Арне. — Екатеринбург ; Сургут : Изд-во «Уральский рабочий», 2005. — 184 с.
20. Арсланова, Ф. Х. К вопросу о связях племен Павлодарского Прииртышья с населением Западной Сибири (VII–IX вв.) / Ф. Х. Арсланова // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. — Томск : Изд-во ТГУ, 1983. — С. 105–117.
21. Арсланова, Ф. Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья / Ф. Х. Арсланова // Средневековые древности евразийских степей / [отв. ред. С. А. Плетнева]. — М. : Наука, 1980. — С. 79–104.
22. Аубекеров, Б. Ж. Изменение климата и ландшафтов четвертичного времени и основные этапы эволюции человеческого общества на территории Казахстана / Б. Ж. Аубекеров, С. А. Нигматова // Древний Тургай и великая степь: часть и целое / [отв. ред. А. З. Бейсенов]. — Кустанай ; Алматы : Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. — С. 34–42.
23. Багаутдинов, Р. С. Праболгары на Средней Волге / Р. С. Багаутдинов, А. В. Богачев, С. Э. Зубов. — Самара : Изд-во «Полдень. 22 век», 1998. — 286 с.
24. Багашев, А. Н. Антропологический состав и проблемы происхождения средневекового таежного населения Среднего Приобья / А. Н. Багашев, О. Е. Пошехонова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2007. — Вып. 8. — С. 87–96.
25. Багашев, А. Н. Антропологический состав средневекового населения Среднего Прииртышья / А. Н. Багашев // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири / [отв. ред. В. П. Алексеев]. — Новосибирск : Наука, 1988. — С. 22–54.
26. Багашев, А. Н. Антропологический тип средневековых тюрок Нижнего Притомья (могильник Астраханцево) / А. Н. Багашев // Проблемы взаимодействия человека и природной среды : материалы итоговой научной сессии. — Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. — Вып. 4. — С. 68–73.
27. Багашев, А. Н. Антропология Западной Сибири / А. Н. Багашев. — Новосибирск : Наука, 2017. — 406 с.
28. Багашев, А. Н. Краниологическая находка на святилище кулайского городища Большой Лог в Омске / А. Н. Багашев и др. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2017. — Вып. 2 (37). — С. 57–93.
29. Багашев, А. Н. Краниология Усть-Полуя: родственные связи и проблемы таксономии / А. Н. Багашев, Е. А. Алексеева // Археология Арктики. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника

- археологии «Древнее святилище Усть-Полуй» (г. Салехард, 27–30 ноября 2012 г.) / отв. ред. Н. В. Федорова. — Екатеринбург : Изд-во «Деловая пресса», 2012. — С. 72–79.
30. Багашев, А. Н. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа / А. Н. Багашев. — Новосибирск : Наука, 2000. — 374 с.
 31. Багашев, А. Н. Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов (по материалам могильника Тискино) / А. Н. Багашев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2001. — Вып. 3. — С. 159–174.
 32. Балабанова, М. А. Рентгенологическое исследование позднесарматских черепов / М. А. Балабанова, А. В. Сычева // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. — М. : ИА РАН, 2006. — Вып. 5. — С. 152–163.
 33. Бауло, А. В. Атрибутика и миф: металл в обрядах угров / А. В. Бауло ; отв. ред. И. Н. Гемуев. — Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. — 158 с.
 34. Бауло, А. В. Древний металл из святилищ обских угров (новые находки) / А. В. Бауло // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2002а. — № 2. — С. 144–155.
 35. Бауло, А. В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов / А. В. Бауло. — Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. — 260 с.
 36. Бауло, А. В. Иранские и среднеазиатские сосуды в обрядах обских угров / А. В. Бауло // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири / [Ж. А. Аржанникова и др.]. — Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002б. — С. 12–27.
 37. Бауло, А. В. Сасанидское серебряное блюдо с р. Сыня / А. В. Бауло // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2002в. — № 1. — С. 142–148.
 38. Бауло, А. В. Серебряный ритон из хантыйского святилища / А. В. Бауло, Б. И. Маршак // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2001. — № 3. — С. 133–141.
 39. Бахрушин, С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках / С. В. Бахрушин // Известия. Вып. 3 / [отв. ред. Я. Алькор]. — Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1935. — 91 с.
 40. Белавин, А. М. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск / А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова. — Пермь : ПГГПУ, 2008. — 603 с.
 41. Белавин, А. М. Огурдинский могильник / А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова. — Пермь : ПГГПУ, 2012. — 258 с. — (Археология Пермского края : свод археологических источников ; вып. II).
 42. Белавин, А. М. Угры Предуралья в древности и Средние века / А. М. Белавин, В. А. Иванов, Н. Б. Крыласова. — Уфа : Изд-во Башкирского гос. пед. ун-та, 2009. — 285 с.
 43. Беленицкий, А. М. Черты мировоззрения согдийцев VII–VIII вв. в искусстве Пенджикента / А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак // История и культура народов Средней Азии (древность и Средние века) / под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. — М. : Наука, 1976. — С. 75–89, 179–186.
 44. Беликова, О. Б. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. / О. Б. Беликова, Л. М. Плетнева. — Томск : Изд-во ТГУ, 1983. — 245 с.
 45. Белявская, О. С. Ременная гарнитура и хронология погребений Югомашевского могильника / О. С. Белявская // Вестник Пермского университета. — 2018. — № 1. — С. 86–100. — (Сер. : История).
 46. Берлина, С. В. Городища лесного Тоболо-Ишимья в эпоху бронзы — Средневековье (опыт классификации и анализа в среде ГИС) / С. В. Берлина, В. М. Костомаров, Н. А. Попов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2013. — № 3 (22). — С. 79–86.
 47. Берлина, С. В. Исетское-3 поселение в лесостепном Зауралье / С. В. Берлина и др. // АВ ORIGINE. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2016. — Вып. 8. — С. 49–66.
 48. Берлина, С. В. Поселение эпохи Средневековья Исетское 2 в Приисетье / С. В. Берлина и др. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2017. — № 3 (38). — С. 29–40.
 49. Берлина, С. В. Фортификации городища Ласточкино Гнездо 1 эпохи Средневековья:

- к проблеме культурных контактов / С. В. Берлина, Т. Н. Рафикова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2014. — № 4 (27). — С. 69–76.
50. Берс, Е. А. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей / Е. А. Берс // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. — 1951. — № 21. — С. 182–243.
 51. Берс, Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей / Е. М. Берс. — Свердловск : Свердловское книжное изд-во, 1963. — 114 с.
 52. Берс, Е. М. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея / Е. М. Берс. — Свердловск : Изд-во «Облполиграфиздат», 1959. — 89 с.
 53. Бобров, Л. А. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н. э. / Л. А. Бобров, Ю. С. Худяков // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху / [под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева]. — Новосибирск : Изд-во НГУ, 2005. — С. 80–199.
 54. Боккий, Н. М. Захоронение семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула / Н. М. Боккий, С. А. Плетнева // Советская археология. — 1988. — № 2. — С. 99–115.
 55. Большаник, П. В. Нижнетарский археологический микрорайон / П. В. Большаник [и др.]. — Новосибирск : Наука, 2001. — 255 с.
 56. Борзунов, В. А. Карымская керамика таежного Приобья / В. А. Борзунов, Ю. П. Чемякин // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2015. — № 1. — С. 56–66.
 57. Борзунов, В. А. Карымские могильники таежного Приобья / В. А. Борзунов, Ю. П. Чемякин // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2014. — № 2. — С. 64–70.
 58. Борзунов, В. А. Карымские памятники таежного Приобья: основные характеристики / В. А. Борзунов, Ю. П. Чемякин // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого / [ред. Я. А. Яковлев]. — Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во ТГУ, 2012а. — Вып. 10. — С. 155–216.
 59. Борзунов, В. А. Карымские поселения таежного Приобья / В. А. Борзунов, Ю. П. Чемякин // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2013. — № 2. — С. 45–55.
 60. Борзунов, В. А. Карымское общество таежного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями / В. А. Борзунов, Ю. П. Чемякин // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого / [ред. Я. А. Яковлев]. — Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во ТГУ, 2012б. — Вып. 10. — С. 217–261.
 61. Борзунов, В. А. Укрепления с бастионно-башенными фортификациями начала железного века Урала и Западной Сибири / В. А. Борзунов // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого / [ред. Я. А. Яковлев]. — Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во ТГУ, 2014. — Вып. 12. — С. 380–415.
 62. Боталов, С. Г. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей / С. Г. Боталов, С. Ю. Гуцалов. — Челябинск : Рифей, 2000. — 267 с.
 63. Боталов, С. Г. Зауральская угорская ойкумена эпохи Средневековья / С. Г. Боталов // Археология Евразийских степей. — 2019. — Вып. 6. — С. 138–159.
 64. Боталов, С. Г. Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и Средневековья лесостепного Зауралья / С. Г. Боталов // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). — Челябинск : Рифей, 2016. — С. 468–531.
 65. Боталов, С. Г. К итогам исследования бакальского историко-культурного горизонта / С. Г. Боталов и др. // II Международный Мадьярский симпозиум / отв. ред. С. Г. Боталов, Н. О. Иванова. — Челябинск : Рифей, 2013. — С. 14–37.
 66. Боталов, С. Г. Новые материалы исследований Большого Бакальского городища / С. Г. Боталов и др. // Проблемы изучения бакальской культуры / [науч. ред. С. Г. Боталов]. — Челябинск ; Шадринск : ИИА УрО РАН, 2008. — С. 6–40.
 67. Боталов, С. Г. Святилищный комплекс у села Нечунаево / С. Г. Боталов, А. А. Лукиных // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). — Челябинск : Рифей, 2016. — С. 427–442.
 68. Боталов, С. Г. Урало-алтайское единство в материалах погребального комплек-

- са Уелги / С. Г. Боталов // Материалы IV Международного Мадыарского симпозиума (Казань — Болгар, 15–19 октября 2018 г.). — 2018. — Вып. 6. Археология Евразийских степей. — С. 13–34.
69. Боталов, С. Г. Этнокультурная ситуация в урало-казахстанских степях эпохи Средневековья в свете новых археологических данных / С. Г. Боталов // Этнические взаимодействия на Южном Урале : сб. науч. трудов / отв. ред. А. Д. Таиров, Н. О. Иванова. — Челябинск : Рифей, 2013. — С. 201–207.
 70. Бояршинова, З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения: Спецкурс по истории народов Сибири для студентов-заочников исторического факультета университета / З. Я. Бояршинова. — Томск : Изд-во ТГУ, 1960. — 151 с.
 71. Бужилова, А. П. Историческая экология человека: методика биологических исследований / А. П. Бужилова и др. — М. : Старый сад, 1998. — 260 с.
 72. Быков, А. А. Монеты Китая / А. А. Быков. — Л. : Советский художник, 1969. — 80 с.
 73. Васильева, И. Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XII вв. / И. Н. Васильева. — Екатеринбург : Наука, 1993. — 246 с.
 74. Васюткин, С. М. Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тыс. н. э. / С. М. Васюткин // Советская археология. — 1968. — № 1. — С. 56–72.
 75. Виденгрэн, Г. Мани и манихейство / Г. Виденгрэн. — СПб. : Евразия, 1965. — 256 с.
 76. Викторова, В. Д. Археологические культуры в верховьях реки Исети во время Великого переселения народов / В. Д. Викторова // Проблемы изучения бакальской культуры. — Челябинск ; Шадринск : ИИА УрО РАН, 2008а. — С. 81–93.
 77. Викторова, В. Д. Древние Угры в лесах Урала: Страницы ранней истории манси / В. Д. Викторова. — Екатеринбург : Квадрат, 2008б. — 208 с.
 78. Викторова, В. Д. Ликийский могильник X–XIII вв. / В. Д. Викторова // Вопросы археологии Урала. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1973. — Вып. 12. — С. 133–173.
 79. Викторова, В. Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья (опыт систематизации материала) : автореф. ... канд. ист. наук / В. Д. Викторова. — Свердловск, 1969. — 20 с.
 80. Викторова, В. Д. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев р. Исети (эпоха позднего железного века) / В. Д. Викторова, В. Ф. Кернер // Вестник Уральского отделения Российской академии наук. Наука. Общество. Человек. — 2009. — № 2 (28). — С. 95–107.
 81. Викторова, В. Д. Останец Старичный — новый памятник петрогромской культуры / В. Д. Викторова, С. Е. Чаиркин // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Екатеринбург, 1999. — Вып. 3. — С. 166–174.
 82. Викторова, В. Д. Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н. э. / В. Д. Викторова // Ученые записки Пермского государственного университета. — Пермь : Изд-во ПГУ, 1968. — № 191. — С. 240–256.
 83. Викторова, В. Д. Памятники эпохи железа у озера Осинового / В. Д. Викторова, В. Ф. Кернер // Вопросы археологии Урала. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1988. — Вып. 19. — С. 129–141.
 84. Викторова, В. Д. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века / В. Д. Викторова, В. М. Морозов // Кочевники урало-казахстанских степей / [отв. ред. А. Д. Таиров]. — Екатеринбург : УИФ «Наука», 1993. — С. 173–192.
 85. Викторова, В. Д. Этапы развития фигурноштампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды / В. Д. Викторова // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / [отв. ред. В. И. Матющенко]. — Томск : Изд-во ТГУ, 1970. — С. 254–270.
 86. Волкова, В. С. Растительность и климат голоцена Западной Сибири / В. С. Волкова, В. А. Бахарева, Т. П. Левина // Палеоклиматы позднеледникового и голоцена / [отв. ред. Н. А. Хотинский]. — М. : Наука, 1989. — С. 90–95.

87. Воронин, К. В. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия / К. В. Воронин, В. Ю. Малашев. — М. : ИА РАН, 2006. — 152 с.
88. Гаврилова, А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен / А. А. Гаврилова ; отв. ред. М. П. Грязнов. — М. : Наука, 1965. — 111 с. + XXXI табл.
89. Гавритухин, И. О. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / И. О. Гавритухин, А. М. Обломский ; ред. Г. Е. Афанасьев, И. П. Русанова. — М. : ИА РАН, 1996. — 298 с.
90. Гавритухин, И. О. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI–VII вв. / И. О. Гавритухин // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. / отв. ред. Д. А. Сташенков. — Самара, 1996. — С. 115–133.
91. Гавритухин, И. О. Ременная накладка ранневизантийского круга из Подмосковья / И. О. Гавритухин // Российская археология. — 2014. — № 4. — С. 134–144.
92. Гарустович, Г. Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры : автореф. дис. канд. ист. наук / Г. Н. Гарустович. — Уфа, 1998. — 27 с.
93. Гарустович, Г. Н. Чияликская культура эпохи Средневековья на Южном Урале / Г. Н. Гарустович // Уфимский археологический вестник. — 2015. — Вып. 15. — С. 181–198.
94. Гемуев, И. Н. Святые места манси верховьев Северной Сосьвы / И. Н. Гемуев, А. В. Бауло ; отв. ред. К. Г. Колтаков. — Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. — 239 с.
95. Генинг, В. Ф. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье / В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина // Вопросы археологии Урала. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1973. — Вып. 12. — С. 60–123.
96. Генинг, В. Ф. Лихачевский могильник на р. Ишим — памятник потчевашской культуры VI–VIII вв. н. э. / В. Ф. Генинг, С. Я. Зданович // Ранний железный век и Средневековье Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск : ЧелГУ, 1987. — С. 119–133.
97. Генинг, В. Ф. Логиновское городище / В. Ф. Генинг, В. В. Евдокимов // Вопросы археологии Урала. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1969. — Вып. 8. — С. 102–127.
98. Генинг, В. Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа / В. Ф. Генинг // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия гуманитарных наук. — Казань, 1959. — Вып. 2. — С. 157–219.
99. Генинг, В. Ф. Памятники железного века в Омском Прииртышье / В. Ф. Генинг и др. // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / [отв. ред. В. И. Матющенко]. — Томск : Изд-во ТГУ, 1970. — С. 202–228.
100. Генинг, В. Ф. Пахомовский могильник / В. Ф. Генинг, Б. Б. Овчинникова // Вопросы археологии Урала. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1969. — С. 128–137.
101. Генинг, В. Ф. Тураевский могильник V в. н. э. (Захоронения военачальников) / В. Ф. Генинг // Из археологии Волго-Камья / отв. ред. А. Х. Халиков. — Казань : Изд-во ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1976. — С. 55–108.
102. Генинг, В. Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья) / В. Ф. Генинг // КСИА. — М., 1979. — Вып. 158. — С. 96–106.
103. Генинг, В. Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. / В. Ф. Генинг // Проблемы археологии и древней истории угров / [отв. ред. А. П. Смирнов и др.]. — М. : Наука, 1972. — С. 221–295.
104. Герасимов, М. М. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек) / М. М. Герасимов. — М. : Наука, 1955. — 586 с. — (Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия ; Т. 28).
105. Герасимов, М. М. Основы восстановления лица по черепу / М. М. Герасимов. — М. : Советская наука, 1949. — 188 с.
106. Гинзбург, В. В. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана / В. В. Гинзбург // Сборник МАЭ. — 1963. — Т. 21. — С. 297–337.

107. Голдина, Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.) / Е. В. Голдина. — Ижевск : УдГУ, 2010. — 264 с.
108. Голдина, Е. В. «Дальний импорт» Прикамья — своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н. э. — IX в. н. э.). Приложение / Е. В. Голдина, Р. Д. Голдина // Голдина, Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.) / Е. В. Голдина. — Ижевск : УдГУ, 2010. — С. 156–263.
109. Голдина, Р. Д. Бартымский комплекс памятников эпохи Средневековья в Сылвенском поречье / Р. Д. Голдина, И. Ю. Пастушенко, Е. М. Черных. — Ижевск ; Пермь : УдГУ, 2011. — Т. 13. — 340 с.
110. Голдина, Р. Д. Городище Кучум-гора / Р. Д. Голдина // Вопросы археологии Урала. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1969. — Вып. 8. — С. 138–158.
111. Голдина, Р. Д. Городище Лобач и его окрестности в эпоху Средневековья / Р. Д. Голдина [и др.]. — Ижевск ; Пермь : УдГУ, 2012. — Т. 23. — 246 с.
112. Голдина, Р. Д. Лес и лесостепь Уральской Евразии в эпоху железа (I тыс. до н. э. — XVI в. н. э.): проблемы контактов и взаимодействия / Р. Д. Голдина, А. П. Зыков // IV Северный археологический конгресс : доклады (г. Ханты-Мансийск, 19–23 октября 2015 г.) / [отв. ред. Н. Н. Чаиркина]. — Екатеринбург : НРО ИИА УрО РАН, 2015. — С. 36–56.
113. Голдина, Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье / Р. Д. Голдина. — Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1985. — 280 с.
114. Голдина, Р. Д. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи / Р. Д. Голдина, С. А. Перевозчикова, Е. В. Голдина. — Ижевск, 2018. — Т. 19. — 720 с.
115. Голдина, Р. Д. Могильники неволинской культуры в Приуралье / Р. Д. Голдина, Н. В. Водолаго. — Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1990. — 176 с.
116. Голдина, Р. Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье / Р. Д. Голдина. — Ижевск, 2012. — Т. 21. — 472 с.
117. Голдина, Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме / Р. Д. Голдина. — Ижевск : Изд-во «Удмуртия», 2003. — Т. II, ил. — 727 с.
118. Голдина, Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме / Р. Д. Голдина. — Ижевск : Изд-во «Удмуртия», 2004. — Т. I, текст-каталог погребений. — 319 с.
119. Голдина, Р. Д. Тураевский I могильник — уникальный памятник эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье / Р. Д. Голдина, В. А. Бернц. — Ижевск : УдГУ, 2010. — 499 с.
120. Голдина, Р. Д. Хронология погребальных комплексов раннего Средневековья в Верхнем Прикамье / Р. Д. Голдина // КСИА. — М., 1979. — Вып. 158. — С. 79–90.
121. Головнев, А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии) / А. В. Головнев ; [отв. ред. акад. РАН В. А. Тишков]. — Екатеринбург : ИИА УрО РАН : НПМП «Волот», 2009. — 496 с.
122. Головнев, А. В. История Ямала / А. В. Головнев, Г. С. Зайцев. — Тобольск ; Яр-Сале, 1993. — 104 с.
123. Горбунов, В. В. Военное дело населения Алтая III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие) / В. В. Горбунов. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2006. — 232 с.
124. Гордиенко, А. В. Керамический комплекс эпохи Средневековья из раскопок городища Красный Яр / А. В. Гордиенко, Н. П. Приходько // Уральский исторический вестник. — 2017а. — № 4 (57). — С. 130–135.
125. Гордиенко, А. В. Молчановско-андрюшинская культура лесного Зауралья / А. В. Гордиенко // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения. — Томск : Изд-во ТГУ, 2013а. — Вып. 3. — С. 173–183.
126. Гордиенко, А. В. Погребения эпохи Средневековья на городище Красный Яр / А. В. Гордиенко, Н. П. Приходько // Вестник угроведения. — 2017б. — № 3 (30). — С. 119–127.
127. Гордиенко, А. В. Святилище «Пламя Сибири» / А. В. Гордиенко // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2013б. — № 2 (54). — С. 120–125.

128. Гордиенко, А. В. Средневековая материальная культура Зауралья (по итогам раскопок городища «Пламя Сибири-7» в 2009 году) / А. В. Гордиенко // Вестник Удмуртского университета. — 2017. — Т. 27, вып. 1. — С. 62–66.
129. Гордиенко, А. В. Средневековое батырское городище Боровиково / А. В. Гордиенко // Вестник Томского государственного университета. — 2019а. — № 440. — С. 106–116.
130. Гордиенко, А. В. Средневековье Западной Сибири и Европы / А. В. Гордиенко. — М. : РУСАЙНС, 2019б. — 232 с.
131. Гордиенко, А. В. Среднее Зауралье в эпоху раннего Средневековья / А. В. Гордиенко. — Тюмень : РИЦ ТГИК, 2016. — 230 с.
132. Горелик, М. В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э. / М. В. Горелик // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока / [отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков]. — Новосибирск : Наука, 1993. — С. 149–179.
133. Гохман, И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых антропологических материалов / И. И. Гохман // Сборник МАЭ. — 1980. — Т. 36. — С. 5–34.
134. Гохман, И. И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики / И. И. Гохман // Вопросы антропологии. — 1961. — № 8. — С. 88–98.
135. Грачев, М. А. Новый карымский могильник в южно-таежном Прииртышье / М. А. Грачев и др. // III Северный археологический конгресс : тезисы докл. — Екатеринбург : Изд-во «НаукаСервис», 2010. — С. 239–240.
136. Грудочко, И. В. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей (типология и хронология) / И. В. Грудочко // III Международный Мадыарский симпозиум. — Будапешт, 2018. — С. 63–90.
137. Грудочко, И. В. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в VIII–X вв. / И. В. Грудочко, С. Г. Боталов // II Международный Мадыарский симпозиум / отв. ред. С. Г. Боталов, Н. О. Иванов. — Челябинск : Рифей, 2013. — С. 110–138.
138. Данченко, Е. М. К вопросу о формировании потчевашской культуры / Е. М. Данченко // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. — Омск : ОмГУ, 1992. — С. 80–83.
139. Данченко, Е. М. К изучению карымских памятников Среднего Прииртышья / Е. М. Данченко // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий : материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнограф. конф. — Томск : Изд-во ТГУ, 2005. — С. 149–152.
140. Данченко, Е. М. К проблеме разграничения культур в археологии / Е. М. Данченко // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории : материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнограф. конф. — Томск : Изд-во ТГУ, 2001. — С. 148–150.
141. Данченко, Е. М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и Средневековья / Е. М. Данченко // Проблемы бакальской культуры : материалы научно-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. — Челябинск : Рифей, 2008. — С. 45–60.
142. Данченко, Е. М. К характеристике позднекулайских материалов Прииртышья / Е. М. Данченко, М. А. Донцова, О. Е. Гришаева // Проблемы этнической истории самодийских народов / [отв. ред. В. И. Матющенко]. — Омск : ОмГУ, 1993. — Ч. 1. — С. 50–52.
143. Данченко, Е. М. Керамика эпохи раннего железа с Красноярского археологического комплекса / Е. М. Данченко, И. М. Колесникова // Гуманитарное знание : ежегодник. — Омск, 2000. — Вып. 4. — С. 154–172. — (Сер. : Преемственность).
144. Данченко, Е. М. Позднекулайская керамика Сперановского городища / Е. М. Данченко, О. Е. Гришаева // Керамика как исторический источник / [отв. ред. И. Г. Глушков]. — Тобольск, 1996. — С. 53–56.

145. Даркевич, В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. // Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья / В. П. Даркевич ; отв. ред. Т. В. Николаева. — М. : Наука, 1976. — 199 с.
146. Дебец, Г. Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР / Г. Ф. Дебец // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии [отв. ред. В. П. Алексеев, И. С. Гурвич]. — М. : Наука, 1968. — С. 13–22.
147. Дебец, Г. Ф. Палеоантропология СССР / Г. Ф. Дебец. — М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1948. — 392 с. — (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия / Академия наук СССР ; Т. 4).
148. Деопик, В. Д. Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв. / В. Д. Деопик // МИА. — 1963. — № 114. — Т. 2. Средневековые памятники Северной Осетии. — С. 122–147.
149. Дмитриев, П. А. Раскопки стоянки «Калмацкий Брод» на р. Исети. История Урала с древних времен до 1861 г. / П. А. Дмитриев. — М., 1934. — 24 с.
150. Дремов, В. А. Антропологические материалы II–VIII вв. н. э. из могильников Уени / В. А. Дремов // Из истории Сибири. — 1975. — Вып. 16. — С. 94–128.
151. Дремов, В. А. Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным палеоантропологии / В. А. Дремов // Советская этнография. — 1967. — № 6. — С. 53–66.
152. Дьяконова, Н. В. К вопросу о культуре Наны (Анахиты) в Согде / Н. В. Дьяконова, О. И. Смирнова // Советская археология. — 1967. — № 1. — С. 74–83.
153. Елагин, В. С. Бараба в начале I тысячелетия н. э. / В. С. Елагин, В. И. Молодин. — Новосибирск : Наука, 1991. — 125 с.
154. Епимахов, А. В. Радиоуглеродная хронология бакальской культуры (по материалам Большого Бакальского городища и городища Усть-Утяк-1) / А. В. Епимахов // Проблемы изучения бакальской культуры. Материалы семинара. — Челябинск ; Шадринск : ИИА УрО РАН, 2008. — С. 41–44.
155. Жарков, П. Л. Остеохондроз и другие дистрофические изменения позвоночника у взрослых и детей / П. Л. Жарков. — М. : Медицина, 1994. — 240 с.
156. Жарков, П. Л. Поясничные боли / П. Л. Жарков, А. П. Жарков, С. М. Бубновский. — М. : ОАО «Оригинал», 2001. — 143 с.
157. Жук, А. В. Омский дебют: экспедиция 1961 г. / А. В. Жук // Vita scientificus, или археолог В. И. Матющенко. — Омск : Полиграфический центр КАН, 2014. — С. 42–67.
158. Засецкая, И. П. Золотые украшения гуннской эпохи: по материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа / И. П. Засецкая. — Л. : Аврора, 1975. — 79 с.
159. Засецкая, И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V в.) / И. П. Засецкая. — СПб. : Эллипс, 1994. — 224 с.
160. Зах, В. А. Древности Андреевской озерной системы. Т. 1. Археологические памятники / В. А. Зах и др. — Новосибирск : Наука, 2014. — 225 с.
161. Зах, В. А. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье / В. А. Зах и др. — Новосибирск : Наука, 2008. — 212 с.
162. Зах, В. А. Раннесредневековые комплексы городища Борки-1 в Нижнем Приишимье / В. А. Зах и др. // Человек и Север: Антропология, археология, экология : материалы Всерос. конф. (г. Тюмень, 6–10 апреля 2015 г.). — Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. — Вып. 3. — С. 127–132.
163. Захаров, Б. И. К антропологии населения Западной Сибири эпохи неолита / Б. И. Захаров // Археологические микрорайоны Западной Сибири. — Омск : ОмГУ, 1994. — С. 170–174.
164. Зеленков, А. С. Историко-культурная модель эпохи Средневековья Тоболо-Иртышской провинции / А. С. Зеленков // III Международный Мадыарский симпозиум. — Будапешт, 2018а. — С. 35–47.
165. Зеленков, А. С. К вопросу о средневековой периодизации Тоболо-Иртышья / А. С. Зе-

- ленков // Человек и Север: Антропология, археология, экология : материалы Всерос. науч. конф. / [отв. ред. А. Н. Багашев]. — Тюмень, 2018б. — Вып. 4. — С. 96–99.
166. Зеленков, А. С. Керамика кушнаренковского типа городища Уфа II / А. С. Зеленков // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2015. — Т. 1, № 4. — С. 192–201.
167. Зеленков, А. С. Керамика псевдокушнаренковского типа в контексте археологических памятников Западной Сибири эпохи раннего Средневековья / А. С. Зеленков // АВ ORIGINE. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2020. — Вып. 11. — С. 24–44.
168. Зеленков, А. С. О статусе псевдокушнаренковской керамики в археологическом контексте Западной Сибири раннего Средневековья / А. С. Зеленков // АВ ORIGINE. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2019. — Вып. 11. — С. 24–44.
169. Зеленков, А. С. Особенности гончарства как показатель взаимодействия населения Урало-Сибирского региона в раннем Средневековье / А. С. Зеленков // Вестник Пермского университета. История. — 2017а. — № 1. — С. 98–106.
170. Зеленков, А. С. Приспособительные навыки гончаров бакальской культуры (по материалам Коловского городища) / А. С. Зеленков // Экология древних и традиционных обществ : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Тюмень, 7–11 ноября 2016 г.) / [под ред. Н. П. Матвеевой]. — Тюмень, 2016. — Вып. 5, ч. 2. — С. 66–69.
171. Зеленков, А. С. Статистический анализ раннесредневековых погребений лесостепной и подтаежной зон Зауралья. V (XXI) Всероссийский археологический съезд : сб. науч. трудов / А. С. Зеленков. — Барнаул, 2017б. — С. 409–410.
172. Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи Средневековья в Северном Приобье. — Екатеринбург ; Салехард : УрО РАН, 2005. — 368 с.
173. Зданович, С. Я. Лихачевское городище на р. Ишим / С. Я. Зданович // V Уральское археологическое совещание. — Сыктывкар, 1967. — С. 136–137.
174. Зиняков, Н. М. Железообрабатывающее производство Западной Сибири / Н. М. Зиняков // КСИА. — М., 2006. — Вып. 220. — С. 120–127.
175. Зиняков, Н. М. Технология производства железных предметов Елыкаевской коллекции / Н. М. Зиняков // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. — Кемерово : Изд-во КемГУ, 1976. — С. 106–114.
176. Зиняков, Н. М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири / Н. М. Зиняков. — Кемерово : Изд-во «Кузбассвуиздат», 1997. — 367 с.
177. Зиняков, Н. М. Черная металлургия и металлообработка Западной Сибири в эпохи раннего железного века и Средневековья / Н. М. Зиняков. — Кемерово : ГБУ ДПО «КРИПО», 2019. — 168 с.
178. Золотарева, И. М. Черепа из Перейминского и Козловского могильников (Средняя Обь) / И. М. Золотарева // МИА. — М., 1957. — № 58. — С. 246–250.
179. Зыков, А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время / А. П. Зыков. — Екатеринбург : Изд-во «Уральский рабочий», 2012. — 232 с.
180. Зыков, А. П. Город Сибирь — городище Искер (историко-археологическое исследование) / А. П. Зыков, П. А. Косинцев, В. В. Трепавлов. — М. : Изд-во «Наука — Восточная литература», 2017. — 559 с.
181. Зыков, А. П. Гуннские погребения у села Черноозерье и проблема этнокультурной ситуации в лесостепном Прииртышье в эпоху Великого переселения народов / А. П. Зыков // Тюркские народы. Материалы V-го симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск ; Омск : Изд-во ОмГПУ, 2002. — С. 47–50.
182. Зыков, А. П. Железные кинжалы Северо-Западной Сибири / А. П. Зыков // Знания и навыки уральского населения в древности и Средневековье / [отв. ред. Л. Н. Корякова]. — Екатеринбург : Наука, 1993. — С. 144–161.
183. Зыков, А. П. Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II–XVII веках : автореф. ... канд. ист. наук / А. П. Зыков. — М., 2008. — 23 с.

184. Зыков, А. П. Металлические изделия с памятника рёлкинского этапа нижнеобской культуры в бассейне р. Харампур / А. П. Зыков, О. Е. Пошехонова // Уральский исторический вестник. — 2014. — № 2 (43). — С. 97–107.
185. Зыков, А. П. Особенности технологии кузнечного производства населения Северо-Западной Сибири II — начала XVIII века / А. П. Зыков // Музейное дело в Ханты Мансийском автономном округе – Югре / отв. ред. Я. А. Яковлев. — Ханты-Мансийск : Изд-во ТГУ, 2014. — Вып. 4. — С. 207–221.
186. Зыков, А. П. Периодизация нижнеобской культуры в Сургутском Приобье / А. П. Зыков // Провинциальный музей в рамках разработки проектов музеефикации археологических объектов : материалы регион. научно-практ. конф. (г. Советский, 3–6 октября 2006 г.). — Екатеринбург : НППМ «Волот», 2006а. — С. 33–58.
187. Зыков, А. П. Результаты металлографического изучения железных изделий Пахомовского могильника / А. П. Зыков // Проблемы истории регионального развития. — Свердловск : УрО РАН, 1990. — С. 3–11.
188. Зыков, А. П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири / А. П. Зыков // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. — Екатеринбург ; Ханты-Мансийск : Изд-во «Чароид», 2006б. — С. 109–124.
189. Зыков, А. П. Топоры Северо-Западной Сибири IX — середины XVII веков / А. П. Зыков // Новгородская Земля — Урал — Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии : в 2 ч. / [отв. ред. В. Л. Янин]. — Екатеринбург : Изд-во «Банк культурной информации», 2009. — Ч. 2. — С. 318–338.
190. Зыков, А. П. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета / А. П. Зыков и др. — Екатеринбург : Изд-во «Внешторгиздат», 1994. — 158 с.
191. Зыков, А. П. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея / А. П. Зыков, Н. В. Федорова. — Екатеринбург : ИД «Сократ», 2001. — 176 с.
192. Зыков, А. Феномен таежной цивилизации / А. Зыков, С. Кокшаров // Родина. — 2000. — № 5. — С. 39–44.
193. Иванов, А. Г. Группы кушнаренковско-караякуповского населения между Камой и Вяткой / А. Г. Иванов // Проблемы изучения бакальской культуры / [отв. ред. С. Г. Боталов]. — Челябинск : Рифей, 2008. — С. 147–161.
194. Иванов, А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху Средневековья / А. Г. Иванов. — Ижевск, 1997. — 309 с.
195. Иванов, В. А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе / В. А. Иванов. — Уфа : Гилем, 1999. — 123 с.
196. Иванов, В. А. Еще раз о «кушнаренковско-караякуповской проблеме» / В. А. Иванов // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности : сб. статей, посвященный 75-летию доктора исторических наук Евгения Петровича Казакова. — Казань : Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2009. — С. 177–196.
197. Иванов, В. А. Угры Предуралья: продолжение темы / В. А. Иванов // Поволжская археология. — 2015. — № 4. — С. 201–219.
198. Иванов, В. А. Четыре монеты как эквивалент наличия городов в Башкирии в эпоху Золотой Орды / В. А. Иванов // Золотоордынская цивилизация. — Казань, 2012. — Вып. 5. — С. 404–414.
199. Иванов, И. В. Динамика атмосферного увлажнения и эволюция почв аридной области умеренного пояса севера Евразии в голоцене / И. В. Иванов // Почвенные процессы и пространственно-временная организация почв / [отв. ред. В. Н. Кудяров]. — М. : Наука, 2006. — С. 7–34.
200. Илюшина, В. В. Потчевашские погребения из грунтового могильника Викуловское кладбище / В. В. Илюшина // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2009. — № 10. — С. 74–83.

201. Исмагулов, О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование) / О. Исмагулов. — Алма-Ата : Наука, 1970. — 240 с.
202. История Сибири : в 4 т. Т. 2. Железный век и Средневековье / отв. ред. В. И. Молодин. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. — 643 с.
203. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней : учебник для старших классов / [Н. Н. Баранов и др.] — Екатеринбург : НПМО «Волот», 2000. — 467 с.
204. Казаков, Е. П. Волжские болгары, угры и финны в IV–XIV веках: проблемы взаимодействия / Е. П. Казаков. — Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. — 208 с.
205. Казаков, Е. П. Культура ранней Волжской Булгарии / Е. П. Казаков. — М. : Наука, 1992. — 335 с.
206. Казаков, Е. П. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья / Е. П. Казаков // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / [отв. ред. А. Х. Халиков]. — Казань : Изд-во ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1981. — С. 115–135.
207. Казаков, Е. П. Чияликская культура: территория, время, истоки / Е. П. Казаков // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (г. Тобольск, 9–11 декабря 2003 г.). — Тобольск, 2003. — С. 79–87.
208. Казанский, М. М. О поясах с накладными узкими пластинами из могильника Лучистое / М. М. Казанский // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма : материалы Междунар. науч. конф., посвященной 70-летию Александра Ильича Айбабина (г. Симферополь, 10–11 января 2019 г.) / [ред.-сост. Э. А. Хайрединова]. — Симферополь : ООО «Антиква», 2019. — С. 60–64.
209. Казанцева, О. А. Керамика кушнаренковского типа Благодатского-1 городища / О. А. Казанцева, Т. К. Ютина // Приуралье в древности и Средние века / [отв. ред. А. А. Тронин]. — Устинов : УдГУ, 1986. — С. 110–129.
210. Казанцева, О. А. Красноярский могильник / О. А. Казанцева // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. — Ижевск : УдГУ, 1988. — С. 44–65.
211. Кайдалов, А. И. Городище Усть-Утяк-1 / А. И. Кайдалов, Е. А. Сечко, С. Г. Боталов // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). — Челябинск: Рифей, 2016. — С. 59–188.
212. Кайдалов А. И. Природные условия лесостепного Притоболья в переходное время и Средневековье (по материалам изучения городища Усть-Утяк 1) / А. И. Кайдалов и др. // Экология древних и традиционных обществ : сб. докл. конф. — Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. — Вып. 4. — С. 43–46.
213. Кайдалов, А. И. Средневековое население городища Усть-Утяк-1 / А. И. Кайдалов, Л. Л. Гайдученко, Е. А. Сечко // Емельяновские чтения. — Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. — С. 26–27.
214. Кайдалов, А. И. Средневековый комплекс городища Усть-Утяк 1: интерпретация и хронология / А. И. Кайдалов, Е. А. Сечко, П. А. Колмогоров // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2010. — № 2 (13). — С. 68–74.
215. Каменский, С. Ю. Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО / С. Ю. Каменский, Е. А. Жирных // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого / [ред. Я. А. Яковлев]. — Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во ТГУ, 2006. — Вып. 3. — С. 168–178.
216. Камышев, А. М. Нумизматическое наследие Кыргызстана (альбом) / А. М. Камышев. — Бишкек : Национальный Банк Республики Кыргызстан, 2002. — 128 с.
217. Канивец, В. И. Канинская пещера / В. И. Канивец. — М. : Наука, 1964. — 136 с.
218. Карачаров, К. Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута / К. Г. Карачаров // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири / [отв. ред. Г. П. Визгалов]. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2002. — С. 26–52.
219. Карачаров, К. Г. Вожпайская археологическая культура / К. Г. Карачаров // Ураль-

- ский исторический вестник. — 2006. — № 14. — С. 135–149.
220. Карачаров, К. Г. Обычай скальпирования на севере Западной Сибири в Средние века / К. Г. Карачаров, Д. И. Ражев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2008. — Вып. 4. — С. 125–131.
221. Карачаров, К. Г. Средневековье на Средней и Нижней Оби / К. Г. Карачаров // III Северный археологический конгресс : тезисы докл. — Ханты-Мансийск, 2010. — С. 251–253.
222. Карачаров, К. Г. Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья / К. Г. Карачаров // Хронология памятников Южного Урала / [отв. ред. Б. Б. Агеев]. — Уфа : УНЦ РАН, 1993. — С. 110–118.
223. Китов, Е. П. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке / Е. П. Китов, А. М. Мамедов. — Астана : Издательская группа ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астане, 2014. — 352 с.
224. Клад кулайской культуры на Барсовой Горе: каталог (из собрания Сургутского краеведческого музея) / А. Б. Агаркова, В. А. Борзунов, А. Я. Труфанов. — Екатеринбург ; Сургут : Издательская группа «Караван», 2016. — 128 с.
225. Классификация в археологии / [отв. ред. Е. А. Колпаков]. — СПб. : ИИМК РАН, 2013. — 251 с.
226. Клейн, Л. С. Культурогенез как понятие и концепция: скептические размышления / Л. С. Клейн // Записки ИИМК РАН. — 2015. — № 11. — С. 168–179.
227. Кляшторный, С. Г. Белюки: история миграции одного из племен огузов / С. Г. Кляшторный // *Central Eurasia in the Middle Ages. Studies in Honour of P. V. Golden.* — Wiesbaden : Harrasowitz Verlag, 2016. — P. 19–192.
228. Кляшторный, С. Г. Государства и народы Евразийских степей: древность и Средневековье / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. — 2-е изд. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2004. — 362 с.
229. Кляшторный, С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии / С. Г. Кляшторный. — М. : Наука, 1964. — 215 с.
230. Кляшторный, С. Г. Степные империи древней Евразии / С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. — 346 с.
231. Ковригин, А. А. К датировке Абатского-3 могильника / А. А. Ковригин // XVII Уральское археологическое совещание : материалы науч. конф. — Екатеринбург : Магеллан ; Сургут, 2007. — С. 194–198.
232. Кокшаров, С. Ф. Археологические раскопки на поселении Ендырское VII в Октябрьском районе ХМАО – Югры / С. Ф. Кокшаров и др. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого / [ред. Я. А. Яковлев]. — Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во ТГУ, 2012. — Вып. 10. — С. 340–342.
233. Кокшаров, С. Ф. Железный век тайги / С. Ф. Кокшаров, А. П. Зыков // Нягань. Город на историческом фоне Нижнего Приобья. — Екатеринбург, 1995.
234. Комар, А. В. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы / А. В. Комар // *Степи Европы в эпоху Средневековья.* — 2000. — Т. 1. — С. 19–55.
235. Комар, А. В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований / А. В. Комар // *Мадяри в Середньому Подніпров'ї.* — 2011. — Вип. 7. *Археологія і давня історія України.* — С. 21–76.
236. Комар, А. В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции / А. В. Комар = Komar, O. *A korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei* / O. Komar ; Szerk. A. Türk, D. Budai. — Budapest, 2018. — Vol. 11. — 425 с.
237. Комар, А. В. Поясные наборы IX–X вв. с «мифологическими сюжетами» / А. В. Комар // *Zwischen Byzanz und der Steppe. Archäologische und historische Studien Festschrift für Csanád Bálint zum 70. Geburtstag. Between Byzantium and the Steppe. Archaeological and Historical Studies in Honour of Csanád Bálint on the Occasion of His 70th Birthday.* — Budapest : Institute of Archaeology, Research Centre for the Humanities Hungarian Academy of Sciences, 2016. — P. 545–556.

238. Кони́ков, Б. А. Иванов Мыс-I, курганный могильник. Тевризский район, Омская область / Б. А. Кони́ков. — Омск : Амфора, 2019. — 126 с.
239. Кони́ков, Б. А. Культура таежного Прииртышья в VI–XIII вв. н. э. : автореф. ... канд. ист. наук / Б. А. Кони́ков. — Новосибирск, 1981. — 16 с.
240. Кони́ков, Б. А. Новые материалы I тыс. н. э. из лесостепного и таежного Прииртышья (Омская область) / Б. А. Кони́ков // Этнокультурные явления в Западной Сибири / [отв. ред. В. И. Матюшенко, Н. А. Томилов]. — Томск : Изд-во ТГУ, 1978. — С. 51–69.
241. Кони́ков, Б. А. Об эволюции оборонительных сооружений Омского Прииртышья эпохи железа / Б. А. Кони́ков // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. — Кемерово : КемГУ, 1995. — С. 75–83.
242. Кони́ков, Б. А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье / Б. А. Кони́ков. — Омск, 2007. — 466 с.
243. Кони́ков, Б. А. Паново-I, курганный могильник. Усть-Ишимский район, Омская область / Б. А. Кони́ков. — Омск : Амфора, 2020. — 148 с.
244. Кони́ков, Б. А. Раннесредневековые жилища таежного Прииртышья. Омская область / Б. А. Кони́ков // Жилища народов Западной Сибири / под ред. М. С. Усмановой. — Томск : Изд-во ТГУ, 1991. — С. 31–42.
245. Кони́ков, Б. А. Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н. э. / Б. А. Кони́ков. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 1993. — 176 с.
246. Кони́ков, Б. А. Усть-Ишимские курганы и некоторые вопросы раннесредневековой истории таежного Прииртышья / Б. А. Кони́ков // Западная Сибирь в эпоху Средневековья / [ред. Л. А. Чиндина]. — Томск : Изд-во ТГУ, 1984. — С. 88–98.
247. Королев, К. С. Раннесредневековое поселение Угдым II / К. С. Королев. — Сыктывкар : Изд-во КНЦ УрО АН СССР, 1989. — 20 с.
248. Король, Г. Г. Антропоморфно-сюжетные изображения на ременных украшениях кочевников Евразии конца I — начала II тыс. н. э. / Г. Г. Король // Снаряжение кочевников Евразии / отв. ред. А. А. Тишкин. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2005. — С. 157–162.
249. Корякова, Л. Н. Поселение Ипкуль-XV — памятник переходного периода от раннего железного века к Средневековью в Нижнем Притоболье / Л. Н. Корякова, В. М. Морозов, Т. Ю. Суханова // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1988. — С. 117–128.
250. Корякова, Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири / Л. Н. Корякова. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1988. — 241 с.
251. Косарев, М. Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда / М. Ф. Косарев. — М. : Наука, 1991. — 302 с.
252. Косинская, Н. С. Дегенеративно-дистрофические поражения костно-суставного аппарата / Н. С. Косинская. — Л. : Медгиз, 1961. — С. 102–110.
253. Костомаров, В. М. Пространственные характеристики размещения памятников раннего и развитого Средневековья на территории Среднего Притоболья / В. М. Костомаров, Е. А. Третьяков // Человек и Север: Антропология, археология, экология : материалы Всерос. науч. конф. / [отв. ред. А. Н. Багашев]. — Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2018. — Вып. 4. — С. 122–125.
254. Краева, Л. А. Древнененгерские комплексы из раскопок в Оренбуржье / Л. А. Краева, И. В. Матюшко // III Международный Мадьярский симпозиум. — Будапешт, 2018. — С. 173–189.
255. Краева, Л. А. К вопросу о примеси талька в сарматской керамике Южного Приуралья / Л. А. Краева // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения / [отв. ред. Ю. Б. Цетлин, Н. П. Салугина, И. Н. Васильева]. — М. : ИА РАН, 2010. — С. 58–65.
256. Кривошеев, М. В. Климатический оптимум как фактор кризиса экономики степных номадов в IV в. н. э. / М. В. Кривошеев, А. В. Борисов // Вестник Волгоградского государственного университета. — 2019. — Т. 24, № 3. — С. 47–57. — (Сер. 4 :

- История. Регионоведение. Международные отношения).
257. Кузьминых, С. В. Цветной металл Холмогорской коллекции / С. В. Кузьминых // Прил. 3 к кн. : Зыков, А. П. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея / А. П. Зыков, Н. В. Федоров. — Екатеринбург : ИД «Сократ», 2001. — С. 146–150.
258. Кулемзин, В. М. «Заготовка для тещи» с бензопилой / В. М. Кулемзин // Наука из первых рук. — 2009. — № 1. — С. 62–69.
259. Кулемзин, В. М. Обряды перевода из реального мира в потусторонний у народов Западной Сибири в XVIII–XX вв. / В. М. Кулемзин // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний / под общ. ред. Н. В. Лукиной. — Томск : Изд-во ТГУ, 1994. — С. 322–422.
260. Кулешов, В. С. Северная окраина тюркского мира в отражении персидского географического трактата X в. «Худуд ал-алан» / В. С. Кулешов // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ) : материалы Междунар. конф., посвященной 100-летию со дня рождения д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина (г. Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2020 г.). — СПб. : ИИМК РАН, 2020. — С. 276–278.
261. Кулешов, Вяч. С. Комплекс умаййадских монет Элмедского клада и его выдающееся историко-культурное значение / Вяч. С. Кулешов // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII. Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации / [под общ. ред. А. М. Белавина]. — Пермь : ПГГПУ, 2012. — С. 218–227.
262. Кулешов, Вяч. С. Серебро за меха из Страны мрака: памятники византийской, восточной и западной торевтики и нумизматики в сакральной экономике югорского общества V–XV вв. / Вяч. С. Кулешов // Византия в контексте мировой культуры : материалы конф., посвященной памяти Алисы Владимировны Банк. 1906–1984 / [науч. ред. В. Н. Залесская, Е. В. Степанова]. — СПб. : Изд-во ГЭ, 2017а. — С. 363–372. — (Труды Государственного Эрмитажа ; Т. LXXXIX).
263. Кулешов, Вяч. С. Югорское общество V–XV вв.: модель сакральной экономики, археологическая атрибуция и проблема этнической принадлежности / Вяч. С. Кулешов // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XII. Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная / [под общ. ред. А. М. Белавина]. — Пермь : ПГГПУ, 2017б. — С. 74–89.
264. Кумеков, Б. Е. Государство кимаков IX–X вв. по арабским источникам / Б. Е. Кумеков. — Алма-Ата : Наука, 1972. — 156 с.
265. Курьлев, В. П. Семейно-родственные группы у казахов конца XIX — начала XX в. / В. П. Курьлев // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. — М. : Наука, 1978. — С. 132–143.
266. Кутаков, Ю. М. Пылаевский грунтовый могильник: (Предварительная публикация) / Ю. М. Кутаков, А. В. Старков // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Екатеринбург, 1997. — Вып. 1. — С. 130–147.
267. Ларина, Н. С. Определение характера пищи в сосудах из захоронений могильника Устюг-1 (Зауралье) / Н. С. Ларина, Н. П. Матвеева, И. П. Швецова // Экология древних и традиционных обществ. — Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. — Вып. 4. — С. 183–188.
268. Лебединская, Г. В. Реконструкция лица по черепу / Г. В. Лебединская. — М. : Наука, 1998. — 124 с.
269. Лебединская, Г. В. Соотношение между верхним отделом лица и лицевого черепа / Г. В. Лебединская // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. — М. : Наука, 1973. — С. 38–56.
270. Левина, Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии нашей эры / Л. М. Левина. — М. : Наука, 1971. — 248 с.

271. Левина, Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья / Л. М. Левина. — М. : Восточная литература, 1996. — 396 с.
272. Луконин, В. Г. Кушано-сасанидские монеты. Эпиграфика Востока / В. Г. Луконин. — 1967. — Вып. XVIII. — С. 16–33.
273. Львова, Э. Л. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири / Э. Л. Львова и др. — Новосибирск : Наука, 1989. — Ч. 2. — 243 с.
274. Мажитов, Н. А. Бахмутинская культура / Н. А. Мажитов. — М. : Наука, 1968. — 164 с.
275. Мажитов, Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. / Н. А. Мажитов. — М. : Наука, 1981а. — 164 с.
276. Мажитов, Н. А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XII вв.) / Н. А. Мажитов // Хронология памятников Южного Урала / [отв. ред. Б. Б. Агеев]. — Уфа : УНЦ РАН, 1993. — С. 119–140.
277. Мажитов, Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. / Н. А. Мажитов. — М. : Наука, 1977. — 240 с.
278. Мажитов, Н. А. Южный Урал в VI–VIII вв. / Н. А. Мажитов // Степи Евразии в эпоху Средневековья / отв. ред. тома С. А. Плетнева. — М. : Наука, 1981б. — С. 23–28. — (Сер. : Археология СССР).
279. Маклецова, Н. П. Рентгенологическое изучение искусственно деформированных черепов древних эпох из Средней Азии и Поволжья / Н. П. Маклецова // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1974. — С. 165–172.
280. Малашев, В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени / В. Ю. Малашев // Сарматы и их соседи на Дону. — Ростов н/Д : Терра, 2000. — С. 194–232.
281. Марков, Г. Е. Кочевники Азии / Г. Е. Марков. — М. : Изд-во Московского ун-та, 1976. — 317 с.
282. Маршак, Б. И. Серебро за меха / Б. И. Маршак // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов : К XXI Международному конгрессу византинистов (г. Лондон, 21–26 августа 2006 г.) / [ред. В. Н. Залесская]. — СПб. : Изд-во ГЭ, 2006. — С. 72–82.
283. Маслоуженко, Д. Н. Этнополитическая история лесостепного Приоболжья в Средние века / Д. Н. Маслоуженко. — Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. — 168 с.
284. Матвеева, Г. И. О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и караякуповского типов / Г. И. Матвеева // Средневековая археология Евразийских степей. — Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. — Т. 2. — С. 75–86.
285. Матвеева, Г. И. Памятники I тысячелетия новой эры левобережья р. Белой / Г. И. Матвеева // Археология и этнография Башкирии / под ред. Н. В. Бикбулатова, Р. Г. Кузеева (отв. ред.), Н. А. Мажитова. — Уфа : Башкирский филиал АН СССР, 1968. — Т. III. — С. 113–131.
286. Матвеева, Н. П. Городище Коняшино-2 в подтаежном Зауралье / Н. П. Матвеева, Н. А. Пластеева, И. Ю. Чукунова // АВ ORIGINE. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2013. — Вып. 5. — С. 34–64.
287. Матвеева, Н. П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников) / Н. П. Матвеева. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2016а. — 264 с.
288. Матвеева, Н. П. Изучение диеты средневековых насельников / Н. П. Матвеева, Н. С. Ларина, Т. Н. Рафикова // Экология древних и традиционных обществ : доклады конф. — Тюмень : Вектор Бук, 2007. — Вып. 3. — С. 111–116.
289. Матвеева, Н. П. Исследование средневекового городища Барсучье в лесном Зауралье / Н. П. Матвеева, Е. А. Зайцева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2004. — № 5. — С. 51–63.
290. Матвеева, Н. П. К вопросу о миграции западносибирского населения в Приуралье / Н. П. Матвеева, А. С. Зеленков // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое

- совещание) : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. — Ижевск, 2016б. — С. 246–251.
291. Матвеева, Н. П. К вопросу о скотоводстве бакальского населения Зауралья / Н. П. Матвеева, Е. А. Третьяков // Вестник Томского государственного университета. — 2020. — № 67. — С. 145–152. — (Сер. : История).
292. Матвеева, Н. П. К вопросу о технологии производства керамики юдинской культуры / Н. П. Матвеева, Е. Н. Ульянова // АВ ORIGINE. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2011. — Вып. 3. — С. 87–102.
293. Матвеева, Н. П. К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза лесостепного Зауралья (по данным изучения гончарства) / Н. П. Матвеева, Л. С. Кобелева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2013. — № 3. — С. 68–78.
294. Матвеева, Н. П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов / Н. П. Матвеева. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2012а. — 178 с.
295. Матвеева, Н. П. Коловское городище / Н. П. Матвеева, С. В. Берлина, Т. Н. Рафикова. — Новосибирск : Наука, 2008. — 228 с. — (Древности Ингальской долины. Археолого-палеоэкологическое исследование ; вып. 2).
296. Матвеева, Н. П. Кочевнический могильник Медный борок (предварительное сообщение) / Н. П. Матвеева, А. С. Зеленков, Е. А. Третьяков // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2017. — Т. 3, № 1. — С. 119–131.
297. Матвеева, Н. П. Могильник Козлов Мыс-2 и проблема хронологии переходного периода от раннего к позднему железному веку в Зауралье / Н. П. Матвеева // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2012б. — № 4. — С. 70–85.
298. Матвеева, Н. П. Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009–2010 гг. / Н. П. Матвеева // АВ ORIGINE. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2012в. — Вып. 4. — С. 38–75.
299. Матвеева, Н. П. Некоторые проблемы изучения средневековой археологии лесостепной зоны Приуралья и Зауралья в свете формирования мадьяр / Н. П. Матвеева // АВ ORIGINE. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2019. — Вып. 11. — С. 44–60.
300. Матвеева, Н. П. Новые данные о юдинской культуре (по материалам Криволюкского городища) / Н. П. Матвеева, Т. Н. Рафикова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2005. — № 6. — С. 105–116.
301. Матвеева, Н. П. Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи / Н. П. Матвеева, Л. А. Орлова, Т. Н. Рафикова // Российская археология. — 2009. — № 1. — С. 140–151.
302. Матвеева, Н. П. Новые средневековые памятники из северной лесостепи Притоболья / Н. П. Матвеева // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. — Томск : Изд-во ТГУ, 1997. — С. 245–262.
303. Матвеева, Н. П. О миграциях из Западной Сибири в Европу в раннем железном веке и в эпоху Великого переселения народов // Материалы IV Международного Мадьярского симпозиума (Казань — Болгар, 15–19 октября 2018 г.). — 2018. — Вып. 6. Археология Евразийских степей. — С. 150–156.
304. Матвеева, Н. П. О связях урало-западно-сибирского населения со Средней Азией в раннем Средневековье / Н. П. Матвеева // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2021. — Т. 49, № 1. — С. 83–92.
305. Матвеева, Н. П. Остяцкий Живец-II и проблема интерпретации памятников северной тайги / Н. П. Матвеева // АВ ORIGINE. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2015а. — Вып. 7. — С. 36–57.
306. Матвеева, Н. П. Половозрастной состав захоронений могильника Устюг-1 и особенности погребальной практики / Н. П. Матвеева, О. Е. Пошехонова // Вестник угроведения. — Ханты-Мансийск, 2013. — № 1 (12). — С. 125–131.
307. Матвеева, Н. П. Проблемы изучения происхождения мадьяр (по урало-сибирским материалам раннего Средневековья) / Н. П. Матвеева, Г. Дьёни, А. С. Зелен-

- ков // Российская археология. — 2021. — № 2. — С. 147–166.
308. Матвеева, Н. П. Радиоуглеродная хронология саргатской культуры / Н. П. Матвеева // Российская археология. — 2017. — № 3. — С. 3–20.
309. Матвеева, Н. П. Ранний железный век Приишимья / Н. П. Матвеева. — Новосибирск : Наука, 1994. — 152 с.
310. Матвеева, Н. П. Ревда-2-1 — новый памятник средневековой эпохи Западной Сибири / Н. П. Матвеева, А. С. Зеленков // АВ ORIGINE. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2015б. — Вып. 7. — С. 58–72.
311. Матвеева, Н. П. Реконструкция природных условий Зауралья в раннем железном веке (по палинологическим данным) / Н. П. Матвеева, Н. Е. Рябогина // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2003. — № 4 (16). — С. 30–35.
312. Матвеева, Н. П. Саргатская культура на среднем Тоболе / Н. П. Матвеева. — Новосибирск : Наука, 1993. — 175 с.
313. Матвеева, Н. П. Свидетельства миграции группы южно-таежного населения Западной Сибири на Урал в раннем Средневековье (могильник Воденниково-1) / Н. П. Матвеева, Е. А. Третьяков, А. С. Зеленков // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2021. — Т. 49, № 4. — С. 91–99.
314. Матвеева, Н. П. Селище Старо-Лыбаевское-16 / Н. П. Матвеева, А. С. Зеленков // АВ ORIGINE. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2016б. — Вып. 8. — С. 66–86.
315. Матвеева, Н. П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке / Н. П. Матвеева. — Новосибирск : Наука, 2000. — 400 с.
316. Матвеева, Н. П. Средневековое городище Святой Бор-V в лесном Зауралье / Н. П. Матвеева, Т. Н. Бахарева // Четвертые Берсовские чтения. — Екатеринбург : АКВА-ПРЕСС, 2004. — С. 174–184.
317. Матвеева, Н. П. Средневековый грунтовый могильник Медный борок / Н. П. Матвеева и др. // АВ ORIGINE. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2017. — Вып. 10. — С. 110–132.
318. Матвеева, Н. П. Субстратные и суперстратные компоненты в культуре раннесредневекового населения западной части Западной Сибири / Н. П. Матвеева // Человек и Север: Антропология, археология, экология : материалы Всерос. конф. (г. Тюмень, 6–10 апреля 2016 г.). — Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2015в. — Вып. 3. — С. 155–158.
319. Матвеева, Н. П. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье / Н. П. Матвеева // АВ ORIGINE. — Тюмень : Вектор Бук, 2007. — Вып. 1. — С. 63–75.
320. Матвеева, Н. П. Фортификации городища Старо-Лыбаевское-1 в лесостепном Зауралье / Н. П. Матвеева // Вестник Пермского университета. — 2016б. — № 1 (36). — С. 53–62.
321. Матвеева, Н. П. Хронологическая интерпретация могильников переходного времени от раннего железного века к раннему Средневековью в Зауралье / Н. П. Матвеева, А. С. Зеленков, И. Ю. Чикунова // АВ ORIGINE. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2014. — Вып. 6. — С. 5–26.
322. Матвеева, Н. П. Хронологические комплексы раннего железного века и Средневековья в Зауралье (по материалам Папского городища) / Н. П. Матвеева и др. // Вестник Новосибирского государственного университета. — 2020. — Т. 19, № 3. — С. 31–48. — (Сер. : Археология, этнография).
323. Матвеева, Н. П. Хронология средневекового вещевого комплекса Папского городища (лесостепь Западной Сибири) / Н. П. Матвеева, Е. А. Третьяков, А. С. Зеленков // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2020. — № 1 (48). — С. 43–54.
324. Матющенко, В. И. 300 лет сибирской археологии : в 3 т. / В. И. Матющенко. — Омск : ОмГУ, 2001. — Т. 1. — 351 с.
325. Медведев, А. Ф. Ручное метательное оружие (луки и стрелы, самострелы) / А. Ф. Медведев. — М. : Наука, 1966. — 128 с.
326. Михалев, В. В. Керамика Мурлинского I городища (по материалам работ В. И. Матющенко в 1983 году) / В. В. Михалев // Рыцарь сибирской археологии. — Омск : Наука, 2007. — С. 217–255.
327. Могильников, В. А. К вопросу о дифференциации этнической области обских угров

- в I тыс. н. э. / В. А. Могильников // Советская археология. — 1974. — № 2. — С. 68–72
328. Могильников, В. А. К вопросу о саргатской культуре / В. А. Могильников // Проблемы археологии и древней истории угров / [ред. А. П. Смирнов, В. Н. Чернецов, И. Ф. Эрдели]. — М. : Наука, 1972. — С. 66–86.
329. Могильников, В. А. К проблеме генезиса угорской этнокультурной общности / В. А. Могильников // Финноугроведение. — 1994. — № 1. — С. 61–68.
330. Могильников, В. А. Культура племен лесного Прииртышья IX — начала XIII в. / В. А. Могильников // Ученые записки Пермского государственного университета. — Пермь : Изд-во ПГУ, 1968. — № 191. — С. 269–291.
331. Могильников, В. А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье / В. А. Могильников, Б. А. Коники // Советская археология. — 1983. — № 2. — С. 162–182.
332. Могильников, В. А. Работы иртышского отряда / В. А. Могильников // КСИА. — М., 1963. — Вып. 94. — С. 94–97.
333. Могильников, В. А. Сперановское городище / В. А. Могильников // КСИА. — М., 1971. — Вып. 128. — С. 48–51.
334. Могильников, В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири / В. А. Могильников // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья / отв. ред. тома В. В. Седов. — М. : Наука, 1987. — С. 163–235. — (Сер. : Археология СССР).
335. Могильников, В. А. Этнокультурная история Западной Сибири в Средние века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В. А. Могильников. — М., 1990. — 48 с.
336. Молодин, В. И. Бараба в тюркское время / В. И. Молодин и др. — Новосибирск : Наука, 1988. — 176 с.
337. Молодин, В. И. Бараба в эпоху позднего Средневековья / В. И. Молодин, В. И. Соболев, А. И. Соловьев. — Новосибирск : Наука, 1990. — 262 с.
338. Молодин, В. И. Городища тюркского времени Барабинской лесостепи / В. И. Молодин, В. П. Соболев, В. С. Елагин // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири / [отв. ред. Т. Н. Троицкая]. — Новосибирск : Наука, 1983. — С. 68–81.
339. Молодин, В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 2. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи Средневековья / В. И. Молодин, А. И. Соловьев. — Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. — 184 с.
340. Молодин, В. И. Этногенез / В. И. Молодин // История и культура хантов / В. И. Молодин и др. — Томск : Изд-во ТГУ, 1995. — С. 3–44.
341. Морозов, В. М. Аятский могильник: возвращаясь к известному / В. М. Морозов // Пятые Берсовские чтения. — Екатеринбург, 2006. — С. 7–22.
342. Морозов, В. М. Бакальская культура, бакальский тип памятников: к истории изучения / В. М. Морозов // Международное (XVII Уральское) археологическое совещание : материалы конф. — Пермь, 2003. — С. 166–167.
343. Морозов, В. М. История изучения петрогромской культуры / В. М. Морозов // Четвертые Берсовские чтения. — Екатеринбург, 2004. — С. 110–114.
344. Морозов, В. М. Курганный могильник Исетское ХША / В. М. Морозов // Вторые Берсовские чтения. — Екатеринбург, 1994. — С. 44–49.
345. Морозов, В. М. Очерки истории Коды / В. М. Морозов, С. Г. Пархимович, А. Т. Шашков. — Екатеринбург : НПМП «Волот», 1995. — 192 с.
346. Мошинская, В. И. Городища и курганы Потчеваш (к вопросу о потчевашской культуре) / В. И. Мошинская // МИА. — М. : Изд-во АН СССР, 1953а. — № 35. — С. 189–220.
347. Мошинская, В. И. Городище Андрюшин городок / В. И. Мошинская, В. Н. Чернецов // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. — М. ; Л., 1953. — Вып. 51. — С. 93–98.
348. Мошинская, В. И. Керамика усть-полуйской культуры / В. И. Мошинская

- // МИА. — М. : Изд-во АН СССР, 1953б. — № 35. — С. 107–120.
349. Мошкова, М. Г. Происхождение ранне-сарматской (прохоровской) культуры / М. Г. Мошкова. — М. : Наука, 1974. — 52 с.
350. Мурыгин, А. М. Арктический компонент в формировании культуры средневекового населения Печорского Приуралья / А. М. Мурыгин // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. — М. : Наука, 1989. — Т. I. — С. 85–87.
351. Мурыгин, А. М. Печорское Приуралье: эпоха Средневековья / А. М. Мурыгин. — М. : Наука, 1992. — 182 с.
352. Мурыгин, А. М. Хэйбидя — Пэдарское жертвенное место / А. М. Мурыгин. — Сыктывкар : Коми филиал АН СССР, 1984. — 52 с. : ил.
353. Напольских, В. В. Введение в историческую уралоистику / В. В. Напольских. — Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. — 268 с.
354. Никитин, С. А. Пластическая реконструкция портрета по черепу / С. А. Никитин // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля : материалы исследований : в 4 т. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений / [ред.-сост. Т. Д. Панова]. — М. : ГИКМЗ «Московский Кремль», 2009. — С. 137–167.
355. Никифоров, А. С. Общая неврология / А. С. Никифоров, Е. И. Гусев. — М. : ГЭОТАР-Медиа, 2007. — 720 с.
356. Николаев, К. Ю. Дисплазия соединительной ткани и полиорганная патология у детей школьного возраста / К. Ю. Николаев и др. // Педиатрия. — 2006. — № 2. — С. 89–91.
357. Нягань: город на историческом фоне Нижнего Приобья. — Екатеринбург : НПМП «Волот», 1995. — 154 с.
358. Обломский, А. М. Формирование колчановской и пеньковской культур / А. М. Обломский // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. Вып. 9. Раннеславянский мир. — М., 2007. — С. 28–29.
359. Овчинникова, Б. Б. Исследование Старо-Лыбаевского городища / Б. Б. Овчинникова // Археологические открытия 1969 года. — М. : Наука, 1970. — С. 142–143.
360. Овчинникова, Б. Б. Протовенгры на Урале в трудах российских и венгерских исследователей / Б. Б. Овчинникова, Г. Дьёни. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2008. — 190 с.
361. Овчинникова, Б. Б. Старо-Лыбаевское поселение / Б. Б. Овчинникова // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1988. — С. 141–152.
362. Ожередов, Ю. И. Старицинские находки / Ю. И. Ожередов // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск : Наука, 1987. — С. 114–120.
363. Останина, Т. И. Кузубаевское городище IV–V, VII вв.: каталог археологической коллекции / Т. И. Останина. — Ижевск : УдГУ, 2002. — 112 с.
364. Останина, Т. И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. / Т. И. Останина. — Ижевск, 1997. — 326 с.
365. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1909 и 1910 годы. — СПб. : Типография главного управления уделов, Моховая, № 40, 1913. — 293 с.
366. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1 / отв. ред. Л. М. Плетнева. — Томск : Изд-во ТГУ, 1994. — 485 с.
367. Пархимович, С. Г. Культурные изображения с костища Песьянка I / С. Г. Пархимович // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1994 / [отв. ред. В. П. Петрова]. — Тюмень, 1997. — С. 118–130.
368. Пастушенко, И. Ю. Елкинское (Городищенское) городище — памятник неволинской культуры в нижнем течении р. Сылвы / И. Ю. Пастушенко, Л. Д. Макаров // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья / под ред. А. М. Белавина. — Пермь, 2008. — Вып. 2. — С. 63–75.
369. Пастушенко, И. Ю. История изучения так называемой «сылвенской» культуры / И. Ю. Пастушенко // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья : сб. статей. — Ижевск : ИД «Удмуртский университет», 2002. — С. 171–187.

370. Пастушенко, И. Ю. К вопросу о времени существования петрогромской культуры / И. Ю. Пастушенко // Четвертые Берсовские чтения. — Екатеринбург, 2004. — С. 115–116.
371. Пастушенко, И. Ю. Кушнаренковские материалы памятников бассейна р. Сылвы / И. Ю. Пастушенко // Проблемы бакальской культуры / [науч. ред. С. Г. Богалов]. — Челябинск : Рифей, 2008. — С. 142–146.
372. Пелих, Г. И. Селькупы XVII века. Очерки социально-экономической истории / Г. И. Пелих. — Новосибирск : Наука, 1981. — 176 с.
373. Перевалова, Е. В. Река Аган и ее обитатели / Е. В. Перевалова, К. Г. Карачаров. — Екатеринбург ; Нижневартовск : УрО РАН : Студия «ГРАФО», 2006. — 352 с.
374. Петрухин, В. Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры / В. Я. Петрухин. — 2-е изд. — М. : Форум-Неолит, 2014. — 464 с.
375. Пименова, А. В. Динамика гончарства бакальской культуры / А. В. Пименова // АВ ORIGINE. — Тюмень, 2017. — Вып. 9. — С. 62–78.
376. Пименова, А. В. Функциональное назначение бакальской керамики (по материалам Коловского городища) / А. В. Пименова // АВ ORIGINE. — Тюмень, 2016. — Вып. 8. — С. 86–96.
377. Плетнева, Л. М. Погребения IX–X вв. в Томском Приобье / Л. М. Плетнева // Западная Сибирь в эпоху Средневековья. — Томск : Изд-во ТГУ, 1984. — С. 64–87.
378. Плетнева, С. А. Кочевники Средневековья (поиск исторических закономерностей) / Л. М. Плетнева. — М. : Наука, 1982. — 190 с.
379. Поздняков, Д. В. Антропологическая характеристика населения Верхнего Приобья первой половины II тыс. н. э. / Д. В. Поздняков // Савинов, Д. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура) / Д. Г. Савинов, А. В. Новиков, С. Г. Росляков. — Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. — С. 340–402.
380. Полосьмак, Н. В. Бараба в эпоху раннего железа / Н. В. Полосьмак. — Новосибирск : Наука, 1987. — 144 с.
381. Попов, И. В. Малые аномалии развития: их место в системе современного врачевания (клинико-теоретическое исследование) / И. В. Попов. — СПб. : Виконт, 2004. — 165 с.
382. Потемкина, Т. М. Большое Бакальское городище / Т. М. Потемкина // Археология и этнография Башкирии / под ред. Р. Г. Кузеева, К. В. Сальникова. — Уфа : АН СССР, 1964. — Т. II. — С. 257–259.
383. Потемкина, Т. М. Большое Бакальское городище / Т. М. Потемкина, Н. П. Матвеева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 1997. — Вып. 1. — С. 39–50.
384. Потемкина, Т. М. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы) / Т. М. Потемкина, О. Н. Корочкова, В. И. Стефанов. — М. : Наука, 1995. — 208 с.
385. Пошехонова, О. Е. Антропологическая характеристика населения южно-таежного Прииртышья (по материалам могильников усть-ишимской археологической культуры рубежа I и II тыс. н. э.) / О. Е. Пошехонова // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2011а. — № 4 (48). — С. 142–155.
386. Пошехонова, О. Е. К проблеме происхождения средневекового населения Сургутского Приобья (по краниологическим материалам могильника Усть-Балык) / О. Е. Пошехонова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2007. — Вып. 7. — С. 131–142.
387. Пошехонова, О. Е. К средневековой палеоантропологии южно-таежного Прииртышья (по материалам могильника IX–XVII вв. н. э. на территории Красноярского археологического комплекса) / О. Е. Пошехонова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2011б. — Вып. 2 (15). — С. 158–172.
388. Пошехонова, О. Е. Краниологическая и одонтологическая характеристика населения бакальской культуры по материалам могильника Устюг-1 / О. Е. Пошехонова, А. В. Зубова, А. В. Слепцова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2016. — № 4. — С. 110–122.

389. Пошехонова, О. Е. Краниологические особенности средневековых популяций Сургутского Приобья (по материалам могильников с Барсовой Горы) / О. Е. Пошехонова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2010. — Вып. 2 (13). — С. 91–97.
390. Пошехонова, О. Е. Население Нижнего Приобья в переходное время от раннего железного века к Средневековью по данным краниологии / О. Е. Пошехонова, А. В. Слепцова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2017. — Вып. 4 (39). — С. 90–103.
391. Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки = Ibn Fadlan's Journey: Volga Route from Baghdad to Bulghar. Exhibition Catalogue. — М. : ИД Марджани, 2016. — 282 с.
392. Ражев, Д. И. Археологические свидетельства скальпирования на севере Западной Сибири в Средние века / Д. И. Ражев // Северный археологический конгресс : тезисы докл. — Екатеринбург ; Ханты-Мансийск : Академкнига, 2002. — С. 175–176.
393. Ражев, Д. И. Биоантропология населения саргатской общности / Д. И. Ражев. — Екатеринбург : УрО РАН, 2009. — 257 с.
394. Ражев, Д. И. Обычай деформации головы у населения саргатской общности / Д. И. Ражев // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии / [отв. ред. И. И. Гохман, А. В. Громов]. — СПб. : МАЭ РАН, 2006. — С. 82–87.
395. Ражев, Д. И. Травмы черепов средневекового населения Западной Сибири: распространение, структура, интерпретации / Д. И. Ражев // Вестник археологии, антропологии, этнографии. — 2013. — № 2 (21). — С. 56–69.
396. Распопова, В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда / В. И. Распопова. — Л. : Наука, 1980. — 140 с.
397. Рафикова, Т. Н. Бакальская культура лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. Н. Рафикова. — Тюмень, 2011. — 24 с.
398. Рафикова, Т. Н. Бакальская культура лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья : дис. канд. ист. наук / Т. Н. Рафикова ; Институт археологии и этнографии РАН. — Новосибирск, 2010.
399. Рафикова, Т. Н. Жилище бакальской культуры Усть-Терсюкского-1 городища / Т. Н. Рафикова, С. В. Берлина // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2011. — № 2 (46). — С. 95–101.
400. Рафикова, Т. Н. История исследования и историография бакальской культуры / Т. Н. Рафикова // АВ ORIGINE. — Тюмень : Вектор Бук, 2007а. — Вып. 1. — С. 76–98.
401. Рафикова, Т. Н. Керамические комплексы железного века Усть-Терсюкского городища / Т. Н. Рафикова, Н. П. Матвеева, С. В. Берлина // АВ ORIGINE. — Тюмень, 2008. — Вып. 2. — С. 84–113.
402. Рафикова, Т. Н. Керамический комплекс костища Песьянка-1 (к проблеме хронологии и периодизации юдинской культуры) / Т. Н. Рафикова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2015. — № 3 (30). — С. 61–71.
403. Рафикова, Т. Н. Отчет о полевых исследованиях Молчановского городища в Тюменском районе, Тюменской области / Т. Н. Рафикова. — Тюмень, 2007б. — 65 с.
404. Рафикова, Т. Н. Фортификации городища Ласточкино Гнездо-1 эпохи Средневековья / Т. Н. Рафикова, С. В. Берлина // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2014. — № 4 (27). — С. 69–76.
405. Рафикова, Т. Н. Фортификации раннего и развитого Средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья / Т. Н. Рафикова и др. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2013. — № 4 (23). — С. 42–51.
406. Рафикова, Т. Н. Хозяйство средневекового населения лесостепного и подтаежного Зауралья / Т. Н. Рафикова, И. Ю. Чукунова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2012. — № 4 (19). — С. 81–90.
407. Рейнберг, С. А. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов / С. А. Рейнберг. — М. : Медицина, 1964. — 503 с.
408. Рохлин, Д. Г. Болезни древних людей / Д. Г. Рохлин. — М. : Наука, 1965. — 302 с.

409. Руденко, К. А. Волжская Булгария в XI — начале XIII в.: поселения и материальная культура / К. А. Руденко. — Казань : Школа, 2007. — 244 с.
410. Руденко, К. А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии / К. А. Руденко. — Казань : Заман, 2003. — 512 с.
411. Руденко, К. А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. / К. А. Руденко. — Казань : Изд-во «Репер», 2000. — 158 с.
412. Рындина, О. М. Очерки культурогенеза коренного населения Западной Сибири. Т. 3. Орнамент / О. М. Рындина. — Томск : Изд-во ТГУ, 1995. — 640 с.
413. Рыкун, М. П. Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменной культуры) / М. П. Рыкун. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2013. — 284 с.
414. Рябогина, Н. Е. Археопалинологические исследования в Приишимье / Н. Е. Рябогина, С. Н. Иванов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2009. — № 11. — С. 174–186.
415. Рябогина, Н. Е. Ландшафты и климат в Тоболо-Ишимском междуречье в голоцене / Н. Е. Рябогина // Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье / [отв. ред. В. И. Молодин]. — Новосибирск : Наука, 2008. — С. 6–59.
416. Рябогина, Н. Е. Новые данные о среде обитания населения Зауралья в начале раннего Средневековья / Н. Е. Рябогина, С. Н. Иванов, А. С. Афонин // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2015. — № 3. — С. 170–176.
417. Рябогина, Н. Е. Реконструкция облика ландшафтов в Притоболье в раннем Средневековье / Н. Е. Рябогина, С. Н. Иванов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2013. — Вып. 1 (20). — С. 134–138.
418. Рябогина, Н. Е. Стратиграфия голоцена Южного Зауралья, изменения ландшафтно-климатических условий обитания древнего человека : дис. ... канд. геол.-минерал. наук / Н. Е. Рябогина. — Новосибирск, 2004. — 419 с.
419. Савинов, Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху / Д. Г. Савинов. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. — 174 с.
420. Сальников, К. В. Исетские древние поселения / К. В. Сальников // Советская археология. — 1956. — Вып. XXV. — С. 189–214.
421. Семенова, В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья / В. И. Семенова. — Новосибирск : Наука, 2001. — 296 с.
422. Скандаков, И. Е. Курганный могильник Усть-Тара-VII в южно-таежном Прииртышье / И. Е. Скандаков, Е. М. Данченко // Гуманитарное знание : ежегодник. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 1999. — Вып. 3. — С. 160–186. — (Сер. : Преемственность).
423. Скандаков, И. Е. Потчевашские жилища на Мурлинском городище / И. Е. Скандаков // Источники и историография. Археология и история / [отв. ред. В. И. Матющенко]. — Омск : ОмГУ, 1988. — С. 55–69.
424. Слепцова, А. В. Обычай искусственной деформации черепа у населения Притоболья эпохи Великого переселения народов / А. В. Слепцова // Экология древних и традиционных обществ : материалы V Международ. науч. конф. (г. Тюмень, 7–11 ноября 2016 г.). — Вып. 5 : в 2 ч. — Ч. 1. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2016. — С. 57–60.
425. Слепченко, С. М. К вопросу о медицинских знаниях раннесредневекового населения Притоболья (по материалам могильника Устюг-1) / С. М. Слепченко, О. Е. Пошехонова, С. Н. Скочина // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2013. — № 1 (20). — С. 58–66.
426. Слепченко, С. М. Палеопатология русских первопоселенцев Омского Прииртышья, по данным Могильника Ананьино I / С. М. Слепченко, Л. В. Татаурова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2012. — № 3 (18). — С. 92–101.
427. Слепченко, С. М. Патологические проявления на палеоантропологическом материале раннесредневекового могильника Устюг-1 / С. М. Слепченко, О. Е. Пошехонова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2014. — Вып. 4 (27). — С. 58–66.

428. Смагина, Е. Б. Манихейство: по ранним источникам / Е. Б. Смагина. — М. : Восточная литература, 2011. — 519 с.
429. Смагулов, Т. Н. Памятники потчевашского типа в Казахском Прииртышье / Т. Н. Смагулов // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. — Алматы, 2006. — Вып. 1. — С. 85–91.
430. Смирнов, Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи / Я. И. Смирнов. — СПб. : Издание Императорской Археологической комиссии ко дню пятидесятилетия ее деятельности, 1909. — 18 с.
431. Смирнова, О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза / О. И. Смирнова. — М. : Наука, 1981. — 548 с.
432. Соболяникова, Т. Н. Раскопки средневекового археологического комплекса Чебачья Пристань-2 в низовьях Иртыша (предварительные итоги исследований 2016 года) / Т. Н. Соболяникова и др. // Вестник угроведения. — 2016. — № 4. — С. 115–125.
433. Соколова, З. П. Жилище народов Сибири (опыт типологии) / З. П. Соколова. — М. : Trul, 1998. — 228 с.
434. Соколова, З. П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века / З. П. Соколова. — М. : Наука, 2009. — 756 с.
435. Соловьев, А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха Средневековья / А. И. Соловьев. — Новосибирск : Наука, 1987. — 193 с.
436. Спиранский, В. С. Основы медицинской краниологии / В. С. Спиранский. — М. : Медицина, 1988. — 266 с.
437. Стародумов, Д. О. Результаты спасательных археологических работ на городище Няксимволь 1 / Д. О. Стародумов // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого / [ред. Я. А. Яковлев]. — Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во ТГУ, 2012. — Вып. 10. — С. 137–154.
438. Сташенков, Д. А. Древние венгры и их окружение в Самарском Поволжье. Каталог археологических коллекций / Д. А. Сташенков. — Самара : СОИКМ им. П. В. Алабина, 2020. — 120 с.
439. Сташенков, Д. А. О некоторых вопросах, связанных с выделением памятников мадьярского круга в Самарском Поволжье / Д. А. Сташенков // III Международный Мадьярский симпозиум. — Будапешт, 2018. — С. 255–264.
440. Судебная медицина / под ред. В. Н. Крюкова. — М. : Медицина, 1990. — 448 с.
441. Султанова, А. Н. Бирский могильник : дис. ... канд. ист. наук / А. Н. Султанова ; УНЦ РАН. — Уфа, 2000. — 202 с.
442. Татауров, С. Ф. Средневековые древности Тарского Прииртышья (генезис, хронологическая принадлежность, культурно-этническая интерпретация) / С. Ф. Татауров, С. С. Тихонов // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2019. — № 1 (47). — С. 103–112.
443. Терехова, Л. М. Среднеобская низменность / Л. М. Терехова, К. Г. Карачаров // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний / отв. ред. тома В. М. Кулемзин, В. И. Матюшенко. — Томск : Изд-во ТГУ, 1994. — С. 227–289.
444. Торгоев, А. И. Новый буддийский памятник в Чуйской долине (Северная Киргизия) / А. И. Торгоев и др. // Сообщения Государственного Эрмитажа. — 2012. — Вып. LXX. — С. 191–200.
445. Третьяков, Е. А. Быт и промыслы населения Тоболо-Иртышья в эпоху раннего Средневековья / Е. А. Третьяков, А. С. Зеленков // АВ ORIGINE. — Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2019. — Вып. 11. — С. 90–107.
446. Третьяков, Е. А. Топографические особенности локализации средневековых памятников Притоболья / Е. А. Третьяков // Материалы 55-й Международной научной студенческой конференции. — Новосибирск, 2017. — С. 75–76.
447. Троицкая, Т. Н. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье / Т. Н. Троицкая, А. В. Новиков. — Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. — 152 с.
448. Троицкая, Т. Н. Лесостепное Приобье / Т. Н. Троицкая // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний / отв. ред. тома

- В. М. Кулемзин, В. И. Матющенко. — Томск : Изд-во ТГУ, 1994. — С. 169–184.
449. Турова, Н. П. Бубенчики и полубубенчики юдинской культуры (по материалам могильника Вак-Кур) // *Археология Среднего Приоболья и сопредельных территорий*. — Курган, 2016. — С. 57–62.
450. Турова, Н. П. Керамика могильника юдинской культуры Вак-Кур (по материалам раскопов № 3–6) / Н. П. Турова // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. — 2020. — № 2 (49). — С. 83–97.
451. Тюрк, А. От Урала до Карпат: новые результаты и перспективы в археологии Восточной Европы по поводу древних венгров // *II Международный Мадыарский симпозиум* / отв. ред. С. Г. Боталов, Н. О. Иванова. — Челябинск : Рифей, 2013. — С. 231–337.
452. Ушедшие в холмы. Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке / Н. В. Федорова, П. А. Косинцев, В. В. Фицхью. — Екатеринбург : Изд-во «Екатеринбург», 1998. — 180 с.
453. Федорова, Н. В. Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях / Н. В. Федорова // *Археология, этнография и антропология Евразии*. — 2002. — № 4 (12). — С. 91–101.
454. Федорова, Н. В. Западносибирские клады в контексте исторического развития территории (ранний железный век — Средневековье) / Н. В. Федорова // *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции*. Вып. XIV. Средневековая археология Евразии: от Ямала до Карпат / под общ. ред. Н. Б. Крыласовой. — Пермь : ПГГПУ, 2018. — С. 88–113.
455. Федорова, Н. В. Повседневность, война и торговля в археологии севера Западной Сибири / Н. В. Федорова // *Уральский исторический вестник*. — 2012. — № 4 (37). — С. 98–105.
456. Федорова, Н. В. Север Западной Сибири в железном веке: традиции и мобильность / Н. В. Федорова. — Салехард, 2019. — 146 с.
457. Федорова, Н. В. Сургутское Приобье в эпоху Средневековья / Н. В. Федорова и др. // *Вопросы археологии Урала*. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1991. — Вып. 20. — С. 126–145.
458. Фиельструп, Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века / Ф. А. Фиельструп. — М. : Наука, 2002. — 300 с.
459. Халикова, Е. А. Больше-Тиганский могильник / Е. А. Халикова // *Советская археология*. — 1976. — № 2. — С. 158–178.
460. Хайду, П. Уральские языки и народы / П. Хайду. — М. : Прогресс, 1985. — 430 с.
461. Ханенко, Б. Н. Древности Приднепровья. Эпоха славянская (VI–XIII вв.) / Б. Н. Ханенко, В. И. Ханенко. — Киев, 1902. — Вып. V. — 78 с.
462. Хелимский, Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели / Е. А. Хелимский. — М. : Наука, 1982. — 164 с.
463. Хлобыстин, Л. П. Вожпайская культура на западном Таймыре и вопросы ее этнической принадлежности / Л. П. Хлобыстин // *Ad Polus: Памяти Л. П. Хлобыстина*. Вып. 10. Археологические изыскания. — СПб. : Изд-во «Фарн», 1993. — С. 19–27.
464. Хлобыстин, Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии / Л. П. Хлобыстин. — СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. — 342 с.
465. Хлобыстин, Л. П. Древняя «ювелирная» мастерская в Западно-Сибирском Заполярье / Л. П. Хлобыстин, О. В. Овсянников // *Проблемы археологии Урала и Сибири*. — М. : Наука, 1973. — С. 248–257.
466. Ходос, Х. Г. Малые аномалии развития и их клиническое значение / Х. Г. Ходос. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1984. — 88 с.
467. Хосроев, А. Л. История манихейства (Prolegomena) / А. Л. Хосроев. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2007. — 480 с.
468. Худяков, Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии / Ю. С. Худяков. — Новосибирск : Наука, 1986. — 269 с.
469. Чагаева, А. С. К вопросу о хозяйстве в лесном Прииртышье в I тыс. н. э. / А. С. Чагаева

- ва // Из истории Сибири. — Томск : Изд-во ТГУ, 1976. — Вып. 21. — С. 103–119.
470. Чагаева, А. С. Могильники в окрестностях деревни Айткулово Омской области / А. С. Чагаева // Из истории Сибири. — Томск : Изд-во ТГУ, 1973. — Вып. 5. — С. 103–119.
471. Чагаева, А. С. Мурлинское городище и его датировка / А. С. Чагаева // Материалы научной конференции молодых ученых вузов г. Томска. — Томск : Изд-во ТГУ, 1968. — Т. 2. — С. 243–245.
472. Чагаева, А. С. О хронологии памятников Чувашского мыса / А. С. Чагаева // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / [отв. ред. В. И. Матюшенко]. — Томск : Изд-во ТГУ, 1970. — С. 229–237.
473. Чагаева, А. С. Памятники эпохи железа в Омском Прииртышье / А. С. Чагаева // Из истории города Омска и Омской области. — Омск : ОмГПУ, 1966. — С. 118–130.
474. Чемякин, Ю. П. Барсова Гора: археологическая карта / Ю. П. Чемякин, А. П. Зыков. — Сургут ; Омск : ОАО «Омский дом печати», 2004. — 208 с.
475. Чемякин, Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность / Ю. П. Чемякин. — Сургут ; Омск : ОАО «Омский дом печати», 2008. — 224 с.
476. Чемякин, Ю. П. Древняя история Сургутского Приобья / Ю. П. Чемякин, К. Г. Карачаров // Очерки истории традиционного землепользования хантов. — Екатеринбург : Изд-во «Тезис», 1999. — С. 9–66.
477. Чемякин, Ю. П. Древняя история Сургутского Приобья / Ю. П. Чемякин, К. Г. Карачаров. — 2-е изд. — Екатеринбург : Изд-во «Тезис», 2002. — С. 7–74.
478. Чемякин, Ю. П. Материалы из раскопок Ф. Р. Мартина на городищах Барсовой Горы / Ю. П. Чемякин // Прил. 4 к кн. : Арне, Т. Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века / Т. Й. Арне. — Екатеринбург; Сургут : Изд-во «Уральский рабочий», 2005. — С. 154–171.
479. Чемякин, Ю. П. Раскопки средневекового селища Кучиминское-XXXIX в Сургутском районе ХМАО – Югры / Ю. П. Чемякин, А. В. Носкова // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого / [ред. Я. А. Яковлев]. — Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во ТГУ, 2010. — Вып. 8. — С. 298–311.
480. Чемякин, Ю. П. Спасательные полевые археологические работы на средневековом селище Саргым-Урий 16 в Сургутском Приобье / Ю. П. Чемякин, В. А. Борзунов // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого / [ред. Я. А. Яковлев]. — Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во ТГУ, 2012. — Вып. 10. — С. 291–339.
481. Чернецов, В. Н. Бронза усть-полуйского времени / В. Н. Чернецов // МИА. — М. : Изд-во АН СССР, 1953. — № 35. — С. 121–178.
482. Чернецов, В. Н. В поисках древней родины угорских народов / В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. — М. : Изд-во «Госкультпросветиздат», 1954. — С. 163–192.
483. Чернецов, В. Н. Наскальные изображения Урала / В. Н. Чернецов // САИ. — М. ; Л. : Наука, 1971. — Вып. 4–12, ч. 2. — 148 с. — (Серия ИА АН СССР — ИА РАН).
484. Чернецов, В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры / В. Н. Чернецов // МИА. — М. : Изд-во АН СССР, 1957. — № 58. — С. 136–245.
485. Чикишева, Т. А. Антропологический состав населения Обь-Иртышского междуречья в древнетюркское время / Т. А. Чикишева, А. Р. Ким // Бараба в тюркское время / В. И. Молодин и др. — Новосибирск : Наука, 1988. — С. 129–163.
486. Чикишева, Т. А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири эпохи неолита — раннего железа / Т. А. Чикишева. — Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. — 468 с.
487. Чикунова, И. Ю. Бронзовые медведи Ипкульского могильника / И. Ю. Чикунова // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. — СПб., 2012. — Кн. 1. — С. 346–349.
488. Чикунова, И. Ю. Глиняная антропоморфная пластика средневекового Зауралья

- / И. Ю. Чикунова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2014. — № 2 (25). — С. 54–63.
489. Чикунова, И. Ю. Городище Черепаниха-2: К вопросу об определении статуса / И. Ю. Чикунова, А. С. Якимов // Уральский исторический вестник. — 2012. — № 4 (37). — С. 31–41.
490. Чикунова, И. Ю. Новые данные о погребальном обряде населения южнотаежного Притоболья в раннем Средневековье (по материалам Ипкульского могильника) / И. Ю. Чикунова // Интеграция археологических и этнографических исследований / [гл. ред. Н. А. Томилов]. — Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2013. — Т. 1. — С. 220–224.
491. Чиндина, Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа / Л. А. Чиндина. — Томск : Изд-во ТГУ, 1984. — 256 с.
492. Чиндина, Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья (рёлкинская культура) / Л. А. Чиндина. — Томск : Изд-во ТГУ, 1991. — 184 с.
493. Чиндина, Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби / Л. А. Чиндина. — Томск : Изд-во ТГУ, 1977. — 194 с.
494. Чиндина, Л. А. О некоторых хронологических особенностях среднеобской керамики в I тыс. н. э. / Л. А. Чиндина // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / [отв. ред. В. И. Матюшенко]. — Томск : Изд-во ТГУ, 1970. — С. 191–202.
495. Шемякина, А. С. К вопросу о хозяйстве в лесном Прииртышье в I-м тыс. н. э. / А. С. Шемякина // Из истории Сибири. — Томск : Изд-во ТГУ, 1976. — Вып. 21. — С. 186–192.
496. Ширин, Ю. В. Хронология Няксимволя / Ю. В. Ширин // Няксимволь / [отв. ред. Я. А. Яковлев]. — Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во ТГУ, 2014. — С. 33–52.
497. Шитова, С. Н. Традиционные поселения и жилища башкир / С. Н. Шитова. — М. : Наука, 1984. — 253 с.
498. Шорин, А. Ф. О датировке и культурной принадлежности средневекового могильника Кордон Миассово-1 в горно-лесном Зауралье / А. Ф. Шорин, А. А. Шорина, А. П. Зыков // История и современное мировоззрение. — 2019. — Т. 1, № 2. — С. 63–70.
499. Шорин, А. Ф. Средневековый комплекс Кокшаровского холма (Среднее Зауралье) / А. Ф. Шорин, А. П. Зыков, Е. В. Вилисов // Российская археология. — 2013. — № 1. — С. 119–129.
500. Щит и меч отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. — Екатеринбург : Изд-во «Раритет», 2008. — 466 с.
501. Щукин, М. Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура) / М. Б. Щукин. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. — 576 с.
502. Эрдели, И. Археология Венгрии VI–XI вв. / И. Эрдели // Археология Венгрии. Конец II тыс. до н. э. — I тысячелетие н. э. / [отв. ред. В. С. Титов, И. Эрдели]. — М. : Наука, 1986. — Т. 2. — С. 310–346.
503. Югорск: от легенды до точки на карте. — Екатеринбург : НПМП «Волот», 1997. — 158 с.
504. Якимов, А. С. Почвы раннесредневекового городища Среднего Притоболья и их палеогеографическое значение / А. С. Якимов и др. // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2012. — № 4. — С. 134–143.
505. Яковлев, Я. А. Пойковская коллекция [каталог] / Я. А. Яковлев. — Екатеринбург : ИД «Баско», 2018. — 296 с.
506. Arne, T. J. Barsoff Gorodok / T. J. Arne. — Stockholm : PA Akademiens Forlag, 1935. — 134 p.
507. Balogh, Cs. A. Mezőszilas type pendant from Grave 14 of the Mélykút–Sánc-dűlő cemetery / Cs. A. Balogh // Thesaurus Avarorum. Régészeti tanulmányok Garam Éva tiszteletére / Szerk. T. Vida. — Budapest : ELTE, 2016. — P. 269–286.
508. Beckwith, C. I. Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present / C. I. Beckwith. — Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2009. — 501 p.
509. Bokij, N. M. Nomád harcos család 10. századi sírjai az Ingul folyó völgyében / N. M. Bokij, S. A. Pletnyova // Archaeologiai Értesítő. — 1989. — P. 116, 86–98.

510. Buikstra, J. E. Standards for data collection from human skeletal remains / J. E. Buikstra, D. Ubelaker. — Fayetteville ; Arkansas : Arkansas Archeological Survey, 1994. — 206 p. — (Arkansas Archeological survey research series ; № 44).
511. Craemer, P. Osteoarthritis / P. Craemer, M. C. Hogberg // *The Lancet*. — 1997. — Vol. 350. — P. 503–509.
512. Crubezy, E. Interactions entre facteurs bioculturels, pathologie et caracteres discrets. Exemple d'une population medievale: Canac (Aveyron). These de Medecine / E. Crubezy ; Universite de Montpellier, 1988. — Vol. 1. — 236 p.
513. Elverskog, J. Buddhism and Islam on the Silk Road / J. Elverskog. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2010. — 345 p.
514. Foltz, R. C. Religions of the Silk Road. Overland Trade and Cultural Exchange from Antiquity to the Fifteenth Century / R. C. Foltz. — New York : St. Martin's Griffin, 1999. — 200 p.
515. Foltz, R. C. Religions of the Silk Road: Premodern Patterns of Globalization / R. C. Foltz. — New York : Palgrave Macmillan, 2010. — 190 p.
516. Gulácsi, Zs. A Manichaean Portrait of the Buddha Jesus. Identifying a Twelfth-Thirteenth-century Chinese Painting from the Collection of Seiun-ji Zen Temple / Zs. Gulácsi // *Artibus Asiae*. — 2009. — Vol. 69 (1). — P. 91–145.
517. Gulácsi, Zs. Images of Jesus in Manichaean Art / Zs. Gulácsi // *Mani In Dublin : Selected Papers from the 7th International Congress of Manichaean Studies in the Chester Beatty Library (Dublin, 8–12 September, 2009)* / Ed. by S. G. Richter, Ch. Horton, K. Ohlhafer. — Leiden ; Boston : Brill, 2015. — P. 185–195. — (Nag Hammadi and Manichaean Studies).
518. Gulácsi, Zs. The Crystal Seal of 'Mani, the Apostle of Jesus Christ' in the Bibliothèque nationale de France / Zs. Gulácsi // *Pedersen, N. A. Manichaean Texts in Syriac. First Editions, New Editions and Studies. Corpus Fontium Manichaeorum. Series Syrica* / N. A. Pedersen, J. M. Larsen. — Turnhout : Brepols Publishers, 2013. — P. 245–267.
519. Guyomarc'h, P. The Validity of Ear prediction Guidelines Used in Facial Approximation / P. Guyomarc'h, C. N. Stephan // *Journal of Forensic Sciences*. — 2011. — Vol. 57, № 6.
520. Harmatta, J. Kálizok / J. Harmatta // *Korai magyar történeti lexikon (9–14. század)* / Szerk. Gy. Kristó. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1994. — P. 314.
521. Khazanov, A. M. Nomads and the Outside World / A. M. Khazanov. — 2nd ed. — USA, Wisconsin : University of Wisconsin Press, 1994. — P. 19–23.
522. Klima, L. Eastern religious motifs on the belt mounts of the Subotsi group, Kusnarenkovo culture and Lomovatovo culture / L. Klima // *Материалы IV Международного Мадыарского симпозиума (Казань — Болгар, 15–19 октября 2018 г.)*. — 2018. — Вып. 6. Археология Евразийских степей. — С. 136–149.
523. Klima, L. Jürkák, tormák, merják. Szemelvények a finnugor nyelvű népek történetének korai forrásaiból / L. Klima // *Források és tanulmányok 1*. — Budapest : MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont, 2016.
524. Klima, O. Manis Zeit und Leben / O. Klima. — Praha : Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften, 1962.
525. Kósa, G. A létezők átváltozása. A pillangó motívuma a Zhuangziben / G. Kósa // *Vallástudományi Szemle*. — 2008. — Vol. IV (1). — P. 93–108.
526. Lane, N. E. Exercise: a cause of osteoarthritis? / N. E. Lane, J. A. Buckwalter // *Rheum Dis Clin Nort Am*. — 1993. — № 19. — P. 617–633.
527. Litvinsky, B. A. Outline history of Buddhism in Central Asia / B. A. Litvinsky. — Moscow : Nauka, 1968.
528. Maenchen-Helfen, O. Manicheans in Sibiria / O. Maenchen-Helfen // *Semitic and Oriental Studies. Presented to W. Popper on the Occasion of his Seventy-Fifth Birthday Oct. 29, 1949 (Univ. of California Publ. In Semitic Philology 11)* / Ed. by W. J. Fische. — Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 1951. — P. 311–326.

529. Marshak, B. I. *Legends, Tales, and Fables in the Art of Sogdiana*. With an appendix by Vladimir A. Livshits / B. I. Marshak. — New York : Biblioteca Persica Press, 2002. — 187 p.
530. Matveeva, N. The impact of nomadic culture on the West Siberian population in the Hunnic period / N. Matveeva, A. Zelenkov // *Attila's Europe? Structural transformation and strategies of success in the European Hun period*. — Budapest, 2019.
531. Mesterházi, K. *Többgyökerű ősi vallásunk emlékei / K. Mesterházi // Honfoglalás és régészet / Szerk. L. Kovács*. — Budapest : Balassi Kiadó, 1994. — P. 195–205.
532. Mikkelsen, G. B. *Bibliographia Manichaeica. A Comprehensive Bibliography of Manichaeism through 1996 / G. B. Mikkelsen. Corpus Fontium Manichaeorum : Subsidia (SUB)*. — Turnhout : Brepols Publishers, 1997. — Vol. 1. — 314 p.
533. Ortner, D. J. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains / D. J. Ortner, W. G. J. Putschar*. — Washington : Smithsonian Institution Press, 1985. — 488 p.
534. Panush, R. S. *Exercise and the musculoskeletal system / R. S. Panush, N. E. Lane // Baillier's Clin. Rheumatol*. — 1994. — Vol. 8. — P. 79–102.
535. Parry, K. *The Iconography of the Christian Tombstones from Quanzhou / K. Parry // From Palmyra to Zayton: Epigraphy and Iconography / Ed. by S. Lieu, I. Gardner, K. Parry*. — Turnhout : Brepols Publishers, 2005. — P. 229–246. — (Silk Road Studies X).
536. Pohl, W. *Ethnicity and Empire in the Western Eurasian Steppes / P. Walter // Empires and Exchanges in Eurasian Late Antiquity: Rome, China, Iran, and the Steppe, ca. 250–750 / Ed. by N. Di Cosmo, M. Maas*. — [Cambridge ; New York ; Port Melbourne ; New Delhi ; Singapore] : Cambridge University Press, 2018a. — P. 189–205.
537. Pohl, W. *The Avars: A Steppe Empire in Central Europe, 567–822 / W. Pohl*. — Ithaca ; London : Cornell University Press, 2018b. — 636 p.
538. Prihodnûk, O. M. *The Korobčino find (Ukraine) and some problems of the Hun-garian ethnogenesis / O. M. Prihodnûk, L. N. Čurilova // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 2002. — Vol. 53. — P. 183–193.
539. Puri, B. N. *Buddhism in Central Asia / B. N. Puri // Buddhist Tradition Series*. — Delhi : Motilal Banarsidass Publishers, 1987. — Vol. IV. — 352 p.
540. Ražev, D. *Warfare or social power: a bioarcheological study of the iron age forest-steppe populations in the trans-urals and Western Siberia / D. Ražev, S. Sharapova // Praehistorische Zeitschrift*. — 2012. — Vol. 87. — № 1. — C. 146–160.
541. Scott, J. C. *Epidemiology and economic consequences of osteoarthritis. The American viewpoint / J. C. Scott, M. Lethbridge-Cejku, M. C. Hochberg // Osteoarthritis. Clinical and experimental aspects / Ed. by J.-Y. Reginster et al*. — Springer, 1999. — P. 20–38.
542. Simon, R. *Utószó / R. Simon // Máni és a fény vallása. A manicheizmus forrásai / R. Simon ; Szerk. M. Simonné Pesthy*. — Budapest : Corvina, 2011.
543. Sims-Williams, N. *Indian Elements in Parthian and Sogdian / N. Sims-Williams // Sprachen des Buddhismus in Zentralasien // Hrsg. K. Röhrborn, W. Veenker*. — Wiesbaden ; Harrassowitz, 1983. — P. 132–141. — (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica ; Bd. 16).
544. Stephan, C. N. *Further Evidence on the Anatomical Placement of the Human Eyeball for Facial Approximation and Craniofacial Superimposition / C. N. Stephan, A. J. R. Huang, P. L. Davidson // Journal of Forensic Sciences*. — 2009. — Vol. 54, № 2. — P. 267–269.
545. Szifert, B. *Material genetic composition of Early Medieval (6–10 centuries AD) populations lived in the Cisand Trans-Urals and Volga-Kama regions / B. Szifert et al. // Материалы IV Международного Мадьярского симпозиума (Казань — Болгар, 15–19 октября 2018 г.)*. — 2018. — Вып. 6. Археология Евразийских степей. — С. 202–222.
546. Togan, Z. *Ibn Faḍlān's Reisebericht / Z. Togan*. — Nendeln ; Liechtenstein : Kraus Reprint, 1966. — 336 p.

547. Tschauner, H. Archaeological systematics and cultural evolution: retrieving the honor of culture history // *Man, New Series*. — 1994. — Vol. 29, № 1. — P. 77–93.
548. Türk, A. A magyar őstörténet és a szaltovói régészeti kultúrkör : PhD kézirat / A. Türk. — Szeged : Szegedi Tudományegyetem, 2011.
549. Türk, A. The new archaeological research design for early Hungarian history / A. Türk // *Hungarian Archaeology e-journal*. — 2012. — Summer. — P. 1–6.
550. Widengren, G. Mani and Manichaeism / G. Widengren. — London : Weidenfeld & Nicolson, 2001.
551. Wilk, R. Household archaeology / R. Wilk, W. Rathje // *American behavioral scientist*. — 1982. — Vol. 25, № 6. — P. 617–639.
552. Zelenkov, A. The modeling of cultural layers on settlements in the West Siberia / A. Zelenkov, E. Shibeko, Y. Tretyakov // *25th EAA Annual Meeting : Abstract book*. — Bern, 2019. — P. 341.
553. Zimonyi, I. Az iszlám és a középkori Kelet-Európa / I. Zimonyi // *Térítés — Megtérés. A világvallások terjedése Kelet-Európa népei között* / Szerk. L. Balogh, Sz. Kovács. — Budapest : Balassi Kiadó, 2009. — P. 11–28.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Матвеева Наталья Петровна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и мировой политики, заведующий научно-исследовательской лабораторией археологии и этнографии Тюменского государственного университета (Тюмень, ул. Володарского, 6).
E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0240-0561>

Зыков Алексей Павлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16).
E-mail: a.p.zykov@mail.ru

Зеленков Александр Сергеевич — младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории археологии и этнографии Тюменского государственного университета (Тюмень, ул. Володарского, 6).
E-mail: qvimen@hotmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-6257-119X>

Третьяков Евгений Алексеевич — младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории археологии и этнографии Тюменского государственного университета (Тюмень, ул. Володарского, 6).
E-mail: gor-tom@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6913-394X>

Багашев Анатолий Николаевич — доктор исторических наук, заведующий сектором физической антропологии, директор ФИЦ ТюмНЦ РАН (Тюмень, ул. Малыгина, 86).
E-mail: bagashev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2420-6276>

Пошехонова Ольга Евгеньевна — научный сотрудник сектора физической антропологии ФИЦ ТюмНЦ РАН (Тюмень, ул. Малыгина, 86).
E-mail: poshehonova.olg@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5081-4331>

Слепченко Сергей Михайлович — кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник сектора физической антропологии ФИЦ ТюмНЦ РАН (Тюмень, ул. Малыгина, 86).
E-mail: s_slepchenko@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9365-3849>

Алексеева Елена Алексеевна — младший научный сотрудник сектора физической антропологии ФИЦ ТюмНЦ РАН (Тюмень, ул. Малыгина, 86).
E-mail: alekseeva.elena.ae@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2936-2956>

Клима Ласло — доктор философии, старший научный сотрудник Института археологии Католического университета Петера Пазманя (Будапешт, ул. Сенткирайи, 28).
E-mail: fafeju.valdemar@gmail.com

Кулешов Вячеслав Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и мировой политики Тюменского государственного университета (Тюмень, ул. Володарского, 6).
E-mail: v.s.kuleshov@utmn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia P. Matveeva — Doctor of History, Professor, Head of Laboratory of Archaeology and Ethnography at the University of Tyumen (6 Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russian Federation).

E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0240-0561>

Alexey P. Zykov — Candidate of History, Senior Researcher of History and Archaeology Institute of Ural branch of RAS (16 Sofia Kovalevsky Str., Ekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: a.p.zykov@mail.ru

Alexander S. Zelenkov — Junior Researcher of Laboratory of Archaeology and Ethnography at the University of Tyumen (6 Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russian Federation).

E-mail: qvimen@hotmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-6257-119X>

Evgenii A. Tretyakov — Junior Researcher of Laboratory of Archaeology and Ethnography at the University of Tyumen (6 Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russian Federation).

E-mail: e.a.tretyakov@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6913-394X>

Anatoly N. Bagashev — Doctor of History, Head of Laboratory of Physical Anthropology, Director of the Tyumen Scientific Centre RAS (86 Malygina Str., Tyumen, 625026, Russian Federation).

E-mail: bagashev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2420-6276>

Olga E. Poshekhonova — Researcher of Laboratory of Physical Anthropology at the Tyumen Scientific Centre RAS (86 Malygina Str., Tyumen, 625026, Russian Federation).

E-mail: poshehonova.olg@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5081-4331>

Sergey M. Slepchenko — Candidate of Biology, Leader Researcher of Laboratory of Physical Anthropology at the Tyumen Scientific Centre RAS (86 Malygina Str., Tyumen, 625026, Russian Federation).

E-mail: s_slepchenko@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9365-3849>

Elena A. Alekseeva — Junior Researcher of Laboratory of Physical Anthropology at the Tyumen Scientific Centre RAS (86 Malygina Str., Tyumen, 625026, Russian Federation).

E-mail: alekseeva.elena.ae@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2936-2956>

Laslo Klima — Doctor of Philosophy, Senior Researcher of Institute of Archaeology at the Peter Pazman Catholic University (28 Sentkirayi Str., Budapest, Hungary).

E-mail: fafeju.valdemar@gmail.com

Vyacheslav S. Kuleshov — Candidate of History, Docent at the University of Tyumen (6 Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russian Federation).

E-mail: v.s.kuleshov@utmn.ru

Научное издание

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

Монография

Редактор	<i>Е. В. Панькина</i>
Верстка	<i>С. Ф. Обрядова</i>
Обложка	<i>Н. Ю. Раевская, Е. Г. Шмакова</i>
Печать	<i>А. В. Башкиров</i>

Подписано в печать 28.02.2022. Формат 75×90/16.
Усл. печ. л. 20,32. Тираж 300 экз. Заказ 71.

Издательство Тюменского государственного университета
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
Тел.: (3452) 59-75-34, 59-74-81
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru